Центр исследований политической культуры России

НА ПЕРЕЛОМАХ ЭПОХ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ИЗ МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ, СИМПОЗИУМОВ, «КРУГЛЫХ СТОЛОВ»

1989 – 2006

Москва
2006

ББК 66.2 (2Рос)
В18

Редакционно-издательский совет Центра исследований политической культуры России

С.И.Васильцов, К.Ф.Колесникова, В.К.Коломиец, Б.О.Комоцкий, С.П.Обухов,В.П.Пешков, Г.Н.Пирогов

Составители: **С.И.Васильцов, С.П.Обухов**

Авторы докладов: С.И.Васильцов, Ю.В.Емельянов, К.Ф.Колесникова, В.К.Коломиец, Б.О.Комоцкий, А.А.Королев, С.П.Обухов, В.П.Пешков, Е.Б.Шабарова и др.

В18

На переломах эпох. Политическая трансформация российского общества. Из материалов научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов». 1989-2006. – М.: ЦИПКР, изд-во «Русский летописец», 2006. – 372 с.

Предлагаемое издание материалов научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов», которые организовывались в 1989 – 2006 гг. Центром исследований политической культуры либо проводились при участии ЦИПКР, посвящено одному из направлений деятельности – изучению проблем российской общественной транзитологии.

ББК 66.0 (2Рос)

ISBN 5-93360-003-2 (978-5-93360-003-9)

На первой странице обложки: скифская бляха IV века до н.э. с изображением битвы тигра и орла

© С.И.Васильцов, С.П.Обухов, составители, 2006
© ЦИПКР, 2006
© Ю.П.Ляшук, оформление, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ ОБСТАНОВКИ И ПОДГОТОВКИ К ВЫБОРАМ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР. «Круглый стол» ЦИПКР в Секретариате Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР 23 декабря 1989 года 7

СПАСЕНИЕ – В ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. К РЕФЕРЕНДУМУ 17 МАРТА 1991 ГОДА. «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Московская правда» 16 февраля 1991 года 46

ПРЫЖОК В РЫНОК – ПРЫЖОК В ТЕМНОТУ. Симпозиум ЦИПКР и редакции газеты «Московская правда» 12 июля 1991 года 56

У КРИЗИСА НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО. «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Москвичка»: 1992, №10 65

ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ЕВРОПЫ. ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МОДЕЛИРОВАНИЕ И СЦЕНАРИИ ДЛЯ ЕВРОПЫ. Международная научно-практическая конференция. Гориция (Италия). 5-16 сентября 1994 года 71

ИМПЕРСКАЯ ДОМИНАНТА. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ. «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Мегаполис-Континент»: 1994, №44 77

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ, ИЛИ ИМПЕРСКАЯ ДОМИНАНТА – II. «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Россия» 11 января 1995 года 88

ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ СИНДРОМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. Симпозиум ЦИПКР и редакции международной газеты “Мегаполис-Континент” 20 апреля 1995 года 100

ЗАЧЕМ РОССИИ ПАРЛАМЕНТ? «Круглый стол» ЦИПКР и депутатской группы Госдумы «Новая региональная политика» 12 января 1996 года .. 106

РОССИЯ НА НОВОМ ПЕРЕПУТЬЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО СТРАНЫ. «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Советская Россия» 28 мая 1996 года 113

РОССИЙСКАЯ МОНАРХИЯ: ИСКУШЕНИЕ ВТОРОЕ. «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Советская Россия» 23 января 1997 года 126

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ФРАКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА. Научно-практическая конференция ЦИПКР: 1998 139

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Всероссийский симпозиум Института молодежи, Центра исследований политической культуры России, Центра политической и экономической истории РНИСиНП, кафедры истории Российского государства ИГУ и СИ МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедры истории МПГУ. Март 1999 года 157

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО И ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВ: ПАРТИИ И ВЫБОРЫ. Международная научно-практическая конференция. Вена: 21-22 апреля 1999 года 250

ИТОГИ ВЫБОРОВ 1999-2000 ГОДОВ И ПРОЦЕСС РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ. Семинар ЦИПКР 2001 года 277

НУЖНА ЛИ РОССИИ «ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ»: РЕФЕРЕНДУМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ. Симпозиум ЦИПКР 30 июля 2003 года 286

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПОСЛЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА 2003-2004 ГОДОВ. Семинар ЦИПКР: 2004 ... 327

У ИСХОДНОЙ ЧЕРТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ 2007-2008 ГОДОВ. Симпозиум ЦИПКР 17 октября 2006 года 339

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 371

ВВЕДЕНИЕ

За почти уже двадцатилетний период деятельности Центра исследований политической культуры России его коллективу, который весьма основательно (по разным причинам) обновлялся все эти годы, довелось принимать участие и организовывать научные мероприятия: конференции, семинары, «круглые столы», которые посвящались самым разным вопросам социально-политического и духовного развития сначала советского, а затем и российского общества.

Всего их, наверное, наберется с сотню. Были среди них и международные кворумы, и «мозговые штурмы» закрытого характера, материалы которых могут быть введены в интеллектуальный оборот только сегодня, по прошествии солидного отрезка времени, в качестве, скорее, аналитической ретроспекции, нежели материала, нацеливаемого на решение либо освещение конкретных текущих проблем.

Чрезвычайно широк был и сам круг обсуждавшихся вопросов. Он включал в себя и «чисто академические» на тот момент проблемы (некоторые, правда, превращались затем в настоящую политическую «злобу дня»), и вещи, так сказать, утилитарные, призванные решать задачи, которые ставил непосредственно политический процесс.

От вопросов самосознания русской нации до проблем кристаллизации социальной структуры постсоветского общества, от концепций электоральной работы политических партий до мирового опыта организации работы парламентариев – таков далеко не полный спектр тех научных и научно-практических мероприятий, в которых участвовал и проводил сам ЦИПКР.

В данной книге речь идет лишь об одном из возможных срезов этой деятельности – об участии Центра в исследовании проблем российской общественной транзитологии.

Как показала предварительная проработка данного проекта, даже этот пласт аналитической работы ЦИПКР за два минувших десятилетия слишком объемен, чтобы целиком «втиснуть» его в рамки одной книги.

Поэтому принцип ее построения таков: в тех случаях, когда материалы, отобранные для публикации, принадлежат конференциям и семинарам, которые проводил непосредственно ЦИПКР, они даются целиком.

Если же речь идет об участии отдельных сотрудников Центра в мероприятиях, организованных иными структурами, в книгу включались, как правило, только выступления представителей ЦИПКР.

В целом предлагаемая читателю книга – это еще и память о сотрудничестве со многими прекрасными профессионалами, которые иногда на очень короткий срок (скажем в рамках одного мероприятия. а порою на весьма долгое время) становились сотрудниками Центра или его соратниками, внося свой, как правило, очень интересный вклад в интелектуальные разработки ЦИПКР.

В ряде случаев предпринималась неизбежная при подготовке издания редактура материалов.

Однако в целом в книге сохранена оригинальность материалов, отражающая, помимо прочего, «дух» того времени, когда проводился тот или иной научный кворум. И который весьма ощутимо менялся на протяжении 20 лет, уже сам по себе отражая отдельные стадии российского общественно-политического транзита.

Д.и.н. С.И.Васильцов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ ОБСТАНОВКИ И ПОДГОТОВКИ К ВЫБОРАМ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

«Круглый стол» ЦИПКР в Секретариате Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. 23 декабря 1989 года

Участники «круглого стола»[1]:

Г.Н.ПИРОГОВ, кандидат исторических наук, руководитель Секретариата Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР;

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР);

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР**;**

К.Г.МЯЛО, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМРД АН СССР;

С.П.ОБУХОВ, научный консультант Международного отдела ЦК ВЛКСМ;

П.С.РОМАНОВ, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР;

Г.С.ШАХОВЦОВ, кандидат исторических наук, член Ученого совета ЦИПКР.

Г.Н.ПИРОГОВ. Уважаемые коллеги! Нынешний «круглый стол» посвящен анализу предвыборной обстановки в РСФСР. Хотелось бы, чтобы на проблему все участники взглянули шире, в контексте тех неоднозначных процессов, что протекают в различных республиках СССР. Очень важно оценить их влияние на политическую ситуацию в Российской Федерации

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Если говорить в целом о нашей политической культуре, а надвигающиеся выборы - это один из элементов политической культуры, своеобразный момент истины, то можно было бы высказать следующие предварительные соображения. Все мы, занимаясь этой проблемой, знаем точку зрения, которая бытовала даже не до перестройки, а всего года два-три назад. Мол, у нас существуют некие абсо-

[1] Здесь и далее место работы и должности, ученые степени участников даются на момент проведения конференции, симпозиума, семинара, «круглого стола».

лютные пассивность, замороженность, деструктурированное массовое сознание. Что у нас нет глубинной политической культуры. И в общем-то проблема реформы заключается в том, чтобы просто вбросить в массы некий набор лозунгов, сплотить неорганизованную и неструктурированную, пассивную массу, влить в нее энергию и повести в нужном направлении.

Но уже перестройка показала, что все это в значительной мере не так. Что не так? Пассивность была очень относительной, и малейшее нарушение административно-командной крышки, малейшие проблески элементарной гласности при всей ее односторонности выявили, что политическая культура существовала, развивалась в какой-то латентной, скрытой форме.

Примеров здесь можно найти много. Скажем, та же проблема исследования общественного мнения. Когда мы начинали известную вам работу, была точка зрения, что этим заниматься не нужно, поскольку это совершенно бесполезное дело, никто отвечать на вопросы не будет, люди запуганы, будут подгонять ответы под то, что прочитали в газете. Оказалось, что ничего подобного и близко нет. Если сравнивать с аналогичными ситуациями на Западе, скажем, с послевоенной Европой или более близким к нам испанским обществом после 1975 года, после смерти Франко, то увидим, что мы где-то на полголовы выше их по уровню активности, сознательности и смелости, что ли, массового сознания.

Это совершенно неожиданный результат. Той робости, страха, которые были там в грубых формах, у нас нет. Многие люди при анкетировании демонстративно пишут свои адреса. И мыслят совершенно нестандартно, иногда трудно увидеть попытку солидаризироваться с господствующей точкой зрения. Самое главное: выясняется, что массовое сознание - неизвестно каким образом - жестко структурировано, но не относительно той пропагандистской кампании, которая была, скажем, пятьдесят лет назад или тех экстремистских вещей, которые есть последние два года, хотя они влияют весьма сильно. Он живет, развивается по какому-то своему, строго заданному алгоритму, своей логике. И, с моей точки зрения, логика эта в наших решениях совершенно не учитывается. Может быть, потому, что нет какого-то адекватного инструмента анализа.

Это первый момент. Теперь второй. У нас на уровне политического сознания, и это - одна из характерных черт современной ситуации, действует пока колоссальный эмоциональный заряд. Массовое сознание подчинено чисто эмоциональному восприятию политики. В этом диалектический парадокс, ибо массовое сознание во многом не подчиняется даже тем ценностям, которые в него реально заложены.

Говоря иначе, уровни действия и сознания пока между собой в достаточной степени не сочетаются. До сих пор существует своеобразная эмоциональная "пена", в основном отрицательного характера и очень часто противоречащая тому, что заложено в самом массовом сознании. Пример - отношение к межрегиональной группе. Эмоционально лидерами здесь считают группу определенных товарищей, а когда начинаешь проверять у опрашиваемых их набор политических ценностей, то в большинстве случаев он оказывается диаметрально противоположным тем, которые отстаивают названные ими лидеры. Вот вам еще один парадокс.

Но, тем не менее, эмоциональная "пена" - основательная питательная среда для всех демагогических течений. Именно поэтому такие течения в значительной степени ведут политику не конструктивных диалога или критики, а постоянного взбивания эмоциональной "пены". Потому что исчезнет она, очистится в какой-то степени массовое сознание, начнется смыкание между объективно существующими ценностями и политическим действием - начнется элементарный политический процесс. У нас сейчас нет массового политического процесса, нас волочет по камням этим потоком. А у этих людей есть свой мозговой центр, есть специалисты и, видимо, они хорошо просчитывают ситуацию и очень хорошо реализуют свои намерения.

Следующая, на мой взгляд, специфическая черта современной ситуации, вытекающая из двух предшествующих, - это персоналистский характер массового сознания. У нас сейчас, как нигде в мире, восприятие политики идет через личность. Причем на это накладываются три момента. Это наша старая политическая российская традиция. Далее - однопартийная система в условиях кризиса партии, когда просто невозможен взгляд через партию, а те мелкие организации, которые претендуют на роль партии, так называемые неформальные движения, как показывают исследования, широкими слоями просто не воспринимаются. Мы пытались спрашивать об отношении к "Памяти" и ДС, которые, кажется, должны были в зубах навязнуть, но 50 процентов отвечают: мы не знаем, что это такое. То есть в Москве кипят страсти вокруг этого, а вся остальная необъятная Россия просто наблюдает. Иначе говоря, партийного ориентира пока быть не может – ни со стороны КПСС, ни со стороны неформалов. И, наконец, такой момент, который накладывается на ситуацию: мы имеем дело с общемировой тенденцией, общецивилизационным явлением - кризисом партии как специфического типа массовой организации, как политического субъекта действия.

Эти обстоятельства создают у нас колоссальный персоналистский момент. Отсюда та легкость, с которой возникают популистские хариз-

матизированные лидеры - будь то ельцинский случай или другие, которых много на региональном уровне. Совершенно очевидно, что они будут возникать, исчезать. Политическая борьба будет именно такой, нравится нам это или нет. Она будет восприниматься и протекать прежде всего как дуэль политических лидеров. И это надо учитывать. Ясно, однако, что и партия, и государственные институты, и силы, которые существуют в России и Союзе, к этому оказались не готовы.

По моему мнению, очень большую роль сыграло то, что Горбачев приобрел политическую харизму и на протяжении нескольких лет мог хоть как-то сдерживать центробежные тенденции - при всех понятных нам недостатках. На международной арене - то же самое. Есть опасная вещь, о которой мы знаем по опыту западных стран, которые прошли такой же путь, - из западной перестройки, когда высокая общественная устойчивость сохранялась за счет задействования фактора личности. Это давало многое - возможность вынести за скобки отсталые настроения, институты и прочее. Прямая связь «масса – лидер» быстро создавала обратную связь, и общество не тратило силы на преодоление завалов старых структур. Тот же Кракси в Италии, Суарес в Испании, который выволок на себе испанскую перестройку.

Но надо помнить, что трагедия харизматизированного лидера заключается в том, что, меняя своей деятельностью общество, он меняет ту базу, на которой держится его собственный авторитет. Это - диалектика. Как только он поменял - удачно или неудачно – общество, меняются база, объективные условия, на которых он держится. И он начинает терять свой имидж (как правило, это длится пять-семь лет, не больше) и возможность личным авторитетом координировать общественные структуры. К сожалению, этот личный фактор начинает себя у нас исчерпывать. Вещь - очень опасная. Это может нравиться или не нравиться, но от этого никуда не денешься. Это надо учитывать. Через какое-то время личностный фактор действовать перестанет. Как мы видим, прибалты уже на него не реагируют. Если вначале они расшаркивались перед генсеком, каждое его слово для них было приговором, то сейчас они просто нагло позволяют себе, как верно сказал Коган, не обращать на это внимания.

И наконец, последнее - национальная окрашенность политики. Все мы это знаем, много об этом говорим, и на этом нет смысла останавливаться. Кроме одного момента. С моей точки зрения - я не знаю, вольно это было или нет, стихийно, рассудочно или подсознательно, был ли здесь расчет, но концепция перестройки, даже с учетом национального момента (я надеюсь, он учитывался) строилась следующим образом.

По традиции российский центр страны будет неподвижен, стабилен. Восемнадцать имеющихся точек национальных конфликтов - это периферия. И пока в центре будет стабильно, можно решать периферийные проблемы. То есть была концепция очень устойчивого, стабильного ядра, по-хорошему или не по-хорошему стабильного. Так что решать будем периферийные вещи, и где-то в отдаленном будущем мы эти вещи решим, а там видно будет. Если зашевелятся в центре, то мы тут все тоже решим.

Но процесс затянулся. Эти пять-семь лет сыграли свою роль. Если бы все было решено за три года, активно, то, наверное, такая модель сработала бы. Ибо российская ситуация и правда была относительно стабильной. Но теперь мы наблюдаем тревожную с политической точки зрения картину. Я думаю, скоро выяснится, что все эти мелкие проблемы будут более или менее вторичными, а весь центр движения, выходящего за рамки, раскачивающего устои, начнет действовать на российской почве. Причем в условиях забвения российской проблемы это движение приобретет особенно бурный, сильный и весьма специфический характер. Отсюда несомненная запоздалость партийного решения на российском уровне. И по причине этой запоздалости оно будет подвергнуто сильным нападкам. Опять начнутся атаки на идею российского бюро.

Вот Гидаспов, судя по всему, пытается установить контроль хотя бы в Ленинграде, я так понимаю последний митинг там, если он к нему имеет отношение. Но события явно опережают организационную деятельность. И самое главное, по-моему: в наших российских партийных и государственных инстанциях нет целостной концепции взаимоотношения с активизирующимся национальным российским, в том числе русским, движением. И вот это крайне опасно. Давайте посмотрим, как меняются позиции той же ДС и прочих - московского Народного фронта и так далее. Все они вдруг начинают перекрашиваться в национальные цвета. Я уже не говорю о том, что ДС изначально уже задействовал старый российский флаг, окончательно испохабив его. Но ведь совершенно очевидно, что эти силы, еще немножечко сообразив, моментально перекрасятся из интернационалистских - нигилистских (в данном случае - в отношении российских проблем) в яростных сторонников и проповедников спасения России и т.п.

Перед нами крайне опасная тенденция.

П.С.РОМАНОВ. Я остановлюсь на проблеме национально-государственных интересов в условиях подготовки выборов. При этом буду постоянно иметь в виду, хотя и в уме, не называя конкретно, что национально-государственные интересы рассматриваются здесь не как не-

кая теоретическая конструкция. Речь о том, что эти интересы начали осознаваться нацией, чего раньше никогда не было.

В настоящее время проблема национально-государственных интересов – нечто иное, чем проблема интересов, которые реализовывались до последнего времени сменяющими друг друга политическим элитами. Результаты наших опросов показывают, что у российского общества есть очень четкие установки на то, что имеется некая неизменная, пришедшая из достаточно глубокой старины концепция этих интересов - в отношении и республик, с которыми Россия сейчас граничит, и стран, дальше от нее отстоящих. В чем сложность национально-государственных интересов в понимании наших респондентов? В том, что национально-государственные интересы ранее четко ассоциировались в концепции партийно-государственного аппарата, скажем так, с концепцией государства.

В этой связи сейчас встает проблема России в СССР. Несомненно, в том виде, в котором политическая система сложилась за последние 70 лет, она свой политический ресурс выработала - в плане деятельности и ее политических, и государственных структур. Как говорил здесь Сергей Иванович, все наши опросы показывают, что по показателям политической культуры произошел какой-то рывок. Здесь разрыв между стагнацией политической системы и определенной динамикой политической культуры, которая была в латентной, скрытой форме, а сейчас вырывается наружу. Если ранее интересы центра, центрально-государственных структур всегда (даже если где-то в глубине души они ставились под сомнение) принимались как таковые, то сейчас совершенно очевидно, что интересы СССР как интересы России не понимаются.

Почему это произошло? Тут я назвал бы две причины фундаментального характера. С одной стороны, объективные процессы в политической системе: введение Съезда народных депутатов и Верховного Совета в новой форме - разделили, расслоили эту структуру национально-государственных интересов. С другой – возникли совершенно новые, ранее не известные нам национальные формы выражения национально-государственных интересов в общественном мнении.

Политическое сознание, которое мы пытаемся вылущивать из наших опросов, его элементы, динамика - это не что иное, как отражение реального политического бытия. В свете этого надо признать, что интересы россиян - проблема не продуманная. И как же она выглядит, если препарировать данные наших опросов?

Назову несколько аспектов. Наиболее важный - проблема суверенитета России, которая красной линией идет с нарастанием по всем на-

шим опросам. Другой разрез - Россия и СССР. То есть Россия как политическая и экономическая структура отделяется от СССР. Здесь много разных составляющих. Россия в составе СССР и союзные республики вне ее – одна. Другая - Россия и автономные, все иные формирования внутри нее. Третий, очень важный, момент, который респонденты начали указывать только недавно, - это проблема ее международных интересов, которая ранее никогда не ставилась. То есть интересы России на международной арене и понимание того, что отчасти интересы СССР могут противоречить ее интересам.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мне кажется, что сейчас, конечно, очень трудно делать какие-то прогнозы, заключения. Мы имеем дело с классическим, бурно развивающимся кризисом, динамика которого может неожиданно опрокинуть все наши предположения. Тем не менее, именно сейчас нужен очень трезвый анализ, трезвый подход. Потому что иначе мы будем захлестнуты этими событиями, которые просто не будем в состоянии контролировать. Мне кажется, что сейчас в кризисе, который мы переживаем, возникла своеобразная ситуация. Тот факт, что с 1988 года в стране начались процессы, способствующие выходу на поверхность явлений общественного сознания, которые долго как-то скрывались (особенно это усилилось после выборов народных депутатов СССР и Съезда), в значительной степени благоприятствовал предотвращению такого развития событий, как в ГДР, Румынии. Многое уже вышло на поверхность, стало ясно. Более того, начался зримый откат от поддержки наиболее деструктивных, демагогических позиций. Надежды, которые возлагались на взрывной характер перемен людьми, просто уставшими от ожидания перемен и надеявшимися на их быстрое разрешение, я думаю, в известной степени угасли. И это не обязательно плохо.

Люди просто поняли, что если открыть дорогу демагогическим альтернативам, то ничего хорошего из этого не выйдет. Началась явная дискредитация новых кумиров, и здесь очень интересно отметить быстрый распад их влияния, который произошел между летом и зимой этого года.

Тем не менее, заметно, что у значительной части общественного мнения потеряны ясные ориентиры. Какой выбор? Старые кумиры, общественные структуры, которые навязывались сверху и воспринимались как руководство к действию, дискредитированы, альтернативные им варианты тоже в значительной степени теряют влияние. И не случайна та эволюция, которую претерпевают эти движения и о которой говорил Сергей Иванович.

Когда общаешься с аудиторией, то часто слышишь: мы голосовали и будем голосовать скорее не “за”, а “против”. Это очень характерно для настроений многих людей. Не случайно лидеры МГД уже говорят о том, что если будет установлен капитализм, то мы скатимся на уровень Бангладеш. От явной дискредитации космического комплекса они вдруг переходят к хозяйскому отношению к нему. Все эти перепады свидетельствуют, что, встав уже на позиции потенциального хозяина страны, они вынуждены отрекаться от резких высказываний.

При этом нигилистическая суть этих движений остается. Это видно по их программам. Я очень подробно разбирал программу московского Народного фронта. Характерно, что там преобладает деструктивное начало, нигилистическое отношение ко всему, что создано и существует. В качестве альтернативы предлагаются довольно-таки банальные капиталистические варианты: превращение министерств в какие-то новые монополии, потому что предполагается, что каждое предприятие будет само выбирать то министерство, куда пойдет, и создаст какой-то новый хозяйственный конгломерат. Говорится о восстановлении частной собственности, расширении контактов с международным рынком. Фактически социальные права становятся довольно укороченными. Исходят из реальной перспективы безработицы, роста квартплаты в условиях частной собственности на землю и т.д. Все это свидетельствует о том, что отношение к сложившейся экономической, социальной структуре у них в основном нигилистическое и предполагает восстановление каких-то досоциалистических порядков. И мне кажется, что наиболее ярко это проявляется в позиции по вопросам собственности, когда выдвигается (главным образом представителями национальных республик, автономий) идея передачи им в неотчуждаемую собственность земли, недр, шельфа и воздушного пространства. То есть говорится о превращении СССР в какой-то конгломерат удельных княжеств, государств, где каждый будет полностью самостоятельным: со своей валютой и прочее.

Представляется, что процесс политического кризиса, который приобрел затяжные формы, имеет известные плюсы. Хотя есть и минусы. Плюсы в том, что сейчас уже можно выдвигать в ответ на маячащую в сознании людей утопическую альтернативу - программу реалистической конструктивной альтернативы. Которая будет предусматривать защиту того, что имеется и совершенно необходимо для существования всех советских граждан. Это особенно остро чувствуется в национальных республиках, где реальна угроза превращения русскоязычного населения в людей второго сорта, а общесоюзной собственности - в соб-

ственность националистических сил. Мне кажется, что сейчас такие же проблемы могут возникнуть и внутри РСФСР, когда встанет вопрос об активном проникновении транснациональных корпораций, как это уже имеет место в ходе забастовочного движения шахтеров; против нарушения прав граждан в силу их растущего расслоения и т.д. Нужно очень четко заявить о защите прав советских граждан, живущих на тех территориях, которые собираются отделяться от Советского Союза, о защите его имущества. Внутри же СССР, который не собирается раскалываться, отделяться, нужно очень четко объявить о защите тех прав, которые имеют отдельные граждане, предприятия и т.д.

Необходимо проводить и тактику гибкого компромисса, соглашения, а не уступок, тактику увязок, позволяющую вести долгие переговоры, в ходе которых можно решать спорные вопросы. Сейчас мы стоим перед альтернативой: применить грубую силу, которая позволит подавить эти деструктивные движения, или отмахиваться и не замечать того, что происходит. Этому, видимо, надо противопоставлять тактику достаточно долгих, продолжительных, конструктивных переговоров, в ходе которых можно увязывать центробежные движения с центростремительными. А сейчас заметна явная тяга людей к поддержке самых разных движений. Они апеллируют или к каким-то историческим, вечным национальным ценностям, или к завоеваниям революции, тоже воспринимающимся как много давшие людям, которые нельзя быстро отбросить. Все это свидетельствует о стремлении сохранить то, что было. Страх перед растущей деструктивностью, без сомнения, надо использовать но в плане не сохранения статус-кво или отмахивания от этих деструктивных процессов, а для предложения новой альтернативы.

Тем более что наши противники выдвигают программы, явно направленные на возврат к очень архаичным формам политического мышления и политических структур. В Прибалтике совершенно явно речь идет о восстановлении фашистской идеологии, ибо применяется практика, когда людей нелитовского. нелатвийского, неэстонского происхождения пытаются поставить на наиболее отсталые профессии или добиться их выселения. Все это проявляется и в Грузии, и в ходе украинского националистического движения. Этому надо противопоставить здоровый конструктивизм, трезвый подход с гибкой реакцией. Давать бой за каждое предприятие, здание, за каждого человека. Вот что сейчас очень важно. А одни указы о том, что мы этого не признаем или игнорируем, - это уже неэффективно.

С.П.ОБУХОВ. Я согласен с тем, что у нас сейчас нет массового политического процесса, в том числе на молодежном уровне. Но растет прак-

тическое осознание своей субъектности, отдельности молодежи. “Мы” и “они” на молодежном уровне - деление тоже довольно заметное.

Молодежные проблемы, действительно, вторичны, но потом они будут первичными. Это наблюдается в Восточной Европе, где молодежь практически выступает детонатором социальных конфликтов. Объективно в российских выборах официальные молодежные структуры опять проиграют. В частности, в силу того, что наша организация занята сейчас внутренними проблемами: заканчиваются отчетно-выборные конференции, а регистрация депутатов, мы знаем, завершается в начале января. Иными словами, практически это - упущенный шанс, хотя, может быть, что-то здесь удастся подправить. И представительство в ближайшее время на местном и центральном уровне будет от молодежи минимальным.

Мы сейчас наблюдаем на уровне общества просто невосприятие молодежных проблем, общество занято другими проблемами, другими заботами. В Советах, если они будут иметь властные полномочия, эта инициатива тоже не будет представлена. То есть мы видим, что экономические и политические интересы молодежи будут опять на периферии общественной жизни. Наши официальные комсомольские и структуры неформальные (мы их тоже не очень высоко оцениваем) здесь не будут играть определяющей роли.

По мере ухудшения ситуации чувство недовольства молодежи (а это, как показывают серьезные исследования, социально наиболее незащищенная часть населения) будет принимать в основном стихийные формы. Как это предотвратить, рецептов нет. Но ясно, что такая тенденция развивается у нас один к одному, как в Восточной Европе, идем тем же путем, последовательно повторяя те же ошибки. Тут разные обстоятельства накладывают отпечаток.

В комсомоле раньше, чем в других структурах, появилась идея создания российского органа. Здесь, может быть, сказался тот факт, что руководство его - не из России, что руководители многих подразделений тоже приехали из Киева, что, кстати, было одним из поводов для дискуссии на пленуме ЦК ВЛКСМ.

Идея российской организации получила широкую поддержку в верхнем слое комсомольских функционеров. Мы провели весьма представительный опрос, опрашивали экспертов, высший комсомольский слой страны. Получили ответы из всех республик, за исключением Грузии и Эстонии, но они традиционно не отвечают на опросы. Из 493 опрошенных ответили 162 (кстати, ошибочный принцип формирования высших органов в соответствии с жестко установленной социальной структурой

помогает подобным исследованиям). Только треть из них понимает сейчас, куда нужно идти, куда «кидаться». Однако около 70 процентов твердо уверены, что должна быть российская структура - для выражения российских интересов. Но любопытный разброс. Против - Средняя Азия, Закавказье и часть России. Наверное, это можно интерпретировать по-разному.

Какие взгляды высказываются по этому вопросу в ходе проходящих сейчас отчетов и выборов? Идет размежевание по регионам. Причем во всех российских оргкомитетах представители автономных республик, в частности, Татария, усиленно выступают против этой идеи. Выдвигаются разные соображения, но думаю, больше всего здесь конъюнктуры.

Неопределенное отношение и в центре. Договариваются о каких-то компромиссных вариантах, хотя довольно сильная поддержка этой идее в Сибири и на Дальнем Востоке, отчасти в Нечерноземье. Говорится и о том, что это будет просто согласительная структура. Посмотрим, как будут развиваться события. 15 февраля съезд комсомола.

Все наши оппоненты благополучно используют комсомольские структуры для отработки своих накатанных вариантов. Блестящий пример - Литва. Там навязана дискуссия о самостоятельности литовского комсомола, вроде обсуждается идея о разделе двух союзов. Мы подумали, что это не совсем от партии исходит, в «большом доме» тоже думали, что это не оттуда. Предполагали как-то найти компромисс. А за это время была распродана вся комсомольская собственность: пока управление делами приехало, делить уже было нечего.

В проведенном накануне опросе за литовский самостоятельный комсомол высказывалось 30 процентов, за оставление в составе ВЛКСМ - 14-18, причем не только русских. Время было потеряно, ситуация развивалась, сейчас зарегистрировались на вхождение в состав ВЛКСМ 400 человек. Промедление, действительно, смерти подобно в данной ситуации. Думаю, что если опробовать на молодежном уровне все те идеи, которые готовятся для внедрения на российском уровне, то это поможет и, с другой стороны, даст какой-то эффект. На молодежном уровне сейчас нужно использовать эмоциональную “пену”, которая есть. Мы же этого не делаем, что еще раз говорит о несамостоятельности комсомола и т.д.

Что касается альтернативных структур, то недавно на общем собрании Комитета молодежных организаций, которое замышлялось как форум новых молодежных структур, те, кто там были, смогли представить лишь жалкую копию «взрослого» уровня.

Я согласен с мыслью о том, что в итоге зреет какая-то третья сила, в том числе и на молодежном уровне, которая может потом стихийно, не оформившись, дать свой всплеск. Рассчитывать, что наши официальные молодежные структуры могут как-то сдержать тенденции, учитывая, что общество не ориентируется на молодежные проблемы, нельзя. Когда произойдет взрыв, тогда трудно будет говорить.

Из комсомола вышли 10 миллионов человек, осталось 32 миллиона. Кстати, когда эстонский комсомол принял решение приостановить прием, пока не решена его судьба - то ли отделяться, то ли строить отношения с ВЛКСМ на договорах и т.п. - массы повалили вступать в комсомол. Именно русские школьники, для них это была форма идентификации с Советским Союзом, форма протеста против негативных явлений. Но опять же мы этого не используем, только наблюдаем.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мне кажется, здесь очень важен еще один момент. Сейчас мы лишены возможности достаточно широко, и не односторонне, информировать общественное мнение о происходящих процессах. Практически подчеркиваем пользу только курса на перемены, в известной степени перестройка возведена в самоцель. Это представляется по сути неверным, потому что любая перемена должна иметь цель, какие-то пределы в ту или другую сторону. И, без сомнения, просто культивировать сам процесс перемен - значит сделать его неконтролируемым. Сейчас, как никогда, важно информировать общественное мнение страны. Принимая позицию разумной конструктивной альтернативы, мы должны постоянно сбивать поднявшуюся пену разоблачением несостоятельности демагогии. Скажем, появляется версия о событиях в Тбилиси, она становится уже хрестоматийной в общественном сознании, его большая часть загипнотизирована образами солдат, которые разгоняют мирную толпу. И вот появляется репортаж следователей, которые очень основательно, на базе высокой юридической компетентности и тщательного анализа разбивают эту версию. Но делают большую ошибку, начав давать здесь политические оценки.

Надо принимать позу того зануды-чиновника из романа “Подросток”, который разбивал все политические анекдоты своего друга. Он начинал выяснять, где это было, когда, при каких обстоятельствах. И рассказ о Николае I, который приказал убрать камень, разбивается в прах, потому что оказывается: камень стоит на месте. Скажем, часть нашей интеллигенции загипнотизирована романом Гранина “Зубр”. Это вызвало не только уважением к Тимофееву-Ресовскому, допустим, достойному человеку, по крайнем мере, как ученому. Но появляется маленькая статья, опубликованная петитом в журнале “Наш современ-

ник", где говорится о том, что ему было отказано в реабилитации потому, что он не только работал на военную машину Третьего рейха, но был осведомлен об опытах над людьми, и вообще очень близок к образу Менгеле, а кто об этом знает? Исторические фальсификации...

Мне пришлось выступать в Литве, и когда я говорил, что у депортации была другая сторона, исторический контекст: 40-й год, паника во всем мире, гражданская война в Литве, как в любой другой стране, неизбежно сопровождалась такими эксцессами - меня спокойно воспринимали даже сторонники "Саюдюса", потому что этому трудно что-то противопоставить. Но когда работает только одна версия, а с трибуны Съезда заявляют, что ни одна республика так не пострадала, даже Советский Союз не пострадал так, как Литва, от депортации, то это создает совершенно другой образ. Видимо, нужны постоянные, очень настойчивые усилия по разоблачению демагогии и широкая информация об этом.

Вторая вещь. Культивируется идея перемен, но я считаю, что никоим образом не надо культивировать идею статус-кво, но в то же время постоянно информируя об опасности любых перемен. Здесь и опыт нашей революции, и то, что сейчас происходит. Если бы наша общественность знала, что за прописку в Клайпеде русский человек должен платить 9 тысяч рублей, а люди, живущие в прибалтийских республиках, постоянно подвергаются психологическому давлению, когда у них бьют стекла, избивают самих за то, что они не могут ответить на местном языке, очевидно, это могло бы в известной степени сдерживать такие деструктивные движения и показывать, куда это может повести. Если этому придать не паническую форму, а спокойную, рассудительную, противопоставлять этому разумный подход, призывы к сдержанности, наконец, информировать о юридических альтернативах идеям захвата, отделения и т.д. Стоимостные анализы, юридические анализы, социально-психологические анализы таких "революционных решений" и широкое информирование об этом в известной степени способствовали бы взращиванию здоровых настроений, которые в общем-то есть среди того "молчаливого большинства", которое не выходит на митинги, не участвует в общественной жизни так активно, но от которого очень многое зависит.

Иными словами, главное – информационный вопрос, прежде всего на телевидении. "Время" используется сейчас для очень односторонней трактовки событий, когда сессия Верховного Совета РСФСР подается как пример старомодной политической машины, и этому противопоставляется творческая деятельность Верховного Совета СССР (материалы Фларковского). Или когда беседы с молдавскими депутатами

намного перевешивают материалы с критикой позиции Прибалтики, которая звучала в выступлении Когана и других. То есть материал, который показывает иную сторону революционных событий, игнорируется. Пока мы не завоюем "Время", пока у нас не будет альтернативы ему, или газеты, равной по влиянию центральным, очень трудно пропагандировать идеи, которые могут способствовать конструктивной общественной стабилизации.

Г.С.ШАХОВЦОВ. У меня нет таких данных опросов, которые здесь приводились. Поэтому попытаюсь посмотреть на проблему с другой стороны, вглядываясь в ситуацию у наших социалистических соседей, обратив особое внимание на Венгрию. Не только потому, что близко ее знаю, но и потому, что на фоне всех изменений она вдруг оказалась островком стабильности, особенно если брать внешние проявления. И если наложить ее на нашу ситуацию, то возникают следующие мысли.

Конечно, надо принять во внимание, что, естественно, у нас разные политические культуры. Тем не менее, есть масса очень схожих моментов. Здесь говорилось, что у нас нет массового политического процесса. Но в принципе такой процесс возникает в разных странах во времена кризисов, и у нас ситуация такая. Кризис у нас развивается скачкообразно, происходит процесс соединения его с массовым сознанием. Я специально походил по некоторым московским клубам избирателей, стараясь попасть туда, где это проводилось спонтанно, снизу. К чему же стремятся эти люди, чего хотят?

Получается парадоксальная картина. Люди стремятся к выдвижению своих кандидатов, но у них нет своей политической программы, даже представлений о том, что это такое. Я стал смотреть, зачем же люди ходят на эти собрания. Все, что они хотят, это - гарантии социальной, политической, экономической стабильности. И когда они начинают думать об этом, возвращаются российские политические идеи еще прошлого века. Так и видишь: остались народники, почвенники, западники, славянофилы. Если людей очистить от словесной шелухи, все они в них сидят. Потому что, если вдуматься, и вся коммунистическая идеология в итоге все это в себе несет - под другими названиями, словами. Сейчас все это проходит своеобразное очищение. И возвращается очень часто к некоторым первоначальным истокам.

Отсюда то, что я бы назвал "детской болезнью нигилизма", в том смысле, что она растет на фоне кризисного состояния, когда идут голосовать «против» чего-то. А почему? Нет концепции. И вывод, обязательный для тех, кто хочет сохранить стабильность, - концептуальность политики. На что обращают внимание пенсионеры, старушки? Когда-то их интересо-

вали талоны на сахар, а сейчас они говорят: товарищ Абалкин в своей статье...

У нас есть экономическая концепция, к сожалению, большая часть ее в материалах ДСП. А что говорится в статье М.С.Горбачева? Идет статья на две с половиной страницы. Но неужели на уровне обыденного политического сознания человек в состоянии это переварить? То же самое - доклад Рыжкова. Выступают экономисты и говорят: мы прочитали доклад Рыжкова, увидели в нем то-то и то-то. А простой человек, прочитав его даже полностью, может что-то увидеть, кроме цифр? Нет. Зато яйца, о которых говорил Попов, действуют своей продовольственной реальностью. И это - аргумент! Цифры легко посчитать. А высмотреть в них концепцию - очень сложно.

Обратимся к венгерскому опыту. У них была своеобразная и правильная практика: концепции излагались руководством на 10-12 страницах, не больше, но это концепция всей, как мы сказали бы сейчас, перестройки. Никаких цифр: хотим достичь того-то в экономике многоукладности, где сохранится решающая роль за социалистическим сектором, и все! Под это уже можно работать. Вот спекулируют сейчас на введении капитализма - от XIX века до сверхгосмонополизма. Все это в выступлениях наших руководителей есть, но не так четко. И это как раз нагоняет "пену". Сейчас у нас, скажем, на докладе Рыжкова можно спекулировать в любую сторону, как и делают все. Один взял кусочек, другой - и начали драться между собой. Кому польза, кому вред - это уже иной вопрос. Надо учитывать, что в нашей социально-экономической ситуации любой конфликт приобретает политический характер (не завезли стирального порошка, не «отоваривают» талоны - политический характер, говорит Невзоров в Ленинграде про чай - и это принимает политический характер).

Среди русского населения идет возвращение к мессианской идее России. Не буду рассуждать, хорошо это или плохо, но это возможно использовать в целях как развала Союза, так и его объединения. И опять-таки объединения в том случае, если эти идеи будут изложены концептуально и на высоком уровне. Наше руководство опасается излагать концептуально, боясь, вдруг что-то не будет выполнено. Но ведь эта концептуальность не та, где нужно оперировать конкретными цифрами, датами и т.д. Именно в такой форме процесс перемен получает очень выгодное для пропаганды реальное выражение. Вот мы высказали концепцию. Проходит год-два, вносим в нее изменения в связи с тем-то и тем-то. Получается стабильность в процессе изменений. Это, по-моему, самое главное.

В концепции наших отношений с социалистическими странами надо где-то осторожно заявить, что у нас расхождения с ними усилятся, не разногласия, а именно расхождения между путями развития. У нас об этом говорят, вспоминая положения об особенностях национальных путей развития и т.п. Если отбросить шелуху, это правильно, но старый социологический штамп, сразу возникает к нему негативное отношение, видят в этом возврат к старому, чего все хотели бы как раз избежать.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мне кажется, что, помимо концепции гласности, нужно ввести понятие ясности. Меня поразило одно выступление депутата на заседании Верховного Совета при утверждении кандидатуры Крючкова. Он сказал, что впервые услышал так много и так открыто про Комитет госбезопасности. Хотя, откровенно говоря, я ничего нового не услышал. Но говорилось все в очень доверительной форме, понятным человеческим языком, выступал человек, который производил впечатление профессионала, хорошо владеющего материалом, и впервые в сознание вдруг внедрилось, что наконец сказана правда, хотя нового он ничего не сказал. Вот что значит форма - ясная, четкая, понятная, человеческая.

Г.С.ШАХОВЦОВ. То же самое идет на уровне избирательных собраний. Лидеры появляются маленькие, на час-два или надолго, именно за счет обращения к народу с более или менее четко выраженной программой. На моих глазах вырос лидер, который поднялся на программе восстановления Кузьминского парка. В Волгоградском районе победил кандидат с небольшим преимуществом, программа которого отличалась от программы оппонента только тем, что в ней был этот пункт. Сработали конкретность, четкость, ясность программы. Конечно, когда речь идет о стране или республике, в программе нет нужды вдаваться в подробности. Но она должна быть доступна, понимаема на любом уровне. Только тогда можно завоевать избирателей, политическое сознание.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Я хотел бы солидаризироваться с Юрием Васильевичем относительно необходимости настоящего, протяженного диалога, который позволял бы выяснять взаимоотношения. В этой связи позволю себе высказать еще одно дополнительное соображение. Специфика момента в том, что диалог по-старому вести нельзя. В старом понимании он как диалог двух руководств между собой уже невозможен. Сейчас обязательно, чтобы за их спиной была достаточно организованная массовая сила. Причем неформально организованная.

Мы уже перешли на тот виток развития, когда очень многое решают консенсус и общественное мнение за спиной, как это ни странно. Мы за год проскочили ситуацию, на которую иногда требуются десятилетия и

века, чтобы уяснить значимость такой моральной поддержки. Я думаю, что сейчас многие неуспехи центрального руководства в отношении Прибалтики заключаются в том, что это отношения хорошо организованного и массовито организованного меньшинства, абсолютного, микроскопического, но сбитого в кулак, и гиганта, у которого организована только передняя линия, амальгамированный слой руководства и который внутри практически пуст…

К.Г.МЯЛО. Более того, который просто срезал возможности глубокого эшелонирования, которое вполне было реально.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Безусловно. Поэтому такой диалог никакой пользы не принесет. Сейчас его вести совершенно бесполезно, будет опять то же самое. Уверения, заверения, предложения, на которые там, извините, плюнут, а здесь не будет сил, чтобы это поддержать. Если бы, скажем, заявление по Прибалтике было поддержано серией народных демонстраций и митингов, в которых участвовало бы вдвое больше людей, чем население республик, к которым обращаются, к нему отнеслись бы иначе.

Второе. Относительно Прибалтики. Вот просто личное, для обдумывания, соображение. Давайте посмотрим, что мы имеем по феномену проявления этой ситуации. Практический отказ от демократизации на республиканском уровне. Под предлогом плюрализации жесточайшая централизация. Дальше. Под видом демократизации диктат практически одной организации. Идеологически диктат “Саюдиса”, а кроме него – ничего. Они съели партию, изнутри ее «прорастили» и, так сказать, высосали.

Что мы видим дальше? Появляются законы, которые иначе как законы о чистоте расы назвать нельзя. О смешанных браках, гражданстве и т.д. И наконец, последнее, это усиление карательных функций. Врагу местного народа – смертная казнь.

Если посмотреть на эти четыре-пять моментов - что они нам напоминают? Отказ от плюрализации, диктат одной организации, усиление карательных функций, закон о чистоте расы. Нравится нам это или нет, мы должны сказать, что на некоторых окраинах наблюдаем процесс их фашизации. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Мы помним, что их хваленый демократический опыт – это 18-летний опыт создания фашизоидных государственных структур, которые сейчас прославляются. Это все надо принимать во внимание.

Вспомним, что все эти элементы сейчас в мировой культуре процветают, идет свертывание демократических структур на Западе, что там вовсе не апология многопартийности, как нам вдалбливают в голову, а противоположный процесс, что в массовом сознании идея свертывания многопартийности господствует. Причем в тех странах, которые мы

считаем эталонами многопартийности, - Италии, Испании, ФРГ. Мы же уснули, считая что ничего страшного в этом мире происходить не может. Пора бы и пробудиться.

И теперь относительно идеи изменения формы и содержания наших программных документов. Я ее полностью поддерживаю. Любая платформа в той форме, в какой она у нас сейчас выходит ("Платформа московской партийной организации перед выборами"), читаться никем не будет. Надо отказаться от этой заунывной практики подачи материала, это полная смерть.

Почему бы не сформулировать программу возрождения России и в таком виде в качестве предвыборного блока - пусть не формального, пусть морально-политического, от Совета Министров или Президиума Верховного Совета, не обязательно от партии - и с этим делом выступить. Ведь сейчас уже все самое страшное сказано. О неэквивалентности обмена между союзными республиками и РСФСР, только надо выверить эти цифры - тут могли быть натяжки, - провести их экспертизу. Какие-то другие моменты. Затем все эти национальные вопросы, кто с чем выступает. Или это решат центральные российские инстанции, или будут решать самопально неформальные организации, которые за это возьмутся. То же касается восстановления храмов, переименования городов и прочих вещей. Все это будет тлеть. А то комиссия по топомимике ничего, кроме одного города, не переименовала, все это утонуло. А у нас идут анкеты из Калинина, где все пишут "Тверь", и т.д.

Но если все это уже существует как политическая реальность, это ведь можно взять в программу. Тем самым отсечь и экстремистскую часть, и вместе с тем подгрести эти проблемы под себя. Это был бы очень хороший выход, очень хорошая альтернатива. Даже не от политических инстанций, а от государственной инстанции, авторитет которой, как все признают, будет расти.

Или, например, идея исторического национального примирения. Не хочу давать оценку, я не знаю, как из этого выйти, надо думать. Но когда семь тысяч опрошенных через "Родину" действуют по принципу: красное - это белое, а белое - это красное, когда оказывается, что вся эта вроде бы забытая проблематика вдруг вспыхнула, и сейчас на этой гражданской войне опять обкатывается идея гражданского конфликта, вопрос сей приобретает необыкновенный вес. Так было не только у нас, но и в Испании во время перестройки; в Польше; во всей Восточной Европе. Слава богу, что пока некоторые товарищи и господа этого явления не ущучили, они просто не знают, что оно существует, но мы-то знаем. Надо это как-то перехватить, дать этому свою трактовку.

Но надо это сделать красиво. Например, 70 процентов опрашиваемых взволнованно пишут о царской семье. Говорится, что ее гибель - преступление, особенно в отношении детей. Надписи все время идут на анкете. Это же громадная возможность для политических маневров. Я не говорю - для спекуляций, боже упаси. Но если это существует, лучше самим данную проблему взять и подавать от себя. Горбачев начал это в связи с визитом Елизаветы, перезахоронением и так далее, но все это утопили. А надо сделать это пристойно, от государственных и общественных структур. Это то самое политическое действие, к которому партия сама себя призывает.

Нравится или нет, но это надо использовать. Это дает возможность разговора с забубенными уже слоями нашего населения, ненавидящими все и вся. Это даст какой-то контакт. Ведь все - люди с высшим образованием, члены КПСС, беспартийные, токари, пекари, военные, бог весть кто - члены "Памяти", "Саюдиса", "Мемориала", ДС, общества протопопа Аввакума, о котором я никогда не слышал, - говорят буквально одно и то же.

П.С.РОМАНОВ. Какой-никакой, но стержень. В самом деле, то, о чем говорил Геннадий Степанович: отсутствие ясности и аккуратности, - это то, что мы прослеживаем и в политике Ярузельского 80-х годов, в политике без какого-либо стержня. То есть политика резиновая, доводящая до того, что стержень пытаются заменить лидером, а это не работает в политике. Государство рушится, а на его месте ничего не возникает. Иначе говоря, мы бурно подходим к той точке, которую Польша пережила где-то в 1983 году. Мы загнали кризис внутрь и в ближайшее время не избавимся от него.

И вот та проблема, о которой сказал Геннадий Степанович, - социальных гарантий. 70 лет нам вбивали в голову, что государство - это добрый отец, который всех накормит, и вдруг эти гарантии снимаются. В этом случае перестает работать сама политическая идея, которая оформляла эти социальные гарантии, она уже рухнула, ее уже ничем не восстановить. И что получается? Партия как сила, выходящая на выборы, если она будет в партийном оформлении, не сможет противостоять тем силам, которые экономическую или национальную концепцию сформулируют. У них есть стержень, у партии никакого стержня не остается, она не предлагает ничего. И в этом смысле сейчас очень важен на российском уровне выход государственных структур. Они в общественном сознании представлены сейчас только центральными органами. То есть необходима срочная проработка концепции разделения властей и, возможно, формирование новых государственных структур на всех уровнях власти.

Я думаю, что это могло бы сработать. То есть не хилые исполкомы, которые везде начинают сами работать на себя, а некая новая стержневая структура. Может быть, институт генерал-губернаторов, образно говоря. Иными словами, реальная новая концепция государственности, которая бы прошла через все структуры интересов, о которых я говорил. Это дает представление обществу, что российская государственность сохранится, а это и есть реализация социальных гарантий. Это, несомненно, стабилизирующий момент.

Г.С.ШАХОВЦОВ. Программа национального возрождения должна быть из пунктов, которые всем понятны. Это как в психологии, как у Карнеги: "Заставьте своего собеседника на первый вопрос ответить "да". Так и здесь. Вы сразу даете то, что явно будет принято, и диалог идет на положительных эмоциях. А сейчас они играют колоссальную роль. Если вы сразу вызываете положительную эмоцию, то затем вся социальная программа воспринимается совсем по-другому, нет негативного отпора любому документу, исходящему сверху. То есть должен быть хотя бы один документ, который будет принят безоговорочно и с удовольствием. Это чисто тактический ход, он сейчас просто необходим.

П.С.РОМАНОВ. Речь идет о программе выживания нации не на уровне того, что поляки называют "существованием", а как действительно великой нации. И это заставляет нас сформулировать отношение к автономиям, которые есть в составе России, и к тому, что нас окружает. То есть четко поставить вопрос, что такое Россия в Советском Союзе. Не преувеличивая его до тех крайностей, как это бывает иногда на Съезде, когда все подается совершенно необоснованно, и тем самым губится сама идея.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Рискую повториться, но мне кажется, что в плане показа опасности дестабилизирующих процессов важна не только достаточно подробная информация о том, что происходит в Прибалтике, Закавказье. Еще здесь может играть свою роль момент оскорбленного национального самолюбия, который, конечно, очень опасен, если его разбудить. Но важно показать, что виноват не народ - литовский, эстонский или латышский - ни с одним народом Русь не жила так долго и постоянно, как с ними, всегда добрососедствуя. Виновны вот эти новые структуры, которые требуют 9 тысяч рублей за прописку у каждого русского. Которые создают невыносимые условия в области здравоохранения - а есть уже вопиющие случаи в Литве, когда пожилые русские стали жертвами плохого медицинского обслуживания или им отказывали в таковом на почве национальной дискриминации. Проявляется она и в области образования, о чем я говорил. Все эти моменты в

любой стране всегда вызывали реакцию национального сплочения. Какого-то американца в Марокко похищают в 1912 году, правда, потом выясняется, что он не американский гражданин, - и нация объединена.

Сейчас в Ленинграде многие такие тенденции к сплочению возникли именно за счет постоянной агитации интерфронтов, которые в силу близости Ленинграда постоянно туда прибывали. Может сыграть большую роль, что русских дискриминируют эти новые структуры, которые являются союзниками тех же сил, которые дестабилизируют обстановку и внутри Москвы, и внутри РСФСР. Связь эта очевидна, и это вызовет не столько взрыв антилитовских, антиэстонских настроений, сколько отвращение к этим дестабилизирующим силам. Но для этого нужна очень подробная и яркая информация…

П.С.РОМАНОВ. Я вас перебью, только два слова, если можно. Помните, когда я в июле приехал из отпуска, то в статье для "Советской России" написал, что тогда еще можно было сделать очень простую вещь. Сейчас ее можно повторить, потому что ситуация на другом витке во многом повторилась. Показать телевизионные передачи "Саюдиса" и, соответственно, «фронтов» - и больше ничего не нужно. Разве что дать после этого комментарий Костомарова по русским и полякам. Там есть просто великолепная раскладка по нациям, которые существуют, борются, но живут рядом. Кстати, "Советская Россия" решительно отказалась опубликовать это.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Хочу сказать на ту же тему. Весной этого года Петр Сергеевич, я в этом уже принимал пассивное участие, мы добыли опрос, который "Саюдис" проводил для себя по первым выборам. И хотели отрывки из него опубликовать. Но никто не взял. А опрос показывал одну конкретную вещь: несмотря на все крики об отделении, правда, тогда это называлось "полный суверенитет" или что-то такое, за это выступало всего 30 процентов самого литовского населения, поддерживаемых в основном творческой интеллигенцией и еще группами чиновников. Если бы диалог или полемика велись с этих позиций, можно было бы показать, что народ в общем-то этого не хочет, что его кнутом гонят к этому решению, запугиванием, информационным нажимом, и наверное, ситуация была бы сегодня совершенно иной.

Впрочем, как и во многих других вопросах. Скажем, говорилось много о Тбилиси, а наши массовые опросы показывают, что вину только на армию практически никто не возлагает, крайне низкий процент опрошенных. То есть этот нажим, кроме узкого слоя московской интеллигенции и некоторых рядом, дальше не идет. Но нам-то это выдается за общественное мнение всей страны. Товарищи сами провозглашают,

сами обсуждают, сами себе приписывают полномочия общественного мнения, а потом выдают общественному мнению как его собственную точку зрения. Это пустяковая вещь, с которой для социотехники бороться-то ничего не стоит. А борьбы-то и нет…

К.Г.МЯЛО. Мне приходится подключаться к беседе в ее середине, я не совсем представляю, о чем шла речь перед этим. В любом случае всегда крайне важно не приуменьшать сложности предстоящего дела. И хотя я в очередной раз буду рисковать заслужить имидж “алармиста”, все же позволю себе сказать, как я вижу ситуацию. Сейчас она не может рассматриваться без учета трех основных определяющих. Первое - глубочайший кризис консенсуса внутри страны, он реально не существует в той форме, в какой был раньше. Второе - размах процессов в Восточной Европе, уже идет уровень геополитики, и не включать это невозможно: процесс развернулся от Пекина до Праги и теперь до Бухареста, в ближайшее время будет идти по нарастающей. Третье - усиливающаяся конфликтность и поляризация социально-политических интересов и векторов внутри страны.

Как мне представляется, сейчас процесс, развернувшись на периферии, в республиках и выплеснувшись даже за пределы страны, по закону волн идет обратно в тот центр, из которого вышел. То есть эпицентром становится Россия, процесс выплескивается в Россию, что сразу десятикратно увеличивает его масштабы - в силу того места, которое Россия занимает в этом государстве, в силу ее многоэтничности, где любые противоречия оказываются погруженными сразу во множество межэтнических сред. И, на мой взгляд, в особенности, хотя это мало пока просчитывается, Россия , как никакая другая республика, становится эпицентром мощного социального конфликта, который уже сейчас обнаруживает себя в формах конфликта межрегиональных групп и ОФТ.

Конфликт, который не читаем вне геополитики, но о котором у нас по-настоящему мало говорят. Суть его в том, что Россия, как никакая другая республика, за исключением Украины, которая приближается к ней в этом отношении, была «переработана» на индустриализацию. Крестьянство дважды разрушено, пропущено через эту мясорубку, что обернулось, в частности, колоссальным разбросом русских по стране. При этом русское население везде образовало костяк индустриального рабочего класса.

Переход из индустриального в постиндустриальное общество, в то, что уже произошло на Западе. Это показывает, что основной социальный слой, по которому это бьет достаточно больно, - индустриальные рабочие. Как мне представляется, смутное ощущение этого уже присутству-

ет. Определенный пакет законов, принятых в Прибалтике, на этом и стоит. В них как бы говорится, что такое количество ИТР и рабочих не нужно, их надо каким-то образом вытеснить. И то, что это этнически чуждая группа, безумно облегчает всю задачу. Ее только нужно идеологически оформить.

Естественно, как и у всякого социального слоя, который оказывается под ударом грядущих катаклизмов, это стимулирует и готовность сопротивляться. Вопрос только в том, в каких формах реализуется это сопротивление. Существует несколько вариантов, которые, как мне кажется, нужно очень тщательно просматривать. Тот вариант, который наметился и разворачивается сейчас, это вариант фундаменталистского "красного социализма". Его не нужно недооценивать, списывать, как это пытаются сделать межрегиональщики. Это их слабость, ею нужно воспользоваться и обыграть. Межрегиональщики заявляют, что это все - аппаратные игры и т.п. Но есть реальная социальная почва для этого конфликта. Есть класс, социальная группа, которая находится под ударом и, естественно, будет сопротивляться. Это будет сейчас определять и развитие ситуации в России. Во-первых, в той или иной форме будет происходить отлив русскоязычного населения из республик. Во-вторых, это будет влиять на формирование настроений в РСФСР. В-третьих, определяя для себя политику такого перехода, Россия должна как-то решать вопрос о месте и социальных функциях индустриальных рабочих.

Поэтому, как мне кажется, серьезность ситуации заключается в том, что, действительно, существуют социальные группы с разнонаправленными интересами. И в этой ситуации нужно определяться. Я беру здесь не "совбуров", о которых говорит ОФТ, или "теневую экономику", потому что там как раз все ясно, а тот слой, который делает погоду в движениях Восточной Европы. Это он образует поле межрегиональной группы, то есть интеллигенцию, большая часть которой не за страх, а за совесть участвует в движении. Здесь есть определенная фигура заблуждения, которую нужно рассеять. Задача состоит в том, чтобы опять соединить социализм в классическом смысле (как интерес основной части населения, индустриального рабочего класса) с интересами демократизации; показать, что существует установка на вытеснение этого слоя, пренебрежение им. А если брать Прибалтику, - на его поражение в правах. То есть, в соответствии с «рецептом» Ленина: бить врага его же оружием. Вы говорили о правах человека - давайте посмотрим, как они реализуются. Против кого направлен этот удар по правам человека? Против таких-то социальных слоев.

Это то, что касается социальной раскладки.

Следовало бы четко определить основную социальную группу, к которой мы обращаемся. И идти к ней с лозунгами демократизации, соединяя с ними ее социальные интересы как наиболее ущемляемые сейчас. Это то, что практически не сделано и не присутствовало ни в одной политической платформе.

Теперь возвратимся к консенсусу как таковому и месту национального в этом консенсусе. Вопрос об отношении к гражданской войне представляется мне значительно более сложным. Если бы можно было похоронить императорскую семью и этим закрыть страницу! Это можно было сделать пять лет назад, а сейчас линия гражданской войны проходит в другом месте, ибо подняты трупы 30-50-х годов. Сошлюсь на один эпизод в метро, который меня глубоко поразил. Как всегда, крик из-за того, что кто-то кому-то не уступил место, и вдруг пожилая женщина деревенского типа начинает кричать: “Правильно, девчонки, не уступайте места, потому что вы сами все порушили”. Совсем как у Достоевского: если бога нет, то какой же я генерал? “Все вам было плохо, Сталина ругали, все вам было плохо; сидите, девчонки, не уступайте, пусть теперь так и будет”. Понимаете? Все рухнуло, так пусть теперь так и будет. Дальше - больше.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. У нас сейчас идет дискредитация социализма по всем направлениям. Одно из них - его история. Революция приравнивается к гражданской войне. Этим революция, и вообще идея перемен, замарывается кровью. Идет перехлест. А на одной из наших анкет написано: «Красные - это белые, белые - это красные». Это 40-50 ответов опрошенных, практически сколок всего русского населения. И так будет, если не предпринять попытку как-то это смикшировать, взять на себя идею исторического примирения с очень конкретной вещью - с братоубийством, сделать вывод о необходимости соблюдения целостности нации, о вреде излишнего радикализма. Хотя никто об этом явлении пока не знает, никто его не зондировал, рано или поздно узнают, найдется тот, кто повернет эту штуку и покатит бочку туда, куда ему надо. То есть бить нас будут не только 37-м годом, но и...

С.П.ОБУХОВ. Несколько замечаний к тому, что раньше говорилось. О социальном раскладе в Прибалтике, о том, на какие группы ориентироваться. Если говорить об интересах и социальной дифференциации, то отмечаем, что наиболее заинтересованы в отделении и независимости социальные группы интеллигенции. На кого воздействовать? Почти во всех соцстранах они имеют самые низкие позиции, самый низкий социальный статус. Для них это возможность аванса, продвижения,

и это прежде всего нужно учитывать, стремясь воздействовать на эти группы.

П.С.РОМАНОВ. То есть желание стать господином почтмейстером в своем повете...

К.Г.МЯЛО. Вот-вот, именно это.

С.П.ОБУХОВ. Не знаю, насколько эффективным может быть обращение к ним, но нужно говорить о создании для них каких-то возможностей и т.д.

К.Г.МЯЛО. Безусловно, к этой группе также нужно идти, она определяет.

П.С.РОМАНОВ. Это опять вопрос о социальных гарантиях.

К.Г.МЯЛО: В каждой программе, в каждом пакете лозунгов должна быть адресность, одним адресатом будут, скажем, индустриальные рабочие, другим - интеллигенция, которой нужно, безусловно, говорить о ее статусе.

С.П.ОБУХОВ. Эта интеллигенция поддержала все рефомы в соцстранах, потому что это для нее тоже возможность аванса. Если говорить о второстепенной роли молодежи, для нее сейчас все социальные гарантии разрушены, она их не видит. Те потуги, которые предпринимались в связи с законом о молодежи, - это, конечно, не решает проблем. Но и он похоронен в Верховном Совете: там считают, что есть более важные дела.

Из опыта Восточной Европы хотел бы обратить внимание на то, как поступил Младенов. Он попытался смягчить напряженность в молодежной среде радикальными мерами по улучшению социальных гарантий - кредиты и т.п. Даже это не помогло. Об этом говорит и пример Чаушеску, который пообещал большие блага. Здесь жесточайшее ощущение блокирования, безвыходности и т.д. Отсюда апатия, а попадет искра - и последствия непредсказуемы.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Здесь есть еще один момент. Мы всегда можем только умиляться нашей невинности при принятии решений, сочетании одного с другим. Если мы переходим к свободному рынку, то надо учитывать, что ни в одной стране со свободным рынком нет никаких гарантий у молодежи, она - основная разменная монета развития, у нее на лбу это написано. И чем дальше мы будем идти в рыночную экономику, тем менее возможны гарантии. Объективно не может быть никаких гарантий для молодежи, потому что в первую очередь она должна состязаться, а это - несовместимые вещи.

К.Г.МЯЛО. Она должна получить нормальную возможность состязаться. Молодежи нужно открыть все перспективы - возможность получить образование, социальное продвижение, дать ей реализоваться творчески.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Мы об этом и говорим.

П.С.РОМАНОВ. Речь уже шла о некоем фоновом соотнесении, о том, что происходит в Восточной Европе. Здесь уже была проблема "красного социализма". С этой проблемой Польше пришлось столкнуться в 1981 году, когда "Солидарность" организовалась не как социалистическое, а рабочее движение. И когда все же была сделана попытка внести туда демократическое начало. Это появление т.н. движения параллельных структур в партии, которое было задавлено в течение двух месяцев IX съездом ПОРП. И когда мы, не зная деталей этого процесса, сравниваем "Солидарность", созданную 17 апреля этого года, с прежней, то делаем серьезнейшую ошибку. "Солидарности" как рабочего движения уже нет, в действительности это движение бедной интеллигенции и чиновничества.

Это наша судьба. Если мы не внесем свои идеи в демократическое движение, то оно закупорится, перейдет в иные формы. И если оно придет к государственной власти, то произойдет лишь замена одной бюрократии другой. Интеллигенческая бюрократия договорилась с партийной и на условиях определенного откупа ее сменила - вот что произошло в Польше.

Еще одна существенная вещь - специфика политического сознания, когда общество вошло в кризис и нет точки отсчета. Английские исследования нормального общества показывали, что на политическое поведение 80 процентов влияет фактор личного участия в политической жизни. А польские исследования, соотносимые сейчас с нами, показали, что на четвертом - пятом кризисном году уже не действует фактор ни личного опыта, ни политической принадлежности. Действует только один фактор - место в системе распределения. То есть ощущение падения своих благ, отрыв от них.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Повышением заработной платы в государственном аппарате мы эту проблему решили.

П.С.РОМАНОВ. Эта проблема отодвигается лишь на месяц.

К.Г.МЯЛО. Как вы считаете, есть почва для возрождения "красного социализма" в Польше?

П.С.РОМАНОВ. Там никакой почвы для возрождения "красного социализма" нет. Одна бюрократия сменила другую. На самом деле там сейчас двухцентровая система. Нынешней государственной власти в лице бывшей оппозиции не противостоит никто. Партия бурно раскалывается. При легком внешнем противостоянии партии и "Солидарности" в рабочий класс бурно вносится клерикально-национальная идея. И мы сейчас с ужасом наблюдаем, как этот "зеленый крокодил" вылеза-

ет на политическую сцену, оформляясь либо в национальные, либо прямо в национально-клерикальные идеи. На молодежном уровне это ужасно. Михняк приходил на одно из заседаний Политбюро, где-то месяца два назад, и в разговоре с Вятром-младшим, ныне секретарем ЦК, сказал: "Славек" - и далее употребил тираду неприличных слов, "что вы делаете, мы входим в вас как в масло, давайте противостоять друг другу; если будут два полюса, то возможно нормальное, рациональное развитие политической ситуации, иначе клерикалы нас сожрут".

Это и наша перспектива: когда партии ничего не может противостоять (ведь сейчас какая игра? Регионалисты - партия), если стержня государственного не будет, то придет "зеленый крокодил".

К.Г.МЯЛО. Это - не наша судьба, особенно в России, потому что она находится в иной ситуации. В России по-настоящему весомой националистической идеологии нет. Ее никогда не было и быть не может. Потому что она всегда шла маргинально, всегда преобладала интеграционистская формула - постольку, поскольку существовало как государство. Во-вторых, Россия очень сильно связала свою судьбу с идеей "красного социализма". Сейчас при расщеплении союзного консенсуса, когда периферийные территории легко находят консенсус в национальной или этно-территориальной идее, Россия бьется в судорогах. Потому что ей разорвать государственную идею и социалистическую труднее, чем кому-либо другому. Кроме того, ей невозможно подвести под государственную идею – идею национальную. Поэтому она обязательно будет искать какой-то синтез этих уровней. С учетом социально-политической и социально-классовой компоненты, я не исключаю, что этой компонентой опять может стать "красный социализм", который здесь будет иг рать ту роль, которую там играет клерикальный компонент.

П.С.РОМАНОВ. Вы начинаете сравнивать на качественном уровне, я же имел в виду биполярную структуру в политическом процессе. То есть когда в партию входят как нож организации типа "Памяти" и рушится система, которая разваливает и идею государственности. И если в течение года идея государственности как центральная идея не возобладает, то тогда России остается только "смутное время".

Г.С.ШАХОВЦОВ. Провал безадресной политики хорошо виден на примере раскола ВСРП. Там очень умные люди собрались, выдвинули очень умную программу и обратились ко всей нации с призывом о создании новой партии. С умной программой. В результате они получили партию интеллигенции. И противовесом себе получили классовую ВСРП, в которой остались рабочие, она сильно "покраснела", оставшись крупнейшей по численности. Там сейчас 65 тысяч членов, из них 35 тысяч рабо-

чих заявлены в списках, то есть предприятиями. А ВСП никак не может 50 тысяч набрать. Причем они-то думали, что из 720 тысяч к ним придет тысяч 500 в течение месяца, они потом срок продлили, и продолжают продлевать, но результата нет. У них только 17 тысяч из Будапешта, где 2 миллиона жителей, пятая часть населения. Хотя персонально этих людей уважает вся нация. В чем они проиграли? Безадресность политики. Они ее ко всей нации обратили. Как и все наши платформы.

К.Г.МЯЛО. Идея государственности всегда содержательна. Она завязана на образы либо нации, либо класса, как завязывалось Советское государство. На чем оно может завязаться сейчас?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. На том и другом. Политика должна исходить из жесткого, строгого анализа нашей интеллигенции, того, что она из себя представляет. Я уверен, что это крайняя интеллигенция, во всяком случае, московская, ленинградская, но есть и российская периферийная, она всегда была, как мы знаем, но не такая, как сейчас. Надо выяснить: у меня такое подозрение, что это во многих отношениях разные вещи.

Второй момент. Все мы, как люди, занимавшиеся Западом, знаем, что в современных условиях разница между новым индустриальным классом и интеллигенцией (во всяком случае, не ее элитарным слоем) не настолько уж велика. Я не думаю, что у нас здесь был бы вырыт глубокий ров. Мы пока судим о различии между ОФТ и межрегиональной группой. Межрегиональная группа - это очень специфичный слой интеллигенции, поэтому боже нас упаси исходить из этого противоречия. И у меня есть ощущение, что в латентной форме в обществе еще существует очень большое совпадение взглядов по многим вопросам. Но это совпадение никогда не было выявлено. Ни научным путем, ни публицистическим, ни каким-либо другим. Наоборот, оно даже как бы «придавлено».

Я в данном случае иду строго прагматически от опросов, которые мы проводим. Ожидая получить полностью атомизированное массовое сознание, мы вместо этого получили необыкновенно спаянное, с громадными ядрами, совпадение точек зрения. Причем вертикальных - там и интеллигенция, и рабочий класс, и учащиеся. Поэтому прежде всего надо проанализировать, осознать и по возможности донести до массового сознания этот факт - наличие объективных условий для формирования консенсуса, ибо он существует реально на уровне индивидуального массового сознания, на уровне атомов.

Чем страшны всегда политологические социологические обследования? Тем, что они “раздевают” сам предмет и, второе, дают обратную связь. Надо людям показать, что по многим опросам они едины, а не разобщены. То есть мы можем взять точки, по которым консенсус уже

существует, вмонтировать их в политические документы и через них донести до людей, что они не настолько уж и рассеяны. Вот мы, шесть человек, три года назад собравшись, знали ли, что у нас совпадают точки зрения? Скорее - наоборот.

П.С.РОМАНОВ. Это выявилось на молодежной конференции.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. А с Ксенией Григорьевной, по-моему, еще позже. То есть проблема вот в чем: у нас «дикая» атомизация, на которой все играют. Прежде всего надо ее снять, надо выявить то общее, что есть. И на этой почве начать консолидирующий процесс. А дальше - уже все более серьезные вещи. Пусть это будет очень упрощенная программа, пусть она будет касаться несколько странноватых вещей, этого не надо бояться. Сейчас задача - ликвидировать ситуацию столкновения активного, сплоченного меньшинства и громадной рассеянной атомизированной массы, когда первое ножом входит во вторую, а она может только слабо, конвульсивно сопротивляться.

К.Г.МЯЛО. Справедливо. Но вот что касается "молчаливого большинства", то об этом может сказать Юрий Васильевич - технология наработана. Ситуация в чем-то повторяется. Дело в том, что "молчаливое большинство" в какие-то решающие моменты выходит на сцену и ставит проблему. Но в значительной мере решение зависит от того, кто, во-первых, из него это подхватит, какие лозунги вложит; а, во-вторых, достаточно ли своевременно оно себя проявит.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Об этом и речь. Но наличие "молчаливого большинства" в принципе предполагает, что есть не молчаливое, но социально достаточно значимое меньшинство. Так вот у нас этого «меньшинства» пока нет.

К.Г.МЯЛО. Конечно, всякая аналогия относительна, но какие-то черты сходства есть, если сравнивать с тем периодом, когда Америка переживала кризис. И вьетнамский синдром, и после студенческого бунта определенный кризис. Для Америки это был кризис консенсуса, и об этом достаточно много писалось. И суть поворота к неоконсерватизму состояла в том, чтобы сохранить здоровое желание "молчаливого большинства", то, без чего любое общество (и оно это ощущает инстинктивно) не может существовать. Фундаменталистская реакция показывает предел, дальше которого идти нельзя. Но чтобы она не приобрела дикий вид и не привела к откату, нужно соединить эту реакцию здорового консерватизма с тем пакетом новых лозунгов, требований, интересов, которые принесены радикальными движениями. Вот в чем была сущность неоконсервативной стабилизации. Применена технология, которая мне кажется заслуживающей изучения.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Это очень красивая форма позитивного выхода "молчаливого большинства". А давайте вспомним негативный выход Португалии после "революции гвоздик". Дерутся модернизаторы ярчайшие - молодые офицеры. Дерется салазаровская, каэтановская масса и явно уступает, издыхает. И в этот момент, когда они принимают конституцию с социалистическими целями, делят землю и т.д., находится средняя сила, которая, опираясь на это "молчаливое большинство", делает то, что она сделала. Может быть и такой вариант. Ведь у нас возможно нечто в этом духе. Представим себе ситуацию, когда партия и какое-то слабое большинство друг друга истощат в этом противоборстве - мы уже можем найти симптомы этого. И у нас просто на этой волне выйдет третья сила, тот самый "зеленый крокодил". Причем мы совершенно не знаем, каким он может быть.

П.С.РОМАНОВ. "Благородный" неоконсервативный вариант хорош еще одним аспектом. Он предполагал переложение неких научных, идеологических, культурологических, исторических концепций на язык конкретных политических документов и политических рычагов. Обрати те внимание, что у нас на протяжении 70 лет рычагом политики был только язык идеологического документа.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мне довелось участвовать в подготовке программы общества "Отечество". Я начал с того, что попытался не употреблять обычных слов, то есть прежде всего нужен перевод на русский язык очень многих понятий. Я постарался избрать такую тактику, когда я не употреблял язык до 1985 года и «перестроечный». Потому что и то, и другое не работает, а работали такие понятия, как Родина, семья, рачительное хозяйствование, Отечество и понятия, ориентированные на моральные, общечеловеческие ценности, но отстраняющие от аморализма и статус-кво, и революционных перемен. Это касалось не только формы, но и сути дела. То есть речь идет о действии, которое апеллирует к идеям национального примирения, конструктивной работе - трудолюбии (даже слово "этика" я старался не употреблять) и т.д. Когда берешь классический консерватизм - труд, семья...

К.Г.МЯЛО. А потом - права человека (*общий смех*).

П.С.РОМАНОВ. На самом деле это не так. Сейчас мы сформулируем очень глубокую принципиальную вещь, которая известна в политологии, по крайней мере, польской коммунистической школы. Это не что иное как раздел политологии "Политическая аргументация". Социотехника используется не как таковая, когда не известно, кому она адресован и что вы получите на выходе. Она предполагает замер, политическую рекомендацию как средство воздействия и опять замер состоя-

ния, воздействие на вас как объект. Мы пришли к классическому варианту, когда нужно знать, с кем и как мы работаем.

К.Г.МЯЛО. Юрий Васильевич прав в том смысле, что именно это соединение того, что так грубо, полярно дихотомически разведено. Две стороны не в состоянии соединиться и они друг друга по типу Маугли узнают: "Мы одной крови, ты и я". Когда начинаешь внутренне соединять понятия "Родина и государство" и права человека, попадаешь в тупик. Но как раз здесь возникает почва для маневра, потому что именно здесь легко вкладывать новое содержание.

П.С.РОМАНОВ. Вопрос языка политической аргументации необычайно важен. Я его хорошо проследил в течение этого лета на польском движении Литвы, которое, кстати, вопреки ожиданиям, не стало массовым, осталось движением интеллигенции. Им не удалось снизойти до того языка, через который их поймет крестьянство. И у нас в Москве. Обратите внимание, что в ряде случаев лидеры "Памяти" находят нормальный язык, и тогда народ к ним идет. В то же время никто из идеологов партии, никто из идеологов государства нормально сказать ничего не может.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Хотя лидеры "Памяти" уже перехлестывают в другую сторону.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. В то же время они учатся. Мне рассказывали, когда я был среди "Отечества", что Новодворская провалилась в массовой аудитории, потому что у нее пошли призывы линчевать коммунистов и тому подобное, а Васильев сумел захватить аудиторию, потому что понял, он уже бит...

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Кстати, в поддержку вашей точки зрения. Наши достославные анкеты, в которых специально заложены как бы провокационные вопросы, дают интересную картину ответов на вопрос о том, перед кем прежде всего надо чувствовать ответственность. Там все идет - от СССР до семьи и т.д. И на двадцати процентах анкет отчеркнуты семья, родители, дети, Родина и написано: "Неужели составителю не ясно, что это одно и то же?". Вот подтверждение того, о чем вы говорили.

П.С.РОМАНОВ. На макроуровне это так, на уровне социальной микроединицы - это друзья, знакомые, семья, а также хорошая работа, но не должность...

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Нет, я о другом: обращение к этим вещам - простеньким, но со вкусом - неожиданно может на уровне массового сознания дать необходимый политический эффект.

П.С.РОМАНОВ. Чем любопытна программа, с которой мы здесь работали? Она дает возможность анализа политической лексики. В тече-

ние недели можно этот замер вытащить и, подготавливая следующий доклад, вы уже можете обращаться к людям так, что их ухо вас услышит.

С.П.ОБУХОВ. Я хотел бы кое-что добавить к этой мысли, исходя из опыта ЦК ВЛКСМ. Я немного работаю там в программной комиссии – изучаем эффект всех наших программных заявлений и т.п. Да, лексика не совпадает. Но тут еще второй фактор: кто излагает эти мысли. Речь идет о степени доверия. На том же собрании КМО руководством организации было в течение пяти минут сказано что-то радикальное. Этот радикализм никто не воспринял, потому что этот же руководитель десять дней назад говорил совершенно другое. То есть при всей доступности лексики важно не только это.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мне кажется, что мысль, высказанная здесь о неоконсерватизме, очень правильная. Сейчас надо внимательно изучить уроки рейганизма. Прежде всего, Рейгана - профессионального актера, который, как бы он ни был смешон для внешнего мира, и отталкивающ для американского интеллигента, является человеком, который всем своим поведением демонстрировал презрение к другим странам, и этим блестяще работал на американскую психологию. Когда он путал Боливию и Бразилию, это хорошо смотрелось американцами, которым всегда на это наплевать. Его многоплановые, многообразные действия нуждаются, конечно, в большом анализе. Но я хотел бы отметить только одну вещь - готовность Рейгана пойти на внешне непопулярные меры. То, что он сделал с профсоюзом авиадиспетчеров, - вопиющая вещь, которая по всем нормам американской жизни равносильна вводу войск в Чехословакию. Уволить всех диспетчеров, членов профсоюза! Но он знал, что на такие вещи тоже надо идти ради стабилизации того общества, которое он возглавлял. Пойти на очень много непопулярных мер. Таких как сокращение бюджетов университетов:- все вузы выли в один голос, не было университета, который не пострадал бы из-за этого. Но эта мера, непопулярная среди интеллигенции, была очень популярной для подавляющего большинства населения, которое воспринимало эти деньги как деньги для паразитарного существования интеллектуальной элиты. И целый ряд других действий…

А посмотрите, какой гибкостью отличались его внешнеполитические действия. Двести жертв в Ливане - и это уже много. Несколько десятков в Гренаде - это еще не куча, можно предпринять такие действия. Никарагуа - ни-ни, потому что просчет был, что вторжение в эту страну обойдется в шесть тысяч погибших. Сотрясание воздуха, очень много заявлений в адрес Никарагуа и Кубы и никаких действий. Это - гибкая политика, которая все время исходила из учета настроений американцев,

считавших, что Рейган защищает интересы США и готов выступить с оружием в руках, но с минимумом жертв.

Здесь сочетание смелости, инициативности, приемлемых лозунгов и конкретных действий. В том числе направленных на усиление порядка в городах. В результате - сокращение преступности. Меры в отношении средств массовой информации с пропагандой темы семьи. И когда американцы почувствовали, что дестабилизационные процессы в семейных институтах, в моральном климате останавливаются, нет никаких расовых волнений или они снижены до минимума, уже не пылали Детройт и Вашингтон огнем, как это было при Джонсоне, - все это, конечно, благоприятствовало принятию, казалось бы, архиреакционного правительства. Сработал комплекс мер, ориентированных на то, что они найдут своего адресата и сплотят Америку под лозунгами стабилизации.

П.С.РОМАНОВ. Здесь можно сделать только одно ехидное замечание, которое я выдам за позитивное предложение. Российскому правительству нужна своя газета. Хотя бы...

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Юрий Васильевич, вы взяли Рейгана, а я позволю себе взять трубу пониже, дым пожиже, но где-то, может быть, не менее интересное для нас - итальянцев, Кракси. На чем вылезает этот миниВеликий человек?

Италия, середина 70-х, сильная компартия, чуть-чуть не у власти, уровень авторитета государственной власти в 1973 году - 3 процента. Все разваливается. Потом серия кризисов, положение неустойчивое, приходит новое правительство, во главе социал-демократ Кракси. Все идет ни шатко. ни валко. 85-й год - самый кризисный момент их структурной перестройки: громадная безработица; только что, в 83-м, миллионные толпы разносят улицу, захватывают аэродром Фьюминчино. И что делать с ними - не знают. Молодежь бунтует и так далее. В этот момент, как мы знаем, арабы захватывают теплоход “Акель Лаура”, потом история - американцы сажают египетский самолет с террористами на своей базе. И что начинается дальше? Самолет окружают итальянские карабинеры; когда американцы пытаются взять его с базы, им наставляют в живот автоматы, кого-то там стукнули прикладом по голове. Не отдают террористов, увозят к себе, а потом отпускают.

Дикий скандал, Америка подает протест и так далее. Результат: 60 процентов заявляют, что этот человек – премьер Кракси - спас национальное достоинство страны, над которой десятилетиями издевались американцы: «на нашей земле что хотим, то и делаем» Идет подъем национального чувства итальянцев, потому что у них начался экономический подъем. Спустя два года Италия обгоняет Великобританию по

уровню экономического развития, становится четвертой или пятой державой западного мира. Кракси на этом взлетает стремительно: в 1986 году уровень авторитета правительства и его лично - 66 процентов, рекорд послевоенной Италии, один из рекордов страны и всего западного мира. Это пример того, как человек смелым актом (впрочем, не единственным) моментально достигает национального консенсуса. И его начинают поддерживать в равной степени и коммунисты, и неофашисты, и вообще не имеющие авторитета массы. Он создает коалиционное правительство от правых либералов до всегда считающихся левыми соцпартийцев Италии.

Вот вам национальный консенсус, перестройка, четвертая держава мира. И теперь итальянцы говорят, что они могут поучить и Штаты, и Советский Союз (правда, этот опрос был два года назад, когда они нас хоть немножко ценили), как надо проводить перестройку. И это у них сейчас сидит глубоко в крови.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. То есть ориентация не на какие-то морализаторские понятия или международное мнение. Италия шла на конфликт, и очень серьезный, за национальные интересы...

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Кстати, это не помешало Кракси спустя три месяца поддержать идею "звездных войн", сказать, что он пошлет корабли в Персидский залив. Так он снял все проблемы со Штатами. Но в памяти нации все предыдущее осталось. И если сейчас у них будут выборы, уже президентская республика, не исключено, что он станет президентом. И вот тогда мы еще посмотрим, что будет.

К.Г.МЯЛО. Есть болевые блоки, которые сейчас работают в сознании. Я могу точно сказать, что любая программа, которая не включает в себя какой-то пакет по демократизации, не говорит на языке прав человека, - это нулевая программа.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Конкретной демократизации.

К.Г.МЯЛО: Да, конкретной. Другая болевая точка - "теневая экономика", мафия. Для меня бесспорно, что сочетание пакетов антимафийских с мерами по реальной демократизации, более того, идеологическое объяснение, что в существующих условиях это и есть путь гарантии прав человека. Это вещи, которые, я рискну так сказать, обречены на успех.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Мы согласимся с этим.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Помимо программ, о которых мы говорили, их языка и содержания (мы упоминали и об Италии, и о Соединенных Штатах) на сознание, особенно в таком состоянии, как сейчас в нашем обществе, влияют конкретные действия. То есть операции по массовому

захвату спекулянтов на рынке в Ленинграде, обезвреживанию мафиозной группы в Воронеже - все это сразу создает образ, лучше работает, чем самая хорошая программа. И наоборот - случай с купаниями товарища Ельцина. Все! Вот это работает, как и пленка о том, как он облетал статую Свободы. Вот действия, которые видимы, зримы, о которых можно говорить. Они тоже очень важны, и подобные акции следовало бы предусмотреть.

Г.С.ШАХОВЦОВ. Пример с социалистической Венгрией, как там собрали подписку на проведение референдума. Так называемые молодые демократы, которые явились инициаторами этой кампании, очень просто набрали популярность.

С.П.ОБУХОВ. Кстати, бывшие члены комсомола…

Г.С.ШАХОВЦОВ. Осенью по всему Будапешту они устроили рыночки по распродаже сельскохозяйственных продуктов. Получили разрешение и везде поставили свои рынки - просто расставили соответствующие флажки. Едет частник, его спрашивают, почем будешь продавать картошку? Говорит: 16 форинтов. Нет, у нас не больше 14. Он настаивает: 16. Тогда поезжай на общий рынок. Короче, на рынке свободных демократов картошка на два форинта дешевле. Все! Причем они никого не принуждали. А такие мелкие рынки были по всему Будапешту.

П.С.РОМАНОВ. Но эта видовая аналогия не работает.

Г.С.ШАХОВЦОВ. Я имею в виду другое, действие конкретных популистских мероприятий.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мне кажется, очень опасно всегда стараться действовать согласно психологии, которую американцы называют “ми ту” - “и я тоже”, когда ты принимаешь позицию, идущую навстречу партии, против которой ты борешься. Ты теряешь свое лицо. Рейган и другие не боялись быть одиозными, выглядеть по общечеловеческим стандартам смешными. Они не знают географии, они экстремисты, они заявляют о том, что пойдут войной на СССР, но, как ни странно, они имели свое яркое, диковатое, но лицо. А когда мы стараемся выглядеть, как в статье М.С.Горбачева о социалистической идее, где лишь одна строчка говорит о реальных достижениях, но очень много говорится об абстрактной идее, он уничтожил ту базу, на которую опирался.

К.Г.МЯЛО. Конечно. Перед массами стоит вопрос, и они требуют ответа на него: чем были эти семьдесят лет - плюс или минус? Если был сплошной минус, так скажите и уходите. Это ведь в воздухе висит…

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Взять то же вчерашнее заседание Съезда. Выступал какой-то депутат, судя по всему, из интеллигентов, говорил о малых народах, так в зале чувствовалось легкое раздражение. Чем же он кон-

чает? «Я - Иван, дед у меня Иван, внук - Иван, когда заговорит Иван Великий в честь рождества?»…

П.С.РОМАНОВ. Это медик, академик…

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. И тут же овация. Но вот мысль о заговорившем Иване Великом не ему бы произнести, а кое-кому другому, интересный был бы результат.

К.Г.МЯЛО. Результат был бы противоположным.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Не уверен, не уверен.

П.С.РОМАНОВ. По нашим расчетам, национально-государственная идея сыграет в Ярославской области, Восточной Сибири. На Дальнем Востоке. Судя по всему, там специфика населения, специфика расселения. Это гипотетически, конечно. Предполагаю, далее, что эта идея сыграет на русском Севере. В Нечерноземье, безусловно, государственно-экономическая идея.

С.П.ОБУХОВ. Здесь сыграет и идея российского комсомола (*смех*).

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Тут сейчас прозвучало: партия, партийные организации, неформалы. Я считаю, что в современных условиях, когда у нас создается если не многопартийная, то "плюропартийная" система, когда уже явно возникает политическая состязательность, сама наша формула политического построения работы со стороны партии устаревает. Дело в том, что даже с точки зрения военной тактики и стратегии никогда нельзя все растягивать в нитку и с противником контактировать, так сказать, по всему периметру стен. Обязательно наступающая волна должна быть разбита выдвинутыми вперед бастионами, это основная задача фортификации.

У нас же получается, что партия как частокол вытянутый в нитку, который на всем протяжении штурмуют орды. Как в "Капитанской дочке" пугачевцы штурмовали маленькую крепость. Ибо те организации, которыми она вроде бы должна была быть окружена, в силу их формализованности, неотделимости от партии: комсомол ли, профсоюзы - они в этой ситуации своей функции не выполняют. Потому что ассоциируются с партией. И бьют их вместе, причем они получают щелчки и за себя, и за товарища, который рядом. Поэтому в идеале должна быть структура построения партийной и государственной работы, сочетающая централизованную вещь и широкий спектр неформальных (но не тех, о которых мы говорим сегодня) организаций, через которые партия и государственные органы проводили бы свою работу.

Это сейчас самая необходимая форма политической работы с массами. А сегодня она понимается как принятие очередного документа. Боже, спаси и помилуй! Политическая работа ныне - это работа в орга-

низации, через подобранных (извините, пристроенных, имеющих соответствующие возможности организаций и лиц). Надо, чтобы между собой сталкивались, контактировали и воевали неформальные организации. А партия и государство занимали бы ту роль, которая им и нужна: были бы третейской силой, стоящей, по возможности, над схваткой. Вот тогда было бы все в порядке. До тех пор, пока за частокольчиком, защищающим КПСС, будет чисто поле, на котором ничего нет, дело обречено, потому что за все будут бить партию. Надо из этой ситуации всеми силами выходить.

П.С.РОМАНОВ. Два года назад, когда ПОРП это поняла (правда, слишком поздно, X съезд загубил эту идею), была сформулирована идея создания множества дочерних организаций. Сейчас в основном может работать движение одной потребности, цели и так далее. Политическая работа возможна только через это. Накануне прошлогоднего пленума ЦК ПОРП несколько человек в варшавском комитете предложили открыть в зданиях районных комитетов партии кафе и залы, в которых по субботам и воскресеньям проводить дискуссии. Партия будет получать какой-то минимальный доход за чай, рюмку водки, и пускай они там выговариваются. Это не прошло. В нынешнем году идея уже не сработала. Вот вам пример.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Есть некоторое различие между ними и нами. У них волей несчастья партия в определенной степени очищена, однородна. А у нас это конгломерат, где разница между двумя ее членами может быть огромной.

П.С.РОМАНОВ. Сергей Иванович, к съезду ПОРП уже выставлены 32 официальные программы, а неофициальных - 250.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Тогда я молчу.

С.П.ОБУХОВ. А чем они различаются?

П.С.РОМАНОВ. Это бюрократическая интеллигенция с разными концепциями.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Творит, творит!

С.П.ОБУХОВ. Идея буфера в комсомоле срабатывает; по крайней мере, держит его на плаву, ибо в этой множественности организаций от чего-то можно отречься и так далее. По крайней мере, в рамках КМО это сыграло определенную роль. В итоге мы имеем вроде бы один голос, а формально, когда подсчитаем эти организации, у нас большинство и можем проводить решения.

Кстати, хочу сказать о политизации движения одной потребности. Эстонский комсомол - блестящий показатель, что народ там не хочет политизироваться, вступать в эту организацию. Но и все иные партии - националь-

ной независимости и так далее - тоже не имеют молодежи. Иначе говоря, нужно рассчитывать на конкретные прагматические идеи и программы.

П.С.РОМАНОВ. В условиях выборов можно создать некие буферные структуры применительно к государственным органам и организациям, которые дадут определенные гарантии при выборах. Сейчас, когда кампания только разворачивается, можно подумать и кое-что создать.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вот ведь какая странная вещь обнаруживается в наших опросах. Когда КПСС в чистом виде имеет прямых симпатий 30-40 процентов, даже меньше, идея российской компартии в той или иной форме имеет за 50 и 60 процентов.

П.С.РОМАНОВ. Сейчас из-за радикализации этот процент наверняка еще больше.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Казалось бы, люди должны сказать: зачем еще одна партия-надстройка бюрократическая. И только поэтому зарубить такую идею напрочь. Ан нет, потому что партийное переплетается с государственническим, и оно вытягивает за собой партийное.

П.С.РОМАНОВ. Если попытаться расписать по всем разрезам восприятие общественным мнением национально-государственных интересов, то здесь выявятся все концепции. Еще раз можно повторить эти разрезы: Россия и СССР, Россия в СССР, Россия и внешние республики и формирования внутри России, Россия на международной арене. Все это дает стержень государственнической концепции.

К.Г.МЯЛО. Еще - русские в России.

П.С.РОМАНОВ. За 70 лет Советский Союз не смог сформулировать концепцию государственного интереса.

Г.К.МЯЛО. И тем более - государственного интереса России.

П.С.РОМАНОВ: Витальность ее обеспечит только формулирование такой концепции.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Причем сейчас еще все можно повернуть, потому что внутри центробежные процессы не так велики. Это видно даже по нашим опросам. Скажем, там была заложена одна маленькая провокационная вещь; могу покаяться: я это сделал специально. Анкета идет под общей шапкой, а вопросы задаются иногда на СССР, иногда - на Россию. Очень интересно было посмотреть, как и кто меня будет крыть. Это сыграло блестяще. Основная масса россиян, но не русских, приняла это очень спокойно. Все те, кто отвечал на анкету, не будучи русским и не живя в России - грузины, казахи, иногда армяне – надписывали: почему, мол, с какой стати вы говорите о России, когда речь должна идти о Советском Союзе; это нарушение принципов интернационализма и так далее. Великолепные клишированные стереотипы. У россиян этого нет.

К.Г.МЯЛО. Хотя времени очень мало. Говоря о раскладе социальных сил, я очень подробно остановилась на индустриальных рабочих. Но есть еще одна категория, совершенно забытая, которая тоже присутствует и будет решать: категория совсем молчаливая - аграрное население. Это абсолютно "терра инкогнита", а вот там-то многое будет решаться

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вообще надо занятья российской периферией, она, действительно, будет решать.

К.Г.МЯЛО. На самом деле, ситуация просто кричащая и может развиваться на уровне кольев-пожаров и чего угодно. Там уже работает проблема земли. Вот где соединение проблемы "государство и земля" идет на совершенно чистом уровне.

П.С.РОМАНОВ. Сколько людей в Костромской области захотели взять землю?

С.П.ОБУХОВ. В тех районах, где я работал, из молодых - только один человек.

П.С.РОМАНОВ. Даже в Литве, в Вильнюсском районе, я как раз был там летом, только 18 человек решились взять землю. Это тоже проблема.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. По Сибири - 5 процентов.

П.С.РОМАНОВ. Будут существенные вариации.

С.П.ОБУХОВ. В селе на этот счет полнейшая апатия - не верят, что власти, районные или сельские, могут что-нибудь сделать.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Мы провели опросы в Ярославской области, но кто-то украл наши анкеты.

К.Г.МЯЛО. Надо заняться блоком настроений, каких-то соотношений. Это "терра инкогнита". Я думаю, что зреет настроение, оно прозвучало и в заявлении аграрников. Люди очень хорошо понимают, что их хотят снова пропустить через мясорубку, и они категорически против. Тихоновский проект - они чувствуют кожей, о чем речь идет: латифундии, на которых кто-то будет работать. Но это все на уровне инстинктов, глухо прорывающихся в разных местах.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. И расколото.

К.Г.МЯЛО. И расколото. Это, конечно, нужно собрать.

П.С.РОМАНОВ. Можно сделать перепечатки из текстов "Саюдиса". В свое время была интересная программа в ГДР, когда они брали куски из западногерманских передач и комментировали их. Ее потом отменили. Но если умно построить эту вещь, быстро дать в российской периодике публикации из прибалтийских изданий, это было бы хорошим элементом консолидации перед выборами. Если передать во второй половине февраля по российскому каналу 15-минутные выдержки из передач "Саюдиса", то это сработало бы блестяще.

СПАСЕНИЕ – В ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. К РЕФЕРЕНДУМУ 17 МАРТА 1991 ГОДА

«Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Московская правда» 16 февраля 1991 года

Страна на пороге события огромной важности — вскоре состоится всенародный референдум по самой актуальной альтернативе: быть или не быть Союзу. Все субъекты нашего социума (республики, партия, общественные организации, государственные институты, граждане) сейчас самоопределяются по отношению к «этому политическому, юридическому, гражданскому акту». Участвовать или не участвовать, какой вариант ответа выбрать — вопросы отнюдь не простые, не праздные. Тем более если учесть, что сумятица в суждениях необыкновенная.

Мы пригласили за редакционный «круглый стол» квалифицированных экспертов для обсуждения некоторых аспектов проблемы, решению которой и будет посвящен предстоящий общегосударственный и общегражданский акт

Участники «круглого стола»:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР);

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР**;**

В.А.КУЗЕНКОВ, зав. сектором отдела МГК КПСС

С.П.ОБУХОВ, научный консультант Международного отдела ЦК ВЛКСМ;

П.С.РОМАНОВ, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР.

Вел заседание политический обозреватель **Г.Т.ДРУГОВЕЙКО.**

Г.Т.ДРУГОВЕЙКО. Какова доминирующая составляющая общественного мнения об идее государственности в настоящий момент? Каким был тот путь, который преодолело отечественное общественное сознание прежде, чем оно пришло к сегодняшнему уровню понимания, восприятия государственности?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Наверное, сегодня при несомненном разгуле разрушительности мы все-таки можем отметить по крайней мере одно позитивное явление — возрождение в народе чувства государственнос-

ти. Понимание огромной самоценности организующих страну начал усиливается. И современная ситуация, и историческое прошлое, и размышления о будущем — все это вело к утверждению идеи державности. неотъемлемой от российской и советской общественной традиции, от русского политического и национального менталитета.

С.П.ОБУХОВ. Понадобился долгий и болезненный, неоднозначный по своим итогам дрейф общественного сознания. В перестроечном пятилетии можно выделить, полагаю, два этапа, характеризуемые разными политическими векторами, которые в конце концов определяли суть того, что сегодня я бы назвал тяготением к консенсусу, желанием общественного согласия. Первый период, который Н.И.Рыжков нарек «хорошей перестройкой», пришелся на 1985 —1987 гг. Действительно, это время всенародного согласия по ряду общих и принципиальных проблем. Тогда консенсус основывался на декларировании от имени перестройки обновленного (хотя и традиционного) набора эгалитаристских требований и лозунгов, которые, правда, слабо соотносились подчас с состоянием нашей страны.

В.А.КУЗЕНКОВ. Но это так понятно. Наше общество оставалось (и остается во многом поныне) очень слабо изученным. Поэтому реформы нередко проектировались (если судить по их итогам) по принципу «прыжка в неизвестность» — без просчета возможных экономических, социальных, политических, морально-психологических последствий. Стоит ли удивляться, что проведенные реформы не только не снижали напряженности в стране но и усугубляли ее, не принося желанных плодов. Почти все попытки чудесным рывком преодолеть наши сложные проблемы лишь поднимали накал общественных страстей на несколько «градусов», озлобляли народ.

С.П.ОБУХОВ. Согласен. На этом-то мы и споткнулись на втором, пользуясь той же терминологией, — «плохом» — этапе преобразований, в 1988 — 1990 гг. Деструктивный фактор, неизбежно играющий некоторую роль всегда и везде при фундаментальных переменах, вышел из-под контроля и начал первенствовать. Конфликтность в стране из явления экстраординарного превратилась в норму. С ней быстро свыклись. А это привело к стремительному стиранию грани между возможным и недозволенным. Был упущен момент, за которым живительный плюрализм мнений и действий?» сфере политики стал вырождаться в открытое противоборство течений и группировок, освободивших себя от «химеры» всякой ответственности. Общедемократический консенсус, удерживавший общество как целое на старте коренных преобразований, был подорван. Попытки же «собрать» страну на базе нега-

тивного консенсуса — всеохватной критики и отвержения всего и вся — имели лишь кратковременный успех. Надежды на позитивную силу «отрицательного единства» были опрокинуты разбушевавшимся кризисом. Страна осталась без равнопризнаваемых большинством ее граждан ценностей. Стремительно нарастала атомизация общества, грозящая полным развалом всех его структур. Государственности — в том числе.

В.А.КУЗЕНКОВ. Уместно напомнить и еще об одном усугубляющем кризис моменте. Развалился консенсус, сложившийся на ожидании обещанного (самыми разными силами) чуда — молниеносного решения всех проблем. До людей доходит, что не решены не только унаследованные от прошлого «проклятые» вопросы бытия, но и появилось множество новых, множащих и углубляющих первые. Отсюда — утрата авторитета новыми, сформировавшимися уже в ходе перестройки и широко раздававшими всевозможные обещания политическими кланами. Согласно данным опросов, вновь отдали бы свои голоса тому же, что и раньше, кандидату в народные депутаты лишь около 40 процентов избирателей. Иными словами, мы рискуем иметь органы государственной власти, не опирающиеся на реальную массовую базу в обществе.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Исторический опыт показывает, что стабилизирующую роль в таких условиях может сыграть и конкретный лидер, обретающий в массовом сознании более или менее ярко выраженные черты личной политической избранности, харизматичности. Однако и этого у нас что-то не наблюдается. Колебания социально - политического курса привели к тому, что отношение граждан к лидеру перестройки М.С. Горбачеву сделалось нейтральным. Его и не атакуют впрямую, но и не одобряют безоговорочно. Мало-помалу блекнет и недавно еще блистательный «имидж» Б.Н. Ельцина. Сегодня в него, как в спасителя России, верят далеко не все, кто два года назад стоял за Ельцина стеной. Верных ельцинцев для эффективной харизмы недостаточно. Попытки же создать нечто вроде коллективного лидера из наиболее колоритных фигур «демократического» лагеря также не дают нужного эффекта. Вот и получается: мы не имеем сейчас ни прочных государственных структур, ни политического класса, ни его паллиатива — равнопризнаваемого лидера.

П.С.РОМАНОВ. В самом деле, быть может, подсознательно, но нынешнее состояние общества воспринимается четырьмя пятыми граждан как некая бесконечная говорильня, рождающая хаос. Вот каким путем мы шли. От тоталитарного государства к отрицанию государственности и вновь к возрождению идеи державности в умах и в душах граждан.

Г.Т.ДРУГОВЕЙКО. Мы еще вернемся к названному позитиву — восстановлению чувства государственности. Но никто, кажется, не станет оспаривать тот факт, что пока позитивные социальные факторы слабее негативных. И социальный кризис все еще даже не начал отступать. Каков ваш прогноз на тот случай, если не будут найдены точные решения, если не сформулируются и не проявятся структуры, способные верные решения найти, а главное — осуществить их.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Любые аналогии, конечно, спорны Но наше нынешнее состояние напоминает то, о котором писали современники событий 1917 г. Вот, например, американский писатель С. Моэм: «Дела в России ухудшились. Керенский, глава Временного правительства, был снедаем тщеславием и увольнял любого министра, который, как ему казалось, представлял угрозу для его положения. Он произносил бесконечные речи. Был момент, когда возникла опасность того, что немцы двинутся на Петроград. Керенский произносил речи. Нехватка продовольствия становилась все более угрожающей, приближалась зима и не было топлива. Керенский произносил речи...».

П.С.РОМАНОВ. Хотел бы указать еще на одну черту нашего кризиса. Налицо какая-то извращенная абсолютизация самой идеи консенсуса. Многие новые политические силы, особенно действующие под знаменами «демократии», превращают консенсус прямо-таки в идеологическую дубинку. В сущности, понимание общественного согласия, по канонам наших «демократов», — это требование одностороннего политического разоружения оппонентов (вплоть до самороспуска, самоуничтожения) при сохранении и наращивании собственных (и других, но угодных) сил. Иными словами, если понимать животворную стабильность общества как некое динамичное равновесие устойчивости и перемен, то у нас речь идет об уничтожении первого во имя абсолютной свободы второго. Монополизация же идейно-политической сферы теоретиками и практиками «от деструкции» явилась своеобразным генератором многих страшных процессов, сотрясающих сейчас страну.

С.П.ОБУХОВ. К тому же нетрудно заметить, что большинство основополагающих документов и решений последних лет (вплоть до программы «500 дней») практически не содержали в себе никаких предложений по снижению именно самой конфликтности. Наоборот, в них нередко закладывалось немало такого, что могло бы лишь повысить интенсивность противостояния и потрясений.

В.А.КУЗЕНКОВ. Один из парадоксов нашей эпохи в том и состоит, наверное, что, начав с провозглашения примата общечеловеческих ценностей, мы не только стали использовать их самоценность в поли-

тической борьбе, но и сползли, не переставая твердить об общечеловеческом, в тотальную взаимную нетерпимость, приведшую к жертвам. Находясь под анестезирующим воздействием очень гуманных слов, мы незаметно для себя скатились к состоянию даже не «холодной», а вполне «горячей» гражданской войны, грозящей расколоть (как то однажды было) нашу страну.

Г.Т.ДРУГОВЕЙКО. Мы так привыкли к термину «гражданская война», что не утруждаем себя никакими вопросами, связанными с этим сверханомальным явлением. Давайте попробуем, хотя бы в первом приближении, уяснить совершенно своеобразную суть и природу именно гражданской войны. Это тем более своевременно, что среди дозволенного нам нашей современной моралью не только походя произносится это безумное словосочетание, но и пулеметные очереди перестали быть чем-то чудовищным.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Да, тут необходим серьезный анализ. Что же это такое — с социальной и даже демографической точки зрения — гражданская междоусобица? А это, думаю, прежде всего, состояние, при котором отказывают иммунные системы общества, и ему становится опасен любой, самый слабенький, вирус социально - политического заболевания. Поясню свою мысль на примерах, смысл которых как-то ускользает от многих исследователей. Смотрите: даже самые знаменитые и переломные эпизоды гражданской войны 1918—1921 гг. вершились при участии относительно небольших, а иногда просто крошечных людских масс. Скажем, весь Западный фронт, на котором решались судьбы Советской власти и который протянулся в 1920 г. от Финского залива до юга Украины, был местом вооруженного противоборства всего (!) 75 тысяч человек, бившихся с каждой стороны. Малейшее колебание в численности войск могло полностью изменить ситуацию. Например, достаточно было Эстонии присоединить свои силы (6,5 тысячи человек) к корпусу Юденича, располагавшему такой же численностью, чтобы власть красных в Петрограде оказалась под серьезнейшей угрозой. Потому что у большевиков тут тоже было лишь около 15 тысяч штыков. Где же тут раскол страны надвое? Где глобальность социальных и политических противоборств? А ведь мы привыкли считать, что классовый конфликт прошел через каждую семью.

П.С.РОМАНОВ. Да, привычно, не запинаясь, говорим и пишем: судьбы страны решались всем народом в огне боев. И каждый человек выбирал либо одну, либо другую сторону.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Факты же утверждают нечто противоположное: основная" часть населения была враждебна братоубийству. Вот еще

примеры. Во время того же наступления Юденича мобилизация в Петрограде — городе с почти трехмиллионным населением — дала лишь 14 тысяч пополнения. А в 1941 г. — при той же примерно численности жителей — в армию вступили 300 тысяч добровольцев. Да что там, все дополнительные мобилизации в Красную Армию 1919 года собрали около 24 тысяч новых бойцов. У белых дела шли ничуть не лучше. Хотя сегодня оживились попытки представить их как истинных выразителей народных интересов. А история, независимая от сегодняшней конъюнктуры, гласит, что и Колчак, и Деникин никогда не могли собрать под свои знамена более 100—150 тысяч штыков.

С.П.ОБУХОВ. Но ведь это по масштабам первой мировой, и даже русско-японской, войны были совсем незначительные воинские контингенты. Получается, что Россия, россияне буквально уклонялись от участия в борьбе.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Да... Как видим, никакого «глобального» раскола нации не происходило. И всероссийская трагедия была сотворена руками очень маленьких (по масштабам страны), но организованных, вооруженных, спаянных едиными идеями групп. Они-то и принуждали общество если и не участвовать, то терпеть братоубийство. Правда, общество своеобразное — утратившее гены государственности.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Вот именно. Потому-то анархисты батьки Махно и могли играть роль грозной военной силы. Склады вались дикие ситуации: судьбами всей страны вдруг начинали распоряжаться то 40—50 тысяч восставших бывших пленных чехов, то 80-тысячная польская армия. Развал России, начавшийся в феврале 1917 г. (под возгласы: «Хлеба, мира, свободы»), довел ее до состояния, при котором государство уже не могло не только защищать собственную целостность и границы, но и жизнь, здоровье не участвовавших в военно-политической борьбе простых людей. И вот что важно осознать... Не боевые операции, а голод, отсутствие лекарств и медицинской помощи, тяжкие условия жизни принесли основные жертвы того лихолетья. Тиф да «испанка», которые историками часто подавались как второстепенные обстоятельства тех времен, были на самом деле очень значительными «попутчиками» гражданской войны. А может быть, даже и основными событиями той эпохи, на фоне которых лишь кое-где на огромных российских просторах сновали бронепоезда, совершали рейды конники да ходили в штыковые атаки белые, красные, зеленые, черные. Не подобными ли историческими последствиями заряжена и нынешняя смута?

Г.Т.ДРУГОВЕЙКО. Видимо, наше сознание способно на удивительную слепоту: чего не хотим — того не видим. Неужели в конце XX

века в стране, пережившей так много бед, возможна столь всеобщая деградация: от смуты к междоусобице?

С.П.ОБУХОВ. К сожалению, затягивающийся слом старых структур социального управления с определенного момента, действительно, способен толкнуть общество на путь самораспада. И даже самоуничтожения.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Все это, конечно, не бесспорно. Но и данные проводимых нами социологических обследований рисуют картину, которая подтверждает такую трактовку истоков и «технологии» гражданских войн. Например, участвовать в гражданском конфликте, если он вспыхнет, сейчас психологически готовы лишь около 40—45 процентов россиян. И в основном — за счет распространения вирусов «холодной» гражданской войны на периферию. Столица и крупные города, намного раньше испытавшие на себе воздействие пьянящих голову настроений, уже начинают трезветь. О готовности участвовать в междоусобице в Москве заявляет лишь одна треть опрашиваемых. Кстати, и всероссийская, и столичная ситуация свидетельствует: около 40 процентов людей, готовых к открытой схватке, — сторонники «демократических» и настроенных против КПСС движений и группировок. А 17—20 процентов потенциальных бойцов — это, наоборот, те, кто собирается защищать социализм и КПСС.

С.П.ОБУХОВ. Остальные же, похоже, и сами не знают, за что конкретно готовы сражаться. Они свою «платформу» формулируют так: «за народ», «за правду»...

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Как это ни странно для конца века, но обстановка аналогична той, что сформировалась в 1917—1918 гг. Вдруг соотечественники решили: воевать друг с другом — это морально. И сегодня некоторая часть граждан готова за это «благородное» дело взяться по-настоящему. Безусловно, таких «готовых к бою» меньшинство, но они куда более активны, напористы, организованы, чем основная масса народа. И не встречают, к сожалению, лихие головы должного отпора. Идеи всеобщего примирения — в том числе исторического, призывающего сограждан не оглядываться назад, не сводить запоздалые счеты, а отдавать силы будущему, возрождению страны — доминируют в сознании только одной четверти наших земляков. Остальных же волнует «жесткое» восстановление социально-исторической справедливости. Интересно, кто и как может сейчас распределить роли — виновных, судей, прокуроров?..

П.С.РОМАНОВ. Да, процессы распада пока нарастают. Социологические исследования по Москве показывают: если на ранних этапах перестройки в массовом сознании преобладали преимущественно кол-

лективистские ценности (многопартийность, плюрализм органов информации, демократизация выборов, участие трудящихся в управлении предприятиями), то сейчас на ведущее место вышли совсем иные — индивидуализированные требования. Спектр общественных ценностей сузился до удовлетворения личных (семейных, узкогрупповых) запросов, которые к тому же нередко прямо противопоставляются общественным интересам. Так, уже в 1990 г. почти 60 процентов респондентов утверждали, что современный человек обязан отвечать за свои действия только перед самим собой. И только 40 процентов ставили на первое место страну, общество. Социальный кризис резко индивидуализировался! Возник типичный для распадающегося общества синдром: объем и важность событий и поток информации о них скачкообразно растут, а восприимчивость людей к ним резко падает. Личность и общество начинают жить в разных пространствах.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Наверное, на любые общественные перемены история отпускает все-таки вполне отмеренные сроки. И если времени оказывается мало, все начинает идти «не так». Люди устают от неустройства, теряют способность вживаться в новое. Первоначальный энтузиазм перерождается в массовое раздражение, бьющее по неокрепшим еще новообразовавшимся в обществе институтам. Нечто в этом роде переживаем и мы. Нам грозит отторжение того нового, что мы обрели. И это раздражение-отторжение способно отбросить страну назад — даже не к стартовой «черте», а далеко за нее.

В.А.КУЗЕНКОВ. Поэтому, видимо, многие крайние радикалы стремятся к тому, чтобы уже не убеждением (люди к речам равнодушны), а принуждением подтолкнуть «заупрямившийся» и «косный» народ на дорогу дальнейшей (и малоуправляемой) ломки всего и вся. Переход от возвеличивания «безбрежной» демократии к агитации за прямое политическое насилие оказался очень легким и почти моментальным.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Возможно, свою роль сыграл тут еще один момент. Помните, перестройка с самого зарождения была приравнена к революции. А революция в массовом сознании часто неотделима от гражданской войны. Вот и получилось, что в представлениях многих и многих россиян одно (революционное обновление) автоматически, по ассоциации, стало приобретать черты другого — неизбежного гражданского столкновения.

П.С.РОМАНОВ. Вряд ли это так. Во всяком случае, не только эта ассоциация, возникающая в умах, подвигает на борьбу. Ведь на «темность» народа, не желающего пускать по ветру свою страну, сетовали в свое время и красные, и белые, и носители иных политических «мас-

тей». И «воспитывали» народ — каждый по-своему: белые пороли целые деревни; красные ставили к стенке «контру»; «зеленые» вырезали комбеды... Важно уяснить такой исторический феномен: насилие «сознательного меньшинства» над «несознательным большинством» народа — вот основное содержание гражданской войны.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. В самом деле, озлобление против своих же сограждан у нас сейчас неудержимо прогрессирует. Но это обстоятельство, наверное, правомерно интерпретировать так: многие из стремящихся стать лидерами политической жизни организации и движения никак не могут распространиться за пределы узкого круга собственных инициативных групп, обзавестись массовой гражданской базой. Отсюда и негодование на «не созревших» для понимания и теорий и позиций земляков. И яростные попытки взбудоражить, взвинтить до умопомрачения людей. Столкнуть — чтобы возглавить.

В.А.КУЗЕНКОВ. А ведь это так понятно: митингово-лозунговая деятельность всегда имеет свои границы, предел. Но стихия эффективна на самой ранней стадии политического конфликта. Затем быстро исчерпывает себя. Что мы и наблюдаем. Вот, скажем, воскрешенный лозунг «Вся власть Советам!». Он верно указывает направление борьбы. Но ничего не говорит о том, как и чем завершить ее. За лозунгом надо видеть многое. Не просто некую идею создания новой власти. Но и конкретные методы ее реализации, социальные силы, трудности, отдаленные следствия. Такого «дальнего взора» как раз и нет. В итоге? Все знают, что надо разрушить, но чем разрушенное заменить, чтобы общественные структуры эффективно заработали,—об этом не задумываются. А на головы сыплются все новые лозунги: даешь, говорят, муниципализацию! А что это такое? Приживется ли она в отечественных условиях? Будет ли лучше недавних Советов? Ответа нет. Методика все та же: сначала попробуем, а потом подумаем.

П.С.РОМАНОВ. Не исключено, одна из причин всего этого разгульного «бала» в том, что на политической арене у нас действуют пока не полнокровные партии, а их тени, фантомы — социально бесплотные носители не испытанных у нас, в СССР, идей, программ, проектов. Партии- фантомы и существовать-то способны лишь в условиях всеобщего развала, разрухи, морального оскудения. И, непременно, — вакуума государственного авторитета. Ибо более или менее сплоченное общество быстро заставило бы их либо материализоваться — ну-ка, выполняйте запросы населения, — либо исчезнуть с общественного поля. У нас же бой политических теней идет уже который год. И как бы всерьез. В этой борьбе на правах самостоятельных сил (почти партий)

пытаются участвовать даже институты, для такого рода деятельности — в нормальном обществе — не предназначенные. Ряд органов массовой информации — первый такой самозванец в политике.

Г.Т.ДРУГОВЕЙКО. Так где же пролегает тот маршрут, который проведет мимо гражданского столкновения? Усиление государственности? На уровне общенародной идеи, в форме динамичной системы регулирования отношений между различными субъектами общества, в лице сильной и дееспособной власти?

К несчастью, мы уже не можем мечтать обойтись без потрясений — потрясения и жертвы уже есть. Но фатального безумия надо избежать во что бы то ни стало. Как? Кто спасет общество от распада?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. По-моему, все более очевидным становится простой факт: стержнем общества, несмотря ни на что, остается компартия. Многими (кому этого страстно хочется) уже списанная со счетов и отечественной, и мировой политической реальности. Положение КПСС в массовом сознании (российском — без сомнений) стабилизируется. Хотя критическая волна, обрушиваемая на компартию «снизу», и не спадает. Но сама критика делается более конструктивной. Что вовсе не означает, будто все проблемы КПСС уже позади. Наоборот, обновление самой партии стоит как никогда и актуально, и остро. Особенно — проблема становления КП РСФСР, которая возродила при своем появлении на свет множество добрых надежд. Ведь свыше половины наших сограждан восприняли создание КП России как возникновение политической силы, которая, наконец-то, защитит российские интересы. Но Российская компартия пока не смогла освоить эту огромную сферу людских симпатий и в известной мере все еще остается «вещью в себе». А задержка здесь чревата утратой социально-политических перспектив. В том числе — ив колоссальной работе по возрождению российской государственности. Сегодня у государства российского — крепкого, спокойного, богатого, если говорить объективно, нет иной организованной опоры.

ПРЫЖОК В РЫНОК – ПРЫЖОК В ТЕМНОТУ
Симпозиум ЦИПКР и редакции газеты «Московская правда» 12 июля 1991 года

Предлагаемая публикация - это резюме докладов и выступлений в ходе свободного обмена мнениями между участниками

Участники симпозиума:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

Е.Ю.ГУСЬКОВА, доктор исторических наук, член Ученого совета ЦИПКР;

В.А.КУЗЕНКОВ, зав. сектором отдела МГК КПСС;

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР**;**

Л.Г.ЕМОХОНОВА, кандидат исторических наук;

Е.А.ЛАВРИНА, кандидат исторических наук;

С.В.МИХАЙЛОВ, кандидат исторических наук;

П.С.РОМАНОВ, кандидат исторических наук;

О.А.ПИЧУГИНА, кандидат экономических наук;

В.Г.РУПЕЦ, кандидат экономических наук.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Рывок крынку во многом является «прыжком в темноту». Тут неизбежно проявление факторов риска — прямых и побочных трудно прогнозируемых негативных последствии и осложнении. Хотя у наших сограждан может создаться впечатление будто столь крупномасштабный общественный поворот (а по существу ~ социально экономический переворот) — всего лишь юридическое оформление некой объективной необходимости и диктуемых ею государственных решении. Но против облегченной трактовки (и радужного восприятия) ожидаемых перемен «выступает» весь мировой опыт. Известно что на Западе даже простое усложнение рынка последовавшее в конце 70-х — начале80 х гг. (под действием очередного витка научно-технического прогресса) создало в обществе сложнейшие ее проблемы. Знание зарубежного опыта позволяет загодя представить, что войдет в жизнь России и всего Союза вместе с рынком кроме его безусловных достоинств?

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Мы верно говорим о том, что в современном мире важное место занимают базовые общецивилизационные процессы. Но не всегда учитываем что глобальные позитивы имеют непременного спутника — отрицательные аспекты. Например отказ от государственных гарантии занятости ставших привычными для населения целого ряда стран Восточной и Центральной Европы (т перестройка трудовых отношений на западный лад) обязательно породит немало крупных и тоже между прочим общечеловеческих проблем. Безработица, которую 60—70 процентов населения во всем мире причисляет к| самым болезненным вопросам бытия — первый из многообразных спутников рынка.

С.В.МИХАЙЛОВ. Безработица,ожидающая нас (по прогнозам уже в течение нескольких месяцев 15—20 процентов экономически активных граждан будут поражены ею), — это не та болезнь которая, однажды возникнув затем легко «излечится».

В.А.КУЗЕНКОВ. Но неудачники ведь есть всегда и везде.

Л.Г.ЕМОХОНОВА. Если бы«вечные невезучие». Но мировой опыт доказывает, что не удел оказываются отнюдь не только лентяи и неучи. Безработица конца XX века — это непросто плод классического кризиса перепроизводства. Это еще и результат стремительного,скачкообразного онаучивания экономической сферы ее качественного усложнения и перехода на новый, очень высокий технологический уровень. И тут отсеиваются не только “худшие”.

Пример всех развитых капиталистических государств подтверждает: в считанные годы лишними могут сделаться профессии недавно еще не бедствовавшие на рынке труда. В том числе и те, которые традиционно причислялись к рабочей «аристократии». Скажем, в металлургии это — литейщики, формовщики и смежные с ними специальности. В машиностроении — токари, фрезеровщики, инструментальщики. И шахтеры, особенно — угольщики. И специалисты, занятые в строительстве, которое прежде всегда кормило массу людей, вытесняемых из иных отраслей. А теперь отказываются и от каменщиков, и от штукатуров, и от сварщиков. Разве это — люди социального балласта?

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Притом — общемировой факт: страдает в первую очередь молодежь. Удар по «будущему страны» наносится с самой неожиданной стороны Пример Одна из традиции приводящих в восторг неискушенного наблюдателя —приучать человека зарабатывать деньги с детства. А вот социологами озабоченными наступлением на американские рынки товаров и идеи японского происхождения замечено низкая «сопротивляемость» экономики США — как раз в этой вроде бы благой традиции. «Секрет» тут в худшей подготовке американских ученых, инженеров,

рабочих. Оказывается второкурсник — работяга из американского университета (по 20 часов в неделю трудится параллельно с занятиями почти половина американских старшеклассников и студентов) обладает знаниями обычного выпускника японской школы. Всего один из ста молодых японцев тратит время на приработок. А остальные 99 полностью погружены в учебу.

Л.Г.ЕМОХОНОВА. Очень острое современное «западное» противоречие: промышленность нуждается в специалистах самых авангардных профессий. Казалось бы таковых в достатке выпускают вузы Но рынок труда бракует многих обладателей самых престижных дипломов. Возникают «ножницы». С одной стороны, увеличивается интеллектуальная безработица, а с другой — нарастает голод на высококвалифицированные кадры.

Те, кто станет искать счастья в эмиграции, — очень скоро упрутся в этот качественный барьер. У нас ведь привыкли диплом — это гарантия, это все. Общество просто обязано предоставить человеку работу по означенной специальности. Рынок таких прав не признает.

Е.Ю.ГУСЬКОВА. Посмотрим на Югославию. За границу выехало до 1 млн. человек В основном хорошо образованные и высококвалифицированные люди, с достаточные трудовым опытом, накопленным дома (примерно половина югославов-эмигрантов — старше30 лет). Закрепиться за рубежом всерьез им не удается.

Около 80 процентов возвращаются назад примерно через 5 лет. Ззрубежный рынок рабочей силы выталкивает их.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Здесь очень важный момент Экспортировать наши трудности за рубеж путем эмиграции (а в некоторых из ныне принимаемых решении такой “выход” просматривается) не удастся. Золотые времена для иностранных рабочих на Западе давно прошли Сегодня новых «пришельцев» там будет ждать ожесточенная борьба за социальное выживание на всех общественных этажах На нижних — с опередившими наших иммигрантами Особенно из афро - азиатских стран Афро-азиаты захватили там прочные позиции охраняемые к тому же их местными землячествами В более престижных общественных слоях — с коренным населением ставшим сегодня куда менее требовательным к «престижу» рабочего места чем еще десятилетие назад Ныне 50—60процентов западноевропейских рабочих готовы во имя сохранения места (либо его получения]. и на неквалифицированный труд и на сверхурочные и на грязные работы и на смену места жительства Нередко как то происходит скажем в Испании каждый четвертый молодой человек, в том числе имеющий и вузовский диплом, годами работает без зарплаты — только бы закрепиться. К тому большая часть новых соискателей на рынке труда оседает сейчас на мелких предприятиях услуг и

торговли. А там на них не распространяются ни законы о труде, ни социальное страхование, ни опека профсоюзов. Что могут противопоставить в этой жестокой борьбе за место наши земляки?..

П.С.РОМАНОВ. СССР - перестает быть великой державой. Мы из за нарастающей год от года разницы в уровнях технологического развития по сравнению с зарубежьем оказываемся обреченными на утечку за кордон наших соотечественников — самых ценных! И никакими «закрытыми» распоряжениями местным отделениям ОВИРа этого процесса не остановить. Это — данность. И поэтому с этой «данностью», как с общественной реальностью, надо и жить. И бороться с неблагоприятной для страны ситуацией. Может быть прежде всего пора самым серьезным образом обеспечить правовые основы эмиграции вообще и трудовое (самой массовой) в особенности. Обеспечить хотя бы минимум человеческих прав там, куда устремляются потоки наших сограждан. Мы ужа опоздали с вхождением в систему соответствующих международных соглашений. Кстати выезд из страны на заработки (часто нелегальный) идет давно и полным ходом. Сотни тысяч «наших» трудятся, что называется, на птичьих правах в Восточной Европе (для нас это Ближний Запад). Только в Польше таких нелегалов из СССР сегодня по разным оценкам от 50 до 500 тыс. человек Пребывание их на польском рынке труда незаконно. Вот предприниматели и выжимают из них все соки. При среднем ежемесячном заработке поляка в 200 долларов советский «гастарбайтер» получает от 40 до 100 долларов — это в самом лучшем случае. Правда, нынешний фантастический валютный курс рубля создает иллюзию выгодности подобных вариантов Чего же нам следует ожидать коль уже первые шаги трудовой отечественной эмиграции говорят место нашим землякам — у самой«подошвы» местных социальных структур а то и «под;» ней— в зоне крлминаллзированного предпрлнумэтельства И если наше государство своевременно не подумает о защите своих граждан то через несколько лет мы получим соответствующий «возврат» — тысячи и тысячи сломленных и крайне озлобленных людей.

В.А.КУЗЕНКОВ. Оценивая близкие и отдаленные перспективы рынка не следует все-таки впадать в односторонность Рыночные то есть построенные на экономической, а значит, и социальной соревновательности отношения способны принести ощутимую пользу Ведь основной «элемент» наших вчерашних производственных отношении — человек с весьма скудной профессиональной подготовкой приобретенной вне серьезной конкуренции. Поэтому видимо, и достоинство настоящего профессионализма у нас ценится пока низко. Наша привычка — функционировать абы как.

Е.Ю.ГУСЬКОВА. Конечно, эмиграция способна смягчить проблему

безработицы выводя какую то часть ее за национальные границы Кроме того возрастут нетоварные поступления валюты за счет переводов выехавших на заработки людей оставленным в Союзе домочадцам. Улучшится структура платежного баланса. И вместе с тем, теряя большие группы квалифицированных работников, общество вынуждено заменять их людьми с более низкой подготовкой. Значит еще более понизится собственный технологический уровень Произойдет «накопление» отсталости. Вне национальных пределов останется 4/5 произведенной эммигрантами из Союза стоимости, которая достанется другим странам. Потеряется часть населения, которая невозвратно осядет за рубежом. Обострится проблема детей выехавших с родителями. Их ждет трудная и болезненная ассимиляция. Деформируется и без того неблагоприятная демографическая структура и т п.

О.А.ПИЧУГИНА. Надо честно признать что великое благо, завоеванное нашим обществом, —гарантия рабочего места, — обернулось множеством негативных последствий, взявших верх. Бесконкурентным а значит, и плохо стимулирующим постоянное повышение квалификации сделался спрос на работника. Человек очутился как бы заблокированным на единожды занятом трудовом месте. Пути сознательного и заслуженного социального продвижения у нас отсекались. Жизненные перспективы в конечном счете отрывались от основной трудовой деятельности. СССР сделался страной нереализованных личных возможностей для людей, которые (как доказывают социологи) и хотели бы интенсивнее трудиться, но не находили спроса и утрачивали хорошее стремление. В обществе скопились элементы морального и социального разложения: от того будет ли советский человек лучше работать или нет, жизнь его менялась мало. Крепло чувство ненужности, приниженности. Все это обессмысливало и другую важнейшую вещь — совершенствование правового механизма а сфере трудовых отношений. Социальные гарантии и помощь упростились до примитива. В голую формалыость превратилась система переквалификации Рынок без сомнения способен (и призван!) взорвать эту окостенелость В этом[1] его благо Другое дело что его развитие" ведет в общем то к одному — к возрождению капиталистических отношении Умалчивать об этом бесчестно Проблема/а в ином: сколь сильным окажется капиталистический потенциал в нашем хозяйстве Если он обернется чем-то вроде оживителя подталкивающего социалистические начала вперед не дающего социализму застаиваться и подгнивать, то такое «вмешательство» капитализма можно приветствовать

В.Г.РУПЕЦ. Ничто не совершается в этом мире само собой. Чтобы капитализм поработал у нас на идеи равенства и справедливости (на-

зовем их социалистическими) нужны и экономические, и социальные и юридические, и политические условия. А также активная, гибкая, корректная политика государства во всех областях. Необходимо и еще одно — грамотное структурирование общества в целом и трудовой сферы в особенности. При рынке многие проблемы обязаны решать (и уже решают) профсоюзы и прочие социальные институты, контролирующие сферу трудовых отношений, вносящие корректировку и сдерживающие начала в более или менее организованную стихию предпринимательства. Но профсоюз в прежнем его виде (рожденный обществом, не признававшим многообразия и состязательности в экономике) эффективно выполнять подобную роль на сможет. Поэтому-то новая, только-только нарождающаяся у нас синдикальная структура будет, как уже видно, коренным! образом отличаться от прежней структуры ВЦСПС, которая представляла собой некий «вертикальный» профсоюз — типичный для авторитарного государства. Что-то вроде министерства труда.

Или еще точнее — «главного бухгалтера по управлению системой государственного соцстраха». Вновь возникающая профсоюзная сфера наверняка в обозримом будущем окажется сильно плюрализованной. Новые профсоюзы надолго «займутся» производством все новых и новых видов организаций, осуществляющих профсоюзное движение в разных формах. Уже сейчас на отечественной почве мы встречаем практически все типы известных на Западе организаций: и «чистые» профсоюзы (ограничивают свою активность защитой интересов трудящихся на производстве), и “широкие” объединения на профессиональной основе, и крайне политизированные течения (отнимающие «хлеб» у куда медленнее нарождающихся партий), и предпринимательские объединения, охраняющие отечественный бизнес. Все это пока в подвижном состоянии, переливается из одних форм в другие. Воспроизводятся и причудливые «гибриды». Условие для гибридных форм действия — общая заинтересованность в свержении «номенклатур» и окостенелых социальных и экономических институтов. Похоже, что государство уже упустило момент продуктивного и «мирного» диалога с этой разноликой силой. Предпочло пройти мимо и оказалось в состоянии конфликта с трудящимися. Отсюда необычайная политизация профсоюзной сферы, часть которой стала легкой добычей для радикалистски настроенных интеллигентских течений и групп, далеких от рабочих, но хорошо сознающих (основной-то костяк —«твердые» марксисты в недавнем прошлом!) значение рабочей массы в борьбе за политическую власть. Маячит перспектива образования партии лейбористского типа — альтернативы КПСС, действующей с профсоюзного плацдарма. Опыт

польской «Солидарности» не дает покоя многим претендентам на лидерство. Немало тут и от синдрома «необольшевизма»: стремления подчинить все одной «абсолютной» цели — борьбе за право управлять.

П.С.РОМАНОВ. Говорим о польском опыте и уроках “Солидарности”... Но странное дело — не торопимся глубоко их понять. А ведь Польша первой в Восточной Европе начала низвергать централизованную бюрократическую систему планового регулирования. Более десятилетия назад там возникло мощное независимое профдвижение. Как мы ругали, не зная,экономические программы «Солидарности», предлагавшие путь к рынку через коллективную,групповую собственность. Но вот «Солидарность, став доминирующей силой, смела вполне демократическим путем старый режим. Начался бурный переход к рынку. Причем в куда более благоприятных, нежели в СССР, условиях. Ведь народная Польша все 45 лет своего существования не порывала с рывком Существовали и частное землевладение, и прослойка ремесленников Теперь «Солидарность? у государственного руля И что же? Она стремительно приходит в противоречив со своей же социальной базой — рабочими. Оказалось, рынок без мощных элементов регулирования, которыми за столетия обзавелись капиталистически,” страны, ставит рабочих в положение классического марксистского товара Переносит трудящегося из окостенелого «развитого социализма» в варварский домонополистический капитализм А президент из рабочих, переставший быть «настоящим рабочим парнем», жестоко атакуется недавними сподвижниками И пока пытается словесно «вразумлять»трудящихся, объясняя им необходимость воздержания от стачечной борьбы Не отсюда ли у наших соотечественников тоска(быть может, и неосознанная) по скудному, но упорядоченному бытию незабытого прошлого

Е.А.ЛАВРИНА. Не получим ли и мы сразу после первых шагов в рынок огромные массы взрывчатого социального «материала»?

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Данные американских социологов свидетельствуют рост уровня безработицы всего на 1 процент увеличивает число совершаемых в стране убийств на 650, самоубийств —на 820, психиатрические лечебницы пополняются 4 тысячами новых пациентов, а тюрьмы —более чем 3 тыс. дополнительных «постояльцев» Недаром проявился скачок преступности на Западе в кони,? 70-х — начале 80-х годов Росла она на 30—40 процентов ежегодно. Там как раз шла перестройка рыночных отношений на новый, диктуемый НТР, лад Так что, когда мы сегодня сетуем на стремительное нарастание общественного распада в стран?, надо учитывать, что это еще не вершина неприятного процесса Пик ждет нас впереди — при переходе к плохо регулируемо-

му (судя по всему) и даже «дикому»рынку А пока и преступность, и прочие проявления социальной деструкции только выдвигаются на исходные позиции — для будущей яростной атаки.

С.В.МИХАЙЛОВ. Не зря и не случайно в западных странах одна из центральных задач правительственного кабинета — не допустить чрезмерной концентрации и застаивания в обществе выведенных из социального и морального равновесия категорий населения. Показателен британский опыт. Правительство. Тэтчер (а уж кабинет «железной *леди» никто не заподозрит в расточительстве!) шло даже на то, чтобы доплачивать из казны предпринимателям до 40процентов среднего заработка за каждого принимаемого рабочего,если рабочий не достиг 18 лет и если речь — о первом для юноши трудовом месте. Была расширена и сеть программ по профессиональной адаптации выпускников школ. В итоге в самые острые кризисные моменты английскому государству удавалось задерживать над пропастью безработицы до 30 процентов новых работников, поступающих на рынок. Немалое значение в рассасывании массовых очагов люмпен-пролетаризации имела и усиленная миграция населения.Статистика учит: кто больше передвигается, тот меньше страдает от ударов кризиса.

В.А.КУЗЕНКОВ. Что до передвижений, то Россия привыкла к ним исстари. Для нее всегда были характерны активные миграционные процессы как стихийного, так и организованного типа.

Наиболее легкими на подъем были жители коренной (центральной) Руси, где с конца XIX века Московская, Ярославская,Владимирская губернии давали основные потоки отходничества.Пешком, с одним только топором за поясом русский мужик дошел до Камчатки и начал обживать Аляску, что, конечно же,не могло не дать и отрицательных последствий: серьезной конкуренции при наших просторах и постоянном голоде на рабочие руки российский человек никогда не испытывал. И к совершенствованию в ремеслах тем самым понуждаем не был.Но особенно остро все это дало себя знать именно в наше время— миграционные процессы (все чаще искусственно стимулируемые) породили печальное и уродливое явление «лимитам, т. е.господство на рынке работника,«запрограммированного» на низкую квалификацию, выгодного минимальными претензиями.Особенно тревожно, что такое перманентное «взбалтывание»страны захватило и немалую. часть интеллектуалов: ведь от 60до 80 процентов мигрантов у нас— специалисты с высшим и средним образованием. Похоже,что подобная инерция передвижений, помноженная на новый,рынком данный импульс, способна (кроме всего прочего) и выбросить за пределы страны огромные массы советских граждан. Наткнувшись там на социальные и .юриди-

ческие, рогатки,уехавшие" -отхлынут назад, еще более усугубляя общественную нестабильность.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. У нас явно нет понимания того, что законодательными актами как таковыми общественных проблей (тем паче — язв) излечить нельзя. Пора научиться предварять и сопровождать всякое принципиальное решение, любую новацию тщательными прогнозами и просчетами вероятных последствий отдаленного плана Получается же так.дело государственной власти —закон разработать и принять, а общество пускай само этот акт на себя примеряет и под него подстраивается Сможет оно освоить такую правовую «обновку» — хорошо, нет — его проблемы.Но так, пуская всю притирку нового на самотек, страны — эталоны рынка не поступают. У них под каждый мало-мальски важный закон специальные комплексные государственные (а не меценатские) программы принимаются Почему бы у нас не издать научно обоснованную книгу-прогноз о социально - политических и моральных последствиях рынка?

Е.А.ЛАВРИНА. В нашем обществе может сложиться и надолго закостенеть ситуация, родственная не столько желанному для многих высокоразвитому Западу,сколько «третьему миру», вроде Индии А ведь там экспансия рыночных отношений только за50-е — середину 80-х годов подняла уровень безработицы в 8—9 раз И сейчас ею охвачены56—57 млн. человек, да еще награни безработицы балансируют около 330 млн. Отсюда — причудливое развитие страны и кипение жизни, и гниение Общество как бы разрывается на куски, чему способствуют и обострившиеся до предела национальные (и даже архаичные, казалось бы, кастовые) противоречия. Конкуренция в экономической сфере мало что исправляет Да,часть исторически возникших социальных барьеров снимается представитель высшей касты брахманов имеет шанс очутиться на самом «дне», в то время как выходец из «неприкасаемых»приобщается к клану миллионеров Но старые болячки неплохо приживаются и на новом теле Индии. Скажем, для смягчения исторически возникших диспропорций в социальной области здесь была создана система резервирования рабочих мест (а также мест в учебных заведениях, в администрации, в парламенте) для кастово приниженных и беднейших слоев Такие же идеи бытуют ведь сегодня и у нас. И что же получилось? Распределение льгот сосредоточилось в руках определенных групп,которые начали использовать их в качестве рычагов политической деятельности. Происходит вот что когда государство устраняется от регулирования жизнедеятельности различных общественных сфер, регулирование тут же перехватывают другие силы — более низкого и корыстного качества.

Записал Г. ДРУГОВЕЙКО

У КРИЗИСА НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО
«Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Москвичка»: 1992, №10

Жизнь наша круто переменилась: многое из того, к чему мы привыкли — не только одно плохое, но подчас и хорошее,— уходит в прошлое, многое (и далеко не всегда лучшее) приходит на смену. И все же страна демократизируется: в ней активно начали действовать партии, разного рода общественные движения. Идет раскрепощение ранее остававшихся скованными сил общества. Но одновременно мы знакомимся с тем, что не знали предшествующие поколения советских людей,— с острейшим экономическим кризисом в мирное время, с действиями легально существующих деструктивных сил, пытающихся сокрушить сами основы нашей страны, скоро очевидно столкнемся и с массовой безработицей. На нашем жизненном горизонте маячат рыночные отношения, для оценки которых и определения своего к ним отношения по сути нет ни опыта, ни достоверных знаний. И весь этот вал проблем обрушивается на женщину, которая по-прежнему тянет тяжкий груз повседневных забот. Кто или что довело нашу женщину до жизни такой? Как всем миром помочь ей обрести прежде всего уверенность в завтрашнем дне? Сообща обсудить эти и другие не менее жизненно важные вопросы редакция "Москвички" пригласила специалистов Центра исследований политической культуры России

Участники «круглого стола»:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

В.А.КУЗЕНКОВ, обществовед;

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР;

Л.Г.ЕМОХОНОВА, кандидат исторических наук;

Е.А.ЛАВРИНА, кандидат исторических наук;

П.С.РОМАНОВ, кандидат исторических наук.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. В последние годы мы много и по самым разным поводам говорим об общечеловеческих ценностях, пытаясь сквозь их

призму познавать и оценивать окружающий нас мир. Однако круг таких основополагающих ценностей оказался при этом крайне сужен, ограничен резко идиологизированными понятиями, такими, например, как политический плюрализм, парламентская демократия и пр. Из их числа оказались, исключенными основополагающие человеческие ценности — семья, любовь, Родина. А ведь именно почитание и признание этих — имеющих как бы материнское, женское начало — основ во многом и сформировало всю человеческую цивилизацию. Думается, что как раз этот аспект неувядающего "женского вопроса" и представляет для нас, живущих в эпоху кризиса и острейших потрясений, особую значимость.

П.С.РОМАНОВ. Да, мы вдруг стали настолько политизированными, что, похоже, всерьез возомнили, будто политическая борьба и есть самое наиглавнейшее в жизни. А ведь степень "нормальности" всякого общества зависит прежде всего от того, насколько сам конкретно взятый человек заботиться (и в состоянии позаботится) и о себе, и о других. Политика же — лишь одно из необходимых для этого, но вовсе не достаточных условий.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. К сожалению, пока можно со всей основательностью утверждать, что у нашего общества сформировалось совершенно «не женское лицо». А укоренившаяся привычка сводить равноправие мужчин и женщин к позорному использованию прекрасного пола на особо тяжелых работах придает подчас этому самому лицу просто отталкивающие черты.

Е.А.ЛАВРИНА. И что при том, что среднестатистичсски наша женщина образованнее мужчин. Многие профессии, которые принято считать интеллектуальными, - медицина, педагогика, наука, — у нас просто феминизированы. И тем не менее ев роль в обществе, особенно в сфере государственного управления, политики, хозяйственного руководства, непропорционально мала. Такое положение дел стало традицией и преодолеть его крайне сложно. Парадоксальная же вещь: казалось бы происходящие у нас сдвиги просто обязаны были снести все подобные барьеры, но как раз этого-то и не произошло. Наоборот. женщина остается самой уязвимой и страдающей от бесхозяйственности и хаоса социальной фигурой.

В.А.КУЗЕНКОВ. Может быть переход к рынку выправит ситуацию и поможет нам выйти из этого тупика, быстро и безболезненно развязав все "проклятые" вопросы бытия?

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Ну, если говорить прямо, то о рынке у нас можно пока судить преимущественно по красочным и завлекательным телевизионным репортажам из-за рубежа. И тут трудно не дрогнуть перед

завораживающими взгляд картинами витринного изобилия, перед устроенностью быта, отлаженностью (даже вылизанностью) систем обслуживания Все так. И это, замечу полезно — появляется точка для отсчета, некий “идеал” быта Худо другое- предлагая весь этот рекламный товар (в данном случае западную экономическую модель), его популяризаторы избегают называть цену, которую придется платить. А ведь для начала надо было бы поставить, все-таки наших сограждан в известность, что само понятие “рыночная экономика” давным давно, лет этак 30 - 40 уже, используется в официальном лексиконе международных организаций (в том числе, действующих в системе ООН) в качестве синонима понятия «капитализм и как правило прямо противопоставляется многим из привычных для нас социально-экономическим установкам, в частности, равенству, плановости, регулируемости социально-экономических процессов. Не случайно хранительницы домашних очагов первыми ощутили крутой поворот в нашей жизни, начиная с исчезновения пусть и небогатого, но достаточно стабильного до недавних пор ассортимента товаров в магазинах Пережили шок.

П.С.РОМАНОВ. Хочу заметить, что такого рода закономерность проявила себя практически во всех странах Восточной Европы, которые через этап кризисного развития стали двигаться к “чистому” рынку, который, похоже, ожидает и нас. И там женщины оказались в самом уязвимом положении, активно увольняемых с работы, ущемлены в заработках и т.п.

Л.Г.ЕМОХОНОВА. А ведь это (и там и у нас) только первые шаги в налаживании рыночных отношений, в том числе — и в области трудовых отношений. И может быть. не самые тяжкие. Втягивание страны в слабо регулируемое, а то и вообще стихийное становление рынка с неизбежностью будет проходить через целый ряд стадий — перестроек и ломок Причем влияние мирового (проще говоря — западного) хозяйства будет не только крепнуть. но и предельно взвинчивать этот процесс, ускорять подгонку нашего общества под взятые со стороны мерки, лихорадить общество все новыми и новыми «стимулирующими» шоковыми воздействиями. Так, скажем, на повестке дня уже в недалеком будущем окажется и всеохватная технологическая модернизация. Запад миновал ее 5—10 лет назад. Привела же она к вымыванию многих массовых профессий, в числе которых немало было и «чисто» женских. Затронет она в первую голову тех, кто занят в таких отраслях, как кожевенная, обувная, текстильная, швейная промышленность. Затем, как подсказывает чужой опыт, придет черед и сферы услуг, торговли. Резко сузится область применения таких, на наш взгляд, вечных

и всегда нужных профессий как секретарши, бухгалтеры, гостиничная прислуга, официантки. продавцы супермаркетов и пр.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Получается, что и у западного общества никак не менее "мужское" лицо, хотя, пожалуй, куда более ухоженное. Да. рынок накажет бездельников и бездельниц, расплодившихся у нас, прямо скажем, по множестве (другое дело, кто в этом виноват, не общество ли?). Однако он станет по-своему и жестко перестраивать, ломая, и жизнь всех остальных. Исконное призвание женщин — быть той самой хранительницей семейного очага — им в общем-то нигде и никогда не поощрялось. Возьмем "эталон" капиталистического мира — США. Ведь еще лет тридцать назад большинство занимающихся своим домом хозяек могли там не работать, отдавая себя семье. Теперь это сделалось для подавляющего их большинства невозможным. Не менее половины женщин вынуждены начинать поиски работы почти сразу после того, как ребенку исполняется год. Расхожая идилия - папа, мама и двое детишек, - всегда казавшаяся неотемлемой частью «американской мечты", доступна на деле лишь меньшинству американцев. Коммерциализация всего и вся (вплоть до взаимоотношений друзей, родителей и детей, супругов) не только не снимает самых болезненных проблем человеческого общежития, но и усугубляет их до предела. Семейные устои расшатаны в тех же Соединенных Штатах по меньшей мере не хуже, чем у нас: каждая десятая женщина остается одинокой всю свою жизнь, всякий второй брак распадается.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. У нас же и сегодня с неменьшим азартом, чем прежде (когда все, что происходило за кордоном, мазалось густой черной краской). положение женщины при пресловутом рынке рисуется исключительно в розовых тонах — этакое бесконфликтное и очень комфортное существование. А возьмешь тамошние статистические выкладки и видишь: например, в Италии среднестатистическая сеньора встает в 6— 7 часов утра и уходит отдыхать (в лучшем случае) в половине двенадцатого. остальное же время крутится. как белка в колесе. Могут возразить, мол. заботы-то у нее другие. Верно. Но ведь и нас не утешает, что где-то в Эфиопии дела идут еще хуже и заботы десятков тысяч женщин сводятся к тому, чтобы просто выжить — самим и детям.

В.А. КУЗЕНКОВ. Похоже, что нас ждет очередное разочарования. Причем женщины, как нетрудно заметить, переживают такие упадки доверия острее мужчин. Ведь они куда эмоциональнее и менее сдержаны в реакциях на любую (особенно неприятную) новацию, беззащитны перед опасностью Тем временем как раз они-то часто и становятся у нас главным адресатом, к которому взывают о поддержке са-

мые разные политические силы, а также отдельные деятели. И не скупятся на посулы: Трудно не вспомнить, например, такие обращения: “Я обещаю женщинам, что они будут иметь оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до исполнения ему 10 лет”. Какой уж тут продленный отпуск, когда, чтобы только прокормить этого ребенка, придется (учитывая скачок дороговизны), наоборот, пораньше и побольше начать работать. Вот и рождается скепсис ко всему и вся. Например, социологическое обследование, проведенное в феврале-марте текущего года. показало, что, на взгляд примерно трети москвичек, активисты разного рода движений просто-напросто преследуют свои личные цели. Почти вдвое большая их доля не в силах вообще разобраться в общественных событиях. Не менее половины возлагают всю ответственность за расстроившуюся жизнь на органы власти, бессильные победить надвигающийся хаос. Доминирующее их мироощущение — тревога.

Е.А.ЛАВРИНА. К тому же чувства эти тем сильнее, чем меньше могут сами женщины участвовать в делах политики. Невзирая не преобладание «слабого» пола во многих областях интеллектуального труда, у нас так и не сформировался тип женщины-лидера. Нет на него спроса в обществе. Разблокировать этот затор значило бы получить целую плеяду активных и способных к действию людей. Вспомним, как много воистину блестящих государственных деятельниц дали за рубежом 60—80-е годы: Индира Ганди в Индии и Беназир Бхутто в Пакистане. Сиримаво Бандаранаике в Шри Ланке... И выдвинуты они были на первые государственные роли вовсе не в годы спокойствия и процветания, а в суровые времена, когда под угрозой оказались сами основы существования их стран. Может и наши дела пошли бы лучше, окажись у власти такие же энергичные, собранные, по-своему мудрые дамы...

П.С.РОМАНОВ. А может, упомянутым женщинам было проще сделать политическую карьеру уже потому, что вышли-то они из привилегированных семей и не тратили сил на выживание?

Е.А.ЛАВРИНА. Л у нас, что же, нет элитных семей? Так почему же они не могут дать из своей среды подобных личностей - женщин? И потом, не стоит, право, забывать, что жизнь упомянутых женщин вовсе не была усыпана розами. Туг дело все-таки в самом обществе, в его способности находить, растить, выдвигать способных. Этого нам и недостает.

П.С.РОМАНОВ. Однако же именно интересы женского населения становятся нередко теми узлами противоречий, вокруг которых разгорается политическая борьба. Напомню, одним из первых требований польской “Солидарности” на переговорах с правительством стали в свое время как раз вопросы, связанные с отпусками по уходу за детьми,

состоянием медицинского обслуживания и прочие. Именно активность в этих делах позволила «Солидарности" опереться на женское большинство национального корпуса избирателей и победить.

С.П.ОБУХОВ. Есть тут и другая сторона медали. В чем, коли вдуматься. заключен один из существенных недостатков нашего политического «класса», рожденного перестройкой? Считаю, в слабости сдерживающих начал, в излишнем радикализме и нетерпимости там, где требуется особая осмотрительность. Похоже, что в силу крайней слабости своего "женского начала", он и выглядит о глазах народа чем-то вроде "грубого мужика" из известной песенки В. Высоцкого про джина, ненароком выпущенного из бутылки. Напомню, доля женщин среди депутатскою корпуса России составляет лишь 5,3%, переде членов Верховного Совета — **7,6.** А вот поведение их — при всех эмоциональных всплесках и проявлениях милой женской непоследовательности - достойно всяческого уважения. Во-первых, они куда решительнее и серьезнее мужчин включились в депутатскую работу: степень их присутствия среди депутатов, полностью посвятивших себя парламентской деятельности, почти вдвое превосходит их же удельный вес в депутатской массе в целом. Иными словами, они быстрее профессионализируются. Во-вторых, им, как правило, чужды крайности. Нетрудно проследить четкую закономерность: чем взвинченнее ведет себя та или другая депутатская группа, тем меньше склонны вступать в нее женщины и, наоборот, чем сильнее в ее позициях государственнические, созидательные, противостоящие развалу начала, тем выше присутствие в ее рядах представительниц прекрасного пола. Тут можно упомянуть и Российский союз (РХДД), и «центристов», и "Россию", и некоторые другие депутатские объединения.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Близкую ситуацию выявляют и результаты опросов, проводимых нашим Центром исследований политической культуры России. В том числе — и посвященных опасной перспективе гражданской междоусобицы в стране. Данные эти свидетельствуют: доля тех. кто готов сегодня, очертя т олову, кинуться в пламя новой гражданской войны, среди женщин заме то ниже (30,9 проц.), нежели в среде мужчин (38,6 проц.). И, наоборот, в числе лиц, высказавшихся на референдуме против сохранения Союза ССР. женщин оказалось раза в полтора меньшая квота, чем во всем избирательном корпусе России в целом.

В.А.КУЗЕНКОВ. Так будем надеяться. что общая наша сегодняшняя взвинченность будет рано или поздно умиротворена, в том числе - и усилиями наших женщин, которыми ко всем их заботам (нынешним и предстоящим) придется, *как* видно, добавить и этот груз.

ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ЕВРОПЫ. ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МОДЕЛИРОВАНИЕ И СЦЕНАРИИ ДЛЯ ЕВРОПЫ
Международная научно-практическая конференция. Гориция (Италия). 5-16 сентября 1994 года

В международной научно-практической конференции от Центра исследований политической культуры России принял участие В.К.КОЛОМИЕЦ, кандидат исторических наук

За стихийно нарастающим у нас в последние годы спросом на знание о прошлом, за «исторической лихорадкой» наступившего нового «века истории» пока с трудом поспевает теоретическое осмысление данного феномена. Этот «ажиотажный» спрос, каковы бы ни были его причины, а они сложны, разнообразны и разнохарактерны, подстегнул интерес обществоведения к изучению массового исторического сознания. Первенствует здесь — в выяснении его содержания, характера исторических предпочтений людей, их симпатий и антипатий к событиям и деятелям прошлого — не столько сама историческая наука, сколько политическая социология — отрасль обществоведения, которой мы уже сейчас обязаны накоплением интересного эмпирического материала[1]. Это перспективное направление, формирующееся на стыке историографии, социологии и политологии, в своем развитии может опереться на достижения соответствующих зарубежных, в частности итальянских исследований.

Примечательны исследования, ведущиеся в университете южно-итальянской области Калабрия. Их результаты недавно обсуждались на одном из семинаров, где исследователь из этого университета П. Едловски в своем докладе (а ранее — в одной из публикаций) обратил внимание на то, сколь небывало усовершенствовались в самое последнее время способы хранения и передачи исторической информации. Объективированная память общества вместила столь громадное информационное наследие прошлого, что только лишь его малая часть может стать достоянием памяти субъективной, носителем которой выступает статистически усредненный человек. Складывается, считает он, парадоксальная ситуация, когда информационный взрыв, порождая совершенно новый тип много, но поверхностно знающего «информиро-

ванного» человека, влечет за собой «фрагментаризацию, выхолащивание коллективной памяти людей и, в противовес этому, возрастание значения личной памяти для взятых в отдельности индивидов»[2].

Несомненно, выводы о подобного рода процессах, как они наблюдаются «невооруженным глазом», нуждаются в верификации, а стало быть, сами процессы — в анализе, в том числе количественном. При этом раздельному рассмотрению подлежит элитарный (профессиональные историки) и массовый уровни исторического сознания (или, по терминологии П.Едловски, исторической памяти), ибо на каждом из них посвоему реализуется важная специфическая функция данной формы общественного сознания, состоящая в установлении критериев отбора, объема и содержания достопамятного[3]. Такие критерии, покуда речь идет об историческом сознании элитарного уровня, обладают более или менее выраженной однородностью, определяясь в каждую данную эпоху единством менталитета историков, совпадением их гносеологических установок, способов истолкования содержания истории[4]. Однако в этих определяющих элементах заложена и стойкая тенденция к дифференциации; на уровне массового исторического сознания она многократно усиливается.

При «измерениях» состояния исторического сознания путем выявления существующей в нем «шкалы достопамятностей» само понятие достопамятного «поворачивается», естественно, теми или иными сторонами своего смысла в зависимости от принципов построения ««предъявляемого» исторического события иного ряда, задающего в каждом случае свою особую меру достопамятности. Но здесь важна сама информативность вариантов соответствующей процедуры. Мы обратимся к тому из них, при котором состояние коллективной исторической памяти выявляется через указание каждым из опрашиваемых наиболее важного, по его мнению, события за определенный период исторического времени.

Так, согласно одному «массовому» опросу (1989 г.), облик XX века в преобладающей степени, по мнению относительного большинства итальянцев, определило открытие пенициллина и других антибиотиков (41 *%).* Затем на более или менее сопоставимом уровне оказались советская перестройка (26,3 %), вторая мировая война (24,1 %), завоевание космоса (23,7%), раскрепощение женщины (22,8 %), изобретение радио, телевидения (21,5 %) и компьютера (20,5 %). «Менее значимыми» событиями века оказались открытие атомной энергии (15,6%). II Ватиканский собор (12%) и I мировая воина (11 *%).* Далее по степени значимости следовали деколонизация и проблемы «третьего» мира, нацизм,

теория относительности Эйнштейна, изобретение аэроплана н трагедия уничтожения евреев в нацистских концлагерях[5]. (Едва ли не замыкающее (20-е) место в этом ряду исторических событий запила Октябрьская революция[6].

Подчеркнем, что итальянское общественное мнение в данном случае зондировалось по шкале достопамятностей, выявленной в ходе предварительно проведенного опроса среди самых авторитетных профессиональных историков, принадлежащих к различным историографическим школам и направлениям. Их исторические предпочтения распределились совершенно иначе, а именно в виде ряда, который начинается первой мировой войной (39%), открытием атомной энергии (36%), Октябрьской революцией (34%) и второй мировой войной (30%). К одному уровню по исторической значимости были отнесены распространение массовых коммуникаций, деколонизация и нацизм (по 26%). Завершили исторический ряд открытие пенициллина и других антибиотиков (25.%), завоевание космоса, а также внедрение новых технологий, повлекших за собой необратимые изменения в моделях культуры и в повседневной жизни миллиардов людей (по 16 %)[7].

Таким образом, для исторического сознания профессионалов характерно выделение тех событий и явлений, которые, даже будучи удалены от сегодняшнего дня, сыграли роль сильного изначального импульса для развития человеческого общества, стали поворотными моментами в его исторических судьбах. И напротив, «человек с улицы» в многообразии опыта прошлого примечает в первую очередь те события, которые либо имеют свое продолжение в настоящем, либо, по крайней мере, отделены от него сравнительно небольшим промежутком времени.

На обоих уровнях— и элитарном, и массовом - как видим, выражена (хотя и по-разному) та избирательность исторической памяти, которую П. Едловски (вернемся к нему) рассматривает как свойство относительно недавнее по историческим меркам. Прежде функцией памяти было по преимуществу накопление информации, и именно с этих позиций воспринимались, например, случаи феноменальной человеческой памяти; она считалась проявлением некоей высшей формы познавательных способностей. Когда же технический прогресс позволил передоверить львиную долю информационного материала уже не только бумаге, но и фотопленке, магнитной ленте и, наконец, компьютеру, тут-то первенствующее значение и приобрела избирательность памяти. Но если и так, то что же из этого следует? Возрастающая технологизация передачи знания о прошлом, от одного поколения к другому — таков, в частности, вывод П. Едловски — ведет к упадку роли «нотаблей» памя-

ти: стариков, священнослужителей, интеллектуалов, издавна выполнявших в обществе функции опосредующего механизма между прошлым и настоящим.

Этот вывод — по сути, об отмирании функций живых носителей исторической памяти — кажется нам чересчур поспешным, вольно или невольно «спрямляющим» те пути исторического познания, на которых историческая память массовых слоев современного общества реально осуществляет свою избирательность. Проиллюстрируем эту мысль некоторыми (хотя и частными) результатами одного демоскопического исследования. Согласно этим результатам, в начале 80-х годов итальянцы в значительном относительном большинстве (48 %, а среди молодежи в возрасте от 15 до 19 лет – 55,8%) предпочитали удовлетворять свой интерес к прошлому, посещая те или иные исторические места, тем самым сводя, казалось бы, действительно к минимуму всякого рода опосредующие звенья. Трудно, однако, представить себе такое познание прошлого в «чистом» виде: оно, конечно же, подкреплялось и чтением исторической литературы (которое заняло первое место в числе способов знакомства с историей у 16,9 % итальянцев), и программами радио- и телепередач на исторические темы (12,3 %), и историческими фильмами (6,5 %), и даже чтением специализированных исторических журналов (5 %)[8]. То есть почти половина опрошенных в процессе исторического познания не могла обойтись без неких опосредующих механизмов. Совершенно очевидно, что функции таковых в значительной мере выполняли массовые коммуникации.

Действительно, современные исследователи социологии памяти (и, в частности, французский социолог Ж. Намер) признают за массовыми коммуникациями активную посредническую роль в историческом познании. Коммуникационные каналы работают как системы, производящие отбор и интерпретацию исторических событий, наследуя, вбирая в себя, а порой в чем-то существенном по неизбежности и отрицая традиционные функции уже упоминавшихся «нотаблей» памяти. В свете этого вывода существенно смягчается неоправданно жесткое противопоставление: объективированная память общества, механически «складирующая» громадные массивы исторической информации,— на одной стороне, и память человеческая с ее предельно выраженным принципом «чисто» субъективной избирательности — на другой.

Ж. Намер вводит также понятие активной исторической памяти, выражающей собой политические устремления тех или иных общественных групп или их элит к господству в области истолкования прошлого. В его работах, к примеру, анализируется различие подходов двух веду-

щих политических сил послевоенной Франции (голлистов и коммунистов) к напоминанию о прошлом и борьба каждой из них за утверждение своего представления об историческом развитии, сообразующегося с соответствующими политическими ориентирами современности. Память общества оказывалась, таким образом, не механическим результатом накопления исторической информации, а итогом острой политической конкуренции версий прошлого.

Впрочем, данная проблема, думается, достаточно «вечная», она лишь по-своему воспроизводится каждой эпохой. Развитие же технических средств хранении и передачи информации о прошлом, в результате чего она все более отчуждается от человека, выводится во внешние по отношению к нему объекты,— проблема достаточно новая, неведомая прежним исследователям социологии памяти, закладывавшим ее основы, как, например, французский историк М. Альбвакс, еще в межвоенный период[9]. Ныне наибольший интерес эта проблема представляет, по-видимому, применительно как раз к роли массовых коммуникаций. Последние не только являются средством хранения памяти, но и оказываются каналом, все чаще претендующим на монопольное, от лица всего общества, едва ли не единственно адекватное истолкование наследия прошлого.

Однако остается еще вопросом, насколько такая претензия реально обоснована. Обратимся к данным одного недавнего демоскопического исследования. Оно было проведено по горячим следам выборов 1990 года, в ходе которых ряд новых политических образований, таких, как Венецианская лига, предприняли попытку развенчать героев Рисорджименто, в первую очередь Гарибальди, оказавшегося, согласно их концепции исторической генеалогии, предшественником современного терроризма. Эти сурово осудительные интонации в политической полемике были подхвачены и представителями интегралистского крыла католического движения. В этот же хор голосов влились разоблачения бывшего партизана О. Монтанари по поводу эксцессов насилия, имевших место в период Сопротивления[10].

Словом, средства массовой коммуникации, моментально подхватившие все эти «горячие» исторические темы, стали вольным или невольным популяризатором принципиально новой исторической концепции развития итальянского общества, решительно опровергавшей, казалось бы. незыблемые исторические мифы. Тем не менее эти эффектно поданные и в чем-то, быть может, внешне убедительно аргументированные попытки ниспровержения с исторического пьедестала героев прошлого не нашли сколько-нибудь значительного отклика у итальян-

цев: большая их часть продолжает верить в действенность и актуальность ценностей как Рисорджименто (50,6%), так и Сопротивления (56,2 %)[11].

Стало быть, прессинг средств массовых коммуникаций, стремящихся навязать совершенно иное видение истории, отнюдь не решает такой задачи, даже когда достигает «пиковой» отметки. Исторический менталитет общества демонстрирует куда большую устойчивость, постоянство в своих критериях подхода к прошлому, чем могло бы показаться на первый взгляд. В этом смысле новый «век истории» (с такими присущими ему чертами, как пересмотр традиционной шкалы истерических ценностей, как вера, порой чрезмерная, в технологизацию хранения и передачи информации о прошлом), если и способен в некоторых случаях вызвать «ажиотажный» спрос на историю, в конечном счете не несет с собой переворота в историческом сознании, которое, несомненно, подчиняется более глубоким социокультурным детерминациям.

---

[1] См.: Журавлев Г. Т., Меркушин В. И., Фомичев Ю. К. Историческое сознание: опыт социологического исследования. // Вопросы истории: 1989, № 6. С. 118— 129. См. также ряд статей С.Васильцова (Родина: 1989, №9. С. 81-83; 1990, № 2. С. 35-37; №4. С. 10-12; Рабочая трибуна: 1990, 20 мая).

[2] Jedlowski P. Memoria e modernita. Osservazioni in margine ad Halbwachs, Benjamin e Simmel // Quaderni del Diparimento di Sociologia, 5. Universita Della Calabria, Cosenza, 1988. P.22.

[3] Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. - М., 1987. С.6.

[4] Ук. автор. Индивид – общество – история //Новая и новейшая история: 1989, №2. С. 3-14.

[5] Battista P. Guerra o Pace? //Epoca. 1989. № 2043. P. 175-176.

[6] Ibid. P.174.

[7] Ma i lettori non sono d'accordo.... // Storia illiustrata. Supplemento al N 2044 di "Epoca" del 10.12.1989. P. 79.

[8] Mieli P. Cosa pensano gli italiani della loro storia //L'Espresso: 1983, № 44. P. 97.

[9] Halbwachs M. La memoria collettiva (A cura di P.Jedlowski). - Milano, 1987.

[10] Canfora L. Processando la storia si arriva anche a Garibaldi //L'Unita: 1.IX.1990. P.17; Brindoni U. Mal di Patria //Panorama: 1990, № 1275. P. 38-31, 43.

[11] Brindoni U. Op. cit. P.40.

ИМПЕРСКАЯ ДОМИНАНТА. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ

«Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Мегаполис-Континент»: 1994, №44

Так кто же мы, откуда родом и куда идем, каковы наши исторические права, к чему стремимся? Вопросы эти все громче раздаются сегодня практически повсеместно - и в «коридорах власти», и на семейных застольях. Но обретение собственного «я» немыслимо без плодотворной и внятной для народа национально- государственной идеи. Разговор на данную тему мы открываем, публикуя материалы «круглого стола», организованного Центром исследований политической культуры России

Участники «круглого стола»:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР**;**

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА, кандидат исторических наук;

Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук;

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук;

В.Г.РУПЕЦ, кандидат экономических наук.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Отличительная черта наших дней - отсутствие у России национальной государственной идеологии, способной указать стране главные задачи и цели предстоящего ей в обозримом будущем пути. Прогнозы же на XXI век гласят: мир ожидает период ожесточеннейшей борьбы. Для одних это будет схватка за «наследство» СССР и положение второй сверхдержавы. Для других - битва за элементарное выживание на оскудевшей ресурсами земле. Ностальгические попытки реанимировать ценности типа «самодержавие, православие, народность» безнадежны. Они скорее жест отчаяния со стороны тех, кто, чувствуя потребность в сплачивающей нацию идее, бессилен ее породить. Обречены, похоже, и реставрационные устремления в кондово марксистском духе. Что же до концепций горбачевского «нового мышления», то они обанкротились до конца, реализовавшись буквально с «точностью до наоборот». И никакие социал-демократические перелицовки не в состоянии тут помочь.

С.П.ОБУХОВ. Словесная жвачка, из которой нынешний режим пытается вылепить собственную версию национально-государственных интересов, также отталкивает людей. Отчаянные призывы к Западу всем набили оскомину. Даже российские «верхи» разражаются упреками в адрес зарубежных партнеров за двойной стандарт при учете интересов России и Запада. Мы уже видим чуть ли не свалку на нашем политическом Олимпе и у его подножия за возможность быстренько и пусть даже кое-как попользоваться любым источником - вплоть до древних учений Заратустры, Будды, Христа - лишь бы выдать заявку (как это, например, сделано в известном послании парламентариям Шумейки) на право «лично» преподнести Отечеству некую спасительную идею.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Многое тут проистекает из невостребованности нашего собственного исторического опыта. Его предпочитают подменять другим. Либо ходульными шоу в стиле «а-ля рюсс». Либо бесконечным пропагандистским действом на слова Льва Давидовича Троцкого насчет того, что Россия-де «является лишь поверхностной имитацией высших западных моделей и ничего не внесла в сокровищницу человечества».

С.П.ОБУХОВ. Не потому ли на роль теоретических новинок у нас с охотой принимаются даже столь замшелые вещи, как «евразийство». Возможно, как интеллектуальная гимнастика и элемент конкретной политики «евразийство» сегодня и полезно. К тому же оно позволяет прояснить характер и скрытую подчас динамику взаимоотношений государственных лидеров, особенно по оси Назарбаев - Ельцин. Но вот стратегическая отдача «евразийских» исканий скорее всего никогда не станет велика. Ибо сами по себе они больше психологическое, нежели геополитическое явление. И это естественно, поскольку «евразийский» синдром рожден был прежде всего жгучей обидой нашей белой эмиграции на союзников, спасовавших перед большевизмом. Мол, раз вы так, то и мы не желаем дальше быть Европой. А станем - вам назло - Азией-с; монгольские ханы и улусы нам куда роднее европейских культурных очагов! Сегодня ситуация повторилась. Смена же монгольских вех на тюркские тут мало что меняет.

Нет, главная ось российской политики указывает другое направление - работу по восстановлению единства великоросского, украинского и белорусского народов на почве общей государственности. Тем более что в народах этих данное требование выдвигают по меньшей мере три четверти граждан.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Нынешнее «евразийство» используется и как полигон для обкатки самых горячечных политических откровений - будто русских никогда и не было, а их государственность искони строил кто-то

другой; что и сейчас, и впредь нам долженствует жить с виноватой оглядкой на все четыре стороны света и т.д. А, в общем, все эти «евразийские» и родственные им витийства - дань ветхозаветной байке про историческую «недостаточность» русской нации. Последняя-де просто неспособна существовать и двигаться вперед без этаких подпорок в лице иных, более «жизнеспособных» и «предприимчивых» этносов.

У нас стало традицией не замечать, что российское государство есть не что иное, как исторически сложившееся политическое, социальное, экономическое и, главное, духовное наполнение и оформление самодостаточного геополитического пространства. Как любое государственное здание, оно складывалось из этаких глыб-народов и скреплялось цементирующим началом, основу которого у нас составляет русская нация. И вообще Россия - своего рода Вселенная, подвижная и способная очень гибко меняться. Она то сама делается ядром и сутью Евразии, по отношению к которой вся прочая Европа и сопредельная Азия выступают в качестве лишь периферийных зон, этаких «сеней» государства Российского. То, наоборот, выглядит преимущественно буфером и прокладкой, чей удел - разводить в стороны опасно противоборствующие Запад и Восток. Понятно, что такую роль России никогда бы не удалось сыграть, не обладай ее несущий русский этнос (да и все восточнославянские народы) умением не только отыскивать себе «ниши» в толще чужих культур, но и предоставлять этим чужим культурам место под собственной сенью.

Разумеется, умение вбирать в себя все новые культуры вырабатывалось далеко не сразу. Оно быть может родилось в ходе тысячелетней и тысячеверстной миграции юго-восточной ветви индоевропейцев (то есть их собственно арийского субстрата), вызванной во II тысячелетии до новой эры катастрофическим похолоданием, с Севера на Юг, - к нашим равнинам, и дальше, вплоть до Индийского океана. Преодолеть такой путь, уповая только на силу и оружие, было немыслимо - наших пращуров просто уничтожили бы и растворили в себе встречные племена. Дабы выжить, приходилось учиться - учиться сосуществовать.

В.А.КУЗЕНКОВ. Однако весь этот набор околоарийских мотивов в нашей протоистории спорен, да к тому же скомпрометирован вниманием к нему нацистов. К тому же подобные сюжеты почти неведомы нашим современникам...

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Согласен, все это спорно. Но не более спорно, скажем, чем близкое родство нынешних итальянцев с римлянами или современных греков с эллинами античности. Индоарийская проблема, говорите вы, скомпрометирована? Однако на земле вообще нет «непорочных» идей и культур. Причем не в силу того, что кто-то когда-то ими

интересовался, а из-за их собственных деяний. Возьмем ту же западную цивилизацию, это мерило гуманности и прогресса. Разве не она - хищник и паразит - повинна в истреблении и грабеже большей части одновременных ей цивилизаций? Так почему же вопрос никогда не ставится так: пусть европейцы вместе с потомками некогда завезенных ими негров-рабов покинут Америку и вернут захваченные силой и обманом земли их законным владельцам - индейцам, наследующим великим империям ацтеков, инков, майя и пр. Пусть белые поселенцы освободят от себя Австралию и Океанию и предоставят местным племенам жить по их собственному усмотрению. Но тут - глухое молчание.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Запад и поныне подает себя этаким мерилом «качества» для любой цивилизации. Особенно российской. Уже в силу своего положения Россия всегда ощущала неослабное и сулящее ей гибель давление извне по всему периметру своих границ, она извечно питала и культивировала в себе острую непримиримость к любым позывам сепаратизма, дробящего силы нации. Так было даже при феодализме, который не смог привести у нас к полному расколу общества. Мощь централизующих начал оказывалась столь велика, что по-своему гнула и самозванцев. Даже такие личности, как Лжедмитрий I, который (к вящему изумлению иностранцев) вдруг начинал требовать для Руси ранга империи, ссорясь при этом со своими благодетелями-поляками. А разве не то же самое происходит сегодня с воцарившимися в стране «демократами»? Я бы сказал так: когда наши очередные реформаторы норовят перелицеватъ Россию на зарубежный манер, они уподобляются этаким горе-спецам, что корежат новейший телевизор на жидких кристаллах, стремясь отыскать внутри него единственно знакомые им схемы на катодных лампах.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Сегодня часто и охотно говорят об имперском призвании России. Особенно когда пытаются определить суть ее геополитического призвания. Но термин этот все-таки неудачен. Слишком сильный негативный заряд он вобрал в себя. Империя в понимании людей - насилие, угнетение, зло.

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА. Для решающей части россиян империя означает монархию. А она сегодня - что бы там ни пытались доказывать - авторитетом в народе не пользуется. Не даром же по материалам зондажей за монархическую форму правления высказывается не больше 2-4 процентов респондентов.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вообще-то история знает империи и без монархов. Рим при Цезаре юридически оставался республикой. Спокойно употребляется термин «имперский» и для определения государственных

интересов США. Забавно другое - о монархии у нас сегодня любят потолковать не в массах, а на самых «верхах». То шепчутся о неком регентстве. То подсчитывают шансы на корону малолетнего Георгия Гогенцоллерна - немецкого принца согласно законам престолонаследия и выдвиженца мировых властных сил по политическим его «корням». Мысль энтузиастов прозрачна. Во- первых, суета вокруг реставрированного трона способна на время отвлечь общество от куда более важных проблем. Во-вторых, появляется хороший шанс так повязать западноевропейцев (особенно Германию), что в случае «русского бунта» они уже не смогут отойти в сторонку. И, наконец, в третьих, и на самый худой конец: появляется своего рода громоотвод - ведь на Руси водилось в критический момент сбрасывать на копья обозленной «черни» какую-нибудь знатную фигуру. При нашем хаосе несложно сегодня и далай-ламу на русский престол подсадить. А вот что с ним станется завтра?

В.Г.РУПЕЦ. Вместе с тем у нас с охотой перенимают из-за рубежа все, что уничижает сами понятия - империя, держава. Цель - нанести удар по силам консолидации. И это подчас удается. Тем более, что простой человек у нас даже не знает, что такое империя.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вообще-то можно выделить два главных вида имперских образований, т.е. сложных структур, как бы суммирующих в рамках единого геополитического пространства несколько разнородных государственных начал. Обобщенно их можно назвать византийским и западным типами империй. Россия принадлежит к первому. И в этом качестве на самом деле наследует таким историческим феноменам былого, как греко-македонская и римская державы. В то время как европейские аналоги относятся ко второму образцу и органичной связи с древней магистральной мировой традицией не имеют. Они - преемники «варварского» государственного начала. Им, замкнутым на «пятачке» оконечности Европы, просто некого было «охватывать» - не хватало ни пространства, ни этнокультурного многообразия, ни социально-экономической почвы. Для них оставалось одно: подражать оригиналу, симулируя имперскость с помощью колониальных захватов, т.е. путем неестественного приращения территорий и культур, так и остающихся навсегда им чуждыми.

Эта вторичность западных империй просматривается и в прямолинейности их жизненного пути. Как правило, они не выдерживают тест на возрождение, столь любимый историей. В то время как по-византийски скроенная держава знает как тяжкие болезни, так и выздоровления.

И еще одна особенность «органичных», если так можно их назвать, имперских образований. Им в целом присуще сохранять этнокультур-

ные отличия (даже поощряя их) только в «низах» общества. Во властных же «верхах» национальный момент чем выше, тем сильнее игнорируется и даже активно стирается. Вспомним: многие правители Рима были выходцами из самых разных народов того времени, тогда как уроженцев Вечного города и его окрестностей в их среде встречалось мало. А престол Византии? На нем сиживали и греки, и армяне, и выходцы из славян, и представители самых разных племен. И на Руси мало кого смущало, если шапка Мономаха возлагалась на Бориса или Федора Годуновых, происходивших от татарского мурзы, на лифляндку Екатерину I или «чистопородную» немку Екатерину II...

В.А.КУЗЕНКОВ. Аналогичной была обстановка и в служилых слоях самого высшего ранга. Правительство России мог возглавлять и грек Каподистрия, и еврей Нессельроде, и армянин Лорис-Меликов. Критерий был прост: служит государству - и слава Богу! Русские аристократы считали за честь быть под началом «арапа» Ганнибала или грузина Багратиона.

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА. Думаю, что произойди сегодня президентские выборы в заново объединившемся государстве, и многие из россиян предпочли бы, к примеру, Лукашенко, сохрани он нынешние черты ярого государственника.

В.Г.РУПЕЦ. Все это так. Но почему, анализируя общественную обстановку, мы все-таки с упорством упускаем из виду такой момент, как состояние социальной сферы, как тенденции, развивающиеся на уровне массового не только мироощущения, но и поведения граждан. В том числе в области рабочего движения, которого в России вроде бы вдруг и «не стало». Да, вызвать у россиян аллергию на слово имперский и на всеохватную государственную практику не удается. Нет, можно сказать, должной среды для такого отторжения - того самого достаточно массового русского воинствующего национализма и российского фашизма, об активном и повсеместном проникновении которых в общество и рабочее движение России столь упорно иногда твердят. И вообще: слить в массовом сознании имперский образ России с тупым национализмом не получается. Даже в зонах этнического кризиса. Уж на что Дудаеву хотелось бы сорганизовать в Чечне этнически чистые “вайнахские” профсоюзы, но и ему это не удалось. Пришлось разгонять разом все существующие профессиональные структуры. Национальная идея в России - во всяком случае в профсоюзном движении - все отчетливее обретает контуры идеи общероссийской, не раскалывающей, а объединяющей страну. И делается ясно одно: этнические чистки на прибалтийский лад у нас не пройдут.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Правда, кое-чем за эту имперскую вненациональность приходится платить. И платит более всего тот самый - связываю-

щий собой имперские государственные структуры этнос. Еще античные авторы сетовали: слово «эллин», мол, потеряло свой национальный смысл. То же самое случилось позднее и с византийским самоназванием «ромей». У нас внеэтническое наименование народа даже пытались сконструировать искусственно, породив «советского человека», который, как теперь оказывается, был и не столь уж эфемерен. А следом за развалом СССР вновь привилось возрождать стародавнее имя «россиянин», пущенное в оборот еще прозорливцем Петром I. Так что русским, как видим, тут даже повезло: они сумели сохранить свое этническое «я» в целости.

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА. И тем не менее существует расхожая версия, согласно которой и понятие «русские» - всего только прилагательное, не имеющее конкретного национального наполнения и звучания.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. В самом деле, несовпадение в этнокультурном вопросе - важнейший из разделяющих цивилизации факторов. И здесь по одну сторону мы видим ту имперскую традицию, которую олицетворяет Россия и которая исходит из государственной равноправности этносов и ставит на их естественное слияние, начиная с вершин власти. А по другую - Запад с типичным для него этническим оформлением отношений господства и подчинения. Им национальные особенности еще терпятся на уровне «элиты», но всемерно нивелируются и искореняются в остальном обществе. Такова была франкская держава Карла Великого. Такими же были и ее преемницы, что прекрасно видно уже из наименования одной из них - Священная Римская империя германской нации. Межэтнические проблемы разрубались там мечом.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Заметим, что имперские образования Запада иногда мучительно пытались преодолеть эту свою “врожденную” ограниченность. И ... срывались. Ибо с этнополитической своей сутью они могли бороться исключительно этнополитическими же методами. Национальный момент в их государственном строительстве не искоренялся, а лишь расползался вширь. Достаточно вспомнить Австрийскую империю, пришедшую на смену Священной Римской империи. У нее еще хватило сил стать Австро-Венгрией. Но на следующий шаг, требовавший заложить в основы государства уже не «дуалистический», а тройственный принцип - признать права славянских народов - ее уже не хватило, империя надорвалась, сойдя с исторической сцены.

В.А.КУЗЕНКОВ. Очевидно, что между двумя указанными цивилизационными началами пролегла этакая линия разлома. Попавшие в него народы навечно обречены колебаться то туда, то сюда. Но такие пробежки, как говорится, всегда чреваты... Смены имперских культурообразующих доминант способны провоцировать лишь тяжелые потрясе-

ния, подлинные болезни общества. Взять наши бывшие прибалтийские республики: бросок из российской государственной традиции в традиции западные - и пожалуйста: торжество этнополитических принципов общественной жизни, взрыв шовинизма на государственном уровне.

С.П.ОБУХОВ. Любопытно, что и сам Запад явно не в силах проглотить оторванные от Союза куски. Мешает, очевидно, та самая культурно-цивилизационная разнородность. В итоге бывшие земли СССР и страны развалленного социалистического «содружества» как бы зависли между двух миров. Западу же остается одно - маневрировать, стремясь хоть как-то структурировать открывшуюся у него под боком геополитическую “дыру”. Здесь, видать, берут начало такие шаги, как недавно организованная в американской печати утечка информации о том, что Штаты якобы готовы признать за Россией даже право на контроль над странами Балтии, если взамен она смирится с проведением «границы Европы» по восточным рубежам Польши.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Поэтому-то попытки последних лет сменить российскую имперскую доминанту на западную не принесли и нам ничего, кроме катастрофы. Вышло нечто напоминающее аннигиляцию - взрыв разнозаряженных общественных материй. Причем в эпицентре его оказались взаимоотношения России с Америкой, которой выпало решать, быть такому сближению или нет. И вот Штаты постановили: Россию в западную цивилизацию не пускать. В итоге - провал по всему полю. Ничего из некогда обещанного Горбачеву за развал государства и его союзного окружения не исполнено. Диалог же с нынешним российским руководством напоминает унылую песенку ни о чем. Ссылки на малую демократичность нашего общества, призванные оправдать подобное топтание на месте, выглядят предельно легковесными. Китай, например, куда как «демократичен» на западный взгляд, но сотрудничество с ним США растет и крепнет. И становится понятным: речь идет о вечном состязании двух разных типов организации огромных геополититических пространств, в котором, может статься, и заключена главная суть и противоречие современной цивилизации. Его нельзя ни заболтать, ни отменить на бумаге, ни прекратить путем предательства.

С.П.ОБУХОВ. Попытки стереть с карты мира зоны российских интересов сегодня только провоцирут всесветский кризис. Вот уже и «региональные сверхдержавы» вовлекаются в общее противостояние. Скажем, Турция, закрывая перед российскими кораблями проливы, ведет себя словно во времена Екатерины. Тут, правда, создается парадокс: самое глупое, что мы в этой связи способны сделать, это вступить в навязываемый конфликт всерьез. И не потому, что Турция сегодня об-

рела особый вес в указанном регионе, она здесь всегда его имела. Дело в другом: даже самый крупный успех в таком столкновении даст нам дорогу из одной, черноморской, закрытой лужи в другую, средиземноморскую. На дворе не «осьмнадцатый» век. Судьбы цивилизации решаются не во внутренних морях, а на океанах. И как раз в том, что нас пытаются оттеснить от них, и состоит главная угроза. Не важно - попытки ли это «тихой сапой» отторгнуть Южные Курилы и лишить тем самым Россию прохода в Тихий океан, или мечта, суверенизировав до полной враждебности балтийские земли, оставить нас без удобных портов на Балтике, а значит, и в Северном Ледовитом океане. Вот это имеет непреходящее значение.

И еще одно. Пора бы тщательно подсчитать, каков может быть итог целого ряда новых ситуаций, грозяших возникнуть в сопредельных геополитических областях. Ну, например, чем в состоянии обернуться создание суверенного курдского государства? Что будет, если мы все-таки перестанем глупо предавать собственные интересы в иракском вопросе? Как повлияет на конфигурацию мировых сил югославская трагедия? За каждым из них - перспектива геополитического прорыва.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Так или иначе, но сегодня пора сказать, отбросив всякие околичности: России необходимо закрепить за собой в качестве зон особых интересов всю территорию бывшего СССР. Симуляции активности в этом вопросе, с недавних пор предпринимаемые официальной Москвой, скорее маскируют имеющиеся здесь проблемы, чем решают их. Пришло время концептуального оформления политики. Необходимы последовательные и серьезные меры на всех уровнях - дипломатическом, экономическом, морально-политическом и прочих.

Если же говорить о наследии СССР, то за Россией тут все законные права. Экономические: поскольку и производственный потенциал, и системы энергоснабжения, транспорта, связи создавались ее руками. Исторические: большинство союзных республик входило в состав Российского государства веками, их правители приносили торжественные клятвы в вечной верности России, их народы давали за себя и потомков присягу. Обороняя эти земли, Россия столетиями несла огромные потери как материальные, так и людские. И вдруг волею лиц, случайно вознесенных смутой, все это «отменяется»? Легитимность таких акций равна нулю.

Неуместны и рассуждизмы относительно русского колониализма, от которого-де следовало избавить народы. У России никогда не было колоний, т.е. исключительно силою захваченных для эксплуатации и разграбления земель. Да и убедить в этом нынешних россиян невозможно - в «тюрьму народов» в наши дни продолжают верить примерно

2 процента граждан. С куда большим основанием можно считать колониями США такие территории, как, скажем, Калифорния или Техас с Аризоной, силой оружия отторгнутые от Мексики, да и хитро прибранные к рукам Гавайи тоже. Впрочем, и ярым поборникам реставрации союзной государственности также следует иметь в виду по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, новое объединение не должно быть ни форсированным, ни тем более принудительным. Равнодействующая жизненных потребностей земель, окружающих Россию, сама нужным образом организует центростремительные процессы (которыми останется лишь грамотно управлять). Иначе новая объединенная держава рискует послужить стартовой площадкой для очередного взлета сепаратизма. Во-вторых, негоже нам выглядеть зазывалами. Россия вправе выбирать среди возможных претендентов на совместное житие самых нужных ей и достойных партнеров.

С.П.ОБУХОВ. Уже сейчас можно заметить процессы стягивания и зарастания шрамов, образовавшихся по линиям границ, рассекших бывший Союз. Так, на коллегии межгосударственного евразийского объединения угля и металла (есть, оказывается, такое) производители титана в СНГ приняли решение об учреждении особой финансово-промышленной группы. Почти завершено и юридическое оформление транснациональной компании «Российско-украинское нефтяное общество». А недавнее бухарестское заседание совета Международного конгресса промышленников и предпринимателей, организованное Вольским? Там ведь собрались деловые люди от 22 государств, включая страны распавшегося СЭВ и Китай. Можно, конечно, обозвать все это «тусовкой» старой номенклатуры. Но как тогда оценить недавнюю встречу руководителей крупнейших машиностроительных предприятий не только СНГ, но и того же взорванного СЭВ. Явились даже представители литовского бизнеса, которым, строго говоря, подобные альянсы с Востоком конституционно прямо запрещены. Все большая координация действий просматривается и на уровне партий и профсоюзов.

В.Г.РУПЕЦ. Вы помянули профсоюзные сферы. Здесь и в самом деле зреет серия новаций. В том числе - в плане идейных исканий. Можно уже сказать, что курс на восстановление страны (т.е. та самая имперская доминанта, о которой здесь говорилось) обретает для части профсоюзных сил значение программы действий. С ним связываются и перспективы радикального общественного переустройства на почве гибкого социального партнерства в корпоративном духе. К примеру, один из документов Национально-трудовой партии прямо утверждает: именно такая линия имеет шансы «обеспечить экономическое, политическое н духов-

ное возрождение Великой России в ее исторических границах как единого многонационального государства, единой российской нации».

Созидательный государственнический момент (хотите, называйте его имперским) проявляет себя и на практике. Он явственно проступает и в профсоюзной области. Особенно при формировании международных объединений и профессиональных ассоциаций предпринимателей. Естественно, одни профсоюзы - в любом их виде - не властны полностью восстановить некогда единое социальное пространство, тем более превозмочь сегодняшнюю развал. Тут требуются усилия и воля всех общественных структур. Отсюда - известная ущемленность современных профессиональных объединений, действующих на международном уровне, их «недостроенность», идейная аморфность и хрупкость. Но позитивные черты накапливаются. Типично в этом плане положение Всеобщей конфедерации профсоюзов. Она как бы зависла на стадии перехода от наднациональных профобъединений старого, советского толка (каким был ВЦСПС) к организации нового вида, способной учесть реалии текущего дня и рождаемые ими перспективы. Но и в таком виде ВКП уже способна играть и играет роль силы, стягивающей разошедшуюся было с уничтожением Союза геополитическую ткань вокруг России. Хотелось бы также напомнить и о таком профсоюзном явлении, как Международная конфедерация профсоюзов «Консолидация», вобравшая в себя профсоюзные структуры 12 бывших союзных республик, а также Румынии. А рост сотрудничества профцентров так называемых пограничных регионов? Их здесь уже поминали. А деятельность целого ряда организаций регионального и межрегионального уровня? Все эти вещи как-то по-новому рисуют непривычные пока контуры возможных решений и в области профдвижения, и в общегосударственном плане.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Конечно, мы разобрали лишь одну из множества сторон новой российской национально-государственной идеологии. Интеллектуальный натиск необходим. Слишком много привычных вещей предстоит пересмотреть. Огромный объем прежде невостребованной информации и концептуальных положений пора ввести в дело. И еще: самые блестящие соображения останутся пустым звуком, если они не будут органично соединены с системам потребностей и ценностей, бытующими в народной толще и пока остающимися, похоже, вещью, что называется, в себе. А это уже дело политиков и политических организаций, которым принадлежит роль приводного механизма между обществом, определяющим государственную потребность, и сферой принятия властных решений, реализующей такой социальный заказ. Впрочем, ситуация в данной области - предмет отдельного разговора.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ, ИЛИ ИМПЕРСКАЯ ДОМИНАНТА – II
«Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Россия» 11 января 1995 года

Участники «круглого стола»:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР**;**

В.К.КОЛОМИЕЦ, кандидат исторических наук;

Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук;

В.А.КУЗЕНКОВ, обществовед;

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук;

С.П.ПЫХТИН, юрист;

Г.В.ХЛЕБНИКОВ, кандидат философских наук;

В.Г.РУПЕЦ, кандидат экономических наук.

Порождение Запада

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Мир, в котором нам выпало жить, меняется, переживая очередной свои «трудный» возраст. И потому действие его иммунных систем притупляется, а предрасположенность к «болезням» разного рода, наоборот, растет. Именно такой бедой XX века и остается фашизм - злокачественное перерождение общественной ткани. Однако • каким-то странным образом анализ возникающих здесь проблем уводится куда-то в сторону, понятия размываются, главное ускользает из внимания.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. К тому же исторический «вес» фашизма сейчас выглядит заметно девальвированным. Назвать кого-либо фашистом становится у нас нередко столь же легким делом, как и обругать рядом стоящего в трамвае: «Ты мне всю ногу отдавил, фашист!» Создается впечатление, что бал тут правит, запутывая общественное мнение, этакая бездумно-злобная наивность, крайне скользкая и опасная и своей безответственности.

В.А.КУЗЕНКОВ. Но в существующих условиях подобная зыбкость взглядов практически неизбежна. Откуда по меньшей мере два поко-

ления наших соотечественников черпали представления о фашизме? В основном из документальных и художественных фильмов вроде «Обыкновенного фашизма» или «Семнадцати мгновений весны», из беллетристики да из воспоминаний очевидцев. Сколько-нибудь серьезные научные работы - к тому же выдержанные в духе VII конгресса Коминтерна - исчислялись единицами и выпускались в свет мизерными тиражами.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Вспомним фильм М. Ромма. Для своего времени он был откровением. Картина зримо и крупным планом показывала разные личины и лики фашизма, буквально лепила образы его вождей. Вот только с позиций нынешней эпохи всего этого сделалось мало. Устарела сама авторская концепция, устарели и прививавшиеся ею воззрения. Из чего исходила роммовская лента? Из убеждения, будто фашизм как таковой есть в основном порождение взбесившейся заурядности. Гитлер в подобной интерпретации смотрится просто случайно вознесенным судьбою обывателем с примитивными вкусами и плебейской манерой говорить, держать себя. А у банальных людей и запросы банальные. Круг его интересов, внушал фильм, элементарен и пуст - бесконечные парады под лязгающую музыку да пышные встречи простых немцев с вождями «рейха».

В.А.КУЗЕНКОВ. И делается непонятно, как эта страшноватая, но смешная пародия на общество могла захватить всю Европу и, не встань на ее пути Россия, всерьез грозить остальному миру.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Замечу: серьезные исследователи на Западе, каковых тоже не столь уж много, пытались пробиться к истине. Скажем, убежденный враг гитлеризма историк У. Ширер обращал внимание на вещи, может быть, и внешние, но взрывающие упрощенные взгляды. Он показывал, например, что экономика Германии была настолько крепка, что снабжение продуктами питания в начале войны (до захвата богатейших европейских стран) было там даже лучше, нежели во Франции или в Англии. Германские новобранцы выглядели здоровее и бодрее. А взаимоотношения солдат и офицеров вермахта - в отличие от старой прусской армии отличал своеобразный демократизм. Да и сами немцы не выглядели дурачками, слепо рвущимися на вселенскую бойню: например, они открыто радо вались в сентябре 1939 года слухам о завершении войны, оказавшимися, естественно, ложными. Нет, фашизм, даже во внешних проявлениях, не был прост.

В.К.КОЛОМИЕЦ. И тем не менее эта концепция «простоты» продолжает играть свою роль, все чаще - трагическую. Что же в ответ? Никаких акций протеста. В сторонку отошли так всегда гордившиеся (даже

кичившиеся) своим демократизмом демохристиане и социалисты. Их кадры на местах и в центре дружно перебегают к победителям. Мало того: на ноябрьском съезде соцпартии, лидер которой бывший премьер страны Б. Кракси недавно оказался осужден на восемь лет тюрьмы за финансовые махинации, принято решение... о самороспуске. Иначе говоря, умыли руки. Впрочем, молчат и наши российские средства массовой информации, отделываясь уклончиво аналитичными комментариями. Молчит демократическая общественность. Молчат правительственные круги. Молчат все те, кто совсем недавно превозносил до небес опыт тех же итальянских социал-демократов.

Сработал хорошо известный теперь уже и нам механизм общественного манипулирования. В течение по крайней мере двух последпихдесятилетий из итальянского массового сознания последовательно вытравливалось многое, что обеспечивало ему иммунитет против агитации новых чернорубашечников. С одной стороны, вместо трезвого анализа былого людям преподносилась идейка, будто простая память о нем сама по себе гарантирует Италию от повторений некогда с ней случившегося. Общество, включая представителей интеллектуальных кругов, приучали искать свидетельства фашизма где угодно, только не у себя же под ногами. С другой – переоценка собственных сил рождала и этакую снисходительность, помогавшую протаптывать дорожку к реабилитации эпохи Муссолини. Плохую службу итальянской демократии сослужило, в частности, неуемное желание ряда органов массовой информации блеснуть «свежестью и незашоренностью» мышления. И хотя фильмы-агитки вроде «Все люди дуче» или «Я и дуче» вызывали нередко острую полемику, с их помощью удалось мало-помалу отмыть даже самые грязные исторические фигуры.

Одновременно разворачивалось то тихое, то шумное осмеяние антифашистских традиций. В результате к началу 90-х годов привязанность к идеям Сопротивления сохранил всего один итальянец из каждых трех. В то время как две трети граждан, сбитые с толку подобным «стиранием белых пятен в истории», принялись кто оспаривать сам термин «антифашист», кто доказывать его устарелость в наставшие времена. И вот итог. итальянской общественности остается не спорить, чьи представления о демократии являются самыми «правильными», а выбирать, какой фашизм получше - свой, «черный», или германский, «коричневый».

В.А.КУЗЕНКОВ. Как бы такие же вопросы в обозримом будущем не выпало решать и некоторым прочим государствам, например, Испании или Австрии. Да и в нашем «ближнем» зарубежье не все идет гладко Например, волна антисемитизма уже поднимается в Прибалтике. Так, в

Литве, если верить данным опроса, проведенного еще в 1992 году и обнародованного недавно «Голосом Израиля», не менее 40 процентов не хотели бы видеть у себя в соседях евреев. А это -показатель, в три-четыре раза превосходящий аналогичные цифры для группы ведущих западных стран.

Так что это такое - фашизм?

Б.О.КОМОЦКИЙ. В общем, фашизм напоминает раковую клетку, которая до поры до времени дремлет, оставаясь внешне почти неотличимой от обыкновенной. Фашизм -это в целом присущее всякой стране стремление обзавестись гибкой и эффективной экономикой, но нацеленное вовне, на военные захваты, на безостановочную экспансию за счет ограбления чужих земель. Фашизм - это и столь заманчивое для любого общества социальное партнерство на производстве, и классовый мир, которые, однако, оплачиваются полным попранием гражданских свобод и прав, тотальными репрессиями инакомыслящих. Фашизм обещает высочайшее национальное единство и вроде бы достигает его путем превращения своего народа в расу хозяев и господ над окружающими этносами, низводимыми до состояния рабов. Наконец, он означает страстный до исступления патриотизм, который тараном бросается против всего остального мира и в конечном счете трагически уничтожает сам себя. Вот тут действительно странное и страшное вырастает из обычного.

Г.В.ХЛЕБНИКОВ. Это и понятно. Ведь Муссолини и тем более Гитлер были непосредственными порождениями и политической культуры, и мысли Запада. Корни фашистского мировосприятия уходят по меньшей мере в XVIII век, в эпоху Просвещения с ее апологией колониальных захватов, они приводят к Канту, утверждавшему: «Человечество достигло своего высшего совершенства в расе белых». Не менее известны, кстати, и его антиеврейские выпады. Немало сделал тут и Ч. Дарвин, который доказывал, будто «успешная» раса белых, особенно ее «нордическая» часть, является самой ценной для цивилизации. Это потом для определения данной «культуросозидающей» силы Гобино использовал термин «арии», произвольно позаимствовав его из истории Индии. А следом Чемберлен этнически «заострил» это понятие, назвав ариев «германцами».

Б.О.КОМОЦКИЙ. Впрочем, тут следовало бы отличать германский нацизм, сводивший весь комплекс общественных проблем к вопросам крови и формированию «избранной» расы, от итальянского фашизма, равнодушного, в общем-то, к национальной теме, но одержимого идеей мощного, все и вся в себе растворяющего государства.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Показательно, что, доведя до последней крайности столь органически присущий западной цивилизации этнополитический принцип государственного устройства, нацизм все-таки пытался - на свой, конечно, лад - и вырваться за его жесткие, сковывающие рамки. И главную роль здесь, как это ни парадоксально, играло обращение к арийским же корням.

Г.В.ХЛЕБНИКОВ. Действительно, сам Гитлер изначально причислял к арийцам «германцев, римлян, славян, а также некоторые другие народы, например, кельтов...» и японцев, считая их достойными (в лице этнически «чистых» особей) строить вместе с немцами мистический «третий рейх». Правда, позднее под прямым давлением Розенберга славяне были объявлены «низшей» расой. Но затем, перед своей гибелью, фюрер снова сочтет нужным пересмотреть сей взгляд, дабы признать, что именно славянам принадлежит будущее.

С.П.ОБУХОВ. Да, нацистская идеология выказала тут поразительную и неожиданную гибкость, способность даже отрицать саму себя ради возведения основ для новой имперской общности, нацеленной на вселенское господство. Здесь проявляется не тупое упорство банальной «серости», а изощренность особым образом тренированного ума.

Г.В.ХЛЕБНИКОВ. Никак нельзя забывать, что под внешним, весьма простым и доступным пониманию окружающих слоем идей в нацизме крылся целый мир, известный только посвященным. Все мы не раз слышали и читали об этих призывах: «Да здравствует победа! Один народ! Один рейх! Один фюрер! Хайль!». Но потаенный, главный их смысл нам, как правило, неведом. Эти доводившие до экзальтации заклинания составляли глубокую мистическую тайну «третьей империи». Они обращались к верховному богу германцев Встану, чьим символом и был крючковатый крест (обычно ложно отождествляемый с индийское свастикой), к богу демонического схватывания, обладания, к богу бури и войн, к бсху колдовства, ярости и человеческих жертвоприношений. Через такую сверхчувственную связь вождь расово чистого народа-общины (каковым нацизм видел немцев) становился медиумом, посредником между высшим божественным языческим началом, воплощавшим исконный германский дух, и его народом.

Гитлер был не «просто» политиком, но человеком, посвященным в тайные учения, членом закрытых мистических орденов. Пройдя через цепь инициации-посвящении, он не только превратился в человека с глубоко перестроенным сознанием, но в глазах окружения стал живым богом германцев, пророком Вотана, медиумически простирающим над своим народом волны темных и странных инспираций. «Фюрер являет-

ся высшим синтезом своей расы» - так определялось в фашистскую эпоху место Гитлера в истории. Отсюда черпались духовные силы для всех -глобальных и малых - действий нацистов, подчас малопонятных нам, людям, возможно, и знающим, но непосвященным.

Разве что-либо подобное можно сыскать на Руси в прошлом или настоящем? Разве у нас кто-либо бредил желанием стать яростным и кровожадным демоном, безжалостно завоевывающим чужие земли, вырезающим обитающие там народы? Кто среди русских властителей и государственных мужей России склонился перед давно забытыми божествами, принося на их алтарь кровавые жертвы.

С.П.ПЫХТИН. Выходит, европейская цивилизация также предрасположена к фашизму, как черная Африка к СПИДу...

Россияне и миф сверхчеловека

В.А.КУЗЕНКОВ. А вот русским все эти политические заклинания чужды. На мистически трактуемую «кровь» как на главное, что определяет этническую принадлежность человека, указывают при опросах не больше 12 процентов из них. Да еще примерно 4 процента ставят на первое место цвет глаз и волос, склад лица, прочие антропологические признаки. Для подавляющей же массы прочих, почти трех четвертей наших сограждан основным является иное - «полная погруженность личности в культуру, историю, традиции этого народа, искренние уважение и любовь к нему», желание считать себя его частью и, наконец, признание данного человека своим сыном со стороны самого этого этноса. Тут все зависит не от формального происхождения, а от реальной духовной структуры и наполненности личности.

С.П.ОБУХОВ. Вот тут-то мы и подходим к центральному для нашего времени вопросу: совместимы ли русскость и фашизм? Нет сомнений, что изначальный идеал Святой Руси - огосударствленное национальное единство, противостоящее разобщающему народы изначальному злу, - никак не втиснуть в рамки каких угодно расовых концепций. Собственный духовный мир вечно ориентировал Россию и ее народ никак не вовне -лицом к чужому, - а исключительно вовнутрь: к личному и неразрывному с ним государственному самосовершенствованию.

Не потому ли той части русской интеллигенции, которая продолжает осознавать себя национально, буквально навязывают сейчас жесткую дискуссию об этническом происхождении славян. Процесс возрождения отечественной духовности пытаются спихнуть на скользкую и бесплодную дорожку упрямого отстаивания некой «чистоты крови». Ознакомившись с многочисленными выступлениями на данную тему, несложно убедиться: в оборот в качестве «исконно» будто бы присущих русско-

му самосознанию пытаются запускать такие понятия, как «раса суперменов» или «культ военного дела». Сюда же с натужной неуклюжестью норовят втиснуть и «еврейский вопрос». Хотя бы так, как это делается в заполнившей прилавки книжных магазинов монографии У. Лакера «Черная сотня. Происхождение русского фашизма», -с помощью такой спорной вещи, как «Велесова книга». В ней якобы описываются деяния русских династий, «воевавших преимущественно с хазарами, принявшими иудаизм». Но откроем упомянутую летопись и сразу удостоверимся: эпохе русско-хазарских взаимоотношений там отведено 3-4 процента текста. Что же до «иудейской» темы, то она вообще отсутствует.

С.П.ПЫХТИН. Побудительная причина таких подлогов лежит, прямо скажем, на поверхности. Возведенная в ранг политического абсолюта идея расы - стержень всякой фашистской, особенно нацистской идеологии. Докажи, будто она неотрывна от русской духовности, и дело, считай, сделано: «естественная» предрасположенность нашего народа к фашизму подтверждена.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Теоретически он может прийти в Россию либо из недр самого общества в качестве протеста «низов», либо из властвующих «верхов», стремящихся сохранить свое господство. Первое, как было показано, нереально. А вот второе...

Что стоит за всеми этими попытками отыскать в нашем народе фашистские задатки? Мне кажется, страх. Страх тех, кто во имя личного успеха разрушал или помогал разрушать великую державу. Спасением для таких явилась бы гражданская война, которая «все спишет».

С.П.ПЫХТИН. Загвоздка, выходит, лишь в том, что эти русские никак не хотят друг с другом воевать: отец с сыном, брат с братом, друг с другом. Повторить послеоктябрьские события почти восьмидесятилетней давности не удается. Сверх того наше общество без шума и помпы начало «переваривать» чуждые ему политические, идейные, культурные и прочие элементы, внедренные в его ослабевшую ткань в «перестроечную» и последующую пору. Историческая Россия гнет их, вроде бы и победивших, на свой лад. Конечно, чтобы ускользнуть от этого давления и приспособиться, даже самые ярыге западники могут скрепя сердце записаться в российские патриоты. Но уже в русские - никогда: тут им грозит разрушительное самоотрицание. Вот и распаляет их соблазн взорвать сей барьер на пути к политическому спасению, объявив его «фашистским».

Причем в полемике супротив этого самого «русского фашизма» возникают подчас столь странные моменты, что трудно даже подобрать им оценку. Один тому пример. Выступая на страницах «Известий» (от 23 ноября сего года), известный социолог В. Ядо в, полемизируя с В. Жи-

риновским, попытался, в частности, выразить и свой взгляд на отличительные признаки национал-социалистической идеологии. И в числе прочих выделил следующую ее особенность: «...культ харизматического лидера, вождя, каковой наделяется чертами прозорливости, данной свыше, безусловной преданностью национальным интересам, решительностью, неподкупностью и чувством безусловной справедливости в рамках национального кодекса нравственных принципов». Возникает недоуменный вопрос: коли все так, то демократический антипод этого тоталитарного, надо понимать, образа призван иметь и диаметрально противоположный набор отличительных качеств. Иначе говоря, «правильный» лидер -это тот, кто неспособен рассчитывать последствия собственных поступков, кто постоянно предает национальные интересы, кто вечно колеблется и готов продаться любому желающему, кто будет попирать справедливость. Особенно в тех случаях, когда подобное попрание в состоянии окажется нанести удар по традициям и представлениям, бытующим в его собственном народе.

В.Г.РУПЕЦ. И все-таки просто словами фашистский синдром в России не возбудить. А для серьезной попытки подняться у него пока нет сколько-либо солидной социальной базы. Нет и должной финансовой подпитки, нет прочной опоры в армии, нет необходимых общественных структур. Национальная революция, разворачивающаяся в стране, лишена заметных черно-коричневых «тонов».

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Позволю себе, однако, заметить: упорнейшие попытки делить наш политический спектр по принципу: кто не с нами, тот против нас, тот нацист, - в любом другом народе вызвали бы (в ситуации, подобной российской) всплеск самых горячих симпатий именно к фашизму. Ранг главного противника режима, который сейчас не имеет и 20 процентов сторонников в народе, вознес бы коричневых на недосягаемую высоту. Тем паче что социальная почва для такого взлета (и тут я не согласен с некоторыми из высказанных мнений) в России все-таки есть. Ее основа - те самые маргинализованные общественные слои, удельный вес которых уже достигает 50-60 процентов от всего населения. И тем не менее никакой «обвальной» фашизации страны, и правда, не происходит и не предвидится. Спрашивается, почему?

Тут следовало бы принять в расчет две вещи. Во-первых, ту самую «органическую» непредрасположенность русских к идеям расовой исключительности, к мистике сверхчеловека, о которой уже шла речь. А во-вторых, воздействие на национальный менталитет воспоминаний о войне. Именно она, эта память, осталась практически единственной морально-политической ценностью, уцелевшей к началу 90-х годов

после всесторонней операции по «промывке мозгов». Это благодаря ее стойкости наше массовое сознание не рухнуло в этакую черную дыру полного ни во что неверия. Она выстояла, сохранив высокую историческую значимость для двух третей россиян. А затем, когда стали меняться времена, и помогла вытащить и спасти из надвинувшегося было духовного небытия прочие, взрывающие комплекс национальной неполноценности вещи. В том числе - веру в возможности отечественной экономики и науки, гордость за вклад России в сокровищницу мировой цивилизации и прочее. Можно сказать, что память о великой битве с фашизмом сыграла в противоборстве, разворачивающемся в нашем обществе сейчас, роль Сталинграда, о который разбились волны черного пессимизма и самоотречения.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Не будь ее, и кто знает: быть может, сегодня - в канун пятидесятилетия Победы - нам показывали бы на телеэкранах не хронику Парада Победы, а сопровождаемые умильными комментариями кадры посещения генералом Власовым энского концлагеря для «неперестроившихся» советских военнопленных. И вот ведь странно: энтузиастам и авторам таких «переосмыслений» пройденного вроде бы и невдомек, что, возьми тогда верх Власов, и как раз их матерей, отцов и дедов с бабками первыми же затолкали бы в газовые камеры.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. А знаете, все-таки есть в тех вещах, о которых мы сейчас говорим применительно к фашистской Германии, что-то весьма знакомое. Вспомним, в годы «перестройки» в стране почти официально вдруг была проведена черта между чуть ли не врожденными носителями «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей», с одной стороны, и подавляющей массой народа, якобы прозябающей в невежестве и косности - с другой. А теперь на протяжении почти трех лет нам пытаются доказать, будто в российском обществе возникает порода избранных личностей, наделенных буквально «врожденной» предприимчивостью, гарантирующей им свободное вхождение в высшую сферу бытия - рынок. Указывается даже на их предтечу в лице национально пока еще камуфлированной генерации «новых русских», возникшей в ходе борьбы за существование в процессе общественных реформ. Вывод, указывающий перспективы, тоже знаком: непричастных к нарождающейся плеяде «людей будущего» ждут исключительно крах и гибель. В самом лучшем случае им позволено будет обслуживать эту новую касту господ. Готово и сопутствующее «теоретическое» обоснование - русские-де есть «тысячелетние рабы».

Разве все это не фашизоидность мышления, приспособленная к российским условиям?

Добавим сюда и общеизвестное увлечение нашей политической «элиты» разными экстрасенсами и прорицателями. Вспомним о загадочной сопричастности ряда высших государственных лиц к такой богатой мистическими традициями организации, как Мальтийский орден. А тут еще буквально из ничего возникающий в среде бюрократической иерархии монархизм, который, как известно - достаточно вспомнить Италию, Румынию, Болгарию, Венгрию, - частенько служил легитимным декором для фашистских режимов.

С.П.ПЫХТИН. Конечно, нашему люду все эти игрища малопонятны. Они скорее способны вызвать у него усмешку, раздражение, но никак не смущенное преклонение. Русских идеей сверхчеловека не увлечь и не испугать. Впрочем, тут-то и делается другая, не менее отчаянная попытка атаковать российский менталитет. Коли не удается убедить народ упрямцев в наличии в его среде «генетически» предназначенных властвовать особей, то почему бы не попытаться внушить ему иное - будто никогда не было и нет... его же самого? Идея чьей-то божественной избранности сменяется концепцией всеобщего нашего национального небытия.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Что тут сказать? Глядя на все эти потуги, трудно не привести слова умного, много испытавшего В.Шульгина: «Для фашистов есть одна огромная опасность: достигнув власти, не превратиться бы самим в «сволочь»... Это есть подводный камень фашизма. Фашистам следовало бы написать на лбу одиннадцатую заповедь - «Не хами!» Опасность хамства, соблазн измывательства над бесправным (перед силой) населением, есть эта подводная скала, на которую сядет фашизм...» Как злободневно это звучит.

С.П.ОБУХОВ. Думаю, что подобные наскоки на русское, российское самосознание не в последнюю очередь связаны и с тем, что в стране разворачивается плодотворный процесс синтеза по меньшей мере двух исторических начал, двух, можно сказать, вер. Нечто схожее тысячелетие назад уже. происходило в Киевской Руси, когда мрачноватое византийское христианство слилось с буйным славянским язычеством и появилось светлое, радостное православие, на столетия определившее доминанту национальной жизни Сегодня эта же наша вера начинает соединяться с тем лучшим, что накопила советская эпоха, - с идеями равенства, социальной справедливости, приоритета труда и коллективизма. Замыкается разорванная взрывов 1917 года историческая цепь преемственности.

Тут-то и делается отчаянная попытка вызвать сшибку в обществе по линии противостояния коммунисты - патриоты. Сначала взывают к антифашистским традициям то одних, то других, а следом обвиняют в фа-

шизоидных же наклонностях то первых, то вторых, смотря по обстоятельствам. Но поезд, как говорится, давно ушел. Иными стали и патриоты, излечившиеся от антикоммунистической лихорадки, иными сделались и коммунисты, уже не собирающиеся жертвовать интересами Отечества ради ложно понятого интернационализма. Безнадежные ортодоксы и фанатики обеих сторон в счет "не вдут.

В.Г.РУПЕЦ. Не случайно же попытки отыскать фашизм в русской, российской национальной идее с упорством заземляются на рабочее движение и его пока еще не разгромленные организации. Правда, и тут сия операция не приносит ожидавшихся плодов. Из всех известных партий и движений, подводимых под понятие фашистских, только РНЕ действительно попыталось (и то без ощутимых для себя позитивных результатов) обозначить свое присутствие в рабочем движении. Так, в марте 1994 года им было заключено соглашение с Конфедерацией свободных профсоюзов России (ныне - Национальное объединение российских профсоюзов) о создании Национально-социального движения, «ставящего своей целью внесение русской национальной идеи в рабочее движение России». Как раз это событие и дало повод некоторым из публицистов заявить, будто «призрак фашизма, которым пугали нас либеральные журналисты, наконец материализовался», ибо появился-де «чисто фашистский профсоюз». Сыскался, как им показалось, и повод указать обличающим перстом на конкретного «претендента в фюреры» в лице лидера КСПР-НОРПа Алексеева.

На деле же вне эмоциональных оценок (и даже субъективных ощущений самих же лидеров указанных профсоюзов) всерьез говорить о фашистской сути этого течения пока не приходится.

Что это за фашистский профсоюз КСПР-НОРП, спрашивается, если он в своих программных установках ни разу не сослался на соответствующую доктрину фашизма как на основу своих действий? Что это за последователи нацизма, коли в повседневной своей работе они никак не связаны ни с какой не только фашистской, но даже фашизоидной (т.е. заимствующей у последнего отдельные черты) партией? И что это за фашистская партия, которая, подобно Национально-трудовой партии, не внесла в свои документы -даже в усеченном виде - ничего из классического набора идей, образующих фашистский символ веры?

Нельзя же трактовать в качестве фашистских такие цели борьбы, как «радикальное переустройство общества на принципах социального партнерства (установление корпоративного строя), экономическое и духовное возрождение Великой России в ее исторических границах как единого многонационального государства, единой российской нации...»

Можно ли считать фашистом того же Алексеева, который, в частности, дает следующее определение нации: «Под нацией мы подразумеваем не русских или евреев, не чувашей или калмыков, а совокупность народов, объединенных общими политическими интересами, общей территорией»?!

По сути дела все это - прямая антитеза фашизму, поскольку ратует она за то самое сосуществование и взаимодействие рас и этносов, против которого был особенно яро заострен нацизм.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Суммируя все здесь сказанное, мы вправе утверждать: фашизация в Россию если и грозит прийти, то сверху, из ныне преуспевающих и власть имеющих кругов. Именно эти последние сознательно или нет, но делают в последние годы все возможное, чтобы зерна фашизоидности смогли прорасти и дать свои плоды. И только в самом деле органичная для русского и других российских народов невосприимчивость к идеям любого расового превосходства препятствует этому.

ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ СИНДРОМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Симпозиум ЦИПКР и редакции международной газеты “Мегаполис-Континент” 20 апреля 1995 года

Десятилетний «юбилей» перестройки уже отмечен в общественной и научной жизни России целой серией самых разных выступлений, экспертных оценок и эмоциональных реплик. И тема эта вроде бы может считаться достаточно хорошо освещенной.

Тем не менее остается место и для нетрадиционных взглядов. К их числу можно отнести и версии событий, предлагаемые участниками симпозиума «Перестроечный синдром в российской истории», проведенного независимым Центром исследований политической культуры России

Участники:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР;

Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук;

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук;

С.П.ПЫХТИН, заместитель Председателя исполкома Конгресса русских общин (КРО).

Смута-обыкновение российское?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Сегодня стало известно немало самых смелых, вплоть до мистических, объяснений того, что получило название перестройки. Будучи глобальным, цивилизованного уровня явлением, буквально перевернувшим страну и видоизменившим окружающий ее мир, она не могла не отразиться на жизни практически любого из наших сограждан. Не потому ли основная часть людских оценок перестройки воспроизводит все оттенки представлений о предательстве, преступлении, низости? Однако столь односторонний подход, фиксирующий наше внимание исключительно на потерях, оставляет неясным главное: а существует ли вообще выход из создавшегося положения?

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Первый, лежащий, так сказать, на поверхности, вывод гласит: перестройка и последовавшая за ней эпоха - это очередная (наверное, третья по счету) великая российская Смута. Причем в отличие от Смуты начала XVII века эта - Смута не столько действия, сколько слова. Еще Владимир Даль выводит данное понятие сразу из двух глаголов. Во-первых, из глагола «смутить», т.е. сделать мутным, взмутить, взболтнуть, помутить. А во-вторых, от глагола «смущать», дающего такие значения, как колебать, волновать, не давать покоя, Приводить в смятение...

Все эти явления и застаем мы, обращаясь к горбачевской и последующей эпохам. Помните стиль публичных выступлений Михаила Сергеевича, особенно его манеру общаться с улицей? Он именно взбалтывал общество, приводил людей в замешательство, сбивал их с толку. А затем наступила вторая стадия «смущения», иная ипостась Смуты. Начались возмущение, «восстание, крамола, общее неповиновение, раздор между народом и властью». Устои государства взламывались.

И в первую очередь это сказывалось на морали верхов. Будь то князь Василий Шуйский, которому царь поручил расследование обстоятельств смерти царевича Димитрия, а он - под действием быстро менявшихся политических конъюнктур - столь же стремительно менял и выдвигаемые версии, думая не о справедливости, а о собственных шансах на корону. Или - архитектор перестройки Александр Яковлев, то клеймивший США как главную угрозу человечеству, то сдавший им же собственную страну в надежде, что именно ему помогут в ней «править и володать». А следом за ним этим же протоптанным уже путем двинулись и сотни интеллектуалов-переметчиков.

С.П. ПЫХТИН. И так же, как их предшественники почти четырехсотлетней давности, они судорожно изыскивают пути легитимизации своих деяний.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Что есть, то есть. Отребье средневековой Руси, сгруппировавшееся вокруг Гришки Отрепьева, решало эту задачу в духе своей эпохи, исступленно доказывая, будто «царь Димитрий» был законным сыном последнего великого царя из древней династии Рюриковичей - Ивана IV Грозного. Их нынешние перестроечные последыши обосновывали свое политическое «первородство» на иной лад - якобы безусловной преданностью «ленинскому делу», очищенному от жестокостей сталинских времен. Помните, как в марте достопамятного 1985 года Горбачев сразу после избрания его генсеком провозглашал: «Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу»? Да и Борис Николаевич в те времена с особым чувством призывал к «ленинскому опти-

мизму». Наделе же все клятвы послужили одному - маскировке усилий по изничтожению и этих ценностей, и самой страны. История, особенно в России, любит повторяться.

Просто большая ложь

С.П.ОБУХОВ. Вот и получается, что вся эта перестройка - один большой, но весьма банальный обман. Но об этом, кстати, и написано уже немало. Обратите внимание: российские верхи стремятся поскорей вытолкнуть из общественной памяти всякие воспоминания о перестроечных годах.

Не менее симптоматично и то, что дискуссия, посвященная ныне отмечаемому десятилетию, началась не в России, а за рубежом. Залповый выброс публикаций на сей счет и марафон всевозможных конференций и симпозиумов буквально вынудили отечественных демо-интеллектуалов ринуться в бой за доказательством своей «исторической правоты». При этом замалчивается главное - все то, что связано с начальными целями перестройки. Ведь речь тогда шла о совершенствовании социализма, советского строя, о возвращении к ленинским истокам. «Больше социализма» - вот на чем держалась первая, триумфальная, эпоха горбачевского правления. Но именно эта задача в конечном счете и оказалась буквально перечеркнута.

Что мы наблюдаем сегодня? Вместо того чтобы прямо признать: мол, я, как лидер второй мировой сверхдержавы, оказался бездарен, почти без боя проиграл третью мировую (холодную) войну, а затем, испугавшись ответственности, просто сдал страну противнику, - Михаил Сергеевич сотоварищи твердят о том, что-де произошло «историческое поражение коммунистической модели»...

На самом же деле о поражении уместно говорить применительно как раз к тому, что последовало следом за изменой руководства СССР и распадом страны. В возникших на ее развалинах суверенных республиках за неполные 10 лет вспыхнуло - по разным подсчетам - от 120 до 150 вооруженных конфликтов, многие из которых вполне могут быть расценены в качестве настоящих войн. Огромна шкала людских потерь: от 9 человек, погибших во время событий в Тбилиси, до 200-300 тысяч жертв в Таджикистане . Общая цифра прямых жертв уже сегодня приближается к полумиллиону человек. А как быть с демографическим «эхом» перестройки, ежегодно лишающим одну только Россию почти 1 млн. населения. Такова цена тотального общественного эксперимента.

Б.О.КОМОЦКИЙ. И что еще настораживает: все эти данные, похоже, сокрыты где-то в дебрях вновь открываемых «спецхранов». Во всяком

случае попытки редакции, публикующей материалы нашей встречи, уточнить приводимые цифры в официальных российских инстанциях, а также в представительствах ныне независимых государств, ни к чему не привели. Их хранят за семью печатями...

С.П.ОБУХОВ. А как быть со второй составляющей частью лозунга реформ, изначально сформулированного Горбачевым, - с призывом к «ускорению»? Во имя чего страну призывали перестраиваться? Во имя убыстрения НТР путем приоритетного развития передовых технологий и ведущих отраслей промышленности, во имя достижения мирового уровня производительности труда и наведения порядка, во имя «очеловечивания» социально-экономических отношений. Вот что поддерживал народ. И именно по этим созидательным надеждам был нанесен главный удар.

Перестройка превратила страну в некоего донора, чьи жизненные силы были изъяты с целью оттянуть крах западного мира. Россия сделалась поставщиком авангардных идей, сырья, квалифицированных (и почти дармовых) рабочих рук и мозгов, рынком залежалых товаров для иностранных производителей, пространством для обращения обесценивающегося доллара. Но не надолго! Финансовый крах Мексики, назревающая война за передел рыбных промыслов между Канадой и Европейским союзом, надрыв ФРГ в деле освоения восточно -германских приобретений, нарастающая финансовая паника вокруг падения доллара -все это говорит о том, что даже совершенное над Россией жертвоприношение не в силах удержать западную цивилизацию на краю очередного кризиса.

Прорыв в ноо-цивилизацию

С.П.ПЫХТИН. Общественный поворот в 1985 году поддерживали вовсе не те криминальные силы, о которых сегодня столь много говорят. Нет, то были в основном лица умственного труда - творческая интеллигенция, наиболее развитая часть рабочего класса и ИТР. Все те, кто крайне остро начал ощущать нараставшее несоответствие общественной организации страны копящимся в ней же интеллектуальным силам... То был никакой не «бунт воров и рабов», как кто-то пытается внушать нам, подражая бунинским «Окаянным дням».

Конечно, и Бунин, и вторящий ему Говорухин не врут, описывая современное им падение нравов, разгул уголовщины, гниение и бессилие властей. Но и не видят всей правды! Ведь если бы тот же Бунин был абсолютно прав, Россия никогда не узнала бы ни самоотверженности сражавшихся в гражданской войне (по обе стороны баррикад), ни геро-

ического восстановления страны в 20-е годы, ни великого экономического рывка следующего десятилетия, ни победы над объединенной черно-коричневыми силами Европой, ни нового возрождения 50-х годов... А космический триумф 60-х годов? А превращение России уже на наших глазах в мировую сверхдержаву?!

Сегодня этот революционный процесс продолжается. Более того, он получил новый могучий импульс. И следовало бы различать за сопровождающими эти перемены трагедиями нечто более глубинное и важное. Ведь океан - не плавающий на поверхности его вод мусор. А наша Россия и есть такой океан.

Объективной целью интеллектуализации русского общества был и останется прорыв не к «постиндустриальному» обществу, а к основанной на производительной силе разума «ноо-цивилизации», если использовать терминологию Вернадского.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Да, это во многом по-новому ставит вопрос о целях перестройки. Считается: чтобы вырастить интеллигента (или интеллектуальный класс) требуются три поколения, т.е. от 60 до 75 лет. И в самом деле, так уже случалось в России. Скажем, петровские реформы, прямо нацеленные на интеллектуализацию страны, именно в этот срок подготовили приход Ломоносова и невиданный культурный взлет России в последней трети XVIII - первой половине XIX столетий...

А вот в XX веке раз за разом происходят события, будто ножом бульдозера скрепирующие интеллектуальный слой нашего общества. Сначала он выжигается революцией, гражданской войной и эмиграцией. Затем репрессии сталинских времен и мировая война истребили значительную долю уже нового, советской формации слоя «мозговиков». Однако многое из остатков того и другого «умственного класса» все же сохранилось и на их основе стала возможной кристаллизация очередного интеллектуального слоя. Который, заметим, обладал особым и мощным духовным зарядом, рожденным победой над фашизмом и небывалым взлетом советского самосознания.

Развитие его с неизбежностью должно было где-то в 90-е годы привести к возникновению очередного - ничем не травмированного - слоя национально ориентированной интеллигенции, обладающей могучим государственническим чувством. О приближении этого момента и говорили наши успехи в космосе, в области научно-технического прогресса, в военном деле.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Туг-то и грянула перестройка? Огромный интеллектуальный потенциал сначала был «смущен», дезорганизован, распылен, а затем и обречен на уничтожение. Ведь именно он оказался глав-

ной жертвой всей так называемой политики реформ, превратившей ученых, специалистов, людей культуры в полумаргиналов, чей удел - ожесточенная борьба за выживание, а никак не создание интеллектуальных ценностей...

С.П.ПЫХТИН. Иначе говоря, вместо прорыва в «ноо-цивилизацию» Россия оказалась отброшена назад на два-три века.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Я бы сказал так, она должна была быть отброшена. Но этого полностью не произошло. Популяция перестроечных деятелей оказалась не способной на такую операцию в силу крайне невысокого уровня ее собственного интеллекта. Сегодня интеллектуальная контрэволюция, потрясшая Россию, выдыхается. Страна не рухнула в пропасть, хотя и не видит перед собою твердого пути.

С.П.ОБУХОВ. Думаю, что итогом перестройки может стать совершенно не предвиденный ее вдохновителями момент. Очистившись от мешавшей ей корки отживших общественных отношений и популяции интеллектуал-паразитов, Россия получит наконец шанс совершить тот самый интеллектуальный рывок, к которому ее подготовило все предшествующее развитие русской цивилизации и который раз за разом срывается стараниями деструктивных сил.

ЗАЧЕМ РОССИИ ПАРЛАМЕНТ?
«Круглый стол» ЦИПКР и депутатской группы Госдумы «Новая региональная политика» 12 января 1996 года

Размышления к думской годовщине

12 января минул год с момента начала работы нового российского парламента - Государственной Думы. В связи с этим предлагаем вниманию читателей выдержки из материалов «круглого стола», организованного международной газетой «Мегаполис-Континент» совместно с независимым Центром исследований политической культуры России и думской фракцией «Новая региональная политика» (НРП)

Участники:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР;

Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук;

В.А.КУЗЕНКОВ, консультант депутатской группы Государственной Думы «Новая региональная политика»;

В.С.МЕДВЕДЕВ, лидер депутатской группы Государственной Думы «Новая региональная политика» президент Союза нефтепромышленников России;

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук;

С.П.ПЫХТИН, заместитель Председателя исполкома Конгресса русских общин (КРО).

Конституция пожирает своих родителей?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Нужен ли России парламент? Этот вопрос, к сожалению, звучит сегодня вполне уместно. Кризис, сотрясающий страну, обогатился еще одной болезненной чертой - вырождением парламентаризма и народного представительства вообще. По крайней мере с 1993 года страна наша то исподволь, то прямо подталкивается к выводу, будто никакие представительные органы, включая парламент, ей в общем-то не нужны. Существуют же без законодательных собраний треть краев и областей?

С.П.ОБУХОВ. Более того, сегодня за пассивность представительную власть атакуют те, кто еще недавно хвалился главным достижением новой Конституции - непротивлением Думы президенту. Нет больше всесильного Верховного Совета, и президенту никто не мешает проводить реформы. Но покой в высших эшелонах власти оказался сначала кладбищенским (покойники не спорили со сторожем), а затем, когда набрали силу внепарламентские и региональные структуры, и вовсе мнимым.

В.С.МЕДВЕДЕВ. Наша фракция «Новая региональная политика», понимает, что сегодня людям важны не слова, не формальные решения, не бесконечные словопрения. Россияне хотят уверенности в завтрашнем дне. Хотят нормально жить. И чтобы заводы работали. Чтобы заработную плату им выдавали вовремя. Чтобы детей без диких, как сегодня, проблем можно было накормить, одеть, обуть, дать им образование. Чтобы спокойно, не боясь, ходить по улицам. Но можно ли этого добиться без контроля народного представительства за правительством, губернаторами, мэрами, главами администраций?

Вряд ли. Хотя бы потому, что в различных частях нашей гигантской страны, казалось бы, общие для всех проблемы принимают нередко весьма неодинаковый облик. А кто в состоянии принять на себя на общегосударственном уровне груз установления единых «правил игры», кто сведет воедино региональные интересы и законом обяжет их решить? В значительной мере - парламент, где сходятся передаваемые через депутатов запросы всех частей и земель России. Иначе говоря: парламент - это великая сила, интегрирующая очень разные и пестрые местные интересы в один большой российский интерес.

И я хочу отметить его главное достижение - разработку и принятие первой части Гражданского кодекса, этой своеобразной экономической конституции.

С.П.ПЫХТИН. Все это так. Тем не менее именно в нем, в парламенте, сегодня как бы не стало надобности. Наша государственная система, выстроенная вокруг президента, как наглядно показал чеченский кризис, вполне способна обойтись без парламента.

Действующая Конституция предполагает именно самодержавство президента при немоте законодательной власти. И просто неудобно слышать причитания родителей этой Конституции по поводу бесконтрольности чеченских акций президента.

С.П.ОБУХОВ. Можно сказать, что нынешняя Конституция буквально пожирает своих родителей - демократов.

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Нетрудно заметить, что наш парламент идет тем же путем, что и все. его предшественники, начиная с Государственной

думы образца 1906 года. Сначала страну горячо убеждают: мол, рожденный в муках законодательный орган станет подлинным воплощением народовластия. Затем эти обещания рассыпаются об авторитарные тенденции исполнительной власти. И, наконец, разочарованное и озлобленное от такого обмана ожиданий общество начинает подумывать: как бы побыстрей выбраться из-под обломков этого политического «чуда» - разделенных властей. Тут-то и возникает благодатная почва для очередного государственного переворота «сверху».

С.П.ОБУХОВ. Понятно, что, принимая «третьеоктябрьские» правила политической игры, кандидаты в думцы не могли не понимать, что идут в безвластный орган. И вот, ни одна из политических сил, в него вошедшая, не может похвастаться, что хотя бы отчасти выполнила некогда данные народу посулы. Уже и Гайдар не вспоминает про обещанную им среднюю зарплату россиян в 100 американских долларов. И триумфатор 1993 года партия Жириновского бессильна показать, где же и чем она сумела укрепить российскую государственность. И коммунисты, поддержанные немалой долей избирателей, не преуспели в деле защиты социальных прав народа.

Кто превращает думу в балаган

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Да, часть депутатов, попала сегодня в ложное положение. Им все труднее выкручиваться на старый манер эксплуатируя эмоции людей, отвлекая их захватывающими политическими зрелищами. Уже первые съезды Советов СССР и России быстро растранжирили запас этого интереса. Да и захватывающими даваемые в Думе представления, как правило, не назовешь. К тому же отечественные электронные средства массовой информации придают парламентским зрелищам просто балаганный характер.

С.П.ПЫХТИН. Вот так и создается впечатление, будто депутаты не имеют никакой конкретной работы. И либо удовлетворяют за государственный счет свое любопытство, либо предаются этакому «дольче фарниенте» - сладостному безделью.

Понятно, что основания для подобного представления дают и сами депутаты. Но правительственное ТВ-зеркало, подающее их таким образом, вовсе не прямое. Понятно, что безвластная, и более того - представленная карикатурно – Дума не опасна исполнительной власти. При такой Думе вполне сподручно управлять, используя уникальную в мировой практике систему «исполняющих обязанности».

В.С.МЕДВЕДЕВ. Очень неприятно наблюдать, когда Думу пытаются представить в глазах общественности как нечто несерьезное, смеш-

ное и даже вредное. Однако пора твердо усвоить и средствам массовой информации, и гражданам, и парламентариям: другого представительного института история России не дала. И в обозримом будущем не подарит. И мы, парламентарии, просто обязаны использовать малейшую парламентскую возможность для отстаивания национальных интересов России.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Все так, но о каком авторитете парламентариев может идти речь, если в разгар военного конфликта, чреватого непредсказуемыми последствиями для судеб страны, и думцы, и более того - «сенаторы» убывают на ... каникулы.

С.П.ПЫХТИН. Да это уже не народные представители, а парламентские сидельцы, как в старину говаривали...

Б.О.КОМОЦКИЙ. Что. скажем, «сенаторов» не интересуют события в Чечне, или они уже смирились с собственной бесполезностью? Похоже, наши политики каким-то странным образом упускают из виду, что безволие нынешнего парламента способно запятнать именно их, депутатов, на веки вечные в глазах избирателей. Падет парламент - уйдет в небытие и современный «класс» политиков.

Тем более что чеченский конфликт ставит жирный крест на всех широковещательных посулах экономической нормализации.

Чеченский кризис: шанс возрождения парламентаризма

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Я бы предложил разделить в этом конфликте интересы президента, интересы его ближайшего силового окружения и интересы самой российской государственности. Ранее они зачастую коренным образом расходились. Но иногда могут и совпадать. Необходимость ликвидации криминального дудаевского режима - один из таких редких случаев. Криминальные государства не уникальны в нашем мире (вспомним Латинскую Америку). С таким противником бумажными декларациями и переговорными процессами не совладать. Он прекрасно умеет оборачивать их себе на пользу - для выигрыша времени, накопления вооружений, сил и средств для разложения и без того коррумпированных тылов центральной власти. Московское упование на силу слов и без того помогло дудаевскому режиму вооружиться до уровня региональной сверхдержавы. Болезнь так застарела, что в итоге потребовались самые радикальные меры. Другое дело, что применены они оказались бездарно.

В.С.МЕДВЕДЕВ. И мы, депутаты, вправе задать вопрос и зададим его исполнительной власти: почему не выполнены решения прежнего Верховного Совета, признавшего незаконным режим Дудаева? Эти

вопросы мы адресуем не только тем, кто сегодня в правительстве, но и бывшим и.о. премьера Егору Гайдару, вице-премьеру Михаилу Полторанину, бывшим членам Верховного Совета Сергею Юшенкову и Сергею Шахраю. Разве еще в 1991-1993 годах не было ясно, что ситуация требует немедленного решения с помощью всех имеющихся в распоряжении государства средств?

В.А.КУЗЕНКОВ. Пришла пора преодолеть парламентское безвластие путем изменения Основного закона в сторону принципиального расширения прерогатив законодательной власти, возвращения в ее руки контроля за исполнительными структурами. И делать это необходимо сейчас, пока есть парадоксальная, но реальная для такого шага основа - совпадение мнений и эмоций подавляющий части представленных в парламенте политических сил, предельно обеспокоенных происходящим на Северном Кавказе.

Сохранить парламент - сохранить державу?

С.П.ОБУХОВ. Но тут никак нельзя упускать из внимания и еще один момент. Внезапное объединение самых разнородных политических сил, подчас открыто враждебных друг другу, на почве негативного консенсуса к Ельцину грозит повторением событий декабря 1991 года. Тогда приступ антигорбачевских эмоций сказочно облегчил беловежский сговор и развал СССР. Сейчас схожая ситуация способна сделать былью, казалось бы, несбыточные надежды деструктивных сил на раскол Российской Федерации. Вот уже появился и наследник Сахарова,' предлагающий продолжить до абсурда принцип «самоопределения» региональных элит. Вот уже региональные бароны говорят о съезде народов Российской Федерации. Вот уже носится идея конфедерализации России.

С.П.ПЫХТИН. Им невдомек, что это будет не окончательный итог разрушения империи, а лишь его очередной промежуточный этап. Российские регионы, чьи элиты «дозрели» до мысли об обособлении от Москвы, с неизбежностью и сами станут затем дробиться на все более мелкие куски. И так – до бесконечности, до превращения страны буквально в пыль. Механизм развала начнет неустанно перемалывать все новые и новые поколения энтузиастов всевозможных «суверенизаций» и «защиты прав человека в самоопределяющихся территориях». Самоуничтожение - вещь жестокая. И если нынешний созыв парламента, как союзный Съезд и Верховный Совет России, согласившиеся на Беловежье, допустит развитие ситуации до Беловежья-2, то это надолго закроет для России шанс возрождения полновластного народного представительства.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Да, трудные времена предъявляют суровые требования отечественному парламентаризму. Пора, например, вводить нашу парламентскую вольницу в более строгое организационное русло. Ну нельзя же, заняв кресло по партийному списку, вести себя потом по принципу «делаю что хочу». Наше законодательство обязано наконец выстроить систему прямой и обратной политической связи по всей линии: избиратель - партия - депутат - парламентская фракция. И в этой связке партия обязана иметь возможность отзывать депутатов, нарушающих партийную дисциплину. Тогда и возможности для пустопорожней парламентской говорильни сократятся. Центр тяжести предварительных законотворческих работ переместится во фракции и партии. Парламенту же как таковому останется только ‘сравнивать предложения и выбирать лучшие.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Те силы, которые тормозят становление полноценной многопартийности в парламенте, тем самым парализуют ее становление в обществе. А значит, закупоривают механизмы обратной связи, без которых не жизнеспособна политическая система.

В.А.КУЗЕНКОВ. Согласен, нужна более жесткая законодательная поддержка укрепления внутрипартийной и внутрифракционной дисциплины. Однако это вовсе не исключает, но и прямо предполагает наличие института независимых депутатов. Кстати, во фракции «Новая региональная политика» объединились более шестидесяти депутатов, как раз и избранных непосредственно в округах. Они более чутко улавливают настроения избирателей, подобно барометру, показывая направления перемен, происходящих в общественных взглядах и политическом климате страны.

В.С.МЕДВЕДЕВ. Хорошим примером такого добровольного объединения и совместной работы независимых депутатов служит наша фракция «Новая региональная политика». В своей работе наши депутаты руководствуются в первую голову именно наказами избирателей, с которыми регулярно встречаются. У нас никто не выдает «установок» парламентариям. И это понятно - в самих регионах взгляды на один и тот же вопрос бывают очень разные. Вот сейчас в одних областях избиратели заявляют: «меняйте правительство, сил нет терпеть». А в других, наоборот, убеждены, что «коней на переправе не меняют». Однако мы, как группа, сегодня представляем 48 российских регионов из 89. И поэтому, откликаясь на требования каждого из них, в конечном счете как бы суммируем в своей работе весь спектр имеющихся требований.

В.А.КУЗЕНКОВ. Но мой взгляд, сегодня остро стоит проблема но столько ответственности депутатов от избирательных округов, сколько

безответственности и перебежничества со стороны депутатов, избранных по партийным спискам. Партийная безответственность, наложенная на отсутствие прямой ответственности перепд избирателями, - это разрушительная внутрипарламентская сила».

С.П.ОБУХОВ. Вы правы. Но ведь еще Жириновский, как наиболее пострадавший от перебежчиков, предлагал ввести императивный мандат, но другие фракции, рассчитывавшие поживиться за его счет. идею ни поддержали, и вот, сами страдают, как, например, ПРЕС или «Выбор России».

Ю.В.ЕМЕЛЬЯНОВ. Жириновский - чуткий политический локатор, способный улавливать перспективную идею задолго до прочих политиков. А то, что наши парламентарии побаиваются жестких организационных решений, говорит в общем-то не в пользу ненышнего депутатского корпуса. Нашу российскую политическую, в том числе и парламентскую, «квашню» давно пора вводить в рамки, структурировать.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Конечно, сочетать в своей деятельности весь спектр высказываемых в адрес парламента пожеланий и требований крайне сложно. Поскольку само развитие общественной ситуации сегодня противоречиво. Судьбы России зависят от того, что возьмет верх: национальная революция, ставящая своей целью возрождение русской, российской государственности, или революция бюрократическая, номенклатурная, способная во имя корыстных интересов небольших групп разорвать страну на части. Успех или крах той или другой линии неотделимы от судеб российского парламентаризма.

С.П.ОБУХОВ. Что же до нынешних депутатов, то им не остается ничего другого, как, зажав эмоции в кулак, дотянуть срок своих полномочий. Дабы затем, сохранив ростки парламентаризма, уступить место новым силам, которые, возможно, будут иметь больше политической воли. А пока Дума - этот последний институт единой российской государственности - существует, недостатки значительной части думцев терпимы. Даже то, что часть парламентариев в состоянии лишь сражаться за свои кресла, компьютеры, спецтелефоны и кабинеты, - объективно играет положительную роль, так как тем самым сохраняет (пусть даже в замороженном виде) последний бастион отечественного народовластия и державности. Иначе говоря, Дума просто обязана продержаться до конца законом отпущенного ей срока, пусть даже заплатив за это цену в виде похороненного из-за соглашательства авторитета многих нынешних депутатов. Именно ради того, чтобы новые поколения российских политиков не начинали возрождение державности с нуля, Дума обязана дожить до очередных выборов.

РОССИЯ НА НОВОМ ПЕРЕПУТЬЕ
Политические и исторические дискуссии по проблемам прошлого и будущего страны «Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Советская Россия» 28 мая 1996 года

Россия на новом перепутье... Но кто она — Россия? Откуда и куда идет? Каковы ее исторические права? Эти и подобные вопросы сегодня часто мелькают, по мере нарастания предвыборной президентской кампании. Во весь рост встала проблема смены общественного курса в стране, а значит, предопределения той или иной судьбы России. Отсюда и яростные политические и идеологические столкновения вокруг острейших вопросов прошлого и будущности страны, которые и стали предметам рассмотрения на "круглом столе", организованном редакцией "Советской России" совместно с учеными независимого Центра исследований политической культуры России в рамках исследовательской программы "Имперская доминанта России"

Участники:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;
В.К.КОЛОМИЕЦ, кандидат исторических наук;
Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук;
С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук;
Г.Н.ПИРОГОВ, кандидат исторических наук;
Г.В.ХЛЕБНИКОВ, кандидат философских наук;

А была ли она — Россия?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Характернейшая из черт нашего времени, современной политической культуры — отчасти явное, отчасти скрытое состязание государств и народов (в лице их правящих верхов) за историческое первородство, дающее, особенно на переломе времен, своего рода право на некую культурную, а значит, и политическую особость и

избранность. Что в общем-то понятно: мир сделался иным и продолжает круто меняться, стремясь заново найти утраченную после развала СССР устойчивость. В повестке дня не только "война за советское наследство", но и новый передел этого самого мира. В то время как старые методы ведения политических дел (как внутренних, национальных, так и глобальных, международных) во многом исчерпали себя, все чаще в качестве решающего обоснования государственных поступков выдвигается простая ссылка на то, что именно она, данная держава или союз стран, является главным историческим носителем высших культурных, духовных ценностей. И потому вправе их защищать, по своему усмотрению избирая для этого средства. Кстати, подобное морально-политическое самоутверждение партнеров по блоку НАТО в отношении бывшей Югославии, а ныне все чаще и России, куда как типично и показательно.

С.П.ОБУХОВ. Да, Россию сегодня буквально выталкивают из некоего, провозглашенного цивилизованным, юридического, экономического, политического и духовного "пространства". А потому ей приходится крепко задумываться над тем, как заново утвердить себя в этом, явно недружелюбном ей мире.

Г.Н.ПИРОГОВ. Действительно, русские сегодня оказались как бы в положении древнего изгоя, отлученного от собственного роду-племени и отданного на волю любого: человека ли, зверя ли, стихии. Держава-изгой — вот итог всей политики как "перестроечной", так и "постперестроечной", "демократической" поры. Страна, у которой нет прав на прошлое, отнимается настоящее и не остается сил на будущее. Сохранение подобной запрограммированности прямо грозит русскому народу вырождением в ближайшие 25—50 лет. Причем такой удел все чаще подается России как нечто не просто неизбежное, но и исторически закономерное, даже справедливое. В сознание огромного народа с тщанием вбивается самоедский комплекс самоотрицания.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Странные пророчества в его адрес звучат сейчас из высших — не по их формально-бюрократическому положению, а по реальной сути — правящих страною сфер. "Может быть, это мистика, но если потеряем Россию 16 июня 1996 года, значит, так тому и быть, значит, мы обречены. Это будет день без числа. Исчезали же целые народы! Где хазары, где гунны, половцы, скифы?. Их нет! Так и с нами может произойти. Даже подумать страшно..." — заявляет со страниц "Российской газеты" не кто-нибудь, а Александр Николаевич Яковлев, тот самый ближайший сподвижник и чуть ли не "духовный отец" сразу двух кандидатов в президенты: и Бориса Ельцина, и Михаила Горбачева. Многозначительно. И... что-то здесь не так. Непонятно главное: кто эти "мы" в устах автора?

Если под ними и в самом деле подразумеваемся мы, то есть русские, россияне, то упомянутые им хазары, гунны, половцы и даже (отчасти) скифы как раз и были теми, кто веками пытался нас уничтожить и стереть с лица земли. И исчезли они потому, что жизнестойкость и мощь наша оказались выше. Русь в конце концов "растворила" их в себе без остатка... Вот и получается: их судьба нам – не указ. А весь пафос бывшего, партийного "бонзы" сводится по сути дела к одному: сегодня наш народ является не чем иным, как простым заложником власть имеющего режима. Так что его судьба жестко предопределена: падет режим, и с собою в небытие (причем небытие уже не политическое, а физическое) он постарается захватить и всех нас, жителей России. В общем, сакраментальное "или — или".

Однако понять "архитектора перестройки" можно и совсем иначе: его "мы" к нам, русским и россиянам, вовсе и не относится. Не нас, а себя и "своих" ассоциирует он со столь милыми его сердцу хазарами, гуннами да половцами — с теми, кто на протяжении столетий жег да разорял Русь, пил ее соки. Но был наконец сброшен ею с шеи и канул в историческое ничто.

В таком случае все и на самом деле оказывается предельно логично. Не нам, не народу России, несут выборы 16 июня и победа на них народно-патриотических сил ту самую историческую "обреченность", которую пророчит г-н Яковлев. Это ему и тем, кто с ним, предстоит исчезнуть из истории России, как исчезли из нее упомянутые исторические кровопийцы. И думать об этом одному из главных авторов современного "ордынского" набега на Россию и ее разгрома, наверное, в самом деле страшно.

Но в этом случае речь идет уже не о погибели Руси, а о ее спасении. А все апокалиптические видения и внушения бывшего члена Политбюро ЦК КПСС — элемент куда как не простой и далеко идущей политической игры, где исторические экскурсы являются простым прикрытием.

В.К.КОЛОМИЕЦ. Известна закономерность: если в благополучные времена история своим авторитетом как бы освящает престиж существующего общественного порядка (убеждая всех и каждого в целесообразности его продолжения), то в эпохи кризисов и смут предназначение исторического знания меняется. Из него пытаются сотворить этакий таран для сокрушения им же, этим знанием, узаконивавшегося и освящавшегося порядка. Именно такая метаморфоза произошла с историей в наши "перестроечные" и "постперестроечные" дни. В итоге этой операции (принявшей личину "стирания белых пятен" с прошлого) планировалась не только полная делегитимизация того государственного

устройства, что было рождено Октябрьской революцией, но и всей нашей национальной государственности в целом. “Белые пятна” так упорно стирали, что встал вопрос: “А была ли она вообще — Россия?”. На свалку истории пытались отправить все, чем веками жил и гордился наш народ. А затем, как видим из слов того же А.Н. Яковлева, — сам этот народ как таковой.

С.П.ОБУХОВ. И что примечательно: чем очевиднее делается вся преступность такой политики, тем хитрее и изворотливее становятся попытки узаконить ее и даже придать ей этакие “глубоко научные” черты.

О “чистоте” русских кровей

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Впрочем, пример Яковлева с его “этноисторическими” пассажами — явление крайнее, с предельной откровенностью обнажающее духовную суть не только этого деятеля, но и целого слоя отечественных интеллектуалов, ныне обслуживающих партию власти. Хотя и необходимо признать, что стирание всего русского из мировой истории совершается многими из них или с их подачи все-таки поизящнее.

Достаточно отметить одни только популярные в иных творческих и политических кругах мудрствования насчет того, что русских, мол, как народа не было и нет. Ибо они — только “имя прилагательное”, ошибочно принимаемое за название народа. К кому желательно (или дозволительно) его “прилагать”, тот и есть этот самый “русский” — хозяин якобы ничейных (по такой вот логике) российских “пространств” и богатств.

Г.В.ХЛЕБНИКОВ. Не потому ли в нынешней “демократической” Российской Федерации “прилагательное” имя русских почти исключено из официального оборота и заменено на российский (без всякого даже упоминания русской доминанты в этом самом российском конгломерате). И только диктат нынешней избирательной борьбы нет-нет да и заставляет проигрывающего выборы президента и его команду поминать о русских сквозь стиснутые зубы да демонстрировать свою “народность” плясками в этнографических хороводах.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Дерзающим на подобные “прилагательные” антирусские “открытия” интеллектуалам (с подготовкою школяров-троечников) и неведомо, как видно, что самоназвания большей части современных европейских народов — французов, итальянцев, испанцев, англичан и, естественно, американцев — также носят именно такой, как бы прилагательный характер.

Так что дело тут не в иллюзорности русской нации, а в крайне куцей образованности отечественных эрзац-аналитиков, пытающихся с ученым видом толковать на сей счет.

С.П.ОБУХОВ. И тем не менее широко известен и другой вариант бьющих в эту же цель умопостроений. Раздаются, скажем, претендующие на авторитетность голоса — даже из руководящих верхов организаций, претендующих на выражение интересов самих же русских, — будто "этнически чистых русских" как раз и не существует. Скажем, еще в канун думских выборов подобные глубокомысленные соображения высказывались и новыми лидерами Конгресса русских общин, и главой вроде бы патриотического блока "За Родину!" Полевановым. Нечто подобное, хотя и в несравненно более осторожной форме, произносится и сейчас, на пике президентской кампании, тем же Александром Лебедем, который в интервью газете "Сегодня", в частности, заявил: "В России выделять чистую расу — дело безнадежное!". Видать, есть страны, где оно, такое выделение "чистой расы", наоборот, — вещь надежная...

К.О.КОМОЦКИЙ. Неуклюжести и оговорки случаются у всех. Стоит ли на них выстраивать какие-либо выводы?

В.К.КОЛОМИЕЦ. Беда в том, что упомянутые случаи не единичны. Впечатление такое, будто речь идет о целой плеяде "теоретиков", частенько бегавших с занятий. Позволительно спросить: и где же это вы, господа, сумели вообще обнаружить эти самые "этнически чистые" народы, к числу которых-де не относятся русские? Неужели опять на том же "цивилизованном" Западе?

Да и вообще: что это такое — этнически чистые нация или человек? В лабораторной колбе, что ли, выращенные?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Действительно, таковых история попросту не знает. Возьмите для сравнения хотя бы англичан — самый что ни есть эталон европейского цивилизованного народа. Что они такое с позиций этногенеза?

Сначала, где-то в VIII — VII веках до нашей эры, история застает на их месте кельтов-бриттов, которые и дали современному островному государству одно из нынешних его имен. Затем, уже в I веке нашей эры, сюда вторглись римляне. Причем они к тому времени и сами уже превратились в крайне пестрый конгломерат народов и племен, включенных в империю: от египтян до славян. Следом, спустя три-четыре столетия, нагрянули германцы — англы, саксы, юты, фризы. Они уничтожили цивилизацию романо-бриттов и дали новое имя стране. А еще немного погодя на северо-восточных землях Англии высадились и закрепились викинги-датчане, на какое-то время даже включившие эту территорию в огромную, но непрочную империю Канута Великого (мать которого, кстати, была русской).

Наконец, в XI веке и германцев-саксов смяли новые пришельцы, пе-

реплывшие через Ла-Манш сподвижники норманнского герцога Вильгельма Завоевателя, представлявшие, в свою очередь, собою офранцуженных потомков все тех же викингов.

И с каждой из этих этнических волн менялись и правящий класс (старый, как правило, почти целиком вырезался), и положение ранее господствовавшего народа (он безжалостно закабалялся), и характер государственного устройства, и язык, и многое прочее... Речь шла не просто о замене одних властей на другие. То была почти тысячелетняя череда только менявшего обличье этно-политического ига. Кстати, и после того, как где-то в XIV веке образовалась, наконец, английская нация, управляли ею частенько никак не англичане. Трон занимали то шотландцы Стюарты, то голландцы Оранские, то ганноверская немецкая династия...

С.П.ОБУХОВ. А вот Россия ни с чем подобным и близко не сталкивалась. Она, случалось, платила чужакам дань и попадала под их иго (чего только не было со времен описанных даже Геродотом славяно-сколотских царств, существовавших еще в средине I тысячелетия до нашей эры). Но пришельцы-грабители эти ни прарусских, ни затем русских земель между собою не делили и над русскими людьми непосредственно не властвовали. Готы, авары, хазары, половцы, варяги, монголо-татары (кануть в Лету вместе с которыми нас призывает сподвижник Б.Н.Ельцина и М.С.Горбачева) сталкивались с русским этносом по историческим меркам мимолетно: болезненными, кровавыми, но всего лишь наскоками. Население, с ними соприкасавшееся, просто-напросто изымалось из этнического оборота — его, как правило, умерщвляли или невозвратно угоняли в рабство. Какое уж тут заметное чужеземное влияние на русский генофонд! Что до правящих династий, то за последнее тысячелетие с лишним на Руси их сменилось только две — Рюриковичи и Романовы.

Оставим здесь за скобками предыдущие тысячелетия и, скажем, споры о столь же глубоких, вероятно, непрерывных сколотских корнях князей Киевичей, которых лишь в IX веке сменили Рюриковичи. Хотя надо признать, что гипотезы на сей счет академика Рыбакова выглядят довольно убедительно.

Поскольку и две исторически достоверные династии на тысячелетнюю историю страны — это своеобразный мировой рекорд! Вот и рассуждайте после этого насчет “чистоты” цивилизованных этносов и “нечистоты” русского народа. Как раз у русских-то, похоже, в этом деле и нет почти конкурентов.

Г.Н.ПИРОГОВ. Не потому ли русским и не свойственны, чужды все эти болезненноупертые рассуждения по поводу собственной или чужой

“чистоты кровей”, в которых подчас буквально заходится “цивилизованный” Запад? Уместно сослаться на опросы, проводившиеся нашим Центром исследований политической культуры России, которые показывают: сводить вопрос о национальной принадлежности к этой самой чистой-де “крови” считают справедливым всего 8—12 процентов населения, не больше. Другое дело — чистота восприятия и приятия людьми культурных традиций, извечных государственных установлений, самого мировосприятия того народа, к которому они принадлежат или желают относиться. Именно такому критерию национального отдает предпочтение большинство (свыше 60 процентов) наших соплеменников. Поэтому-то, надо понимать, политики типа Тулеева или Лукашенко воспринимаются русскими как люди что ни есть свои. А вот Горбачев, Ельцин или тот же Яковлев остаются иностранцами, этакими “немцами” – теми, чьи поступки чужды, а речи и мысли невнятны и **немы.**

Чем гаже - тем глаже?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Как-то по телеканалу НТВ, которым руководит нынешний член президентского избирательного штаба А. Малашенко, шел итало-французский фильм “Монголы”, успевший, заметим, получить неплохую прессу на Западе. Речь в фильме о временах Чингисхана. А действие происходит в исконном польском городе ... Суздале. Я не оговорился — именно в Суздале, где нам показывают и католический костел, и типично западноевропейские дома, и площадь с ратушей. Сюда, в ставку монголов, по ходу фильма и прибывают знатные послы от папы римского — поляк и француз – с предложением мира. При встрече с ними Чингис произносит целую речь, как бы позаимствованную из яковлевско-горбачевских агиток за “новое мышление”. Он — это Чингис-то! — призывает к миру между народами, говорит о цивилизованном сотрудничестве, с гневом осуждает любое насилие... Дальше все закручивается по законам исторической “оперетты”. Появляется этакая белокурая злодейка ханша, которая в конце концов и убивает миротворца Чингисхана. А ее супруг, сын “потрясателя Вселенной”, заново пытается начать агрессивный, так сказать, курс.

Но... оказывается разгромленным поляками, объединившимися со странствовавшей где-то поблизости (во Владимирской земле, что ли?) армией крестоносцев-тамплиеров. И все сие действо, разворачивающееся на Суздальской земле, густо сдобрено громкими словесами о польской земле, польской крови, польском единстве...

А где же Россия? Ее как не бывало — взяли и поделили между кочевниками-монголами и католическим Западом. Нет страны, нет и ее исто-

рии. Прямо как воплощение рекламного телелозунга: “Денди” — новая реальность!” Смешно?! Не очень...

С.П.ОБУХОВ. Как тут не вспомнить, недавнюю статью в американской газете “Балтимор сан” о славянах. Общий смысл исторически безграмотных (как и в фильме) рассуждений таков: мол, среди этих недоумков-славян есть только несколько народов, достойных принятия в семью цивилизованных этносов, - это поляки да хорваты. Ну, может быть, и чехи. Заметим, только те славянские народы, которое исповедуют католичество. И те, что сегодня оказались в поле особого внимания! НАТО.

Возвращаясь к фильму, хочу заметить, что эта, с позволения сказать, “духовная” продукция оскорбительна и для поляков. У них, как известно, имеется собственная трагическая и великая история борьбы с монголо-татарским нашествием. История, в которой были и разрушения Кракова, Вроцлава в 1241 году, и гибельное нашествие ордынцев в 1287 году. Тут, будто шило из мешка, проскальзывает все та же — которая уже! — попытка столкнуть лбами и перессорить славян со славянами.

Б.О. КОМОЦКИЙ. Сногсшибательные откровения выдают подчас и люди, занимающие видное место на “интеллектуальном Олимпе”. Симптоматичны в этой связи некоторые из газетных выступлений кинорежиссера Никиты Михалкова, одного из самых активных пропагандистов и агитаторов за нынешнего президента. В своей публичной полемике он не раз заявлял, что этого самого золотоордынского ига вроде бы и вообще не было. Его взяли и выдумали... большевики. Стремясь переложить на кого-то часть собственной вины за разорение России, они, оказывается, искали и находили всевозможных “козлов отпущения”, в том числе и в лице татар, которых по сей день склоняют наши школьные учебники истории...”. И это еще не все.

“Но вы задумайтесь,— открывает глаза соотечественникам знаменитый мастер экрана,— почему монголо-татарское иго, длившееся целых 270 лет, ни в одной летописи ни разу не названо катастрофой, почему в народной памяти, в былинах почти не осталось преданий о злодеяниях “басурман”? Это ведь не случайно. Ибо, совершая на Россию жестокие набеги, сжигая города, церкви, полоня и грабя русских людей, монголо-татары тем не менее не замахивались на святая святых народной жизни — на религию, не покушались на то, чтобы отнять у православного человека Бога, то есть не пытались разрушить исторически сложившийся менталитет нации”. Вот ведь, оказывается, как все было! Чуть ли не повтор мыслей “общечеловека” Чингисхана из польского города Суздаля.

Выходит так: можно камня на камне от России не оставить и тем не менее быть для нее отцом родным и благодетелем, как сегодня Борис Николаевич с его политической ордой.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Да, логика убийственная. Получается, что монголо-татары церкви жгли, а на святая святых народной жизни — религию не замахивались? Это как? Ведь во все века и везде уничтожение храма Божьего было и есть самое страшное надругательство над верой, покушением на нее!

В.К.КОЛОМИЕЦ. Да... Тут вообще круто взято — что ни пассаж, то нелепица. Ладно, можно еще оставить на совести человека, который, должно быть, явно не в ладах с историей, эти "целых 270 лет" ордынского ига. Хотя началось оно, как известно из учебников, в 1243 году, когда возник Джучиев улус, а пало после стояния на Угре в 1480 году.

Г.Н.ПИРОГОВ. Скорее, здесь нелады с арифметикой, а не с историей.

В.К.КОЛОМИЕЦ. Загадочно все же другое: это какие же летописи довелось читать маститому режиссеру, актеру, а до недавнего времени главе Всероссийского фонда культуры? Ведь сыскать летопись, которая криком бы не кричала о поругании и разорении Руси монголо-татарами, просто невозможно! Нашествие это будто бы не называли наши пращуры катастрофой? Само собою — не называли. Это слово вошло в наш язык этак столетий через шесть после Батыева нашествия. Так ведь дело не в терминах.

"Повесть о бедствии нашем могла бы подвигнуть на плач и стенание не только людей и скотов, но и самые камни бесчувственные!" — вот как ощущали русичи той поры все происшедшее с ними. Ибо нельзя было "словом изобразить чашу горечи, излитую на нас гневом Божиим, серп, пожавший и искоренивший нас, меч, не только обесчадствовавший нас, но с чадами и род их погубивший!.." Здесь уже не описание какой-то там "катастрофы", здесь, говоря современным языком, дана картина подлинного геноцида русских.

Мало? Привлечем, так сказать, независимых зарубежных экспертов. Арабский историк и современник монгольского нашествия Ибн аль-Асир писал: "Не было от сотворения мира катастрофы..."

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вот и катастрофа засвидетельствована!

В.К.КОЛОМИЕЦ. "...катастрофы ужаснее для человечества, и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда!". Или и тут надо видеть происки большевиков, вернее, коминтерновской агентуры аж XIII столетия?

Кстати сказать, у господина Михалкова есть здесь и предшественники — например, Каменев Лев Борисович с соратниками, которые иначе

как о так называемом русскими историками-националистами татарском иге про те поры и не говорили: боялись, надо понимать, по обыкновению, что вопрос этот-де станет подрывать интернациональную дружбу трудящихся. Ну а вот теперь круг, что называется, и замкнулся.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Уж коли на то пошло, то и европейские свидетели тех событий, вроде итальянца Плано Карпини, посла от папы Иннокентия IV сначала в ставке Батыя, а потом при дворе великого хана Гуюка в Карокоруме, прямо писали, что монголо-татары в первую очередь стремились уничтожить именно интеллектуальную верхушку, элиту покоряемых народов: "... Лучшие, благородные люди никогда не дождутся от них пощады".

А историки нашего времени не случайно обращают внимание на бесконечные факты расправ, чинившихся ордынцами, над православным духовенством. **Ими** буквально изобилуют все те же летописи. Вот каково на самом деле было отношение этих "гуманных" якобы захватчиков к нашему национальному менталитету.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Вот и хочется сегодня кое-кому исторического реванша. Был бы повод! Скажем, определилась Дума к беловежским соглашениям. А из президентского окружения раздается претендующий на историчность и иронию вердикт:

"...Это постановление так же дико, как для России было бы диким решение монгольского парламента о признании незаконными результатов Куликовской битвы". Автор — Вячеслав Никонов, главный аналитик президентского предвыборного штаба. Ужель неведомо ему, доктору исторических наук, что высказался он крайне неудачно.

Во-первых, во времена Куликовской битвы ни Монголия, ни монголы к Золотой Орде сколь-либо прямого отношения уже не имели. Ни в этническом плане, поскольку горстка монголов, пришедших с Батыем, давно растворилась в море тюркского населения, ни соответственно в языковом. Ни в юридическом отношении: Орда в ту пору была уже полностью самостоятельна от великих ханов в Каракоруме. Ни в религиозном — для мусульман-ордынцев исповедовавшие буддизм монголы стали "неверными".

А во-вторых, как известно, победа Дмитрия Донского над Мамаем вовсе не принесла Руси освобождения от ига, то есть того самого "результата", который можно было бы "признать незаконным". Власть Золотой Орды над Русью продолжалась еще целое столетие.

Так что Куликовская битва и Монголия — вещи друг к другу отношения не имеющие. И остается только гадать, чем была вызвана реплика главного президентского аналитика: то ли досадным для доктора наук

незнанием истории, то ли, наоборот, прекрасным знанием и учетом политических конъюнктур, требующих от членов ельцинской команды обязательного теста на антирусскость.

Аллергия на русское

С.П.ОБУХОВ. Понятно: капля камень точит! Нас стараются приучить к мысли, будто всякое страшное и наглое зло, когда-либо обрушивавшееся на Россию (будь то золотоордынское иго или нынешние псевдореформаторское разорение и расчленение Отечества), является чуть ли не услугой, за которую нам еще предстоит благодарить и благодарить. Огромный и великий народ тщатся вогнать в согбенное состояние, лишить способности здраво оценивать и старые катастрофы, и новые, надвинувшиеся уже в наши дни опасности. Главное — приучить русских не сопротивляться им!

Чем не подтверждение подобной позиции — все лжемиротворчество нынешнего режима в чеченской трагедии, раз за разом оборачивающееся все более страшным пусканием рек русской, российской крови?!

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Примеров внутреннего применения антирусского идейного "сверхоружия" – множество. Возьмем еще один — скажем, высказывания в прессе политолога Александра Ципко, относящегося к плеяде интеллектуалов, как бы принадлежащих сейчас к нескольким мирам отечественной политики сразу: постоянно работающего в супердемократическом фонде Горбачева, но время от времени неожиданно всплывающего и в некоторых яро государственнических оппозиционных коалициях. Названный аналитик прямо и без околичностей втолковывает читателю: "Нормальный русский человек, если у него мозги в порядке, не может не видеть, что инициаторами и активными участниками всех этих великих катастроф, которые случились в России в XX веке, были русские, возглавляемые и направляемые русской интеллигенцией, что идеи уничтожения своего собственного государства, "расправы" с прошлым приходили прежде всего в русские головы, что никого так ненавидят русские в минуты этих катастроф, как тех, кто мешает им осуществить задуманное самоубийство".

Г.Н.ПИРОГОВ. Вот вам и свежеонаученная версия "народа-самоубийцы".

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вообще занятное дело: демонстративно переводя разговор в чисто этническую, так сказать, плоскость, этот приближенный сотрудник бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС и нынешнего кандидата в президенты России с упорством педалирует на слово "русские". Он будто так и ждет, что из известной среды радикально настроенной патриотической интеллигенции ему тут же станут приводить

уже множество раз обнародованные сведения о национальном составе тех, кто и в самом деле в периоды послеоктябрьских крайностей возглавлял эти глумления над Россией (скажем, о происхождении руководства ежовско-бериевской охранки). Данные эти ныне куда как хорошо известны: русских там практически не было. Да и упомянутый политолог наверняка знает, что в окружающем его коллективе Горбачев-фонда (в который перетек ударный отряд очередных "реформаторов-сокрушителей" России) тоже не много встретишь этих самых русских лиц.

Наверное, по замыслу эксперта Горбачев-фонда, после столь скандальной публикации могла бы вспыхнуть никуда не ведущая разборка по национальному признаку. Но мы, я думаю, по этому пути не пойдем...

Б.О.КОМОЦКИЙ. И все-таки менталитет наших радикал-разрушителей трудно понять. Если у человека, в том числе нерусского, и в самом деле "мозги в порядке", то он никогда не станет обливать грязью огромный — пусть даже и чуждый ему — народ, от которого он сам, кстати говоря, и кормится. И который на диво кротко (пока) сносит великие такие поношения...

Г.Н.ПИРОГОВ. Может быть, автор из Горбачев-фонда под такими "русскими-самоубийцами" и одержимыми "саморазрушением" имел в виду "лучшего немца" — самого Михаила Сергеевича Горбачева?

С.П.ОБУХОВ. Вообще-то в последнее время А.Ципко и в своих статьях, и в телевыступлениях все-таки попытался хоть как-то смикшировать впечатления от этих своих странноватых высказываний.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Наверное, все так же сказывается все та же логика предвыборной борьбы. Да и общественная атмосфера меняется.

Г.В.ХЛЕБНИКОВ. А в общем, перед нами ситуация, которая сродни хорошо известным » судебной психиатрии явлениям. Преступникам, как описывает специальная литература, свойственно с особой силой ненавидеть не полицейских, их «повязавших», не судей, приговоривших их к наказанию, а... жертвы. Именно тех, кого они обобрали, унизили, оскорбили, даже убили... Не это ли сказывается сейчас в менталитете и поведении многих из тех, кто так или иначе оказался причастен и к разрушению СССР, и к "тихому", но последовательному геноциду русского народа! Тех, кто в оправдание подобных действий вновь и вновь обвиняет наш народ в неполноценности и — сверх того — в болезненной тяге к "самоубийству", "историческому самоуничтожению".

Б.О.КОМОЦКИЙ. В самом деле, если следовать логике, рождаемой в недрах Горбачев-фонда, то получается так: коль скоро русский народ сам себя задумал убить, то не будет ли просто "милосердием" помощь ему в этом деле? Следуя "гуманному" мотиву: "... чтобы не мучился".

С.П.ОБУХОВ. Так или иначе, но все эти пассажи насчет исторического "небытия" русских и России, их ущербности — вплоть до комплекса самоуничтожения — куда как хорошо (в конце концов) укладываются в философические откровения таких западных идеологов, как небезызвестный бывший помощник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Ведь это он ничтоже сумняшеся объявил: "Россия — лишняя страна". И никаких больше разговоров!

Однако после победы на думских выборах 17 декабря 1995 года коммунистов-государственников и патриотической оппозиции Бжезинский вдруг сменил тон. И даже опубликовал статью в "Лос-Анджелес таймс", где заявил, что к "Москве следует относиться с уважением". Хотя и не устоял от соблазна оговориться: мол, "после 75 лет правления коммунистов их страна перестала быть великой державой, она не является даже развитой страной".

В.К.КОЛОМИЕЦ. Мне представляется, что все эти сначала заупокойные, а потом мнимоуважительные словеса, произносимые над Россией, есть не что иное, как попытка ее всевозможных ненавистников успокоить самих себя.

Г.Н.ПИРОГОВ. Однако все эти внушения чаще всего не попадают в цель. Они разбиваются о сохраняющиеся (невзирая ни на что) основы нашего российского, русского менталитета. Ибо, как убеждают социологические зондажи нашего Центра, не менее 80 процентов русских, россиян убеждены: никакое покаянное "вхождение" в "цивилизованную Европу" нам не нужно. Так как "Россия ... сама является и Европой и Азией". А посему "нам не надо подстраиваться под кого-либо, но жизненно необходимо сосредоточиться на своих делах".

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Сосредоточенность на созидательных делах — это всегда было символом живучести и неуничтожимости России, которая за многие тысячелетия своего существования пережила не одно самое страшное иго. И не просто пережила, но и каждый раз выходила из испытаний обновленной и еще более мощной.

РОССИЙСКАЯ МОНАРХИЯ: ИСКУШЕНИЕ ВТОРОЕ
«Круглый стол» ЦИПКР и редакции газеты «Советская Россия» 23 января 1997 года

Сегодня мы живем в странном обществе, где многие - в том числе самые мрачные — сказки оборачиваются былью. А призраки давно минувшего усилиями неких политических искусников как бы уплотняются, претендуя на превращение в реальность. Истории известны такие времена, когда измученное потрясениями общество как бы зависает между двух миров: миром реальности и миром теней. Тут-то и начинают подчас казаться возможными самые невероятные превращения, среди которых в нынешней России не последнее место заняла идея восстановления монархии, инициируемая из околовстных сфер. И если после провала в 1995 году идеи монархического референдума тема сия слегка заглохла, то ныне, через еженедельные информационно-пропагандистские накачки, проводимые телекомпанией НТВ, да экзотические выступления иных парламентариев в Думе она вновь начала внедряться в сферу реальной политики. Именно эта проблема и сделалась темой очередного "круглого стола", организованного независимым Центром исследований политической культуры в рамках научного проекта "Имперская доминанта России"

Участники:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИМРД АН СССР;

В.К.КОЛОМИЕЦ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР;

Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук,

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук;

Г.Н.ПИРОГОВ, кандидат исторических наук;

Г.В.ХЛЕБНИКОВ, кандидат философских наук;

Ю.БАРАНОВ, журналист.

Августейшая соломинка

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Судя по последним телевизионно-пропагандистским всплескам, монархическая идея стала этаким мировоззренческим чудом, перекочевавший из умов ярых поборников всего русского (не раз освистанных и гонимых нынешними демократическими властями) в элитарный правительственный менталитет. Более того, складывается впечатление, что для нынешней партии власти (или по крайней мере ее части) монархическая перспектива сделалась той соломинкой, за которую хватается утопающий.

Ясное дело: самоутверждение ныне правящего режима не оставило в запасе у России ни одной из форм современного государственного устройства, которая бы не была уже скомпрометирована и не отбрасывалась за ненужностью, все дальше и безнадежнее загоняя страну в провал исторического безвременья — в темное "ничто*. Сначала оказалась взорвана "уставшая" однопартийная политическая система, представленная КПСС, которая вместо попыток обновления сама же вскормила своих могильщиков (создавая с конца 50-х "класс" самоедской и саморазрушающейся "элиты") . Затем в небытие ушел и сыгравший при ее низвержении роль эмоционально-политического тарана низовой, прямо апеллировавший к массам демократизм — народ был объявлен отсталым и косным. Тем временем на свет успел вылупиться новый, претендовавший на элитарность слой "демократуры", бывшей "плотью от плоти" предыдущего позднесоветского правящего "истеблишмента". Следом за тем под нож "реформ" пошли Советы, весьма бесстрастно наблюдавшие предыдущие погромы. И вот теперь под откос идет и многопартийность яковлевской модели, и "поезд" всевластного президентства - тот, которому так упорно расчищался путь.

И верхам стало ясно: ведущий президентский поезд машинист уже не различает пути. Куда могут пересесть едущие в нем соратники-попутчики? Разве что на лету перескочить на хлипкие, но обещающие по крайней мере отсрочку краха монархические "салазки". "Салазки", в пожарном порядке извлекаемые из запасников самой историей созданного музея невостребованных вещей. И скользить, уцепившись за них, под горку, зажмурившись и не особенно заботясь, куда они в конце концов вывезут, лишь бы подальше от места очередного общественного крушения. Такой вот образный ряд навевают участившиеся вдруг потуги околовластных "страдальцев за российскую идею" всучить общественному мнению страны — будто товар с гнильцой — мыслишку о реставрации монархии. Причем не монархии вообще, а монархии в лице исключительно так называемой великой княгини Марии Владимировны Романовой и ее сына.

С.П.ОБУХОВ. Заметим: ныне мы переживаем уже второй всплеск монархических страстей за время новой Смуты. Первый пришелся на 1988—1990 годы, то есть на самый пик разложения горбачевской "перестройки". Нечто схожее теперь сопровождает и догнивание ельцинской "политики реформ", когда два года назад стала муссироваться тема монархического референдума. Подыскивается не только "свой" монарх, которому можно было бы без выборов передать власть. На случай полного краха ищется и политическая фигура, удобная для того, чтобы половчее спихнуть на нее ответственность за все содеянное со страной. Что и понятно, коль и с телеэкранов открыто признают, что на следующих выборах главными претендентами на президентский пост будут Зюганов и дышащий ему в затылок Лебедь, то, глядишь, вновь избранный президент вполне сможет принять и законное решение об отмене всех указов нынешнего главы государства, о пересмотре реформаторских "нововведений". Вот и приходится загодя продумывать не только, куда и как спрягать после Ельцина "скипетр", но и прикидывать кандидатуру, злобную дня сброса "на копья" взбунтовавшемуся народу в случае общественных потрясений. Чуждый стране эрзац-государь в лице сына Марии Владимировны от прусского принца Франца Вильгельма, то есть почти немец и совсем нерусский, подошел бы в самый раз.

Г.Н.ПИРОГОВ. И такой маневр на первый взгляд вполне может удасться. Пусть даже на время, хотя бы в силу "взболтанности" людских умов. На которую, уже не таясь, уповают телевизионные аналитики, ратующие за монархическую реставрацию.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Тут сказывается, на мой взгляд, воздействие целого ряда вещей, в том числе и позитивных. И между прочим — распад того комплекса уничижительных воззрений на предшествовавшую историю Руси, что насаждался в послеоктябрьскую пору. Современные социологические обследования показывают: в то, что страна наша при царях представляла собой отсталое и вечно грозящее окружающему миру государство, ту самую тюрьму народов, сейчас веруют самое большее 10—12 процентов русских и россиян. Отсюда — и переосмысление вопроса о значимости отечественной монархии. В самом деле, к середине 90-х годов свыше половины наших соотечественников начали усматривать в последней тот "становой хребет" страны, без которого России никогда бы не сделаться великой державой. Это же мнение подкреплялось и резко выросшим интересом к личности таких государей, как Петр I, Екатерина и, Александр II, которые не могли не привлекать тем, что умно умели выводить страну из самых острых кризисных состояний. Во многом поэтому, очевидно, почти четверть ныне здрав-

ствующих русских и в самом деле готова к “моральной реабилитации” монархии.

В.К.КОЛОМИЕЦ. Но чтобы сделать это реальностью, необходимо, кроме многого прочего, внедрить в людские умы нечто особое, яркое, притягательно-гипнотизирующее — миф о монархии. Первый пример тому кампания, развернутая у нас еще в конце 80-х вокруг гибели Николая II и его семьи, за их канонизацию. Цель — доказать, что мученическая гибель конкретного человека почти автоматически свидетельствует и о высочайшей моральности и правоте всего стоящего за ним исторического дела, традиции, системы.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Вот только миф этот, похоже, не прижился. Даже на почве воспоминаний о расправе, учиненной над последним русским царем. Больно уж эту тему поизмызгали, строя на ней чисто политические расчеты. И потому итог приложенных тут стараний оказался во многом обратным ожидавшемуся. Скажем, если в 1989 году расстрел императора и его близких безоговорочно осуждался по меньшей мере 60 процентами россиян, то ныне — самое большее 16 процентами населения. Всех прочих вопрос сей либо перестал волновать, либо активно раздражает.

В.К.КОЛОМИЕЦ. Но когда одни мифы и мифотворцы терпят неудачу, им на смену (если очень надо) приходят другие. И если в российском обществе ”сказка о монархии” начинает вянуть и тускнеть, то ей пытаются придать новый блеск из-за рубежа. Причем первейшая роль тут принадлежит британской стороне. Вспомним пропагандистско-монархический бум в связи с визитом в Россию английской королевы. Вот и сегодняшний монархический взбрык начался как бы по сигналу, поданному через английскую газету “Дейли телеграф”.

Хотя английский след в российской монархической идее — дурной знак дяя ее же отечественных сторонников. Он напоминает, что в самой Англии у правящего Виндзорского королевского дома (родственного Романовым) уже не стало сил гасить постоянные скандалы в своей среде, уже поставившие на общественное обсуждение вопрос о будущем монархии в самой этой стране.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Чрезмерное усердие английской стороны выглядит вообще бестактным. Интересно, как бы отнеслись нынешние британские власти (и короли) к тому, чтобы российская общественность, к примеру, вдруг стала культивировать мученический образ казненного английской революцией XVII века короля Карла I Стюарта, поощряя его потомков (свыше столетия проживших в изгнании) к свержению нынешних виндзорских “узурпаторов” королевского престола? Раз Винд-

зоры не смогли сохранить ни Британскую империю, ни престиж монархии в своей стране, может, опять позвать Стюартов?

Тем более что после популярнейшего телесериала "Горец" о бессмертном шотландце Дункане Маклауде, целое столетие воевавшим за этих Стюартов, такая идея, несомненно, снискала бы симпатии у россиян.

И вообще ситуация в Англии, по историческим меркам, почти "зеркальная" нынешней российской. К тому же британской стороне вообще следовало бы вести себя в вопросе о судьбе Николая Второго и его близких поскромнее, что ли. Хотя бы потому, что именно отказ правительства Великобритании исполнить собственное же обещание и принять к себе свергнутого царя с семьей привел в конечном итоге к той давней екатеринбургской трагедии...

Я шведский бы выучил только за то...

С.П.ОБУХОВ. И тем не менее российскому массовому сознанию вот уже который год неустанно вдалбливают мыслишку о том, сколь благотворно и прогрессивно было бы для России возведение на свой трон иноземца.

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА. Кстати, в недавних "Итогах" на НТВ ведущий даже патетически восклицал: "Давайте позовем французского маршала Бернадота, как в прошлом веке шведы, или принца Датского, как в нашем столетии норвежцы".

С.П.ОБУХОВ. Особенно яро прогрессивность иноземцев на русском престоле внушается молодежи – тем, кому придется решать судьбы страны в XXI веке. Тут имеются просто хрестоматийные произведения. Интересна в этом смысле, например, книга О.Головатенко "История России: спорные проблемы", вышедшая в качестве пособия для абитуриентов. Цель издания, как уведомляется читатель, вырвать его из плена "предвзятых, односторонних и попросту фальсифицированных суждений" об отечественной истории. Один из объектов данной операции — оценка Смутного времени начала XVII века, а именно: приглашения на царствование королевича Владислава из Польши. Оказывается, призвание последнего "принесло бы несомненную пользу России. Несмотря на то **что** престол передавался иноземцу, права русских не ущемляли. Православная церковь сохраняла свое господствующее положение. Намечавшиеся перемены— могли бы стать первым шагом к конституционной монархии". Да вот беда. все это не состоялось из-за нежелания русских "пожертвовать национальной идеей" в 1613 году. Такая вот интерпретация былого.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Ну что же, хорошо. Посмотрим, что же реально, учитывая геополитический хонтекст той эпохи, несла Руси передача престола

чужестранцу. Начнем с того, что, поминая вскользь одну подробность — "Польша и Швеция тогда враждовали", автор обошел стороной нечто крайне важное. А именно: Владислав и его отец Сигизмунд III Ваза были не поляки, а шведы, изгнанные из своего отечества, незадолго до того (в 1592—1599 годах), соединенного с Речью Посполитой почти таким же союзом, который предназначался и Руси. Так что и Польша, и Россия были в их глазах прежде всего орудиями борьбы за возвращение шведского престола. Помочь им в этом деле обязывался еще Лжедмитрий I в обмен на военную и политическую поддержку. Что бы из этого получилось?

Окажись в ту пору русские в одной государственно-политической упряжке с поляками, они не имели бы того полувека хотя и относительного, но мира, покоя и развития, что последовал за воцарением Романовых. Страну ожидали бы по меньшей мере столетие почти непрерывных войн то со Швецией, то с Турцией, незатихающие внутренние усобицы, династические распри, бунты. В итоге надрыв в русском обществе, рожденный Смутой, не только не был бы преодолен, но и неизмеримо вырос. А вот царь Петр с его реформами никогда бы и не появился. Война со Швецией— великой державой тех дней — закончилась бы для нас плачевно. И не исключено, что заодно с Польшей Русь оказалась бы поделена соседями уже в самом начале XVIII века.

В.К.КОЛОМИЕЦ. Конституционную монархию нес Руси иноземец – интересно, что тут подразумевается? Польша с ее шляхетской анархией, что крепла и ширилась с возведением на престол всякого нового государя-иноземца (свои были в редкость), откупавшегося от местной аристократии и дворянства все новыми, рушившими страну, "вольностями"? Или Швеция, где, согласно законодательству, монарх являлся "все приказывающим и всем распоряжающимся королем, ни перед кем на земле не отвечающим за свои действия"? Хороша в обоих случаях была бы "конституционность".

Б.О.КОМОЦКИЙ. Создается впечатление, что построенные в таком духе споры о судьбах и будущности русской монархии ведутся у нас с одной целью — всемерно укоренить в сознании народа комплекс национальной неполноценности, порушив последние остатки сколь-либо ясных и, главное, положительных представлений **о его** прошлом, настоящем и будущем.

И еще: а вдруг, похоже, думают все эти пропагандисты странноватомонархических идей, и в самом деле такая операция по венценосному "шунтированию" сердца отечественной государственности — высших руководящих сфер — удастся? Возьмут да и подсадят на престол с натугой по-русски шпрехающего, так сказать, государя. И начнет он отда-

вать долги подсадившим его не трон новоявленным боярам русской землицей (остальное-то уже все пороздано). Поскольку иначе **ее - эту** самую землю — никак не удается поделить на куски и распродать.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Тем более что из-за состояния здоровья Бориса Ельцина самому главному маневру в планах монархической рокировки уже не суждено, видать, состояться. Я имею ввиду воплощение в жизнь идеи активиста движения "Наш дом — Россия" кинорежиссера Никиты Михалкова, некогда прозвучавшей со страниц "Независимой газеты". Еще до операции на президентском сердце Н.Михалков писал: "...Смешно представить сегодня Ельцина в императорской короне, но регентом при наследнике трона, еще несовершеннолетнем Георгии Романове, вполне **мог** бы быть". Так вот — смешно, но надо — пытались и пытаются у нас решать ключевую проблему гигантской страны. Но пока не выгорело...

"А ты – кто такой?!"

Ю.БАРАНОВ. А знаете, Борис Николаевич опоздал стать регентом не только по состоянию здоровья. Помните, как в старину—и не только в России — прибирали к рукам юных коронованных особ? Их с умом женили. Вот и у нас, если верить газетам, дело успело свернуть на эту же проторенную дорожку. Причем, говорят, всех обошел оборотистый Анатолий Собчак, который изловчился под шумок всяческих высоких разговоров и громких мероприятий в бытность санкт-петербургским мэром чуть ли не обручить мальчика Георгия со своей дочкой Ксюшей. Монархии еще и нет, а "тесть царский" — пожалуйста, вот он! Так что Ельцину даже в случае выздоровления было бы с кем тягаться за то самое регентство, коли вопрос перешел в практическую плоскость. Регентами-то при коронованных малолетках кого искони ставили? Правильно, близких родственников... Не потому ли и сейчас господин Собчак у нас так заново монархически активен? От подобных игрищ уже не духом веков, а плесенью эпохи отдает.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Кстати, и в народных глазах наши нынешние деятели ни на придворных, ни тем более на монархов не тянут. Хотя именно из кругов президентских аналитиков раз за разом и выползают на свет всевозможные околомонархические идейки. Ясное дело: не оправдал Борис Николаевич надежд, не смог передать — будто престарелый средневековый король или император — свои скипетр и корону им же избранному преемнику. "Пока существует проблема отсутствия реального, признанного в масштабах страны преемника президента Ельцина... налицо недостатки хрупкого демократического режима в стране" — таков лейтмотив современных сетований ближних к президенту

людей. В частности, не кто иной, как советник президента по политическим вопросам Георгий Сатаров, под чьим началом куется в Кремле (а точнее, на госдаче в Волынском) новая общенациональная идея, недавно глубокомысленно (если верить НТВ) заметил, что-де "конституционная монархия – это же абсурд"...

Опросы же, проводившиеся нашим Центром еще при первых промонархических позывах в 1994—1995 годах, показывали: примерно половина россиян вообще бойкотировала бы любые, даже самые демократичные — через плебисцит — попытки восстановить царскую власть. За претендентов на корону из рода Романовых высказались бы всего 17 процентов населения. Да еще порядка 7 процентов предпочли бы государя, не связанного с этой династией. Лично Борис Николаевич мог бы рассчитывать тут на 4 процента голосов. Все же прочие возможные соискатели короны набрали бы самое большее по 1—3 процента голосов. Тут уж никакой новоявленный Земский собор не поможет. В нынешней нашей партийно-политической системе монархическим движениям и партиям — как и просто ориентирующимся на таковые избирателям — сколь-либо заметного места попросту нет. Поговорить насчет "царей" — это еще куда ни шло: тяга к политической экзотике в российском обществе не умирает. А вот всерьез отстаивать самодержавие или конституционную монархию... чего нет — того нет.

Ю.БАРАНОВ. Ну а вообще — лиха беда начало: были бы призрачные шансы на трон, а соискатели всегда найдутся. И во множестве. Скажем, 19 декабря 1996 года в городе Ногинске уже состоялся фарс "коронации царя Николая III". Бывший морской офицер некто Дальский, выдающий себя за чудесно спасшегося царевиче Алексея, был "венчан" на царство местным священником, недавно изгнанным из московского клира и перешедшим в так называемый киевский патриархат. Набор данных "Николаем III" при "коронации" обещаний незамысловат: использовать царское золото за границей, чтобы дать каждому из россиян по 25 тысяч долларов. Поговаривают, что сей "государь" - креатура очень даже высокопоставленных кремлевских деятелей в их междуусобных схватках. Но это еще не все: по чиновным московским коридорам, рассказывают, снует уже и Павел II...

Однако главные разговоры о короне витают все же вокруг юного Георгия, правнука великого князя Кирилла Владимировича по материнской линии. Который, заметим, не считается престолонаследником даже большей частью представителей самого же дома Романовых (что бы там сегодня ни пытались нам повествовать энтузиасты его возведения на престол). Причем как из-за особенностей происхождения, так и

в силу принадлежности к скомпрометировавшей себя линии Кирилловичей. Ибо многие монархисты (и не одни они) полагают, что дорогу к трону для себя и для своих потомков Кирилл Владимирович закрыл уже в 1917 г., примкнув к февральскому заговору. Напомним: его претензии были отвергнуты еще в 1926 г. Затем не менее резкая отповедь была получена и его сыном Владимиром Кирилловичем. В том числе — за незаконное присвоение титула великого князя зятю — прусскому принцу Францу Вильгельму... а также за провозглашение дочери, супруги этого принца, "единственной наследницей престола". Наконец, в 1994 г. в притязаниях ему отказал и монархический съезд в Москве.

Г.Н.ПИРОГОВ. Недаром же в самых благожелательных и в откровенно рекламных комментариях по ТВ отмечается, что, согласно решению состоявшегося еще в 1992 году собрания мужских представителей семьи Романовых, "у российской императорской династии нет больше главы, а решение должен принять теперь только сам русский народ".

В.К.КОЛОМИЕЦ. Вроде бы все ясно: ан нет! Вновь и вновь со множеством оговорок подбрасываются в массовое сознание идейки насчет всяких там "пустячков", вроде признания на государственном уровне Российского императорского дома (в лице Марии Владимировны и ее сына, естественно) ни много ни мало как "правовым субъектом". С выделением этому "субъекту" от государства и резиденции, и транспорта, и охраны.

Г.Н.ПИРОГОВ. Властей сегодня на Руси видать, нехватка— вот и будет еще одна: то ли пятая, то ли десятая власть. Жить станет легче, жить станет... веселей?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Знакомое дело. Сначала лепится этакая абракадабра вроде "придания императорской фамилии, приехавшей в Россию, официального или полуофициального статуса". А затем, опираясь на его "не пойми что", принимаются любые, очень даже четкие и конкретные государственные решения. А на протесты будут отвечать: монархия, мол, теперь – сила официальная, ничего тут не попишешь. Именно по этой методике шаг за шагом (от благоглупости к открытому диктату) разваливали СССР, приватизировали Россию, взращивали всяческие там самостийные Ичкерии и т.д. Дело знакомое. Теперь наступила очередь монархизации.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Скажем прямо, монархия как таковая ее энтузиастам вовсе и не нужна. Нужен "свой в доску" царь. Чужого, вернее, чуждого им государя они как огня боятся. Допустим, многие из тех, кто сегодня говорит о тем, что конституционная монархия - это утопия, в двухтысячном году, столкнувшись с тем, что к власти может прийти или диктатор, или безответственный политик, исповедовавший принципы крайнего национал-патриотизма, эти люди могут первыми выйти на

улицы под флагами и лозунгами "Даешь монархию!"— так недавно был поставлен вопрос в программе НТВ "Итоги". Действительно, ведь в руках такого человека, который может теоретически прийти к власти, будет очень много полномочий — и главнокомандующего российской армией, доступ к ядерной кнопке, и право управлять страной в особых ситуациях указами. Так-то вот. Всякие "нравственные образцы", которые нам обещают вместе с монархией, оказываются вещью третьестепенной. Главное же — армия, "кнопка" и право на чрезеычайщину. Все прочее — декор.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. И остается нашим якобы, поборникам монархии, одно: хитрить и хитрить. Ведь законных оснований претендовать на престол у этого немецкого — никак не русского — принца Георга Гогенцоллерна и в самом деле нет, как бы ни пытались лукавые его приверженцы приучать наше общественное мнение видеть в нем российского "великого князя Георгия Михайловича". Уместно напомнить: согласно законодательству дореволюционной России (а только оно в данном случав может браться в расчет), к наследованию трона причастны прежде всего члены династии Романовых — потомки императоров Павла I и его сына Николая I мужского пола. К тому же необходимым условием сохранения всех прав наследования считается вступление члена Российского императорского дома только в так называемый "равный" — или, как принято говорить, "соответствующий достоинству" — брак с представителем какого-либо "царствующего или владетельного дома". Сторонники юного Георга упирают на то, что, дескать, его дед по материнской линии Владимир Кириллович, единственный из всех Романовых, смог соблюсти эти требования, женившись на Леониде Георгиевне, урожденной княжне Багратион-Мухранской, принадлежащей к числу отпрысков одной из второстепенных ветвей грузино-армянского царского рода Багратиони.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Давайте сразу уточним. Женился он на вдове Килби, в девичестве – да, носившей фамилию Багратион-Мухранской.

С.П.ОБУХОВ. Замечу, что владетельный статус князьями Багратион-Мухранскими был окончательно утрачен еще в самом начале XIX века. Они влились в ряды российского дворянства на общих с прочими основаниях. Браки их, как не раз заявляли эксперты, также были несовместимыми с сохранением статуса "владетельного дома". К примеру, матерью княжны Леониды была Елена Сигизмундовна, урожденная Злотницкая, а бабушкой со стороны отца — Мария Дмитриевна, урожденная Головачева, обе они происходили из нетитулованных и вполне рядовых дворянских фамилий. Таким образом, дед юного претендента Георга — великий князь Владимир Кириллович — ничем принципиально не отличался от прочих Романовых в эмиграции. Он точно так же не

соблюдал правило “равнородства” при вступлении в брак и потому никаких особых прав и полномочий на изменение прежнего закона о престолонаследии в пользу потомков своей дочери (при отсутствии у него сыновей) приобрести, естественно, не мог.

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА. Существует тут и еще один момент - вопрос о русскости претендентов на трон. И, похоже, он станет все сильнее давать о себе знать по мере того, как в России начнет нарастать отторжение всего западнического. Так ведь всегда случадось у нас после великих Смут.

С.П.ОБУХОВ. И тут можно сколько угодно кивать на то, что, мол, Марию Владимировну приглашают то на мероприятия в связи со смертью короля бельгийского, то на торжества по поводу замужества принцессы испанской и прочие “ритуальные события в тех или иных действующих монархиях или домах, находящихся в изгнании”. Русским, России этот аргумент ничего не говорит. Разве что напоминает дореволюционную поговорку насчет предка супруга Марии Владимировны — германского императора Вильгельма Второго, который-де на каждых крестинах хотел быть новорожденным, на любых свадьбах — невестой, а на всех похоронах — покойником. Тот же Л.И. Брежнев, например, тоже любил роль свадебного генерала (в мировом масштабе, конечно). Но ведь это не давало ему прав на корону.

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА. Вы знаете, вся эта ситуация весьма реалистически оценивается в среде самих же Романовых. Причем с давних пор. “В эмиграции мы, русские князья, решили освободить себя от правила искать жен между немецкими принцессами, — объяснял положение дел в одном из интервью Николай Романович Романов. — У нас не было больше любви к немцам после революции, мы считали их виновниками всех наших бед. И мой отец женился на Шереметевой; Никита, брат, на Воронцовой-Дашковой; брат Дмитрий на Голенищевой-Кутузовой... Наши матери —чисто русские”. Право на трон, как следует из такого рода взглядов, в нынешней России с неизбежностью придется завоевывать заново, беззаветным служением ей. Ибо “совершенно несерьезно думать, что кто-то из-за того лишь, что его дед или прадед, или прапрадед царствовали в России, может быть посажен на верхушку власти”. И все-таки германофильская линия в этом роду, уже стоившая ему и короны, и родины, а России — мира и покоя, не прервалась.

Б.О.КОМОЦКИЙ. Дело тут, конечно же, не в немецкой или какой-нибудь еще (грузинской или еврейской) крови “претендента” на престол. Русским вообще не свойственна эта иррациональная мистика крови. Данные социологических опросов безоговорочно утверждают, что для нас главное в ином: русским ли является тот или иной человек

по культуре, мировосприятию, духу, воспитанию, насколько он сроднен с толщей народной и, наконец, приемлет ли его как своего этот самый народ. Совершенно очевидно, что ни одному из таких критериев "смуглая" династия, как метко прозвали семейство Марии Вдадимировны на Руси, не удовлетворяет. Вот и весь сказ.

Что позволено Бурбонам...

С.П.ОБУХОВ. Многое, надо понимать, связано с ролью, которая играла и играет королевская власть в Испании. Процесс испанской перестройки связан с именем Хуана Карлоса Бурбон-и-Бурбона, внука свергнутого в 1931 г. с престола Альфонса XIII. В самом деле, факт этот не может не обладать притягательностью. В лице нового монарха Испания получила в середине 70-х годов - в самый разгар кризисных потрясений, в чем-то сравнимых с российскими, — гибкого и талантливого деятеля. Опираясь на реформаторские настроения в обществе, он действительно сумел относительно плавно провести страну через все опасности пути от авторитаризма к парламентской демократии. Конституционный монарх, он тем не менее смог приобрести инемалую реальную власть, питаемую во многом его личными качествами.

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Все это так. Но оправдывают ли эти испанские уроки нынешние попытки вживить в наше российское общество подысканного на стороне государя? Думаю—нисколько! Пример Испании скорее говорит против, чем за них. Во-первых, Хуан Карлос — в отличие от юного Георга — является прямым потомком последнего испанского короля. И его права на трон были загодя гарантированы целой серией формальных актов отречения со стороны ближайших родственников, также обладавших правом на престол, то есть сыновей Альфонса XIII. Ничем подобным, учитывая позиции семьи Романовых, сын Марии Владимировны похвастаться не может.

Во-вторых, Хуан Карлос был четко и последовательно легитимизирован в качестве будущего короля целой серией формальных государственных актов: объявлением Испании монархией в 1947 г.; назначением его наследником престола в 1969 г.; наконец, принесением им присяги (после смерти Франко) перед кортесами — то есть парламентом — и Советом королевства в верности законам. Подчеркнем: не кто-то, как-то, где-то "придал" ему некий "официальный ранг", что предлагается сделать у нас, а высшие государственные инстанции определили его положение и ранг в обществе. Спрашивается, как тут быть с Государственной Думой: неужели от нее всерьез ждут такого же признания потомка Владимира Кирилловича наследником русского трона?

И, в-третьих, брак Хуана Карлоса с греческой принцессой Софьей в 1962 г. был безукоризненным с точки зрения общепринятых в таких случаях норм. Иначе говоря, три решающих для утверждения монаршей власти момента —и все три работают не в пользу претензий Георга Гогенцоллерна и его сторонников на русский престол.

Г.Н.ПИРОГОВ. Вот и спрашивается: не приведут ли все эти игры в обнищавшей и с трудом сохраняющей остатки равновесия России к небывалому социальному взрыву, междуусобице со всеми вытекающими последствиями?

С.И.ВАСИЛЬЦОВ. Получается, что Россию просто хотят гонять по замкнутому кругу: революция — развал — реставрация монархии — опять революция... Время будет лететь, а страна наша бессильно топтаться на месте, все дальше вперед пропуская конкурентов сначала с Запада, а потом с Востока. Нет, вопрос о восстановлении трона, даже если бы чудом возникла мощная народная поддержка этой идее, смешно решать с кондачка. Заткнуть шапкой Мономаха ту "черную дыру", в которую столкнули нашу страну, и таким образом приостановить падение не удастся.

И потом: царские династии ведь не возникают из ничего. Не вводят их и указами либо всенародно организованными голосованиями. Последние способны лишь юридически оформлять сделанный самой историей выбор.

Кто знает, может быть, на ожидающем Россию фантастическом зигзаге исторического пути ей в самом деле предстоит когда-нибудь заново стать империей по правовой форме государственности (имперская сущность нашей державности не зависит от того, "на дворе" у нас республика или монархия). Но для реанимации монархии вряд ли возможно в спешке "импортировать", что тот сникерс или памперс, ничего общего не имеющего с народом и страною государя. Такое право всегда завоевывалось десятилетиями или столетиями, пока среди множества государственных мужей выделялся даже не один человек, а целый род. Род, сумевший дать державе — на протяжении ряда поколений — целую плеяду выдающихся деятелей, раз за разом доказывающих свой талант, честность, жертвенность. Иначе говоря, должна быть подтверждена и народом признана его "генетическая" способность управлять. И только затем, как показывает исторический опыт, вопрос о введении наследственной монархии обретал шанс на положительное решение.

Нынешние же монархические "искания" проходят вопреки всем закономерностям, превратившись по сути в фарс. Подталкивать же историю в спину, как это пробуют сейчас мятущиеся в поисках хоть какого-нибудь выхода из кризиса верхи, и бессмысленно, и вредно. Она, история, может ведь и огрызнуться. Да так, что энтузиасты и костей не соберут.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ФРАКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА
Научно-практическая конференция ЦИПКР: 1998

Участники:

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор Центра исследований политической культуры России;

К.Ф.КОЛЕСНИКОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИМРД АН СССР, член Ученого совета ЦИПКР;

В.К.КОЛОМИЕЦ, кандидат исторических наук;

Б.О.КОМОЦКИЙ, кандидат философских наук;

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук.

Тезисы основных выступлений

С.И.Васильцов. О "теневых правительствах» в странах Запада

Термин "теневой министр" или "теневое правительство" в политическом лексиконе большинства стран Запада нередко используется не в юридическом и даже не в конкретном политическом значении. Чаще всего - в качестве простого указания на то, что тот или иной деятель оппозиции "специализируется" на определенном круге проблем - экономических, военных, внешнеполитических и прочих. И в силу этого, с приходом его партии к власти, теоретически может занять соответствующий его "специализации" правительственный пост.

Речь в таких случаях идет скорее о дани вежливости и признании личных профессиональных качеств конкретного представителя оппозиции, либо целой группы деятелей данной партии, пока не стоящей у власти.

В целом же отношение к институту "теневых правительств" в разных национальных условиях имеет весьма разный характер.

1. Отрицательный подход: пример Германии

Скажем, в Германии разговоры о "теневых правительствах" и "теневых министрах" причисляются к дурному политическому тону.

Там принято считать - и такая точка зрения вошла в неписанную традицию - что любое заблаговременное и тем более "анонсированное" через СМИ распределение министерских портфелей лишь крайне осложняет деятельность.

Причина подобного отношения заключается в том, что партийно-политическое устройство здесь традиционно опирается на систему правительственных коалиций. И следовательно требует тонкой организующей работы, чаще всего построенной на взаимных кадровых уступках и компромиссах.

Заблаговременный дележ постов, как считается, может взорвать это тонкое равновесие интересов и амбиций изнутри союзных сил. Взвинтив как личные, так и партийно-клановые претензии.

Сверх того, согласно сложившейся в Германии практике, оппозиционная партия (либо коалиция), идя на выборы, до самого последнего момента старается вообще не оглашать даже имя своего кандидата на пост канцлера. Тем более - имена членов вероятного кабинета. И то, и другое рассматривается как итог тщательных согласований, которым любое раннее "паблисити" скорее повредит, чем сослужит пользу.

2. "Почетный титул: опыт Италии

Во многом иначе, например, выглядит поведение оппозиционных сил в Италии. В том числе - левых. Скажем, в период существования Итальянской компартии в "назывном" и ничем юридически не подкрепленном порядке ранг " теневых министров" иногда присваивался (неофициально), в качестве своего рода служебного "поощрения" того или иного деятеля партийного руководства и служил для определения его профессиональной специализации .

Во внутрипартийном обиходе и в контактах за рубежом считалось подчас уместным говорить о некоторых лидерах ИКП: "А вот это - наш "теневой министр" такого-то и такого будущего министерства".

Тенденция эта так и осталась элементом словесного декора, а не частью партийной структуры и деятельности оппозиции.

Во всяком случае, придя к власти уже в своей посткоммунистической ипостаси Демократической партии левых сил, бывшие итальянские коммунисты со всей категоричностью отказались от отождествления " аппаратной специализации" своих лидеров с их же ролью членов правительственного кабинета.

Скажем, Дж. Наполитано, долгое время курировавший в партии (еще со времен ИКП) и даже в парламенте иностранные дела, получил в 1996 году пост министра внутренних дел. Хотя эту же сферу деятельности искони "вел" в руководстве партии У.Пеккиоли. И это далеко не единственный пример.

Необходимо заметить, что в большинстве западных стран - вне зависимости от того, предпринимаются ли оппозиционными партиями попытки учреждения собственных "теневых кабинетов" или нет, - их аппа-

рат, как правило, не превращается в источник руководящих кадров для правительства после прихода к власти.

3. "Теневой" юридический статус: английская традиция

Единственный пример институционализированного существования "теневого правительства" дает Великобритания. Здесь это обрело классическую форму.

Заметим: в английской политической системе оппозиция, как общественный институт, вообще обладает юридическим статусом. По закону 1937 года о министрах Короны лидер оппозиции даже получает государственное жалование.

Институт " теневого правительства" здесь также принято рассматривать как необходимый элемент всей общественной системы. Элемент, придающей стране - вне зависимости от изменений политической конъюнктуры - необходимую устойчивость и управляемость. Оппозиция и ее " теневой кабинет" выступает по английской традиции силой, извне поддерживающей действующее правительство и способствующей нормальному функционированию государства.

3.1. Два принципа формирования "теневых" кабинетов

При этом обе основные английские партии - консерваторы и лейбористы - во многом по-разному организуют и ведут работу своих " теневых правительств".

В консервативной партии главную и решающую роль играет лидер партии, распоряжающийся в вопросах, связанных с " теневым правительством", во многом самовластно, подобно действующему премьер-министру.

Механизм формирования " теневого правительства" в этих условиях таков.

Лидер находящихся в оппозиции консерваторов назначает " теневых министров" из отобранных им (в соответствии с их личным "весом" в системе власти, профессиональными достоинствами, положением в парламенте и пр.) членов партии, заседающих в Палатах лордов и общин.

Как правило, профессиональный состав этих "министров" отражает структуру реального правительства.

Затем из этих "теневых министров" формируется "теневое правительство". Причем часть их даже не входит в сам "теневой кабинет". Им достаются второстепенные посты.

Иногда набирается и основа чиновничьего аппарата этих "министерств".

В лейбористской партии порядок создания "теневого правительства" во многом иной. Лидер партии не правомочен здесь назначать или снимать "министров".

Сначала, перед открытием сессии парламента нового созыва, парламентская фракция Лейбористской партии избирает: трех руководителей партии, парламентского "кнута" и 12 членов парламентского комитета партии. Именно эти 16 человек и формируют коллегиальный состав "теневого кабинета": каждому из них лидер партии обязан предоставить пост в "теневом правительстве".

Однако реальное число портфелей в "теневом кабинете", естественно, оказывается больше числа членов парламентского комитета фракции. И вот тут лидер получает в руки рычаги известного воздействия на состав "правительства". На эти "дополнительные посты" - и, как правило, второстепенные - он правомочен назначать кандидатов уже по своему личному усмотрению, действуя как глава консерваторов или премьер-министр.

3.2.Функции "теневых министров"

Обязанности членов "теневого правительства", будь то консерваторы или лейбористы, в целом сводятся к следующему:

- постоянно быть в курсе дел и проблем "дублируемых" ими министерств действующего правительства;
- активно участвовать в парламентской работе, особенно в дебатах;
- формировать политику самой партии (особенно - по проблемам, в которых они "специализируются");
- пропагандировать идеи и политику партии через СМИ, используя свой общественный вес и пр.

Необходимо заметить, что парламентский регламент и традиция способствуют деятельности "теневых министров".

Принято, например, что на стадии второго чтения законопроектов, после выступления действующего министра (характеризующего законопроект и призывающего парламентариев принять его), слово получает оппонирующий ему представитель оппозиции, часто - "теневой министр". Аналогичным образом строятся и заключительные выступления по данному вопросу.

Речь "теневого министра" в таких случаях рассматривается как официальное выражение позиции его партии (в связи с чем ее, как правило, готовят в тесном деловом контакте с соответствующим министерством).

Вообще считается, что "теневые министры" являются своего рода "ударным отрядом" и главным проводником линии партии в парламенте.

3.3. Система управления (лейбористский опыт)

Если деятельность "теневых министров" консервативной партии, как отмечалось, во многом регламентируется лидером их партии, то у лейбористов ситуация выглядит более сложной.

Полномочия "теневого кабинета" определяются у них тем органом, который его учреждает, т.е. всем составом парламентской фракции партии.

Решения заседаний этой фракции являются для него обязательными. Как обязательно оно и для всех "теневых министров" любого уровня. В свою очередь, и фракция подчинена в своих действиях Съезду партии, проходящему ежегодно.

Но поскольку члены исполкома Лейбористской партии на практике составляют до половины членов основного ядра "теневого кабинета", влияние этого органа бывает большим, нежели гарантирует ему формальная сторона вопроса.

Будучи в оппозиции, лидер партии является президентом парламентской фракции. Если же он становится премьер-министром, то фракция избирает своего представителя для связи с лейбористским правительством.

Как правило, назначения на "теневые посты" активно комментируются СМИ в качестве важных национальных событий. Изменения в составе "теневого правительства" расцениваются как события равнозначные изменениям в составе действующего кабинета. Тем более что любое выступление "теневого министра", даже вне стен парламента, воспринимается как выражение официальной позиции партии.

Наконец, отставка "теневого министра" выстраивается, как правило, по сценарию, близкому отставке реально действующего министра. Чаще всего ее причиной или предлогом оказывается нарушение им "правительственной солидарности", т.е. выступление, идущее вразрез с линией фракции и руководства партии. В этом случае, как показывает практика, лидер обращается к такому "теневому министру" с просьбой публично отказаться от своего выступления. Если конфликт не улаживается, "министра" могут попросту перестать приглашать на заседания "теневого кабинета", что равнозначно предложению подать в отставку либо вообще - увольнению.

В.К.Коломиец, Об учреждении "теневого правительства"

1. Целесообразность "теневого правительства"

Создание "теневого правительства" оппозицией имеет скорее демонстративный, нежели практический характер и преследует своей целью:

- во-первых, структурировать работу самой оппозиции, более тесно привязав ее к правительственной деятельности;

- во-вторых, поднять ранг оппозиционной деятельности, как бы "сравняв" его с правительственным и тем самым уравновесить в системе

общенациональных общественных престижей ныне существующую партию власти;

- в-третьих, активизировать и дисциплинировать ведущих представителей оппозиционных сил, введя в дело дополнительный - "личностный" - фактор, побуждающий оппозиционные кадры к систематическому и все более углубленному вхождению в круг проблем, связанных с руководством отдельными направлениями государственной управленческой деятельности;

- в-четвертых, принципиально повысить качество всей работы оппозиции, заинтересованность ее представителей, внутреннюю дисциплину во фракции;

- в-пятых, ввести в дело дополнительную организационно-психологическую "стяжку" по вертикали "лидер-сподвижники", позволяющую укрепить всю систему деловых взаимоотношений во фракции;

- в-шестых, создать "ядро" управленческого механизма для будущего оппозиционного кабинета, вокруг которого (в случае прихода к власти) можно было бы затем быстро и эффективно развернуть новые властные структуры, позволяющие - в разумной степени - сохранить независимость от нынешнего, воспитанного режимом, чиновно-бюрократического аппарата;

- в-седьмых, укрепить единство в самом оппозиционном движении, резко повысить взаимную заинтересованность, коллегиальность и соподчиненность в ее руководящем звене (и, как следствие, на низовом, массовом уровне);

- в-восьмых, создать дополнительный стимул и канал для присоединения к оппозиции новых политических деятелей, рассчитывающих через механизм "теневого правительства" зарезервировать для себе - впрок - право и гарантию на место в будущем управленческом аппарате.

2. Исходные принципы

Важнейший вопрос, с неизбежностью возникающий при учреждении "теневого правительства", заключается в следующем: как строить первоначально его работу. И главное - выстраивать ли этот кабинет сразу по всем направлениям правительственной компетенции или начинать целесообразно с учреждения некое исходного "ядра".

Совершенно очевидно, что в нынешних отечественных условиях прямое копирование организационных принципов "теневых правительств", существующих в англо-саксонской политической культуре (особенно в английской), просто невозможно:

- сам парламентский механизм в России несравненно аморфнее и грубее, нежели в странах с давними традициями парламентского строя;

- оппозиция пока не обладает кадрами для того, чтобы укомплектовать структуры такого "теневого правительства", которое дублировало бы все стороны государственного управления;

- попытка "прикрыть" собственным "теневым кабинетом" все сферы деятельности реально функционирующего правительства (в нынешних условиях) способна будет внести лишь опасную "разноголосицу" и путаницу в работу самой же оппозиции, предельно умножив спектр политических "ролей" ее лидеров, который и без того чрезвычайно велик: посты в партии, НПСР, во фракции, в комитетах Думы и т.п.;

- чем разнообразнее и больше набор "теневых портфелей", тем шире может оказаться фронт внутренней конкурентной борьбы за них в рамках оппозиции (вплоть до критического, взрывоопасного уровня);

- расстановка кадров по всему спектру министерских постов в "теневом правительстве" может помешать тщательному отбору кандидатов на них, что недопустимо, ибо "теневой кабинет" есть узел оппозиционной организации: разногласия в его среде способны будут взорвать всю оппозицию изнутри;

- при отсутствии у оппозиции большого опыта работы (необходимого для функционирования "теневого кабинета") было бы целесообразно наращивать состав кабинета интенсивно, но поступательно, шаг за шагом.

3. Организационные начала

Учитывая целесообразность постадийного формирования "теневого правительства", можно рекомендовать следующие первоначальные шаги.

Прежде всего решить вопрос материально-финансового и кадрового обеспечения работы "теневого кабинета", проблему помещения, оборудования и др. Без этих организационных мер все прочие шаги быстро превратяться лишь в политический симуляж.

Очевидно, что прежде чем принимать решение о введении в партии (коалиции) института "теневого правительства", было бы целесообразно провести в ней своеобразную внутреннюю "инвентаризацию" - учет имеющихся специалистов, способных не просто "обозначить место" того или иного "теневого министра", но и, не покладая рук, работать в этом качестве: в профессиональном плане, в парламентских кругах, на уровне СМИ и пр.

В случае принятия данного решения, как свидетельствует мировой опыт, нецелесообразно пытаться сразу заполнить все "теневые министерские посты", а делать это постепенно. Демонстрируя, в частности, что в данной области ведется вдумчивая, серьезная работа.

Затем переходить к конкретным мерам.

Первое: создать оппозиционный кабинет в составе ограниченного числа министров (10-12 человек).

А именно - первоначально ввести следующие министерские посты:

- финансов;
- экономики и планирования;
- промышленности;
- сельского хозяйства;
- обороны;
- внутренних дел;
- иностранных дел;
- социальных проблем;
- культуры;
- науки;
- информации.

Второе: при этом как бы вокруг некоторых из этих ключевых постов могут образовываться и своего рода "кусты" из смежных с ними по управленческим функциям министерских должностей более низкого уровня. Деятели оппозиции, ответственные за эти направления (для начала), могут быть введены в "теневой кабинет" в ранге, например, заместителей министра или - используя старую терминологию - товарищей министра. Это позволит в дальнейшем осуществлять "отпочкование" вторичных министерских структур без спешки (поскольку основной набор ключевых министерств уже будет работать) и с наиболее эффективным отбором кадров.

Третье: источником кадров для учреждаемых "теневых министерств" мог бы стать на первых порах аппарат помощников и консультантов фракции из расчета 2-3 работника на "министерство".

4.Функции сотрудников министерств

Основные направления деятельности сотрудников этого аппарата:

- сбор информации о текущей деятельности и планах работы "дублируемых" реальных министерств; создание профильных банков данных;
- профессиональная экспертиза всех правительственных законодательных инициатив по профилю теневого министерства (с привлечением соответствующего комитета Госдумы);
- периодическое представление руководству "теневого кабинета" аналитических обзоров о ситуации в курируемой сфере государственной деятельности, в том числе - прогностического характера;
- участие в подготовке как думских, так и внедумских документов фракции и "теневого правительства";
- подготовка материалов для СМИ;

- оппонирование членам правительства в рамках “правительственного часа”;

- поддержание деловых контактов с профильными министерствами реально действующего правительства, налаживание контактов в получении информации;

- обеспечение встречных альтернатив и контрдействий “теневого кабинета” в ответ на правительственные решения;

- разработка предложений и документов, позволяющих действовать на опережение партии власти в решении ключевых общественных проблем;

- учет и подбор (впрок) кадров специалистов по профильной деятельности на случай развертывания “теневого правительства” в правительство реальное после прихода к власти.

5. Роль “теневых министров”

1. Воплощать в рамках своей министерской компетентности в конкретные мероприятия, документы и другие действия решения главы “теневого кабинета”, фракции, КПРФ, НПСР, неся за них полную ответственность.

2. Обеспечивать высокую компетентность оппозиции в решении дел государственного управления на уровне, который позволил бы после прихода к власти в предельно сжатые сроки полноценно развернуть собственные управленческие структуры (по крайней мере в высшем и среднем руководящем звене).

3. Квалифицированно участвовать в формировании мнений и принятии решений оппозицией по ключевым проблемам общественной жизни и государственного управления.

4. Систематически популяризировать мнения оппозиции по ведущим общественно-политическим проблемам, особенно через каналы СМИ.

5. Осуществлять опережающий подбор кадров, шаг за шагом выстраивая (пока в миниатюре) аппарат будущего оппозиционного правительства.

6. Налаживать систематически и профессионально действующую информационную систему по проблемам, находящимся в компетенции данного теневого министерства.

7. Укреплять деловое сотрудничество с другими “теневыми министерствами”, и придавая “теневому правительству” в целом качества единого рабочего органа.

6. О лидере

В документах, регулирующих деятельность теневого правительства, необходимо ясно, четко и даже жестко решить вопрос о роли и месте в нем лидера - главы “теневой исполнительной власти”. Именно - исполнительной власти, а не премьер-министра. Поскольку в нынешних рос-

сийских условиях (при существовании в стране президентской формы правления) учреждаемый "теневой кабинет" может создаваться только вокруг будущего президента, а не премьер-министра, не имеющего в наших реальных условиях полноты управленческих функций. При этом не исключено, что потенциальный премьер-министр может занимать в "теневом кабинете" оппозиции, скажем, пост первого заместителя лидера, будучи его ближайшим помощником.

Можно предусмотреть следующие права и обязанности лидера.

Права:

- Назначать и освобождать от обязанностей всех членов кабинета, вынося при этом на утверждение фракции кандидатуры трех заместителей лидера.

- Направлять повседневную деятельность каждого из министерств, определяя основные направления работы, их структуру и кадровый состав,

- Созывать заседания правительства, утверждать повестку дня и вести его работу.

- Представлять "теневой кабинет" во взаимоотношениях со всеми властными структурами России и зарубежья.

Обязанности:

- Регулярно информировать фракцию, руководство партии и НПСР о деятельности "теневого кабинета".

- Отчитываться на съездах и пленумах партии о результатах работы "теневого правительства".

- Концентрировать усилия "правительства" вокруг наиболее важных и перспективных вопросов общественной и государственной жизни.

- Нести ответственность за практическую работу назначаемых им министров и сотрудников "теневых министерств".

- Четко проводить альтернативную правительственной линию по ключевым социально-экономическим, политическим, управленческим и прочим вопросам.

* * *

Представляется целесообразным для придания большей организованности и ответственности процессу формирования "теневого правительства" оформить вопрос об его учреждении (целях, функциях, порядке формирования, направлении работы, соподчиненности, ответственности и подотчетности) в виде соответствующего решения как фракции, так НПСР и КПРФ (вынеся, возможно, этот вопрос на Пленум).

С.П.Обухов. Парламентские фракции политических партий: опыт зарубежных стран

1. Статус фракций

Парламентская группа - наиболее наглядный и значимый итог деятельности партий.

Хотя все еще существует мнение, согласно которому депутат представляет всю нацию в целом, а не какую-либо (социально или политически выделенную) ее часть. Поэтому предполагается, что он может действовать только как отдельная личность, руководствуясь - при выступлении и голосовании - своей совестью.

С другой стороны, преобладает мнение, что сосредоточение парламентской работы во фракциях серьезно урезает депутатскую вольницу, гармонизируя работу всего законодательного органа в целом.

Считается, что политические фракции куда лучше приспособлены для выполнения задач, ради которых их избрали, чем отдельные обособленные депутаты. Они, в частности, гораздо эффективнее играют роль связующего звена между государственной властью и общественным мнением. Вместе с тем, конституционно они оформились сравнительно недавно.

Парламентские фракции, согласно регламентам парламентов большинства зарубежных стран:

- играют решающую роль при формировании всех органов палаты (избрание ее председателя и его замов, Бюро палаты, Конференции председателей партийных фракций, Совета старейшин);

- предопределяет состав парламентских комитетов и комиссий, избрание их руководителей;

- распределяют между собой время, отводимое на обсуждение вопросов повестки дня (часто - исходя из численности каждой фракции);

- реализуют “через себя” право законодательной инициативы депутатов путем коллективного принципа внесения законопроектов.

Создание групп долго шло “де-факто”, на основе повседневной практики, подсказывающей целесообразность коллективных действий.

Своего рода рудиментом такого положения дел являлась английская ситуация, где традиционно не принято говорить о “фракциях” той или иной партии. А речь, как правило, велась о “парламентских партиях”. Имелось в виду, что фракции в палате общин являются как бы независимыми автономными образованиями и не связаны в своей деятельности решениями и предписаниями партий, работающих вне парламента. В действительности же возникающее тут противоречие снималось с британской изобретательностью достаточно просто - лидер партии яв-

лялся и лидером парламентской фракции: попросту говоря, партия и ее фракция воссоединялись на основе своего рода “личной унии” через фигуру их общего руководителя, наделяемого и во фракции, и в партии очень широким набором полномочий.

Не менее характерен пример ***Франции***, где объединения парламентариев (прообраз парламентских групп) официально возникли еще в 1910 году. Сначала они именовались “группами защиты” - то есть защиты каких-то интересов местного или профессионального уровня. Но в 1946 году, с приходом IV Республики, были запрещены. И тут же ... возродились под именем “групп по изучению”.

В парламенте нынешней V Республики, с одной стороны, предусмотрена группировка депутатов по политическим мотивам (ст.19 Регламента), а с другой - прямо запрещено создание групп защиты частных, местных или профессиональных интересов, влекущих принятие парламентарием императивного мандата (ст.23).

Вместе с тем, согласно ст.167-1 Избирательного кодекса политические партии, обладающие своей группой в Национальном собрании, могут иметь доступ на государственные радио и телевидение во время избирательных кампаний в приоритетном порядке.

Закон от 3 сентября 1986 года прямо установил, что политические фракции, большинство и оппозиция, должны получать равное время в эфире в рамках специальных политических трибун.

Заметим, даже в парламентах таких стран, как ***Албания, Венгрия, Чехословакия, СССР,*** были региональные группировки (аналог политических групп на Западе).

А вот в странах с однопартийной системой ***третьего мира*** такого политического института просто нет.

Впрочем, и ряд классических европейских демократий - ***Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Финляндия*** - предпочитают воздерживаться от официального признания политических групп. Их упоминают главным образом в связи с тем, что они работают в составе некоторых парламентских органов.

Даже в той же ***Великобритании*** признают, в основном, деление парламентской сферы на правительство и оппозицию Ее величества. Таков же главный принцип деления парламентов в Австралии, Канаде, Новой Зеландии. Это дает официальный статус оппозиции и поднимает ранг ее лидера до уровня премьера. Данная черта вообще характеризует двухпартийные системы.

2. Принципы формирования

Согласно абзацу 1 ст.21 регламента германского бундестага, фрак-

ция определяется как объединение его членов, принадлежащих к одной и той же партии или к таким партиям, которые - имея одинаковые цели - не конкурируют между собой ни в одной из земель.

Чтобы мешать дроблению законодательного корпуса, вводится минимальное число членов парламента, необходимое для создания группы.

Так, Национальное собрание Франции предусматривало размер группы не менее 30 человек, Сенат - не менее 11. После выборов 1988 года квота депутатов в Национальном собрании была снижена до 20 человек, а в Сенате - не менее 10.

Подобный показатель для бундестага ***ФРГ*** составляет 15 человек. Причем положение об этом минимуме было введено в регламент парламента именно в тот период, когда число коммунистов упало там до 14 человек, что отняло у ГКП возможность иметь свою фракцию со всеми вытекающими из этого политическими, правовыми и моральными последствиями.

Некоторое отклонение от общего правила представляет итальянское законодательство. Оно предусматривает право на создание своих фракций и за партиями, выставляющими на выборах свои списки не менее чем в 20 избирательных округах и получившими не менее 300 тыс. голосов.

В ***австрийском*** Национальном Совете и Национальном Совещании ***Швейцарии*** правом создания своей группы пользуется любая партия, имеющая не менее 5 депутатских мест.

Заметим: в ***Канаде*** лидер парламентской группы вообще не получает жалованья, если в его группе меньше 12 человек. В ***Австралии*** аналогичный показатель составляет менее 20 депутатов.

Нередко факт существования партийных фракций признается из чисто прикладных соображений: чтобы обеспечить нормальное представительство всех политических течений в важнейших парламентских органах - Бюро, Конференции председателей фракции, Совете старейшин и пр. Кроме того, в большинстве парламентов мира комиссии также образуются на базе принципа пропорционального представительства, т.е. каждая фракция получает места пропорционально ее численности. Сверх того, в ***Японии, Нидерландах*** и других государствах регламент выступлений также составляется в зависимости от размеров фракции, к которым принадлежат выступающие.

Парламент предоставляет группам место для работы и проведения совещаний, а также помещения под их канцелярии.

Группы проводят экспертизы законопроектов, вносимых правительством и отдельными депутатами до их обсуждения комиссиями или па-

латой и решают, кто из членов фракции будет по ним выступать от имени всей фракции.

Часто, как то, например, делается в ***Германии***, представители фракций имеют право первыми выступать в прениях. Впрочем, отдельные члены фракций нередко высказывают иное, чем имеет фракция в целом, мнение и голосуют как бы против нее.

Поэтому принято считать, что единство взглядов и действий членов фракции способна обеспечивать лишь сплоченность самой партии. По мнению специалистов-аналитиков, отличительной чертой современного парламентаризма вообще является нарастающее усиление именно партийного дисциплинирующего начала.

3. Итальянская модель

Отсюда - особая модель взаимоотношений парламентской группы и партии, в частности, выработанная *итальянскими коммунистами*. Так, например, положение о фракции внесено в Устав партии и утверждается ее съездом. В цели и задачи фракции входит:

- мобилизация масс на решение прогрессивных общественных задач;
- диалог со всеми политическими силами, включая противников, с целью усиления в их среде более трезвых и конструктивных течений;
- обеспечение единства всех прогрессивных сил;
- борьба за морально-политическое первенство партии, в том числе путем выдвижения и отстаивания наиболее демократических идей и предложений на парламентской и внепарламентской арене;
- контроль за выполнением вступивших в силу законов;
- контроль за тем, как правительство выполняет свои обязательства (в том числе через систему парламентских запросов и резолюций, прямых обращений к народу).

Во главе группы стоял ее председатель, являющийся одновременно членом руководства партии (аналог Президиуму ЦК КПРФ), но не его председателем. У него два заместителя и три секретаря, в обязанности которых входило регулирование всех сторон деятельности парламентской фракции. Вместе они составляют президиум фракции. Имеется также руководящий комитет для решения конкретных вопросов, который руководит повседневной работой и отчитывается за свою деятельность и перед общим собранием фракции, и перед общественным мнением.

Во главе групп депутатов от фракции, работающих в соответствующих комитетах, также стоят ответственные, которые отчитываются о проделанной работе перед президиумом фракции и руководящим комитетом. Они сами являются членами руководящего комитета, отвечающими за конкретные отраслевые проблемы.

4. Французская модель

Несколько по-другому выглядит французский опыт. Партийные группы создаются здесь путем подачи в руководство палаты политической декларации, подписанной членами группы, списка ее членов и всех присоединившихся к данной группе депутатов, а также указывается фамилия председателя группы. Эти документы публикуются в "Journal official".

По французским правилам, каждый депутат может входить только в одну группу. Парламентарии, не входящие ни в одну партийную группу, имеют право присоединиться к одной из них с согласия ее бюро. Вместе с тем депутат может не примыкать ни к одной из фракций, сохраняя полную независимость.

Внутри депутатской группы избираются бюро и председатель, действует административный секретариат. Председатель политической группы в палате является членом руководства партии, но не обязательно ее лидером. Кроме руководства группой, он:

- по должности входит в состав Конференции председателей групп, уполномоченной устанавливать повестку дня палаты и в этом качестве может требовать включать в повестку дополнительные вопросы (например, обсуждение и законопроекты, вносимые членами его фракции);
- записывает членов фракции для участия в прениях;
- имеет право требовать перерыва в заседаниях палаты;
- имеет право требовать публичного голосования;
- может выступать против проведения голосования без дебатов или ограничения прений и т.п.

Б.О.Комоцкий."Кнуты" - ведущий элемент механизма управления фракцией политических партий

Особый институт в деятельности фракций - это так называемые "кнуты". Например, в ***Великобритании*** "кнуты" партии большинства, как правило, занимают официальные посты при казначействе либо при королевском дворе. Вместе с тем, с чисто формальной точки зрения, фигура "кнута" не предусмотрена правилами парламентской процедуры.

Напомним, само понятие "кнут" родилось где-то в конце 20-х годов XIX столетия (ориентировочно в 1828 году). Слово whipper означает по происхождению –помощник егеря, который следит за тем, чтобы гончие не отбивались, сгоняя их обратно в стаю кнутом". Однако со временем слово whipper (кнутовщик, кнутобоец) оказалось сокращено до whip (сиречь просто кнут).

Консервативная партия Великобритании имеет 14 "кнутов" в палате. Лейбористы - 11. Прочие партии оппозиции - по одному.

В Консервативной партии “кнут” назначается лидером партии. В лейбористской - избирается путем тайного голосования на собрании фракции. Правительственное большинство имеет главного “кнута”, его заместителя и младших “кнутов”. “Кнуты” правительства имеют ранг министров и получают жалованье из государственной казны. Кроме того, жалованье выплачивается и трем “кнутам” официальной оппозиции. “Кнуты” всех прочих партий не оплачиваются.

Главный “кнут” правительственного большинства формально занимает пост парламентского секретаря министерства финансов, хотя не имеет с финансовыми делами ничего общего. “Кнут” обладает очень большими полномочиями в отношении рядовых депутатов фракции.

Главный “кнут” и его помощники составляют под руководством кабинета (и консультируясь с “кнутами” других партий) план проведения парламентской сессии, распределяют поручения между членами своей фракции, подготавливают расписание работ и делают прогнозы в отношении возможной тактики оппозиции, следят за тем, чтобы работа палаты шла без эксцессов. Они же наблюдают за тем, чтобы все законопроекты проходили через палату в срок и до конца сессии.

Кроме того, главный “кнут” отвечает за улаживание разногласий между членами своей фракции. Он ответственен за расстановку кадров. Он обеспечивает такую организацию работы, которая гарантировала бы фракции большинство по любому интересующему ее вопросу. Он - “связной” между правительством и “заднескамеечниками”, т.е рядовыми членами фракции правящей партии. “Кнут” - знаток парламентских процедур и специалист в области анализа общественного мнения.

“Кнуты” правящей партии и оппозиции образуют своего рода “комиссию” по приватному урегулированию спорных вопросов между правительством и оппозицией.

Задачи главного “кнута” оппозиции в целом аналогичны задачам главного “кнута” правящей партии. С одной существенной поправкой: главный “кнут” оппозиции уделяет гораздо больше времени и сил внепарламентской деятельности своей партии. И прежде всего - подготовке своей партии к следующим выборам, как бы курируя круг электоральных проблем.

Институт парламентских “кнутов” существует практически во всех англосаксонских странах, и прежде всего в ***странах Британского Содружества***. Хотя, например, в ***США*** полномочия “кнутов” гораздо меньше. Здесь одна из главных их задач - следить, чтобы депутаты были на своих местах в тот момент, когда они нужны партии: при голосовании, обсуждении острых проблем и так далее. Они созывают заседания фракции и информируют об осуществляемых партией мероприятиях.

* * *

Таким образом, механизм деятельности парламентской фракции (по опыту ведущих западных стран) можно рассматривать как своего рода производственный коллектив, в котором руководитель фракции выполняет роль "хозяина"-предпринимателя, "кнут" - главного менеджера и распорядителя работ, младшие "кнуты" - функции менеджеров-контролеров на основных участках парламентской деятельности, а основная масса депутатов - главной производящей силой данного коллектива, действующего на основе жесткого регламента, плана и порядка работ.

К.Ф.Колесникова. Избирательные кампании как направление работы фракций

Выборы - это акция, по самой сути своей суммирующая всю совокупность политических, социальных, морально-психологических и экономических процессов и явлений, происходящих в данном обществе за определенный период времени. Они образуют своего рода равнодействующую, которая определяет эволюцию структур и деятельности государственной власти. Выборы - своеобразный "момент истины" для определения сильных и слабых сторон каждой действующей в стране политической организации.

Поэтому уже в силу такой "природы" выборов подход к ним, а тем более разработка и осуществление на практике разнообразных технологий управления электоральным процессом не могут носить разовый, отрывочный, от случая к случаю предпринимаемый характер. Как показывает мировой опыт, это направление деятельности является одним из основных в работе парламентских фракций. Более того, внимание к электоральным проблемам служит для фракции главным условием жизнедеятельности и выживаемости.

В силу этого парламентские фракции концентрируют, как правило, внимание на следующем спектре проблем.

1. Ведение постоянного учета ("мониторинга") основных субъектов национального избирательного процесса: партий, ведущих политиков, кандидатов на президентский пост, наиболее видных представителей "политического класса" регионального уровня.

2. Учет и анализ перемен в области массового сознания, сдвигов в системах идейно-политических ценностей, бытующих как среди отдельных слоев избирателей, так и в общероссийском электоральном корпусе в целом.

3. Получение, систематизация и обобщение информации несоциологического характера - материалов СМИ, публичных выступлений ведущих политических деятелей, данных "приватного характера" и пр.

4. Формирование инфраструктур (в т.ч. информационной сети) для сбора указанных материалов и доведение их - в обобщенном виде - до сведения фракции, партийного руководства и местных организаций.

5. Совершенствование собственных избирательных механизмов, создание идеологических и пропагандистских документов: избирательных программ, агитационных обращений и т.д.

6. Наращивание потенциала для ведения избирательной работы и обеспечения ее аналитических исследований.

7. Проведение учебы депутатов, руководящих кадров, активистов и участников избирательных кампаний партии.

8. Подготовка рекомендаций кадрового характера для пополнения корпуса кандидатов в депутаты местных и всероссийских выборных органов власти.

9. Систематическая работа по поддержанию, укреплению и обогащению образов партии, думской фракции и лидера в общественном мнении, в том числе через посредство прямых и косвенных связей со СМИ.

10. Создание впрок - под более или менее отдаленные мероприятия - резервного банка "заготовок": технологий ведения кампаний, основ для программных документов, сценариев ключевых мероприятий, агитационных "полуфабрикатов" (оригинал-макетов листовок, плакатов, сценарии ТВ клипов и пр.).

11. Экспертиза документов фракции и партии с точки зрения их вероятного воздействия на умонастроения и политическое (электоральное) поведение избирателей. Представление руководству рекомендаций по доработке и коррекции таких материалов с целью усиления их позитивного воздействия на избиртельные преференции населения.

12. Выработка инициативных предложений по подготовке и осуществлению тех или иных акций и мероприятий фракции и партии, призванных воздействовать на политические настроения избирателей в ключевые моменты предвыборных кампаний.

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Всероссийский симпозиум Института молодежи, Центра исследований политической культуры России, Центра политической и экономической истории РНИСиНП, кафедры истории Российского государства ИГУ и СИ МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедры истории МПГУ. Март 1999 года

Участники, члены Ученого совета ЦИПКР:

А.А.КОРОЛЕВ, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории Института молодежи, член Ученого совета ЦИПКР;

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук, директор ЦИПКР;

В.П.ПЕШКОВ, кандидат психологических наук;

С.П.ОБУХОВ, кандидат экономических наук.

А.А. Королев. Российская цивилизация в глобальном и локальном измерениях (социально-духовный ракурс)

Есть проблемы, которые вызывают как академический, так и конкретно-практический интерес. Они не просто связаны с нашим бытием, ожиданиями лучшего будущего, а смыкаются и с невольными раздумьями о том, действительно ли будут страна и населяющий ее народ превращены в «исторический мусор» сверхъестественным вмешательством (согласно религиозно-мистической теории милленаризма) или станут активными участниками поступательного развития истории.

Одной из общезначимых проблем является, например, феномен цивилизации, несмотря на известную метафоричность, размытость смысла, который на протяжении нескольких столетий в это вкладывался. Не случайно отечественные «цивилизионщики» (философы, историки, культурологи, психологи и т.п.) стремятся уяснить такие методологические и теоретические вопросы, как структура и содержание самого понятия, взаимодействие мировых и локальных цивилизаций, их динамика, классификация и сравнительное изучение, цивилизационные аспекты модернизации, наконец - Россия как евразийская цивилизация...

Отечественные и зарубежные ученые, изучающие историю и теорию цивилизаций, вложили немало сил в совершенствование понятийного аппарата, поиск новых подходов к методологии и методике исследования. Следует прежде всего отметить капитальный труд российского ученого А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта», третий том которого представляет собой социокультурный словарь[1]. Большой интерес для понимания сущности российской цивилизации имеют введенные автором понятия - «инверсия», «раскол», «медиация», «серединная культура»[2].

Израильский культуролог и социолог, специалист в области теории цивилизации Шмуэль Н. Эйзенштадт ввел термин «гетеродоксия» для обозначения инакомыслия, то есть различий в рамках одной конфессии, отличающихся от ортодоксии разной степенью отхода от «основополагающих» принципов и ритуалов. Причем она может совмещать в себе как «допустимые» сектантские ответвления, так и недопустимые ереси. Ш. Эйзенштадт видел в гетеродоксии важный источник обновления духовных систем и общественной жизни[3].

В последнее время активизировалась работа обществоведов по созданию учебников и пособий для студентов вузов и учащихся средних учебных заведений, изучающих историю цивилизаций. Среди них можно назвать хрестоматию «Сравнительное изучение цивилизаций», подготовленную Б.С. Ерасовым[4] на основе систематизированного отбора фрагментов и небольших статей с вводными текстами и обширными комментариями, дающими целостное представление о принципах цивилизации как системы социокультурной регуляции. Эта работа ввела в академический оборот широкий круг накопленных в зарубежной и отечественной науке текстов по теории и сравнительному изучению цивилизаций. Например, здесь приведены в извлечениях основные труды ставших классиками цивилизационной теории Н.Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, Ф. Броделя и других. Переданы главные мысли современных исследователей - Л.Гумилева, А. Ахиезера, Б. Ерасова, А. Гуревича, Л. Васильева, А.Сагадеева, М. Мелко, К. Гилб, К. Каволиса, Ш. Эйзенштадта, С.Хантингтона и т.д. Наконец, отражены взгляды сторонников различных цивилизационных подходов, представлены исследователи как культурно-исторической, так и комплексной, многофакторной школы.

Через призму междисциплинарного подхода (истории, философии, социогенетики, теории цикличной динамики, макромоделирования) смотрел на анализ прошлого, настоящего и будущего общества, а также судеб мировых и локальных цивилизаций в целом Ю.В.Яковец[5]. В

основу учебного пособия «История цивилизаций» он положил концепцию цикличной динамики и социогенетики, понятие исторических циклов разной длительности - от полувековых «кондратьевских» до многовековых цивилизационных и тысячелетних суперциклов. Отсчет истории ведется здесь с неолитической цивилизации и представляется как периодическое, со все возрастающей скоростью и сменой эпицентров, чередование мировых и неравномерно волнообразное развитие локальных цивилизаций. В разработке своего подхода к динамике исторического процесса автор опирался на идеи Н.Д. Кондратьева и А.Л. Чижевского, А. Тойнби и Ф. Броделя, Н.А. Бердяева и П.А. Сорокина.

По мнению Ю.В. Яковца, структура цивилизации представляет собой усеченную пирамиду, которая делится на пять «этажей», каждый из которых, в свою очередь, включает ряд взаимодополняемых элементов. А основой, «фундаментом» служит человек, точнее - семья, первичная ячейка общества, его «молекула». Далее следуют: технологический и экономический способы производства, строй экономических (производственных) отношений и социально-политический строй, наконец - общественное сознание (духовный мир). Спираль исторического прогресса отмечена, на взгляд исследователя, семью мировыми цивилизациями. Первые три - неолитическая, раннеклассовая и античная - могут быть объединены в исторический суперцикл, отражающий период становления общества (его детства и юности). Следующие три цивилизации - средневековая, прединдустриальная, индустриальная - с известной условностью могут быть названы ступенью зрелости общества. Конец XX века характеризуется вступлением общества в переходный период к новому суперциклу, первой ступенью которого становится постиндустриальная цивилизация.

По мысли Ю.В.Яковца, человечество стоит перед величайшим в своей истории выбором, а неожиданный всплеск конфликтов и противоречий накануне третьего тысячелетия обнаруживает реальность длительного периода «дряхления жизненного цикла человеческого общества»[6].

Такой, жестко заданный, глобалистический подход к мировым цивилизациям вызвал возражение со стороны ряда специалистов, в частности Л.И.Семенниковой. На ее взгляд, «говорить о единой цивилизации по крайней мере преждевременно, а может быть, и невозможно. Это, скорее, мечта интеллектуальной элиты высокоразвитых стран, чем реальность»[7].

Однако поистине революционные последствия научно-технического прогресса, внедрение информационных, интеллектуальных технологий, нарастающая экономическая стратификация, составляющая основа-

ние нового мирохозяйственного устройства, - все эти и другие явления заставляют исследователей рассматривать проблемы мировой цивилизации в качестве адекватной общетеоретической парадигмы осмысления в органическом единстве мировой истории и современности. «Идея мировой цивилизации, - замечает С.Хантингтон, - означает в общих чертах культурное сближение человечества и расширяющееся признание различными народами во всем мире общих ценностей, верований, ориентаций, форм деятельности и институтов»[8].

Современная мировая цивилизация связывается с утверждением универсальных, то есть сверхлокальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали и искусства; с внедрением гражданских, политических, социальных и правовых институтов, обеспечивающих эффективное развитие общества, поддержание его стабильности и самостоятельности личности[9]. Всемирный исторический процесс рассматривается в некоторых современных исследованиях как постепенный рост и расширение центральной цивилизации, поглощающей шаг за шагом, начиная с античности, все остальные – с перспективой превратиться к 2000-му году в одну глобальную, сосуществующую с окружающей ойкуменой.

Такой подход является вариацией концепции влиятельного американского историка У. Мак-Нейла о превосходстве сильных политических империй[10]. По-прежнему, как и двадцать лет назад, привлекают труды Элвина Тоффлера, живого классика философии нового общества. Изложение новых концептуальных положений в них сочетается с простотой подачи материала и описанием множества парадоксальных ситуаций[11]. Особенно современников привлекает его «Третья волна»[12]. По мысли автора, в истории всемирного человеческого сообщества вначале была Первая волна — «сельскохозяйственная цивилизация». Во всех культурах этого времени жизненный уклад основан на обработке земли, власть авторитарна, структура общества жестко иерархична. Затем, с конца XVII века, европейский мир накрывает Вторая волна - промышленная. Но не успели ее последствия устояться, как в середине 50-х пришла пора Третьей волны - информационной, которая и будет определять остаток XX и начало XXI веков.

Тоффлер, кроме того, обратил внимание на уплотнение исторического времени, ускорение научно-технического прогресса. По его подсчету, с момента вступления на путь цивилизованной жизни (около 50 тыс. лет назад) сменилось примерно 800 поколений. Из них 650 продолжали жить в пещерах. Лишь 70 последних пользовались письменностью, 6 - печатным словом, 4 - точным временем и 2 - электромотором. Как

известно, телевизоры, компьютеры, обитаемые космические станции появились «на глазах» ныне живущего поколения.

В последние десятилетия начало формироваться новое мирохозяйственное устройство - постиндустриальная хозяйственная система. Ее основание составила нарастающая экономическая стратификация. К началу 90-х мир явственно разделился на три части. Первая представлена развитыми постиндустриальными государствами, доминирующими в области высоких технологий и контролирующими основные новые инвестиционные потоки. Вторую составляют новые индустриальные страны, импортирующие технологию, капитал и экспортирующие продукты массового производства. К третьей относятся регионы, специализирующиеся на добыче сырья и поставках сельскохозяйственных товаров, полностью зависимые от спроса на их продукцию и в силу этого вполне подконтрольные постиндустриальному сообществу[13]. Автор книги «Расколотая цивилизация» В.И.Иноземцев считает, что, «став самодостаточной системой, постиндустриальная цивилизация сегодня одна способна решать судьбу всего человечества и определять перспективы хозяйственного развития и даже непосредственного выживания целых регионов»[14].

Безусловно, российская цивилизация как крупномасштабное общество, несущее в себе и универсальные черты мировой цивилизации, и сформированные опытом исторического развития аскриптивные, самобытные черты локальной, привлекает все большее внимание отечественных исследователей. Среди них - А.С. Ахиезер, А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, В.В.Ильин, М.П. Мчедлов, В.В. Межуев, И.Н. Ионов, Н.И. Лапин и другие. Следует также обратить внимание на труды Л.И. Семенниковой[15], в которых цивилизация исследуется как основная типологическая единица истории. Изучая цивилизационные парадигмы в истории, она показала, как складывалось в этом плане российское общество, возникшее на стыке христианского мира, мусульманской цивилизации, классического (буддийского) Востока и огромного региона, представляющего собой ареал расселения кочевых и полукочевых групп, которые условно можно считать природными.

Согласно точке зрения этого исследователя, Россию нельзя отнести ни к западным, ни к восточным цивилизациям. Она образует особый, евразийский тип, потому что геополитически расположена между двумя мощными центрами цивилизационного влияния - Востоком и Западом, включает в свой состав народы, развивающиеся как по западному, так и по восточному варианту. При крутых поворотах исторические вихри «сдвигали» страну ближе то к Западу, то к Востоку. Поэтому Рос-

сия и представляет собой как бы «дрейфующее общество» на перекрестке цивилизационных магнитных полей. Л.И.Семенникова, рассматривая исторический путь России как поле антагонистического столкновения двух начал - «почвы» и «цивилизации», приходит к выводу: «Торжество в чистом виде одного из начал, согласно авторской концепции, не может выразить прогрессивного развития России, оптимальным был бы их синтез»[16].

Объективно в мире существует дихотомия «Запад - Восток» (как, например, «Север - Юг»). Принцип именно такого рассмотрения цивилизаций, основанный на исключении и противопоставлении, издавна утвердился среди цивилизионщиков. Б.С. Ерасов в хрестоматии «Сравнительное изучение цивилизаций» подытожил типологические характеристики, которые исследователи давали западной и восточной цивилизациям, а также сделал обзор концепций симбиоза, конфликта и синтеза культур, выделил общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока.

Схематично различия в общественном устроении западных и восточных обществ сводятся к следующему[17].

1. Социально-экономические характеристики

Запад - развитый, урбанизированный, индустриальный; Восток - отсталый, сельский, аграрный.

На Западе - производство как базис (капитал); на Востоке - распределение как базис («реципроксное» общество).

2. Тип и структура социальности

Классическая социальная типология

Автор	Тип дихотомии хотомии	
	Ранняя стадия	Поздняя стадия
0. Конт	Теологическое общество	Позитивистское общество
Г. Спенсер	Теолого-милитаристское общество	Индустриальное мирное общество
Г.С. Мэйн	Статусное общество	Контрактное общество
Ф. Теннис	Gemainschaft (общность)	Gesellschaft (общество)
Р. Парк	Священное общество	Секулярное общество
К. Маркс	Феодальное общество	Буржуазное индустриальное
Э. Дюркгейм	Механистическая солидарность	Органическая солидарность
Ч. Кули	Первичные группы	Вторичные группы

Р.Линтон	Аскриптивные ориентации	Достижительные ориентации
Р.Редфилд	Народное общество	Городское общество
Т.Парсонс	Аскриптивная солидарность	Функциональная
Г.Съеберг	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество
Р.Дьюи	Деревенское общество	Городское общество
Г.Фуггит	Деревня	Город
Ф.Риггс	Аграрное общество Священное	Индустриальное общество Секулярное
Г.Беккер, П.Мейер	Племена	Горожане
Д.Лернер, М.Леви, Б.Хозелис и др.	Традиции	Современность

Эту классификацию можно дополнить часто встречающимися в научной литературе типами и характеристиками социальности Запада и Востока.

Запад - рыночные и правовые отношения, выделение личности, пользующейся правами и свободами. Восток - межличностные (коммунальные, коммунитарные, общинные, аскриптивные отношения, нормативный контроль через религиозные принципы и государство). Для классического Запада характерна классовая дифференциация. Для Востока - родоплеменные, сословные, клановые, этнические.

3. Политические характеристики

Запад — гражданский, демократический; Восток - патриархальный, авторитарный, деспотический.

4. Культурные характеристики

Запад	Восток
Материализм	Духовность
Секуляризованный	Религиозный
Реализм / Прагматизм	Идеализм
Объективизм	Субъективизм
Плюрализм	Монизм
Рациональность	Интуитивность

Разум (Логос)	Путь (Дао)
Динамизм / Развитие / Движение	Инертность / Стабильность
Прогресс	Застой / Косность
Искусственность	Естественность
Покорение природы	Адаптация к природе
Право	Мораль
Научность	Сакральное знание
Свобода	Порядок
Равенство	Подчинение
Воля	Фатализм
Индивидуализм	Подавление личности
Антропоцентризм	Теоцентризм

5. Исторические характеристики

Запад	Восток
Историзм	Застойность/ Неисторизм
Линейное время	Циклическое время

Ряд ученых, в частности, американский культуролог Дж. Стидман в книге «Миф об Азии» отвергал сам принцип дихотомного сопоставления Запада и Востока - как неопределенные и неустойчивые стереотипы, скрывающие неустойчивость и разнообразие состава культуры этих континентов. Утверждение стереотипов Запада и Востока, по мнению автора, происходило в значительной степени первоначально как реакция на враждебные отношения Запада с восточными странами, а затем - как реакция азиатских обществ на колониальную систему проекции антизападных настроений. Принцип дихотомии в изучении цивилизаций основан на исключении и противопоставлении, в то время как необходимо рассматривать внутреннее разнообразие каждого начала. Даже тогда, когда историку удается установить водораздел между культурами Азии и Европы, это может иметь смысл лишь применительно к определенному периоду, так как эти культуры находятся в постоянном изменении. Кроме того, Запад и Восток постоянно взаимодействовали друг с другом, способствуя взаимному развитию и осваивая ценности друг друга[18].

На наш взгляд, снять дихотомию «Запад - Восток» позволяет теория евразийцев, которая возникла в эмиграции. Основные ее идеи сводятся к тому, что Россия - это не Запад и не Восток в чистом виде, а особый мир - самобытный и самодостаточный. Хотя в евразийстве, как течении общественно-политической мысли, по отзывам современников-оппонентов, было много наивного и утопического, политизированного. Их программа обновления России строилась на авторитарных принципах жесткой идеологии, единой политической партии, так называемом «евразийском отборе»[19]. Это дало основание доктору истории В.П. Ступишину сделать вывод, что «евразийство - гибельный «особый путь» для русского народа, и ему надо противопоставить всю мощь русских национальных культурных ценностей как неотъемлемой части ценностей общечеловеческих, а не азиопских»[20].

Вряд ли такая категоричная оценка евразийства, тем более неоевразийства, может быть принята. Конечно, эти идеи можно использовать в спекулятивных политических целях. Это, собственно, и делают некоторые деятели стран, входящих в СНГ. Под разглагольствование о евразийстве, славяно-мусульманском единстве внедряются в жизнь этнократические идеи, происходит выдавливание этнических русских и русскоязычных за пределы независимых республик.

Евразийская цивилизация как социальная система имеет, подобно современной западной, сложную структуру. В ней, например, И.Б. Орлова выделяет условные подсистемы: славяно-сибирскую, транскавказскую и южно-азиатскую. Россия выступает ядром евразийской цивилизации - особой географической, социально-исторической и социально-культурной общности[21]. По мысли исследователя, современная евразийская концепция строится на общеметодологическом принципе мультилинейности социально-исторического процесса, параллельном существовании и развитии различных культурно-исторических систем (цивилизаций), каждая из которых имеет свою логику развития, культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты. Она направлена на развитие существующего и доныне предрассудка, будто культура и цивилизация - это одно, непрерывно развивающееся целое, причем все прежние культуры являются лишь ступенями единой лестницы, вершина которой - западная (европейская или ее модификация - американская) цивилизация, и стремление приблизиться к ней есть задача всего человечества.

Евразийская цивилизация - одна из культурно-исторических систем, сложившихся более чем за тысячелетнее взаимодействие населяющих «срединный континент» (между Китаем, горными цепями Тибета и

«западным полуостровом» Европой) народов. Они формируют в процессе деятельности связи: пространственные - по освоению природно-ландшафтной среды и адаптации к своему «месторазвитию»; временные - по передаче от поколения к поколению навыков, ценностей, установок, культурных традиций; социально-психологические - цементирующие общность и «комплиментарность» или взаимопритяжение евразийских этносов[22].

Важнейшей компонентой социокультурного устроения российского общества является духовный мир человека. Духовные принципы - как киты, на которых стоит земля, - выражают сущность любой мировой и локальной цивилизации. «Именно через заимствование духовных достижений, - отмечал Э. Калло, - осуществляется распространение цивилизации в пространстве и времени»[23]. Не случайно поэтому выявлению духовной энергии и социокультурным аспектам российской цивилизации посвящены были годичные научные чтения Российского независимого института социальных и национальных проблем на тему «Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты» (октябрь 1998 г.)[24], а также одноименная коллективная монография, подготовленная в связи с 70-летием директора Центра «Религия в современном обществе» этого института проф. М.П. Мчедлова[25]. В ней раскрываются глубинные и устойчивые социокультурные и этноконфессиональные характеристики исторической общности, живущей на евразийских просторах России. В апреле 1999-го на базе Института молодежи проведен межвузовский «круглый стол» по теме «Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации»[26]. Он развивал рассмотренную на таком же межвузовском «круглом столе» проблематику - «Россия на грани тысячелетий: историческая трансформация и социально-духовные аспекты»[27].

Если обратиться к трудам, в которых рассматриваются причины упадка цивилизаций, то российская находится в жестоком кризисе, чуть ли не в разложении. Так, еще мыслитель XIV века Ибн Хальдун выделял несколько основных и взаимосвязанных причин упадка цивилизованной жизни: 1) ослабление отношений взаимной привязанности и солидарности (асабийя), которая дает основу для самоорганизации и единства общества, для кооперации; 2) ослабление влияния религии, которая способствует объединению и согласию людей; 3) отчуждение власти от общества и привлечение к управлению инородных групп; 4) тирания как проявление явного произвола и своеволия, жестокости и нагнетания страха на общество; 5) нарушение принципа справедливости со стороны властей и вследствие этого - социальное расслоение; 6)

стремление к роскоши и деградация городской культуры. «Одно из наиболее серьезных нарушений принципа справедливости, - подчеркивал мыслитель, - способствующее разрушению цивилизованного устроения: лишение имущества без должной компенсации, несправедливое принуждение людей к выполнению принудительных работ, предъявление неоправданных претензий, наложение обязанностей, не требуемых религией, собирание неоправданных налогов»[28].

Следует прислушаться и к А. Тойнби: «Ключ к пониманию распада обнаруживается в расколе и разногласиях, исходящих из самих глубин социального организма, ибо, как мы уже видели, основной критерий и фундаментальная причина надломов цивилизаций - рост внутренних разногласий, в результате чего общество утрачивает способность к самоопределению»[29].

Более чем реалистично показал процесс подъема и упадка цивилизаций профессор Джорджтаунского университета Кэрол Квигли: 1) смешение культур; 2) созревание; 3) территориальное распространение; 4) эпоха конфликтов; 5) стадия универсальной империи; 6) упадок; 7) нашествие и завоевание. Вот как он описывал последние стадии этого процесса. Стадия разложения - период глубокого экономического упадка, снижающегося уровня жизни, гражданских войн между различными правящими кликами, растущего бескультурья. Попытки приостановить разорение законодательными мерами оказываются тщетными. Все институты общества утрачивают доверие масс. Массовый характер приобретает отказ сражаться за общество и даже поддерживать его уплатой налогов. Все большее влияние приобретают новые религиозные движения. Стадия вторжения - это когда цивилизация не в состоянии защищаться, потому что уже не хочет этого делать, и оказывается вполне открытой варварским вторжениям. Но это «варвары» только в том смысле, что они - «чужие». Зачастую они представляют собой более молодую и мощную цивилизацию. В результате этих вторжений извне цивилизация подвергается разрушению и прекращает свое существование[30].

Известно, что жизнеспособность общества определяется тем, насколько государственнообразующий народ идентифицирует себя с базовыми ценностями и принципами жизнестроения, чувствует кровную связь с традициями, обычаями, с историческим и духовным наследием предшествующих поколений. Вместе с тем, как показывают социологические исследования, проведенные Российским независимым институтом социальных и национальных проблем в 1998 году, русскими ощущают себя около 60 процентов населения страны (по паспорту русских - около 85), советскими людьми - 35[31]. Этническая принадлежность являет-

ся значимой примерно для половины населения, причем с возрастом уровень этой значимости ослабевает.

Значительная часть русских не чувствует, что Россия - их страна. По ряду данных можно судить, что лишь 10-15 процентов имеют относительно сложившееся национальное самосознание, около 45 - могут так или иначе принять русские национальные ценности и пассивным образом поддерживать их. Остальные 40-50 процентов, имеющих в паспорте эту «национальную» отметку, полностью лишены русской идентичности, из них 10 процентов страдают откровенной русофобией[32]. Усиливают ее, а также чувство неполноценности среди этнических русских и ксенофобию среди тех, кто соприкасается с таковыми, различные псевдотеории и мифологемы. Например, о том, что русских, как этноса, нет вообще, а есть сплошные метисы, что русский народ — это конгломерат, смешение славян, финно-угорских племен, балтов, татар. Причем суждения об этноисторической неоднородности русских приняли ярко выраженную политическую окраску. Один писатель даже утверждает, что ни один русский не может точно сказать, где его предки на Куликовом поле - в русском войске или под бунчуками Мамая)[33]. И приписываются то А.П. Чехову, то безымянным французам слова: «Поскребите русского - и вы обнаружите татарина».

В свое время Геббельс выдумал, что Советский Союз - монгольская орда. По мнению другого деятеля рейха, А. Розенберга, «кровь с монгольской примесью вскипала при всех потрясениях русской истории», а большевизм «означал бунт монголоидов против нордических форм культуры»[34]. Некогда знаменитый историк - марксист М.Н. Покровский - утверждал, будто в жилах «так называемого великорусского народа» свыше 80 процентов угро-финской крови. При этом академик не утруждал себя обоснованиями «потолочной» статистики.

Между тем, как показывают антропологические, этнологические и лингвистические исследования, все это не соответствует истине. Крупнейший отечественный антрополог В.П. Алексеев пришел к выводу не о смешанности, а наоборот, о гомогенности, то есть однородности, русского населения. Опираясь на краниологические (по черепу) исследования, он утверждает, что русские больше сближаются не с восточными славянами, а с западными и южнославянскими группами, даже с германцами. Финский же субстрат нельзя считать основным компонентом в сложении русской народности - на протяжении II тысячелетия он почти полностью растворился[35].

С. Кириллин считает нелепыми утверждения о смешении русских с татарами в результате татарских набегов на русские земли и рождения

детей изнасилованными женщинами. Факты свидетельствуют о другом; татары не отпускали их на все четыре стороны, а уводили с собой в Орду, где продавали в рабство. Поэтому говорить о смешении русских с татарами можно, скорее, в «обратном направлении»: русские женщины улучшали татарскую кровь, а не татарские мужчины портили русскую. Естественного же смешения вследствие соседства не могло быть потому, что русские были оседлыми земледельцами и жили в степи. Кроме того, и религиозные различия исключали возможность русско-татарских браков на уровне простых людей. Русские поселения уже несколько столетий существуют на территории Татарии в окружении татарских, но ни о каком смешении там речи не идет[36].

Смена идентичности - не автоматический акт. Казалось бы, на смену советской идентичности должна прийти русская (российская), или российская (русская). Между тем, по данным междисциплинарного проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», выполненного в 1997-1998 годах коллективом Института этнологии и антропологии РАН под руководством Л.М. Дробижевой, в субъектах Российской Федерации - этнически плюральных обществах (Татарстан, Оренбургская область и др.) - имеет место сдвоенная идентичность. От 60 до 70 процентов и более респондентов титульных национальностей считают себя одновременно россиянами и «татарстанцами» (якутянами, тувинцами и т.д.). Как и до 50-60 процентов живущих в национальных республиках русских тоже имеют сдвоенную идентичность[37]. Это в известной степени объясняется историческим опытом совместного проживания на той или иной территории, объединительными (отнюдь не разграничительными) общественно и личностно значимыми ценностями - экологическая безопасность, борьба с преступностью и т.д. Наряду с этим отечественные этнологи считают, что роль центростремительного фактора играют политические, социальные ориентации этнических групп (их приверженность демократическим ценностям) и «державные» представления, например, о спасении России.

Говоря о национальном самосознании, нельзя не затронуть проблему «исторического греха» интеллигенции - элитного слоя современного общества. (Правда, с «легкой руки» Е. Боннэр, крепнет мнение о том, что в России интеллигенции нет, а есть интеллектуалы.) Исходя из концепции русского национального характера, в качестве черт российской интеллигенции Е.С. Элбакян выделяет следующие. 1) Скептицизм (истоки - в неустойчивости группового мировоззрения). 2) Социальное дистанцирование от других социальных групп (это находит отражение в речи, языковых оборотах и общем культурном уровне). 3) Самоиденти-

фикация, то есть выработка системы ориентации в мире на основе отождествления с признанным образцом. 4) «Нормативное бунтарство» (стремление к Абсолюту при полном непринятии усредненности, нежелание видеть в повседневности объект приложения культурных усилий). 5) Элитарность идеологии и психологии: а) утверждение, что господство элиты - интеллигенции - необходимо по своей сути; б) сознание принадлежности к избранным; в) гордость за то, что есть возможность думать за других; г) стремление возвысить собственные функции с помощью мистификации действительности; д) чувство ответственности за принесение счастья не-элите (народу); е) чувство тяжести от этой ответственности, а также ощущение трагичности положения элиты - интеллигенции, вынужденной принимать решения за других. 6) Отрыв от реальности. 7) Уход в мир идей, вызывающий чувство мессианства; политическое отчуждение (интеллигенция, пытаясь отыскать вечные ценности для народа и указать пути их достижения, стала играть роль главной оппозиционной и вечно критической общественной силы). 8) Специфическое отношение к народу (двойственность: с одной стороны, народолюбие, служение народу, чувство вины перед ним, с другой - социальная дистанция, элитарная психология, навязывание определенных идей, иллюзий, социальное мифотворчество[38].

В качестве еще одной черты, присущей интеллигенции с западнической ориентацией, можно назвать космополитизм. Это и певец М. Шафутинский, который как-то поделился с журналистами такой мыслью: деньги хорошо зарабатывать в России, а жить - в Америке. Это и писатель В. Аксенов, профессорствующий за океаном. На вопрос: «Когда вы живете в Америке, через какой промежуток времени вас тянет в Переделкино и через какое время обратно, когда находитесь здесь?» - он ответил: «В Россию меня тянет, как грача. Но месяца через два тянет назад в Америку: наступает тоска по космополитизму»[39].

Обратимся к И.С. Тургеневу, который, с одной стороны, как никто другой воспевал Родину, а с другой - долгие годы провел на чужбине. В его романе «Рудин» один из персонажей рассуждает: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм - чепуха, космополитизм - нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет»[40].

Не может не заботить тенденция, развивающаяся в молодежной среде. После развала СССР молодые люди пошли по пути не замещения одной гражданской самоидентификации другой, а ухода от этого типа самоидентификации вообще. «Этот своеобразный космополитизм наи-

более характерен для молодежи и прежде всего - студентов, - считает Н.Е. Тихонова, - среди которых число тех, кто никогда не ощущал себя россиянином, достигает почти 40 процентов. Весьма тревожно, на наш взгляд, выглядит и то, что никогда не ощущают себя россиянами многие (27,3 процента, то есть ровно столько же, сколько устойчиво ощущают себя ими) работники силовых структур, призванных защищать российское государство»[41].

Ряд деятелей литературы и искусства советских времен в новых условиях шагнули в рынок и стали верноподданными правящего режима. «И чем больше их реальные творческие заслуги в прошлом, - отмечает политолог Б.Ю.Кагарлицкий в статье «Ловушки «западничества» и тупики «почвенничества». Политическая культура постсоветской псевдодемократии», - чем более порядочными людьми они зарекомендовали себя в предыдущей жизни, тем ценнее они сегодня для любого злого дела. В обмен на премии и награды произносят речи, угодные тем, кто дает эти награды и спонсирует премии. Начальники и спонсоры меняются, можно даже публично покаяться, что, допустим, с Ельциным ошиблись. А потом найти нового покровителя и делать все то же самое. Побочно можно еще и заниматься привычным киношным или театральным ремеслом — успех теперь не надо завоевывать, он гарантирован прошлыми заслугами и эффектной работой средств массовой информации»[42].

Чтобы не быть голословными, назовем Никиту Михалкова, безусловно, человека талантливого - актера, режиссера и кинодеятеля. Нет сомнения и в том, что тот или иной деятель культуры может быть по своим взглядам кем угодно: реакционером, консерватором, прогрессистом, либералом, коммунистом и т.д. Но при этом - нравственным и совестливым. «У нас же крах советской системы и ее ценностей, - справедливо указывает названный публицист, - полностью освободил интеллектуалов от химеры совести»[43].

Как прикажете понимать заявление Н. Михалкова, вступившего в президентскую борьбу 1996 году на стороне Б.Н. Ельцина, о том, что пусть у власти находятся те, кто уже «нахапал»? Иначе, мол, придут другие, которым тоже надо «хапать», а это накладно для общества. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Разве к лицу русскому интеллигенту считать приемлемым хапужество, казнокрадство, и размышлять лишь о том, кто «нахапает» больше или меньше? Не пристало кинобоссу и бить ногой по лицу поверженного наземь молодого человека, посмевшего бросить в «мэтра» яйцо в знак протеста против его «киношной» и общественной деятельности. Наконец, оправданно ли за счет отечественного налогоплательщика (10 млн долларов!) создавать по «последнему

слову» кинематографической науки и техники широкомасштабный исторический кич на потребу западному обывателю? А ведь 70 процентов фильма идет на английском языке, персонажи - американцы: «непреклонный» кадет, его раскаявшийся твердолобый наставник, романтично настроенная проститутка, покоряющий таежные просторы заокеанский «кулибин»... Многие из них так или иначе действуют в лубочной России под звон колоколов, молодеческие крики и стоны дерущихся до крови «стенка на стенку», масленичную разноголосицу веселящейся публики. Силой сценических талантов (первоклассных российских актеров - ничего не скажешь!) Н. Михалков «консервирует» расхожий на Западе образ России в виде бородатых террористов, бравых воинов, запойных генералов, резвящихся на городских площадках медведей, тупоумных правителей. Что с них возьмешь, этих русских? Именно такой «образ» в английском исполнении (О, those Russians!) как припев в шлягере «Распутин» представляла всему миру в 60 - 70-е годы вокально-инструментальная группа “Бони М”. О, эти русские!..

«Такое «искусство» перестало быть опасным для Системы, - пишет А. Тарасов в статье «Десять лет позора», которую он облек в «тезисы обвинительной речи» российских интеллигентов. - И следовательно, такой «художник» перестал быть властителем душ, то есть Художником, его никогда не повесят, как Рылеева, никогда не расстреляют, как Лорку или Джо Хилла, не гильотинируют, как Андре Шенье, не отрубят голову, как Томасу Мору или Уолтеру Рэли, не забьют до смерти на стадионе, как Виктора Хару, не утопят в море, сбросив с вертолета, как Отто Рене Кастильо, не застрелят, как Леннона или Куртье, не отравят, как Сантейля или Ли Юя, не уморят в лагере, как Мандельштама или Десноса, не сожгут заживо, как Сервета или протопопа Аввакума, он не погибнет в бою, как Хавьер Эро или Хосе Марти, с него не снимут кожу, как с Имадеддина Насими. Он никому не нужен, потому что никому не страшен. Власть уважает только того, кого боится. Уведя свою деятельность в область игры, «художник» 90-х стал домашней игрушкой Власти. Все, что ему осталось, - истошно веселиться, играть самому в принятую Властью игру»[44].

В.В. Кожинов считает, что совершенно особенная природа русского народа выразилась, в конце концов, в «коллективном бессознательном», в том, что единственный народ, который обозначается в родном языке именем прилагательным, - это русские, в то время как все другие, от молдаван до чукчей, - именем существительным. И это не чье-то субъективное решение, а плод тысячелетнего развития русского языка, что, по мысли писателя и историка, дало основание совершенно естественно употреблять такие, совершенно парадоксальные, слово-

сочетания, как русский татарин, русский грузин, русский еврей и т.д.[45] Ранее - в «Панораме культурной жизни СНГ и Балтии» - эта мысль выражена таким образом: «Россия является страной граждан, желающей жить по русским культурным нормам вне зависимости от их этнического происхождения. С этой точки зрения, должно стать расхожим выражение: русский татарин, русский еврей, русский немец и т.д.»[46]. Хотя против этого резко выступила Л.И. Семенникова: «Это опасное заблуждение, чреватое перманентной «Чечней». Да, чеченцев среди 150 миллионов россиян не так много, гораздо меньше, чем русских. Но разве кровь от этого превращается в воду? А смерть разве перестала быть трагедией?..»[47].

Один из персонажей «Трех разговоров» В.С.Соловьева (Политик) пришел к умозаключению о существовании так называемых русских европейцев... «Что такое русские - в грамматическом смысле? - рассуждал он. - Имя прилагательное. Ну, а к какому же существительному это прилагательное относится?.. Настоящее существительное к прилагательному русский есть европеец. Мы - русские европейцы, как есть европейцы английские, французские,немецкие...»[48].

Этим словосочетанием воспользовался культуролог В. Кантор, который попытался поставить в качестве задачи для современной России формирование русского европейца, как когда-то происходило становление любого (французского, английского, испанского и т.п.) западного европейца[49]. По его рассуждению, когда говорят о тенденциях, определявших духовное, политическое и общественное самодвижение русской культуры и даже государственности, обычно вспоминают славянофилов и западников. Многие русские мыслители видели в позициях этих антагонистов больше сходства, нежели различия. В качестве аргумента приводятся слова Герцена о славянофильстве и западничестве как двуликом Янусе с единым сердцем.

В.Кантор считает, что отказ части русской интеллигенции (Н.Я. Данилевского и К. Н.Леонтьева) от европеизма - это как за пределы истории. По его мнению, вычеркивая Россию из современного ей европейского процесса, они по сути дела вычеркивали ее из истории, которая есть порождение европейской цивилизации. Подлинный европеизм рождается из преодоления националистической закрытости каждой данной культуры, из преодоления националистического почвенничества. В число русских европейцев, которые не сакрализировали Европу и не умилялись «рабской безропотности и долготерпению русского народа», автором были включены наугад: Петр Великий, М.В.Ломоносов, Н.М.Карамзин, А.С.Пушкин, А.С.Хомяков, И.В.Киреевский (кстати ска-

зать, издатель журнала «Европеец»), М.Ю.Лермонтов, Н.И. Лобачевский, А.К.Толстой, И.А.Гончаров, И.С.Тургенев, Н.Г. Чернышевский, К.Д.Кавелин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, В.С. Соловьев, И.И.Мечников, Д.И. Менделеев, А.П. Чехов, И.А. Бунин, П.А.Столыпин, Г.В.Плеханов, П.Б.Струве, Е.Н.Трубецкой, И.П. Павлов, П.Н.Милюков, В.И. Вернадский, Ф.А. Степун и некоторые другие.

Обобщенный портрет современного русского европейца выглядит следующим образом: «Реализм, отказ от идеализации как Запада, так и Востока Европы (включая сюда и Россию), понимание сложностей и жестокостей европейского исторического пути - необходимые предпосылки для формирования чувства личного достоинства, столь значимого для самоощущения русского европейца, являющегося не просто потребителем западных технических усовершенствований (такова позиция варвара), а со-творцом, со-производителем тех ценностей, которые с необходимостью рождаются в лоне личностей европейско-христианской культуры»[50].

Итальянский историк и журналист Барбара Спинелли изучает развитие единой Европы с точки зрения социального и человеческого достоинства этой молодой формации, не до конца еще нашедшей свою внутреннюю культурную и духовную сущность. Она разделяет слова А.Солженицына о том, что Россия может спастись, не быть раздавленной прошлым, если смирится со своим геополитическим поражением, как это сделали в 1945-м Германия и Япония. По ее мнению, следует «сдать в архив все вопросы утерянного суверенитета и отобранных территорий» и все силы бросить «на восстановление, возрождение, укрепление страны». В этой связи она задает вопрос: не стоит ли Россия на таком же распутье, между страстями обиды и мнимого унижения и серьезным стремлением к возрождению и строительству?

Е. Гайдар, полемизируя с итальянским интеллектуалом на встрече «Россия и Европа», организованной Свободным университетом «Русской мысли», подчеркивал, что в реальной России, разделенной между европейским выбором и евразийскими мечтаниями, «идет тяжелейшая борьба вокруг выбора будущего страны: пути в Европу или пути к союзу с Ираком, в новый концлагерь...»[51].

Среди русских европейцев, мнящих себя реформаторами (так называемые «младореформаторы»), возобладало мнение, что Россия выпала из единой мировой (читай: западной!) цивилизации и надо («на всех парах») устремляться в западный «рай на земле». Американский ученый Фукуяма, воодушевленный поражением СССР («красной империи», «империи зла») в противоборстве с Западом, провозгласил «конец ис-

тории» как торжество либеральных идей. Однако жизнь свидетельствует о том, что мир человеческий сложен, многообразен, красочен, не терпит унификации и заданности. Эту мысль в свое время выразил такой классик цивилизационного подхода к истории, как А. Тойнби. «Тезис о «единстве цивилизаций», - указывал он, - является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной Среды... Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы, как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории, приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора»[52].

Говоря о внешнем подражании российской интеллигенции западным манерам, образцам поведения, Н.А.Бердяев определял это как «обезьянничество». Подражание Западу без учета национальных, культурных, исторических традиций, особенностей российского менталитета оказалось присуще и радикальным либералам начала 90-х годов. Заемный западный технологический, финансовый и организационно-управленческий опыт Е.Гайдар и А.Чубайс поистине большевистскими темпами внедряли в экономику и финансы России. Уже в ноябре 1991-го правительство Бурбулиса - Гайдара начало создавать в Москве главный штаб по проведению либеральных реформ, руководимый группой иностранных экспертов (многие из них работали в Варшаве над программой польской «шоковой терапии»). Причем, несмотря на быстрое расширение круга этих людей, их работа не афишировалась. Иностранные финансисты трудилась в Министерстве экономики и финансов, помогая Е. Гайдару. Еще большая группа, превышающая сто человек, работала над проектом приватизации при А. Чубайсе. Джеффри Сакс занимал пост экономического советника при Президенте России. Только с лета 1995 года правительство России стало обходиться без помощи постоянно работающих в Москве иностранных советников.

Период «первоначального накопления» привел к колоссальным разрушениям в экономике, необычайно высокой социальной цене радикально-либеральных реформ. Огромные богатства оказались разворованными, переправленными за границу. Так, за годы постперестройки (1992-1998) объем промышленного производства сократился наполовину, вдвое упала в ВВП доля сельского хозяйства, инвестиции уменьшились в 6 раз. В 1990-1996 годы доля машиностроения в общем объеме промышленного производства снизилась с 31 до 16, легкой промышленности - с 12 до 2 процентов. Зато увеличилась с 5 до 46 процентов доля сырьевого сектора, резко повысилась внешняя и внут-

ренняя задолженность. К 100 миллиардам советского долга добавился российский, который к концу 1998-го определялся, по разным методикам, суммами от 60 до 71 миллиарда долларов[53]. Необычайно возросли преступность, коррупция чиновничества. Теневая экономика, по официальным данным, составляет 40 - 60 процентов. Это дало основание Г.Явлинскому заявить, что в России создано «полукриминальное государство», а С.Говорухину открыто назвать его криминальным.

Парадокс нашего времени состоит в том, что дорвавшиеся до власти либералы ведут себя как новоявленные большевики: не считаясь ни с какими потерями, действуют по принципу «здесь и теперь», стремясь «ввергнуть» страну в «капиталистический рай». И хотя дело не идет - российский менталитет отторгает «шоковую терапию», навязанную властителями по указке международных валютных структур, возникает вопрос. Почему Международный валютный фонд поддержал Китай, где производились постепенные, пошаговые реформы; даже наградил страну, которая под руководством коммунистической партии, сохраняя социальные завоевания прошлого и опираясь на поддержку большинства граждан, устремилась в финансовую цивилизацию? А успехи у китайцев налицо: на протяжении 20 лет ежегодный экономический рост составлял более 9 процентов[54]. Может, «не тот народ», «не те советники», а может, и не те реформаторы «русские европейцы»: либо люди без роду-племени, либо «агенты влияния» - компрадоры, отрабатывающие личные гонорары за свою деструктивную работу, либо невежды и неучи, этакая пена, поднятая «демократической» волной?

Израненные перманентной перестройкой души страдают от горечи прошлых утрат и страха за нынешние приобретения: как бы не отобрали. Словом, по ставшему «крылатым» выражению недавнего премьера: «Хотели как лучше, а получилось - как всегда». А другое «крылатое» относится к У.Черчиллю: «Русские - удивительные люди: сами создают себе трудности, затем их героически преодолевают». И уже на сегодняшнем газетном языке это звучит так: «Тотальное уныние, стыд за свое положение, жажда всемирного реванша, подавляемая беспомощностью, и непомерное желание найти виноватых и их расстрелять, высечь, судить... И мы качаем головами: за державу обидно, ох, обидно. И никто нас теперь не уважает, не жалеет, а мы так измучились...»[55].

Как видим, русская душа раздирается противоречиями. А ведь цивилизационная устойчивость, исторический синтез между модернизацией и самобытностью, традиционностью определяются глубинными психологическими механизмами, архетипами подсознания, нравственно-психологическими доминантами характера, веками уходящими корня-

ми в формирующуюся культуру. «Особым случаем в истории цивилизационного синтеза, - отмечает американский культуролог Э. Шилз, - выступает культура с двумя ядерными образованиями или же с неустоявшимся, антиномичным ядром, через которое происходит раскол... К числу противоречивых, антиномичных или дихотомных цивилизаций обычно относят российскую и латиноамериканскую»[56].

На поляризованность, расколотость русской культуры, русской души, национального характера в свое время обращал внимание Н.А.Бердяев, а затем - современные отечественные исследователи А.С.Ахиезер, Б.С. Ерасов, Ю.М. Лотман и другие. Эта полярность вызывается столкновением и взаимодействием двух стихий, «двух потоков мировой истории - Востока и Запада»[57]. В русской культуре, считает Б. С. Ерасов, можно найти немало антиномий, свойственных всякой культуре и создающих разнообразие национально-духовной жизни. И перечисляет: индивидуализм - коллективизм, смирение - бунт, природная стихийность - монашеский аскетизм, мягкость - жестокость, самоотверженность - эгоизм, элитарное - народное, высокое - обыденное и т.д.[58] Можно и дополнить этот ряд: вера в Бога - воинствующий атеизм.

Если обратиться к последним антиномиям, то нельзя не отметить, что религии в истории всегда были несущими конструкциями цивилизаций. Для русской (российской) таковыми были православие, мусульманство, буддизм. По статистическим данным, в 1913 году население страны насчитывало около 174 миллионов 100 тысяч человек. Православные составляли 69,9 процента (русские, украинцы,белорусы, грузины, крещеные народы Поволжья, Сибири, а также новокрещенцы из магометан, иудеев); магометане - 10,8; католики - 8,9; протестанты - 4,8; иудеи - 4; армяне-грегорианцы - 0,9. Язычники и приверженцы ламаизма статистикой не учитывались, так как считались по закону идолопоклонниками[59]. По данным же опросов (государственная статистика о верующих в России не ведется), в 1998 году православными считали себя 74, мусульманами - 19, буддистами - 2, протестантами - 2 процента[60].

Известно, что православная духовность до сих пор играет важную роль в формировании общественного сознания русских людей. Общенациональные идеи и духовные проекты, сменяя друг друга («Не в силе Бог, а в - правде», «Святая Русь», «Москва - третий Рим», «Самодержавие, православие и народность»), сохраняют традиционно социально-нравственную составляющую и поныне: «Земля - ничья, земля - Божья», «Не богатство, а достаток» (если не аскетизм), долготерпение («Господь муки терпел и нам велел»), «Не хлебом единым жив человек», соборность, общинность, коллективизм («Дружно, но негрузно») и т.д.

В некоторых клерикальных и светских кругах Запада (отголоски слышатся и в российской печати) цивилизационную особенность, связанную с православным менталитетом, иные склонны толковать как реликт эпохи, а роль Русской православной церкви (РПЦ) как консервативную, если не реакционную. Они озабочены возрастанием ее роли в духовной жизни современной России, а также позицией при принятии нового закона РФ о совести (1997 г.), критическим отношением к назначению священников из числа гомосексуалистов, рукоположению женщин в ряде церквей, исповедующих экуменизм.

«Европа кончается там, где начинается православие», - категорично заявил недавно министр финансов Австрии, в прошлом известный как активный деятель христианских организаций. В связи с этим публичным заявлением французский православный бюллетень SOP сообщил о реакции экуменического Австрийского совета Церквей, президентом которого в настоящее время является митрополит Михаил (Стайкос), управляющий епархией Константинопольского патриархата в Австрии. В открытом обращении к министру Совет потребовал дезавуировать его заявление, которое декларирует существование «пропасти» между народами и религиями в Европе и «глубоко задевает» как православную, так и другие Церкви. Подобная реакции прозвучала и со стороны «Католического действия» в Австрии - организации, выразившей протест против подобного проявления религиозной нетерпимости в пору создания мирной Европы. А между тем взгляд австрийского министра на православие отразил позицию, которая сводится к тому, что врагами западной либерально-демократической цивилизации являются «закоренелые восточники», к каковым относятся прежде всего восточные православные и мусульмане, а также китайцы[61].

В Европе ряд изданий (в частности, эмигрантская «Русская мысль») попытались истолковать выступление предстоятеля РПЦ на страницах «Независимой газеты» - под заголовком «Мир на перепутье. Глобальные общественные процессы перед лицом новых нравственных вызовов» - как антиевропейский выбор не только самой Церкви, но и в некотором смысле - народа (если учитывать его религиозно-культурные «корни»). Патриарх отмечал в связи с косовскими событиями «усиливающиеся разногласия Запада с Россией, исламскими народами, многими странами так называемого третьего мира, напряженно ищущими самобытный путь развития», а суть этого конфликта видел в столкновении «основополагающих мировоззренческих принципов». И ставил вполне естественный вопрос: «В чем причина того, что многие наши соотечественники не первый год пытаются доброжелательно, но твердо объяс-

нить Западу, что стремление «изменить Россию», заставив ее воспринять чуждые мировоззренческие и культурные штампы, неизбежно вызывает отторжение?»[62]. Это и дало основание эмигрантскому изданию, которое «по традиции» крайне негативно оценивает деятельность Московской Патриархии и ее иерархов, сделать вывод за РПЦ, что «Россия - против Европы и, значит, против христианства... демократии...». Таким образом, Патриарху приписано то, о чем он не говорил[63].

Такая же позиция неприятия православия, ерничанья по отношению к православным ценностям характерна для некоторых средств массовой информации России, в частности, «Московского комсомольца», а также телевизионного канала НТВ. Достаточно, например, вспомнить, как, несмотря на протесты православной общественности, последний показал скабрезный фильм Скорцезе «Последнее искушение Христа».

Нередко под видом плюралистического подхода в сознание россиян внедряются ценности римско-католической церкви. Так, последние десять лет российские газеты, радио, телевидение подробно и взахлеб рассказывают о весеннем католическом празднике - Дне Святого Валентина как «дне влюбленных». Особенно активно готовятся к нему в вузах: концерты, вечера, массовые гулянья. Складывается впечатление, что мы живем, скажем, в католической Польше или Италии. И возникает вопрос: почему наша молодежь так хорошо наслышана о католическом священнике Валентине, заключавшем незаконные браки, а о православных влюбленных - мучениках Петре и Февронии, например, знать не знает? С сожалением приходится констатировать, что российские СМИ полным молчанием обходят памятную дату 8 июля - День святых Петра и Февронии, чтимых православной Церковью, хотя житие этих святых впервые было обнародовано еще в 40-е годы XVI века[64].

Если говорить в общем плане, то в современном, расколотом и политизированном, национальном самосознании отмечается борьба взаимоисключающих, но тесно связанных между собой тенденций. Одна из них направлена на разрушение, размывание русского национального самосознания, прежде всего исторической памяти, патриотизма, нравственности, государственности, языка; другая - на возрождение, пробуждение, на активизацию борьбы с теми силами, которые хотят его уничтожения. От исхода борьбы этих тенденций и сил во многом зависит судьба русского национального сознания как уникального явления российской цивилизации[65].

Раскол национального самосознания усугубляет проблема 25-миллионной русской диаспоры, которая оказалась в так называемом Ближ-

нем зарубежье после распада Советского Союза. Россия стоит перед международно-правовой дилеммой: если она признает своими гражданами лишь тех, кто живет в ее пределах, то может стать охранительницей мирового статус-кво, а если не откажется от опеки русских, живущих в республиках, прежде входивших в СССР, то - «ревизионистской» страной[66]. Перед ней и серьезная нравственная, национальная проблема: либо бросить на произвол отделенных от нее соотечественников, либо последовательно оказывать им моральную, материальную, дипломатическую, юридическую и иную помощь.

За 6 лет (1992-1998) из СНГ и Прибалтики в Россию переехали 5,5 млн человек, в том числе 3 млн русских и 0,6 млн украинцев, а покинули страну 1,8 млн; следовательно, миграционный прирост - 3,7 млн. Статус беженцев и вынужденных переселенцев получили чуть больше миллиона человек. Из общего числа мигрантов выходцы из Казахстана составляют 74, Таджикистана - 177, Узбекистана - 169, Грузии - 169, Азербайджана - 102 тыс. человек. И хотя в последние годы их поток снижается, он все еще велик. В 1998 году, например, число прибывших в нашу страну из стран Ближнего зарубежья превысило 500 тысяч. По официальным данным, за те же 6 лет лишь 425 тыс. этих людей получили реальную помощь из федерального бюджета, при том что уже давно приняты федеральная миграционная программа и два федеральных закона - о вынужденных переселенцах и о беженцах[67].

Не только недостаток средств является одной из причин стесненного положения наших соплеменников, вынужденных бросать насиженные места и искать защиту на этнической родине. Произвол местных начальников, бездушие - вот с чем столкнулась, например, такая община на территории Камышинского района Волгоградской области. Переселенцы из Узбекистана получили в вечное пользование 883 га земли, создали в с.Липовка сельхозкооператив, а также разработали проект поселка для компактного проживания. На собственные средства, полученные от продажи имущества и жилищ в Узбекистане, купили трактора, автомобили, стройматериалы. Однако усилия и успехи людей, переселившихся на свою историческую родину, пришлись не по душе администрации района. У беженцев, при попустительстве правоохранительных органов, стали отнимать и раздавать дачникам землю. Дело дошло до угроз, избиений. Имущество кооператива было разворовано. Переселенцы не раз взывали к высшим чиновникам, вплоть до Президента России. Но бесполезно. И тогда отчаявшиеся люди обратились в ООН с просьбой поспособствовать им в предоставлении политического убежища - «в любой стране мира, где соблюдаются права человека»[68].

Вызывают серьезную озабоченность отсутствие в России целенаправленной демографической политики, сокращение народонаселения. А ведь страна без народа - нонсенс. Эту мысль еще в XVIII столетии отчетливо декларировал М.В. Ломоносов: «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении русского народа, а не в территории, тщетной без обывателей»[69]. Осознают важность этой проблемы представители различных мировоззренческих ориентаций: и националист - писатель А.Солженицын («Главное - сбережение народа»), и патриот - академик И.Шафаревич («...Самое последнее и страшное - это покорная и тихая смерть народа»), и социал-демократ, в прошлом радикальный либерал, экономист Г. Попов («Чтобы Россия играла значительную роль в мире, население ее должно составлять 350 - 400 млн человек»).

Впускать Россию в «мировую цивилизацию», в «золотой миллиард» антироссийские силы не хотят. Зарубежные стратеги планируют к 2030 году оставить всего 50 млн русских (для сравнения: даже Гитлер когда-то «расщедрился» на 60 млн!). Для получения этого «планового» результата используются различные методы - от «естественных» (ухудшение медицинской помощи, практическое отсутствие профилактики заболеваний, алкоголизация, наркотизация населения, особенно молодежи, мифическая поддержка, в частности молодой, семьи и т.д.) до сверхъестественных (разработка программы планирования семьи, в реализации которой усердствовала депутат Госдумы Е. Лахова, а также оголтелая пропаганда отечественными СМИ «безопасного секса», реклама однополой любви, к примеру, лесбиянства в передаче НТВ «Про это» 7 августа 1999 г. и т.п.).

Все это - на фоне вымороченных процессов. С 1992 года число умерших превышает родившихся: в настоящее время на одного из них условно приходится 1,6 покойника. Средняя продолжительность жизни мужчины - 57,5, а в ряде регионов статистика удручает еще больше: в Тульской области он живет, например, в среднем 48 лет! Пенсии... для покойников?..

Суммируя сказанное, следует отметить ряд моментов.

1. Российская цивилизация переживает, может быть, самый критический момент своего развития. Под угрозу поставлены территориальная целостность, национальная безопасность.

2. Вымороченные процессы приобрели устойчивый характер. Если рассматривать историческую ситуацию в динамике и ретроспективе, можно сделать вывод, что подорван генетический фонд русского народа. Используя демографическую терминологию, можно сказать, что Россия потеряла жизнеродность, то есть потенцию к возмещению тяже-

лых потерь в результате Первой мировой и Гражданской войн, коллективизации, раскулачивания, репрессий и жертв Великой Отечественной... После всех этих потрясений популяция прежде восстанавливалась за два - три года. Но так было лишь до 50-х, когда произошел "перелом" вековой демографической тенденции. К 1979 году потенциальная жизнеродность упала более чем в 2 раза. К 1990-му ситуация в русском мире стала просто катастрофической. Во второй половине XX столетия «вырастаемость» снизилась с 2 до 1,5 млн[70].

3. Налицо реальная угроза превращения России в периферию западной цивилизации. Можно констатировать, что из сверхдержавы она превратилась в региональную страну. Растет экономическая, финансовая, политическая зависимость от западных кредиторов. Потеряна уже продовольственная безопасность. "За прошедшие десять лет, несмотря на поверхностные нововведения, произошла чудовищная демодернизация экономики. Мы не только производим меньше, но отстали в гораздо большей мере, нежели в советское время. И это, кстати, тоже нормально для периферийного капитализма"[71]. Средства массовой информации «кормят» российского обывателя "идеологическими консервами", сфабрикованными на Западе и рассчитанными в основном на низкопробные вкусы (секс, насилие, кич и т.п.). Следует констатировать нарастание социальных проблем, резкую имущественную поляризацию населения. По данным Российского института социальных и национальных проблем, в 1998 году в стране насчитывалось 3,5 процента сверхбогатых, которые могут позволить себе все (изысканную пищу, одежду, жилье, виллы и яхты за рубежом); еще для 12 процентов ограничения касаются только зарубежной «движимости» и недвижимости. А остальные - более 80 процентов - входят в разряд бедных и нищих.

Более чем актуальна для России мысль С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. И еще: «...Западный мир, возглавляемый «глобальным сверхобществом», - считает А.А. Зиновьев, - которое сложилось над западными странами, - оно включает более 50 млн человек, контролирует более 50 процентов мировых ресурсов, - западный мир полностью, цинично, без всякого прикрытия обнаружил свои намерения: мировое господство и полное уничтожение всяких попыток сопротивления»[72].

Россия может стать одним из лидеров мирового движения Север - Юг, противостоящего «золотому миллиарду» процветающих развитых стран Запада. «Заменить противостояние Восток - Запад не менее ожесточенным противодействием Север - Юг»[73].

Интеллектуальной российской элите, если она не окончательно потеряла инстинкт самосохранения и совесть, необходимо наконец, во имя будущего страны, своих детей, осознать национальные интересы, выработать (пусть мучительно и не сразу) объединительную национальную идею, найти смысл бытия. «Мы должны не только найти смысл жизни, - считает ректор Института молодежи И.М. Ильинский, - но и внести смысл в жизнь, чтобы оживить и собрать воедино распадающийся дух и тело человечества»[74].

7. Конечно, надо двигаться вперед, стараясь давать адекватные ответы на вызовы конца XX - начала XXI веков. В карете прошлого далеко не уедешь - это истина.. Находясь в сообществе мировых цивилизаций, следует идти своим путем. Не всегда осуществлять модернизацию через вестернизацию (читай: западнизацию). Беря на вооружение технологический опыт, рациональные приемы, важно сохранить национальное лицо, свой менталитет, открытый для синтеза идущей с Запада или Востока модернизации и самобытности, выражающей наш евразийский генотип. Прислушаемся к словам академика И. Шафаревича: "... Путь Запада - тупиковый, это многие сейчас видят. Он основан на принципиальном отрицании того, что человек - часть Природы. Он строит жизнь на принципах техники, отличных и даже враждебных основным принципам Природы. Природа гибнет, и рано или поздно дело дойдет и до человека - ее неотделимой части. Человечество должно создать образ жизни в единстве с Космосом, а не в противостоянии ему»[75]. Добавим от себя, что «прорывных» идей в наследии русских космистов не занимать.

Россия отразила иноземные нашествия, «переварила коммунизм» (В.Г. Распутин) и, хочется надеяться, сумеет одолеть оголтелый либерализм...

---

[1] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. - М., 1991 (2-е, перераб. и доп., изд. Т. 1 - 1997; т. 2 - 1999).

[2] Там же, т. 3, с. 116-120, 186-187, 289-293, 336-337.

[3] См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ //Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Уч. пособие для студентов вузов /Сост., ред. и вступит. ст. Б.С.Ерасова. - М., 1999, с. 21.

[4] См.: Сравнительное изучение цивилизаций.

[5] Яковец Ю.В. История цивилизаций. Уч. пособие для студентов вузов гуманитарного профиля. 2-е, перераб. и доп., изд. - М., 1997 (1-е изд. осуществлено в 1995 г.; см. также его монографию: У истоков новой цивилизации. - М., 1993).

[6] Там же, с. 63.

[7] Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества. - Брянск, 1998, с. 21.

[8] Сравнительное изучение цивилизаций, с. 511.
[9] Там же, с. 22.
[10] Ук. ист., с.170.
[11] См.: Книжное обозрение. Ex Libris НГ. - 1999, 5 августа.
[12] Тоффлер Элвин. Третья волна //Классическая философская мысль. - М., 1999.
[13] См.: Иноземцев В. Fin de sie'cle. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973-2000 гг.) //Свободная мысль - XXI. 1999, № 7, с. 3-4.
[14] Там же, с. 25.
[15] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Уч. пособие для вузов. 3-е, перераб. и доп., изд. - Брянск, 1999; Цивилизации в истории человечества.
[16] Вопросы философии: 1991, № 8, с.16.
[17] См.: Сравнительное изучение цивилизаций, с.247-249.
[18] Там же, с. 261-262.
[19] См.: Вандалковская М. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». - М., 1997.
[20] Ступишин В.И. Неоевразийцы. - Независимая газета: 1998, 6 ноября.
[21] См.: Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. - М., 1998, с.27.
[22] Там же, с. 108-109.
[23] Калло Э. Культурное наследие как основа цивилизации //Сравнительное изучение цивилизаций, с. 84.
[24] См.: Обновление России: трудный поиск решений //Годичные научные чтения / Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. - М., 1999, вып. 7.
[25] См.: Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты) //К 70-летию профессора М.П. Мчедлова. - М., 1998.
[26] См.: Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации // Библиографический сборник /Кафедра истории Института молодежи и Центр исследований политической культуры России. - М.,1999.
[27] См.: Россия на грани тысячелетий: историческая трансформация, социально-духовные поиски //Сб. научных трудов. - М., 1999.
[28] Ибн Хальдун. О причинах упадка цивилизованной жизни //Сравнительное изучение цивилизаций, с. 191.
[29] Тойнби А. О характере цивилизационных изменений. - Там же, с.195-196.
[30] См.: Квигли К. Исторические фазы цивилизации. - Ук. ист., с.201 - 202, 204-205.
[31] См.: Расовый смысл русской идеи. - М., 1999. Вып. 1, с.392.
[32] См.: Грызлов М. Что знают о себе русские? - Континент: 1999, № 15, с.5.
[33] Ларионов В. Расовые и генетические аспекты этнической истории русского народа //Расовый смысл русской идеи. Вып. 1, с.17.
[34] Иванов А. Бесплотный «русский дух». - Там же, с. 73-74.
[35] См.: Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. - М.,1969, с.173, 199, 202-203, 207.
[36] Кириллин С. Расовая история и «украинский вопрос» //Расовый смысл русской идеи, с. 102-103.
[37] См.: Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. - М., 1998, с.167.
[38] См.: Элбакян Е.С. Интеллигенция и российская цивилизация //Российская цивилизации, с.181-186.
[39] Независимая газета: 1999, 7 августа.

[40] Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. - М., 1951. Т.2, с.119.
[41] Тихонова Н.Е. Общее и специфическое в мировоззрении различных социальных групп //Обновление России: трудный поиск решений. Вып.7, с.137.
[42] Кагарлицкий Б.Ю. Ловушки «западничества» и тупики «почвенничества». Политическая культура постсоветской псевдодемократии //Свободная мысль - XXI, 1999, № 7, с.32.
[43] См.: там же, с.31.
[44] Ук. ист., с.47.
[45] Кожинов В.В. Российская цивилизация: специфика и проблемы //Российская цивилизация, с.33.
[46] Панорама культурной жизни СНГ и Балтии. - М., 1995. Вып. 8, с.23.
[47] Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества, с.302.
[48] Кантор В. Русский европеец как задача России. - Русская мысль: 1999, № 4280, с.18.
[49] Там же, № 4279 и 4280.
[50] Ук. ист., № 4280, с.18.
[51] См.: там же, № 4273, с. 9.
[52] Тойнби А. Постижение истории. - М., 1991, с.81.
[53] См.: Медведев Р. Экономика здравого смысла. - Российская газета: 1999, 21 июля.
[54] Новая и новейшая история: 1999, № 3, с.10.
[55] Геворкова Н. Нестыковка. Русские в американском эмоциональном пространстве. - Независимая газета: 1999, 6 августа.
[56] Сравнительное изучение цивилизаций, с.173.
[57] Бердяев Н.А. Русская идея. - Вопросы философии: 1990, № 1, с.78.
[58] См.: Ерасов Б.С. Антиномии российской цивилизации //Российская цивилизация, с.43.
[59] См.: Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества, с.188.
[60] См.: Мчедлов М.П. Российская цивилизация... //Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 7, с. 24.
[61] Русская мысль: 1999, № 4280.
[62] НГ. Религии: 1999, 23 июня.
[63] См.: Лекторский Д. Антиевропейский выбор Московской патриархии. - Русская мысль: 1999, № 4280.
[64] Российская газета: 1999, 7 августа.
[65] См.: Филимонов Э.Г. Русское национальное самосознание как духовный феномен российской цивилизации //Российская цивилизация, с. 109-110.
[66] См.: Уткин А.И. Идеализм и геополитика. - Независимая газета: 1999, 12 апреля.
[67] Русская мысль: 1999, № 4281.
[68] См.: Олегов Ф. Русских выгоняют из России. - Независимая газета: 1999, 6 августа.
[69] Расовый смысл русской идеи. Вып. 1, с. 259.
[70] Там же, с.265-266.
[71] Кагарлицкий Б.Ю. Ловушки «западничества» и тупики «почвенничества», с.36.
[72] Зиновьев А.А. Поэтому будем сражаться! - Завтра: 1999, № 29, с.7.
[73] Уткин А.И. Идеализм и геополитика. - Независимая газета: 1999,12 января.
[74] Ильинский И.М. О «культуре» войны и культуре мира. - М., 1999, с.99.
[75] Шафаревич И. Зачем нам сейчас об этом думать? - Завтра: 1999, № 29.

С.И. Васильцов. Россия: геополитическая модель XXI века

Геополитический крах СССР, оставивший в наследство России положение "заштатной" третьестепенной страны, казалось бы, доказал, что ни о каких глобальных, мирового уровня, перспективах и планах страна наша, буквально выпавшая из "концерта" мировых держав, ни сегодня, ни впредь даже мечтать не смеет. О союзах ли, блоках и альянсах вести ей речь, если в ее собственных пределах вот-вот готовы обособиться и отделиться те или другие земли? Тушить неугасающий пожар сепаратизма - таков, казалось бы, отведенный ей удел.

Но не исчерпала себя, видать, загадочная славянская, русская душа. То лукашенковская Белоруссия, подобно Никейской империи времен захвата Византии латинскими рыцарями, берет на себя невыносимо тяжкую историческую миссию по воссозданию из руин великого единого государства. И демонстрирует, как ее средневековый предтеча, такие, никем не ожидавшиеся, качества, как умение наладить эффективную и главное - производящую экономику, сберечь национальную армию, сохранить народные свои традиции, ментальность, исторические ценности. Тогда как жизненный путь Александра Лукашенко начинает в чем-то напоминать государственнические искания Федора Ласкариса, тоже прошедшего через недоверие, насмешки, интриги.

Откликаясь на эти усилия, подавляющая масса россиян все тверже высказывается сейчас - сначала за новый Союз в составе России и Белоруссии, а следом, в обозримой перспективе - и за присоединение к ним Украины с Казахстаном, Крыма, Приднестровья, Аджарии. Тем паче, что три последних давно уж добиваются нового воссоединения с Россией и, в свою очередь, сами не упускаются весомой частью россиян из фокуса их геополитического интереса. В отличие от государственных инстанций нашей страны.

То правительство Примакова, представляющее собой, казалось бы, «плоть» ельциновского режима, вдруг в самый разгар очередного иракского конфликта, затеянного, не в последнюю очередь, и в целях "дрессуры" России, озвучивает идею о новом мировом блоке в составе России, Индии и Китая (на что, заметим, даже "имперское" советское руководство не решалось), чем повергает в шок успокоившийся было в своем победном величии Запад. Хотя мысль эта и выглядит незавершенной. Почему, спрашивается, союз этот должен выстраиваться только по линии Москва - Дели - Пекин? Отчего не присоединить к нему и Минск, и Белград. Впрочем, все это, быть может, еще приложится. Была бы воля. Причем воля не только, а точнее, не столько власть имущих, сколько народов. И особенно – российского, русского.

Именно его реакцию на все эти проекты новых - и доселе, подчас, невиданных - геополитических альянсов и позволяют установить данные социологических обследований, предпринятых независимым Центром исследований политической культуры России в 1997-1999 годах[1].

Оказывается, наши соотечественники - на удивление трезвый и прагматичный народ. Они отчетливо и без иллюзий сознают положение, в котором оказалась Россия. Оценивая нынешнее состояние "реформированной" своей страны, многие из них (35,5 процента) констатируют: "Россия была великой державой и при царях, и при Советах до распада СССР; сейчас же она на этот титул претендовать не может". Утверждать, будто она никогда и не принадлежала к числу мировых государств, решается менее 1 процента граждан. Да еще примерно 8 процентов связывают это величие - на будущее - исключительно с принятием Русью западных "общецивилизационных" ценностей.

Что же до большинства, то оно и сейчас, трезво глядя на состояние Отечества, утверждает: "... Минет нынешняя Смута, и Россия опять станет великой державой, и даже могущественнее, чем прежде". Мол, таковой она была, есть и будет. Так мыслят до 60 процентов россиян...

Вопрос же состоит в том, как эту историческую предопределенность реализовать? Уж больно много сомнений на сей счет накопилось в умах за годы всевозможных общественных крахов и провалов.

Однако жизнь все чаще ставит страну перед жестким и тяжелым выбором пути, заставляя примерять на себя то налеты сил НАТО на Югославию, то агрессии против Ирака. И не только задаваться вопросом «Кто следующий?», но и отвечать себе: похоже, что мы.

А потому принимать всерьез один из самых "неубиенных" доводов времен "перестройки и реформ", будто у России уже нет никаких врагов в мире и, следовательно, ни военная мощь, ни стратегические союзники ей не нужны, - продолжают от силы полтора процента граждан. В то время как не меньше двух третей (табл. 1) настаивают: США с их антииракскими акциями - угроза миру.

Не забыты ни трагедия японских городов, уничтоженных атомной бомбардировкой, ни некогда взятые Россией на себя договорные обязательства перед Ираком. Россия, мол, просто обязана не только всемерно способствовать снятию блокады с Ирака, но и оказать ему нужную помощь. Вплоть до создания нового политического блока между нашими странами.

Примерно так же расцениваются и российско-югославские взаимосвязи. Три четверти россиян высказываются не только за дипломатическое вспомоществование этой стране, но и - уже в каждом четвертом

Таблица 1

Снова готовится военная операция против Ирака, вплоть до нанесения ядерного удара по нему. Ваше мнение *(1998 г.)***?**

Варианты	%
США и их союзникам надо, как следует, ударить по Ираку, чтобы Саддам Хусейн перестал не подчиняться мировому сообществу, а лучше вообще отошел от власти. Понадобится, можно применить и тактическое атомное оружие	2,0
Наверное, военная операция против Ирака необходима, но наносить удары следует "точечно", чтобы не пострадали мирные жители. Ядерный удар должен быть исключен	6,4
Россия тоже должна послать свои войска для участия вместе с США в операции против Ирака	1,0
Военные акции нежелательны. Лучше продолжать блокаду Ирака, оказывать на него жесткое дипломатическое, экономическое, финансовое, моральное давление	27,7
Угроза ядерным оружием со стороны США, чем бы она ни обосновывалась, - вещь позорная для Америки и угрожающая всему миру. США обязаны раз и навсегда отказаться от такого шантажа	37,0
Америка, которая первая и единственная применила ядерное оружие на практике (против Хиросимы и Нагасаки), снова хватается за него. Это подтверждает, что именно США являются главной и самой страшной угрозой миру	28,4
Блокада Ирака должна быть снята (Россия призвана всемерно этому содействовать)	21,3
Россия, в соответствии с договором между ней и Ираком, обязана оказать этой стране помощь, вплоть до военной	9,5
Чтобы сдерживать нарастающую агрессивность Америки, нам, очевидно, придется объединиться со всеми теми странами, что противостоят США. В том числе - с Ираком	21,0
Иное	8,3

случае - за оказание ей прямой военной поддержки (табл. 2).

Хотя высказывались и о шагах, несравненно более решительных: о посылке добровольцев в поддержку сербам, о направлении российских частей для защиты югославов, и даже - хотя крайне редко - о глобальном конфликте с натовцами.

Воля к объединению, укрепляемая силовыми акциями НАТО, вводит в оборот на уровне человеческого менталитета идею не только о союзе России, Индии, Китая и Белоруссии, но и об ускоренном "смыкании рядов" с Югославией. Казалось бы, умозрительная вещь - присоединение сербов к союзу России и Белоруссии - в считанные месяцы сделалась политической реальностью. Пусть неявно, опосредованно, скры-

Таблица 2

НАТО снова угрожает сербам военными акциями, на сей раз - под предлогом событий в Косово. Как обязана вести себя Россия *(1998 г.)***?**

Варианты	%
Присоединиться к акциям НАТО, послать в состав сил этого блока российские части для действий против сербов	0,5
Присоединяться, может быть, и не стоит, но одобрить, морально и политически поддержать НАТО мы обязаны	3,4
Все это - не наше дело, пусть все идет так, как идет...	4,8
Россия должна приложить все свои дипломатические силы (особенно в ООН) для предотвращения военной акции НАТО	72,8
Нам надо оказать сербам всю необходимую помощь для отражения атаки натовцев на Югославию: послать современное оружие, специалистов	18,0
Необходимо направить наших добровольцев на помощь сербам	6,2
Россия имеет право даже послать войска для защиты сербов от агрессии НАТО	4,2
Запад хочет третьей мировой войны? Что же, он ее получит - вплоть до атомной	1,7
Иное	11,3

то, но подгоняемый настроениями по меньшей мере трети россиян, настаивающих на немедленном государственном альянсе с Югославией (плюс к ним еще четверть тех, кто согласен с этим шагом, но хотел бы чуть обождать), курс этот уже воплотился в принятии государства южных славян в ранге наблюдателей в парламентское собрание Союза России и Белоруссии с постановкой вопроса о полноправном членстве Югославии в Союзе (гр. 1). Идея, насчитывающая многие сотни лет, вдруг начала обретать реальные черты...

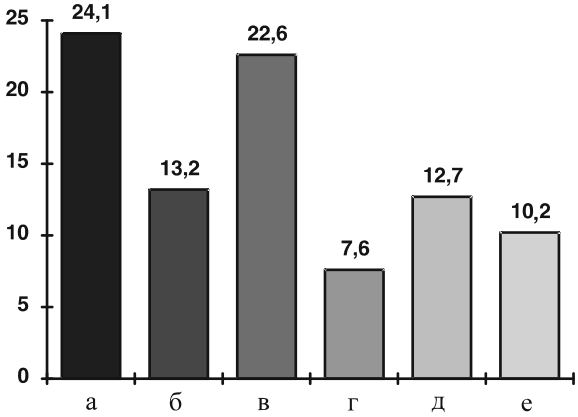
Слой же твердых противников всех этих геополитических новаций сжался в наши дни примерно до четверти-трети населения, не больше. Остальные так или иначе, но поддерживают либо готовы поддержать заключение союзов как с Белоруссией, так и с Югославией, Ираком, Индией или Китаем.

Сегодня мысль об этом занимает третье по популярности место (21 процент) среди геополитических ожиданий россиян. Она стоит за главенствующей (27 процентов упоминаний) идеей о российско-белорусско-украинском единении и вторым по значимости требованием - положить конец сепаратизму (25 процентов) в самих российских пределах.

Создается впечатление: еще немного натовских усилий по освоению роли мирового жандарма, и русский менталитет встанет на столь привычную для него исторически дорогу сопротивления внешней угрозе и

График 1

Стало известно, что в парламенте Югославии обсуждается вопрос о присоединении этой страны к союзу России и Белоруссии. Ваше мнение? *(1998 г., %)*



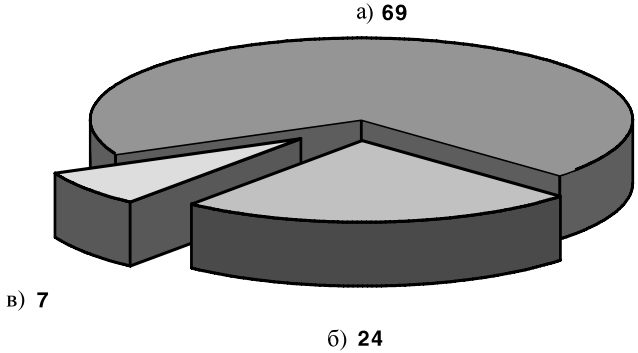
Примечения (обобщенные данные):

Сторонники идей	%
а) Безоговорочно поддерживаю	24,1
б) В целом - за, но после того как исчерпает себя нынешняя чреватая войной ситуация в Югославии	13,2
в) В будущем желательно, но пока рано	22,6
г) Руководители Югославии и Сербии надеются прикрыться Россией от НАТО. Подыгрывать им в этом, когда Россия сама ослаблена, - глупо и опасно	16,3
д) Нет, ни в коем случае	7,6
е) Это предложение - бред...	12,7
ж) Иное мнение, уклонились от ответа	10,2

агрессии. Вооруженный "гуманизм" Запада, как и встарь, «излечивает» российское сознание от всевозможных иллюзий. И заставляет вспомнить о себе, пристальнее в себя вглядеться. "Перед лицом нарастающей внешней опасности (выход к нашим границам НАТО) полезно напомнить миру, что мы - великое, несмотря ни на что, государство-империя, которое все равно поднимется с колен. Такой своей имперской судьбой России следует гордиться," - убеждены сейчас не менее 60-70 процентов россиян. На их взгляд, наша страна либо вновь обретет себя как великая мировая держава, либо погибнет (гр. 2).

График 2

Народ об имперской сути Российского государства *(1997 г., %)*



Примечания (обобщенные данные):

Мнения	%
а) Россия искони могла существовать лишь в качестве империи, особенно сегодня - перед лицом нарастающей внешней угрозы	69
б) Империя - это все самое худшее: ненужное прошлое, империализм, ссора с Западом	24
в) Лучше жить без претензий и сытно ...	7

Оспаривать это мнение, уподобляя имперскую, то есть объединяющую огромное геополитическое пространство и этнокультурный конгломерат, суть России “империалистическому”, агрессивному и архаичному, решается всего один наш соотечественник из четырех.

Чем больше “империей” пугают общественное мнение, тем ощутимее это «имперское чувство». Оно - как синоним целостной, жизнеспособной державы, справедливо устроенной на благо большинства ее народа. Не случайно, в течение самых смутных лет “перестройки и реформ” наиболее чтимыми вехами на историческом пути России были для наших современников петровские времена (39 процентов упоминаний), Отечественная война, спасшая Союз ССР и мир от фашизма (30), столыпинские реформы (16), эпоха Октября и послереволюционных преобразований (около 25-28) и только потом - все другие. А более прочих чтимыми личностями оставались Петр I, Сталин, Ленин, Столыпин - символы единой, сильной и процветающей России.

В общем, на наших глазах рождается виртуальная и часто не виданная в прошлом геополитическая “геометрия” мира, выстраивающаяся

в данном случае не вопреки, а вокруг России. Хотя, быть может, не нынешней, а той, что способна (и обязана) восстать, как птица Феникс из пепла, из неимоверных, выпавших на ее долю испытаний. Чтобы эта обновленная, как бы альтернативная нынешней, страна продолжила лучшие из древних традиций Руси, извечно вставшей на пути всех претендентов на вселенскую власть, и снова стала великой Россией, но уже XXI столетия.

[1] Здесь и далее приводятся данные всероссийских репрезентативных социологических опросов Центра исследований политической культуры России, проводимых в 1997-1999 гг. на базе репрезентативной "панельной" выборки в 1500 человек из 76 регионов страны (вероятная погрешность результатов 3-5 процентов).

В.П. Пешков. Россия: шансы на власть у порога XXI века

Определяя ценностной вектор в развитии своего общества на обозримую перспективу, то есть экстраполируя сегодняшние настроения в будущее, решающая доля россиян (скорее неосознанно, чем рассудочно) постоянно испытывает на прочность ключевые идейные установки как "партии власти", так и оппозиции.

Законность и социальная защищенность отдельной личности и всей нации, порядок, патриотизм, соблюдение государственных интересов, возвращение народу неправедно отнятых у него "новыми русскими" богатств - без "сильных рук", но и без беспредельно понимаемых свобод. Таков сплав идей и ориентиров для практической общественно-политической деятельности, что к исходу 90-х годов XX века образовался в умах наших сограждан (табл. 1). Закрепляясь в народном менталитете, он и начал формировать мировоззренческую почву для государственного курса - уже XXI столетия, а также, по сути дела, очерчивать "рамочные" его параметры. В них партиям и движениям страны предстоит или органично (пусть даже - с трудом) вписаться, обретя будущность, или остаться за их пределами, выпав из глобального политического процесса и превратившись в явление остаточное, ущербное, маргинальное.

С такого рода государственным ориентиром не могут конкурировать ни набор наиболее идеологизированных и дискредитированных усилиями "демократического" движения - в их фактическом российском обличии - ценностей (демократия, плюрализм, рынок, индивидуализм, вхождение в мировую цивилизацию), ни спектр таких, нередко выдвигаемых оппозицией, но кажущихся "простому" человеку отвлеченными, понятий, как соборность, воздаяние за зло, свобода, равенство.

Таблица 1

Сегодня много говорят о том, что России необходимо нечто - идея, ценности, ориентиры - для ее объединения и спасения. Что это может быть?

Мнения	%
Демократия	13,9
Плюрализм	3,9
Свобода	10,5
Богатство	4,5
Восстановление целостности исторического Государства Российского	18,4
Законность	45,2
Равенство	12,8
Индивидуализм, суверенность личности	5,0
Справедливость	21,6
Соборность	3,0
Народные интересы	19,9
Семейные начала	10,0
Патриотизм	25,1
Неизбежность воздаяния: добром за добро, суровостью за зло	10,3
Социализм	10,5
Порядок	29,4
Общечеловеческие ценности	20,3
Память о великом историческом прошлом нашего народа	17,1
Вхождение в мировую цивилизацию	10,6
Русскость, самобытность русской цивилизации	8,1
Коммунистическая идея	6,2
Защищенность, гарантированность интересов личности и народа	34,7
Величие России	13,2
Безопасность, защита государственных интересов	24,8
Рынок	8,3
Капитализм	0,7
Средний путь между капитализмом и социализмом	5,5
Православие	8,1
Другая вера	0,6
Твердая рука	12,9
Диктатура закона	15,9
Гарантированное право каждого на справедливую долю в общенациональном богатстве	16,7
Национализация неправедно нажитых богатств у “новых русских”	22,5
Свобода печати	14,6
Иное	5,7

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-98-5.

Россия входит в новое тысячелетие как весьма прагматичное общество. Главные его силы обращены на решение основной задачи - выживание страны, которой даже не «угрожают», а уже по-хозяйски правят хаос, беззаконие, все нарастающее моральное и материальное подавление как социума в целом, так и гражданской личности. Остальное - то, что сможет определять лишь черты страны, спасенной от этих разрушительных бедствий, - откладывается по большей части «на потом»: характер государственного устройства, тип социальной системы, развитие исторических и культурных традиций.

Иначе говоря, общество знает, чего хочет, но еще не видит реальных социально-политических и государственных механизмов, с помощью

Таблица 2

Что ожидает российской общество в 1999 году?

Мнения	%
В стране начнется слабенький, а затем все более ощутимый экономический, социальный, политический подъем	30,0
И в 1999 году будут продолжаться упадок и гниение нашего общества	50,1
Произойдет невиданный общественный взрыв, который все переменит в стране	11,0
Настанет полный хаос	3,9
Иное	9,7

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-99-1.

которых можно достигнуть жизненно необходимых для гибнущей России результатов. А потому от обозримого будущего мало кто ждет сколь-либо серьезного сдвига к лучшему. Упадок, гниение, сумерки - таков образ ближайших лет, сложившийся в народном мировосприятии. Политические же «игрища», и особенно вновь разгоревшаяся «избирательная потасовка», по мнению каждого второго из россиян, в обозримом грядущем «все одно ни к чему путному не приведут» (табл. 2).

И все же извечный вопрос: что делать? - не перестает тревожить наших соотечественников и часто решается ими (для себя) на особый лад. Ни обветшалые “каноны” горбачевского “нового мышления”, слепо уповающего на общечеловеческие, будто бы, ценности; ни разъяснения ельцинских «глашатаев», согласно которым, все беды проистекают от происков “фашиствующих красно-коричневых”; ни идейки насчет дальнейшего перераспределения власти в стране в пользу автономий; ни

призывы уповать на президента - ничто уже не воспринимается народом всерьез.

Вот как, например, выглядели мнения россиян при ответе на вопрос «Что делать русским?», заданный в 1994 году[1] (в %):

1 - Убрать из руководства России всех тех, кто, управляя ею, служит чужим, не русским интересам, и прикрывает это криками о "цивилизации" и "демократии"	*47*
2 - Покончить с сепаратизмом, отменить деление России на разные "республики" и "автономии": пусть все земли будут равны, а назвать их можно, как прежде, губерниями...	*32*
3 - Необходимо вернуть русскому народу всю ту собственность, которую у него отобрали разные хитрые дельцы за время "приватизации", ту советскую власть, что разрушили "демократы", ту его культуру, что искореняется на протяжении многих лет	*26*
4 - Экономика, политика, финансы в России должны быть в руках русских и других исторических народов нашей земли	*15*
5 - Дать больше власти и прав автономиям и областям	*11*
6 - Сделать так, чтобы все многочисленные "гости", заполнившие Россию, покинули нашу землю и вернулись к себе	*11*
7 - Решительно устранить с политической авансцены всех фашиствующих "красно-коричневых", препятствующих проведению рыночных преобразований	*8*
8 - Надо твердо усвоить общечеловеческие ценности и, несмотря ни на что, идти по пути демократических преобразований	*2*
9 - Необходимо добиться создания в России отдельной русской республики	*1*
10 - До конца и во всем верить президенту	*1*
11 - Иное мнение, уклонились от ответа	*8*

Все более заметными становятся контуры иной - национально-освободительной по сути и государственнической по форме - идеологии спасения страны, вызревающей в умах "простых" людей и имеющей в 2,5 раза больше сторонников, чем приведенные «рецепты». Сводится она к следующему:

- передать все важнейшие рычаги управления Россией в руки представителей исторических, исконных народов страны, устранив из руководства лиц и силы, служащие чужим, нероссийским интересам;
- всем регионам России - равные права;
- освободить землю от сосущих ее кровь всевозможных "гостей" - пришельцев;

- вернуть народу силой и хитростью отторгнутые от него собственность и власть, какими бы словесами о "цивилизованности", "приватизации" и "рынке" сие ни оправдывалось;

- нанести поражение всем, кто воюет против русской, российской духовности и культуры.

Именно эти требования, идущие из народных глубин, буквально пронизали к исходу 90-х многие аспекты российского бытия. Дело было за "малым": найти ту силу, которая смогла бы воплотить данную программу в действие. Претендентов на такую роль в течение последнего десятилетия возникало, прямо скажем, немало. То одни из них «прорывались» в центр гражданских надежд, то другие. Но вот как выглядели их шансы, исходя из сложившейся к исходу XX века обстановки.

Православная Церковь? Вступив, как показалось в конце 80-х, в эпоху подъема (тогда не меньше 80 процентов народа готовы были принять ее как ведущую общественную организацию и центр национальной духовности), она в этом качестве так и не состоялась. Во всяком случае, к исходу следующего десятилетия о том, что РПЦ заслуживает полного доверия, говорили 32,4 процента россиян[2]. За государственный ее статус высказывались 40,3 процента москвичей[3]. Хотя при этом примерно 45 процентов всех жителей России, если верить данным ВЦИОМ, расценивали влияние Церкви на государственную политику как недостаточное[4].

Сегодня можно выделить несколько факторов, которые истощили ту колоссальную морально-политическую энергетику, что была получена православием в дни празднования 1000-летия крещения Руси. Прежде всего, это акцент на формальную обрядовость при крайне низком уровне воцерковления народа (скажем, регулярно посещает службу или читает Библию с Евангелием всего один из шести россиян). Далее - экуменические искания части духовенства, затемняющие православную и национально-патриотическую суть РПЦ и разделяемые в народе лишь каждым двадцатым. Затем - долгое уклонение Церкви от критики режима, а нередко и показная демонстрация ему своей поддержки, что вызвало недоумение и недовольство большинства россиян. И наконец, ее "неприсутствие" во многих общенациональных делах[5].

Возрожденная монархия? Попытки насадить в стране посмертный мученический культ Николая II, вылившиеся в скандальные махинации вокруг приписываемых царю и его домашним останков дали обратный результат. Сделалось ясно, что власти озабочены никак не упокоением последнего государя России и его семьи, а лишь борьбой меркантильного плана: кому достанется право на эксплуатацию доходного туристического объекта, в который превратится место их захоронения? Как

показало развитие событий 1997-1998 годов, в «драчке» за блеснувшие тут деньги различные группировки российской политической элиты готовы были пойти на многое.

Церемония захоронения этих останков в Петропавловском соборе в 1998 году, на которой отсутствовали как патриарх Алексий II, так и семья Марии Владимировны Романовой, зафиксировала раскол в промонархических кругах и закат очередного монархического эксперимента.

А потому вместо возрождения монархических чувств в народе произошла их вторичная - после 1917 года - десакрализация, то есть лишение монархии черт святости. Опросы наших дней указывают на считанные проценты симпатий, адресуемых тому же Николаю II, превращенному, было, в символ нового промонархического движения.

Нынешние же претенденты на престол, особенно из числа потомков Владимира Кирилловича Романова, стали вызывать в народе аллергию, полностью и до конца дискредитируя династию. "Романовы вообще утратили право не только на престол, но и на какую-либо роль в жизни нашего общества... Все эти претенденты - шуты гороховые... Они банальная ширма для нынешнего режима, у нас и так достаточно всяких политических авантюристов", - так, по материалам ЦИПКР, в 60-70 процентах случаев начали об этом судить в стране[6].

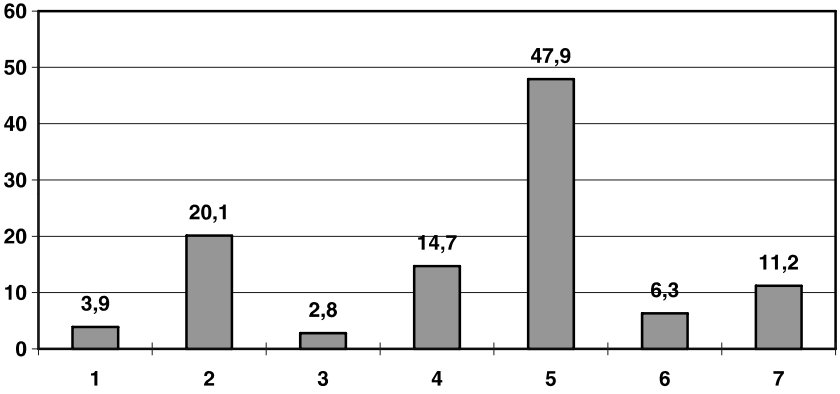
В итоге главный спектр тех сил, которым уготовано предопределять будущее России, продолжает замыкаться на институтах, партиях и движениях, что уже определяют жизнь страны, начиная с раннего постсоветского периода. При этом в обществе продолжает нарастать тяга ко все большей партийно-политической определенности, сочетающаяся с не менее сильным, чем прежде, недоверием и даже подозрительностью в отношении попыток размыть более или менее закрепившуюся уже в стране политическую систему. Неверие в вероятность кардинальных общественных перемен этому парадоксальным образом не мешает. Даже в тех случаях, когда речь заходит о безвластии парламента, чей образ в народном менталитете остается очень противоречивым.

Вновь избранная Дума - как была, так и останется - "пустой говорильней и чисто декоративным органом", за фасадом которого весьма вольготно будет и дальше чувствовать себя реально правящая страной "партия власти" (гр. 1). Таково мнение основной массы россиян.

Впрочем, немногим меньшая доля населения (до 40 процентов) уже смогла перешагнуть через застарелый скепсис и ожидает от парламента и более решительной оппозиционности, и возвращения ему "исконной роли верховной власти в стране". Что дает Думе и действующим в ней силам серьезный шанс на завоевание - если и не полной мораль-

График 1

Что ждет парламент в 1999 году *(%)***?**



Примечания:

1 - Вновь избранный в 1999 г. парламент станет активно и успешно сотрудничать с президентом Ельциным и его правительством, поддерживая их действия и начинания; в стране воцаряется согласие, мир, созидание;

2 - Обстановка ухудшится, и новый парламент, избранный в 1999 г., окажется еще оппозиционнее, чем нынешняя Дума;

3 - Так как парламент, избранный в 1999 г., окажется еще оппозиционнее, чем нынешняя Дума, он будет разогнан с еще большей, чем в 1993 г. жестокостью;

4 - Объединив силы, оппозиционные партии и блоки в парламенте полностью возьмут верх и смогут вернуть этому законодательному органу исконную роль верховной власти в стране;

5 - Новый парламент останется такой же пустой говорильней, как и все прежние;

6 -Это будет чисто декоративный орган, прикрывающий процесс установления авторитарной власти в стране;

7 - Иное.

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-99-1.

но-политической гегемонии, то весомой авторитетности в российском обществе начала XXI столетия. Особенно, если среди них появятся новые, вызывающие надежду, лица и сообщества. Многие на рубеже века начали претендовать на такую роль, успех же этих попыток пока по большей части спорен.

Типично в этом плане отношение россиян к лозунгу “левого центра”, который почти одновременно выдвинули в 1998 году Г.Зюганов и Ю.Лужков в качестве «прорывной» идеи нового века. Сказалась не только непонятность для России самого этого термина, но и стоящих за ним традиций, а они во многом механически заимствованы из итальянской общественной практики 60 - 80-х годов. Вполне рационально и отторжение решающей долей населения перспектив “диффузии” частей из оппозиции и

"партии власти" - в нечто, стоящее то ли левее так и не сложившегося центра российской политической структуры, то ли правее ее же левого фланга.

«Левый центр» остался для многих россиян в лучшем случае политическим неологизмом, игрой в слова[7]. Почти половина из них отнесла все это к наскучившим хитростям политиков. Они не просто запутались

Таблица 3

В активный политический оборот вошел термин "левый центр". Как Вы его воспринимаете?

Мнения	%
Это самый перспективный путь для России: создать коалицию политических сил, в которую вошли бы все партии и движения, не принадлежащие к правому политическому спектру. Строго говоря - от Лужкова до Зюганова, и даже "дальше"...	10,5
Это мечта наших политиков, которые сами не могут или не решаются практически бороться за власть и потому ищут тех, с кем можно разделить груз забот и ответственности	6,0
Мечта эта вряд ли сбудется: свести вместе столь разных людей, привыкших бороться друг с другом и помнящих взаимные обиды , а также стоящие за ними силы, не удастся	15,8
Разговоры о "левом центре" - это маневр, элемент большой политической игры, в которой главное - кто кого переиграет, перехитрит	22,3
Все это - фантазии...	3,7
Перед нами очередная попытка "тихо" извести компартию как самостоятельную политическую силу первого ранга, растворив ее в безграничном альянсе якобы "равноправных" ей сил	7,6
Цель этой операции - оттереть подлинного лидера левой оппозиции Зюганова от руководства блоком, лишить его возможности бороться за президентский пост	8,8
Речь идет о коварной операции, направленной против Ю.М. Лужкова, которого втянули в дискуссию о "левом центре" и подставили под удар со стороны как президента, так и убежденных оппозиционеров (особенно коммунистов), а кроме того - не желающих союза Лужкова с Зюгановым сторонников самого же московского мэра	1,7
Тем самым патриоты ловко загнали остатки "нераскаявшихся" наших "демократов" в политическое гетто	0,6
Болтовня насчет "левого центра" - попытка вновь (в решительный момент) навести "тень на плетень" и отвлечь внимание народа от серьезных проблем	17,1
Вносится опасный раскол в народно-патриотический блок, который на дух не переносит Лужкова	2,9
Опять Зюганов увлекается бессмысленным и вредным маневрированием, игрой в слова	4,7
Лужков удачно и ловко подал себя в качестве одного из главных кандидатов в президенты	11,6
Иное	16,3

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-98-5.

в играх друг с другом, а еще и стараются всеми силами отвлечь народ от насущных жизненных проблем. Будь их идеи даже и вправду серьезными, по оценкам значительной массы граждан, они все едино были бы обречены на крах: свести вместе людей, вечно между собой сражающихся, казалось участникам опроса совершенно нереальным делом (табл. 3).

Всерьез просчитывать выгоды и утраты, которые сулит "левоцентристский эксперимент" как коммунистам, так и последователям Лужкова, сочли нужным сравнительно немногие. Хотя чаще всего люди готовы видеть в этих проектах попытки обыграть или обмануть Зюганова и КПРФ с патриотами. Либо подставить под удар одновременно с двух сторон - оппозиционной и властной - Ю.М. Лужкова. Только один избиратель из десяти и в самом деле проникся верой, будто "левый центр" для его страны есть главная надежда на спасение. Мол, пусть сначала объединятся Зюганов и Лужков, а там к ним присоединятся и все прочие лидеры страны, пока не изолировавшие себя на правом фланге...

Похоже, что не утихавшие со времен перестройки игры политических сил, особенно либерального толка, в смену «самоназваний», когда левые делались правыми (и наоборот), а силы, назвавшие себя демократами, проводили жесточайший неоконсервативный курс, резко ограничил здесь свободу новаций. Российское общество упорно проявляет желание видеть Лужкова - Лужковым, а Зюганова - Зюгановым, дабы окончательно не заплутать.

Хотя сегодня судьбы ведущих политических организаций видятся людям по-разному. Многое изменилось в этих воззрениях за минувшее пятилетие, перенасыщенное острейшей общественной борьбой, всплесками надежд и разочарований, экономическими обвалами и крахами, обещаниями и обманами.

Время, прошедшее после президентских выборов 1996 года, сыграло разрушительную роль в отношении общественно-политических надежд. Колоссальное давление в виде запугиваний и обещаний, а именно так было в решающей мере осуществлено переизбрание Б.Н. Ельцина на второй президентский срок, породило, было, в умах, как следует из приведенных далее показателей (в %), очередную мозаику аспектаций:[8]

Страна избежит новой гражданской войны	9,1
Начнется быстрый экономический рост	1,0
Может быть, больших улучшений сразу и не будет, но малопомалу мы станем жить все лучше	31,0
Кризис и упадок будут продолжаться, но без больших потрясений, мягко, терпимо	24,5

Россию окончательно добьют, расколют на куски, распродадут, перессорят до всеобщей гражданской войны	11,8
Будем гнить, как и гнили	13,6
Наши новые богатеи получили время, чтобы дограбить недограбленное и понадежнее спрятать добычу за рубежом	26,4
Наш режим укоренится теперь так, что его станет практически невозможно сбросить	8,2
Будет настоящий "цирк" - вокруг полумертвого президента сцепятся в драке за власть все его соратники и противники	14,5
Долго это второе президентство Ельцина не протянется, хотя бы из-за его физического состояния	11,8
К власти все одно придут патриотические силы	9,1
Нет мнения, не ответили	1,0

Извечное упование людей на лучшее будущее в целом просматривается и здесь. Вдруг жизнь все-таки наладится? Мысль эта получила весьма широкое хождение. Опасения же носили по большей части "очаговый" характер. Примерно по 8-15 процентов россиян предсказывали: сначала переизбрание Бориса Николаевича лишь продолжит старый фарс (мол, вокруг полумертвого президента сцепятся в драке за власть все его соратники и противники), а также быстрое и полное добивание, окончательное разграбление России классом новых богачей и в целом - догнивание того, что еще не сгнило. К тому же, примерно каждый восьмой-девятый из россиян пытался не воспринимать второе президентство Ельцина всерьез, поскольку «долго оно не продлится», по крайней мере, из-за его здоровья.

Но дальше всего разошлись ожидания с ответом: "Может быть, больших улучшений сразу и не будет, но мало-помалу мы станем жить все лучше. Кризис и упадок, по мнению опрошенных, будут продолжаться, но без больших потрясений, мягко, терпимо". Столь «утешительное» видение будущего отличало настроение почти каждого второго из россиян.

Минула большая часть нового президентского четырехлетия. Сбылись же из прежних ожиданий лишь предсказания об околовластном "цирке", бесконечном общественном разложении и процветании тех, кто обогащается. Иначе говоря - самые неприятные. Тогда как весь блок надежд на "щадящее" и "гуманное" течение кризиса - экономического, социального, властного - рухнул и обратился в спектр "антинадежд", острых общественных фобий. Народное видение будущего покрылось дополнительным слоем мрачных - особенно по отношению к власти - эмоциональных красок.

Таблица 4

Если сегодня в нашей стране общественно-политическая борьба обретет такую бескомпромиссность и остроту, что перейдет в вооруженное противоборство разных сил, выльется в новую гражданскую усобицу, то какую позицию Вы займете?

Мнения	%
Встанут в ряды сражающихся на стороне:	
- русских патриотов	7,1
- государственников	9,0
- коммунистов	9,5
- "партии власти", демократов, реформаторов	5,2
-других	0,7
Попытаются примирить враждующие силы	7,8
Будут жить, как жили	9,2
Эмигрируют	2,8
В любом случае будут сохранять нейтралитет	10,2
Сейчас, пока все это, слава Богу, лишь выдумки, ответить на подобный вопрос очень трудно	29,8
Не хочется об этом даже думать	22,0
Другое мнение	5,0

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-98-1.

Вместе с тем, на образ будущего перестал с прежней силой давить и страх перед социально-политической катастрофой. Утратило былое «сильнодействие» на массовую психологию такое шокирующее средство, как угроза гражданской войны в том числе - в случае прихода к власти (или кардинального успеха) коммунистов и союзных им патриотических сил (табл.4).

Около половины россиян не сомневались: новую гражданскую войну в их стране никому и никогда разжечь не удастся, и даже думать об этом они не хотят. А начнись в стране «усобица», решающая масса приложила бы все усилия, чтобы остаться в стороне, - либо эмигрировала, либо сохраняла нейтралитет. Кое-кто вообще попробовал бы "жить, как жил", то есть избрал позицию - "моя хата с краю". И лишь немногие попытались бы примирить враждующие стороны...

Те же, кто чувствует в себе гражданскую непримиримость и силы для участия в подобном «выяснении отношений», встали бы, скорее всего, в ряды русских патриотов, государственников, коммунистов - сиречь теперешних оппозиционных сил. А в более редком случае пошли бы за "демократами" и "партией власти".

Образ "демократического" движения в массовом сознании, упадок которого приблизился в 90-х к своей критической точке, вырождался.

И будущность виделась мало отрадной[9]. Остатки веры в то, что демократы еще воспрянут, очистятся от всяческой скверны, сумеют использовать себе на пользу весомый авторитет правительства Примакова и выполнят давние обещания - поднимут, наконец, экономику и социальную сферу, - сохранил самое большее один из одиннадцати россиян. Тогда как для подавляющей массы населения будущее партийно-политического воплощения власти окончательно окрасилось в тоскливо-безнадежные тона (табл. 5).

Они либо "обанкротятся полностью", хотя и протянут политически, как властная и околовластная сила, либо, до конца развалив народное хозяйство и все прочие структуры общества, будут полностью отстранены от руководства Россией, станут третьестепенной силой. В этом предсказании сошлись до половины населения. К тому же каждый седьмой пошел еще дальше: пытаясь любым способом сохранить за собой власть, "демократы" прямо ввергнут страну "в полный хаос и гражданскую войну".

Сдержать, а тем более повернуть вспять этот сминающий имидж "демократов" напор народных чувств и предощущений сложно. Даже трагическая гибель такой яркой фигуры в их рядах, как Старовойтова, вроде бы обещавшая придать образу "демократов" оттенок жертвенности,

Таблица 5

Что ждет в 1999 году демократов?

Мнение	%
Оставаясь фактически у власти (и при правительстве Примакова), они смогут, наконец, добиться существенного улучшения экономической обстановки и снижения социальной напряженности в России, благодаря чему политическое их первенство окрепнет, а правящая роль возродится	9,8
Они обанкротятся полностью, однако, скорее всего, сумеют на протяжении 1999 г. удерживать в своих руках главные рычаги реальной власти	35,6
Демократы до конца развалят народное хозяйство, все прочие структуры общества и будут полностью отстранены в наступившем году от руководства Россией, станут третьестепенной силой	19,0
Цепляясь за ускользающую от них власть, они ввергнут страну в полный хаос и гражданскую войну	12,6
Они исчезнут из политики вообще	3,1
После гибели Старовойтовой все демократы объединятся	11,6
Демократы, наконец, смогут обеспечить проведение подлинных реформ	19,2
Иное	4,3

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-99-1.

ничего не смогла здесь поделать. Поверить в то, что уж теперь-то "демократы, наконец, объединятся", смогли лишь 8 процентов избирателей.

Распад образа демократических сил в массовом сознании стал сочетаться и с серьезнейшей эрозией их самосознания. Типичен, в частности, набор оценок, данных главному итогу их деятельности - современному общественному и государственному устройству России - устами Е.Боннэр в одном из интервью "Голосу Америки" (9.02.99).

"Того государства, которое мы знали до августа 1991 года, нет. Но это вовсе не значит, что Россия стала демократической. Свобода печати не означает демократию.

Государство ведет себя как бандит. Ты работаешь, а оно ворует у тебя. Раз тебе не отдали зарплату, значит твои деньги украли.

Мы ошибочно приняли за демократию лозунги даже в отношении гласности. В демократическом государстве свобода слова, гласность, свобода прессы ведут к тому, что то, что написано, и то, что сказано, услышано властями предержащими. А у нас не слышат. Они глухие.

Наша система выборов такая, что на самом деле она не гарантирует избирателю контроль за тем, кто избран. Значит - она недемократична. И мы живем в недемократичном государстве.

Мы все время делали ставку на человека, на личность, на одного, кто будет: будет ли Горбачев, будет ли Ельцин. Мы сознательно или нет, но всем народом упустили ведущую роль законодательной власти.

Произошло очень быстрое перерождение вполне честных людей в банальных обманщиков. Очень много лжи среди так называемых демократов...

Мы просто старые люди, генерация, которая уходит.

Сама по себе демократия - это еще не плюс, как сама по себе свобода - тоже не рай земной"[10].

Как социопсихологический феномен подобное признание "духовной матери" эпохи "перестройки и реформ" свидетельствует о крахе партийно-политической составляющей всей "партии власти".

Весьма проблематичной оказалась в этом контексте попытка ради таких "знаковых фигур" режима, как Чубайс, Гайдар, Немцов, Кириенко, "омолодить" увядающее "демдвижение", сложившись в очередную ипостась "партии власти" под лозунгом "правого дела". Уровень симпатий к ним в народе не поднимается выше 3 - 7 процентов к каждому, не оставляя им весомых надежд на власть[11]. Особенно, если принимать во внимание такой могучий катализатор данного процесса, как распад остатков престижа Б.Н. Ельцина, который в 1997-1998 годах перерос в явление его "антихаризматизации", то есть дискредитации всего с ним связанного.

Слом образа президента, как гаранта конституционных прав, стал всеобщим: согласно опросам ИСПИ, даже в крупнейших городах, всегда игравших роль оплота его влияния, около 20 процентов населения прониклось убежденностью, что государство не охраняет и не обеспечивает эти права[12].

Что же до общества в целом, то верить, будто президент все-таки выполнит многократные обещания, наконец, "поставит все на свои места и обеспечит стране мир, демократические свободы, развитие по пути реформ", соглашались теперь, по данным ЦИПКР, всего 3 процента граждан. Для решающей части остальных текущее президентство останется в памяти народа вроде наваждения: "Ельцин... сумеет удержаться в президентском кресле благодаря маневрированию между разными силами» - не сомневались 47 процентов россиян. Но для этого "он будет сдавать по мере надобности то одних из своих сторонников, то других". И все же не менее 30-40 процентов обрели уверенность: так или иначе, электоральным путем или по нездоровью, но скоро Борис Николаевич уйдет. Это, по мнению 43,4 процента, только поможет стабилизации обстановки в стране[13].

Вместе с Ельциным должен кануть в Лету и созданный под него институт российского президентства. Хотя сам этот пост, на взгляд трех четвертей россиян, и должен сохраниться, его полномочия (по мнению двух третей граждан) необходимо урезать, внеся поправки в Конституцию, за которые высказывается уже половина населения и против которых пока выступает треть их[14]. Страх перемен продолжал давить на политические настроения лишь 30,9 процента граждан, еще верящих: без Ельцина Россия погрузится в междоусобицу и хаос[15].

Безрадостно взирают россияне на будущее ЛДПР, сначала игравшей роль решительного оппонента "партии власти", а затем, в конце 90-х, ставшей, по сути дела, ее латентным союзником. В то, что либеральным демократам предстоит не просто преуспеть на грядущих выборах, но и стать доминирующей в Думе силой, а сам Жириновский добьется для себя президентства, в состоянии верить, как следует из приводимых далее опросных показателей, считанные проценты граждан[16] (мнения в процентах):

Вспыхнув на общественном небосклоне неожиданным успехом на выборах, ЛДПР начнет быстро сходить на нет из-за своего неуемного экстремизма и агрессивности	*21,0*
Она закрепится после выборов 1999 г. в Думе, сможет управлять жизнью и работой парламента и постепенно превратится в настоящую партию национального русского и российского возрождения	*3,3*

Жириновский станет президентом, что приведет к быстрому восстановлению жизнеспособности нашего общества, к укреплению отечественной государственной мощи	*1,1*
ЛДПР растеряет все оппозиционное и патриотическое и превратится - трудами Жириновского - в партию-служанку нынешнего режима (особенно в Думе), что окончательно оттолкнет от нее народ и сделает из нее нечто вроде секты дельцов от политики	*32,4*
Не исключено, что ЛДПР и сумеет стяжать немало успехов, но в конечном итоге (если не в этом году, то потом) все кончится ее полным разгромом	*38,1*
Иное мнение	*12,0*

Так или иначе, - рассуждала решающая масса россиян, - но в ближайший год или по прошествии какого-то времени Владимир Вольфович, окончательно разоблачив себя как «однодневку» и прислужника "партии власти", канет в политическое "забытье". Не исключено, что ЛДПР и сумеет стяжать кое-какие успехи, но в конечном итоге все кончится ее полным разгромом, - пророчило, в частности, относительное (37 процентов) большинство избирателей.

По-иному сложился в отечественном менталитете образ будущего для «Яблока». Это одна из немногих организаций, которым в народе предсказывается успех. Мнения о ней делятся в обществе куда выгоднее, нежели то, что происходит с "демократами" и жириновцами.

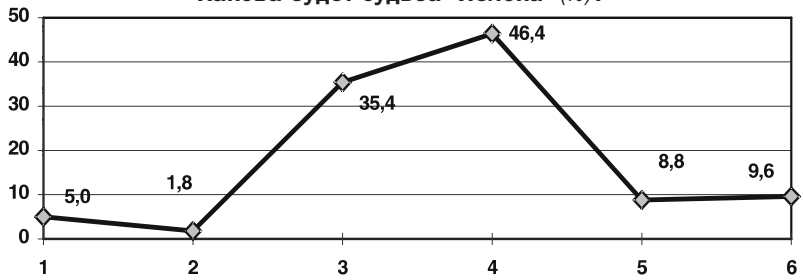
Впрочем, представление о «Яблоке» как о правящей силе посещают пока не столь уж и обширный слой россиян - около 5-6 процентов[17]. Куда более значимая их доля (38) не сомневается: партия Явлинского, быстро набирая очки критикой как Ельцина с соратниками, так и коммунистов с патриотами, вскорости сильно окрепнет и нарастит свое влияние. Другое дело: будет ли это на благо или на беду России. И тем не менее, открытость «Яблоку» будущего на уровне массового восприятия высока (гр. 3).

Это не мешает другой половине общества, наоборот, расценивать будущность последователей Явлинского совсем иначе - критичнее и жестче. "Ничего у них не получится: как были узкой, невлиятельной партией, представляющей лишь часть интеллигенции, так и останутся". А то и «совсем разоблачат себя в народных глазах, обнажив свою теснейшую зависимость от всевозможных западных "благодетелей", питающих, в частности, «Яблоко» финансово. Это будет для него началом политического заката»...

Еще более скептически расцениваются в народе и шансы на успех тех, уже весьма многочисленных и разнообразных, партий, группиро-

График 3

Какова будет судьба «Яблока» *(%)*?



Примечания:

1 - «Яблоко» станет ведущей политической партией страны, объединив вокруг себя всех настоящих демократов и сторонников реформ;

2 - Оно получит искомые 12 важнейших портфелей в правительстве и сможет успешно проводить свою политику реформ;

3 - «Яблоко» и его лидер Явлинский продолжат критику Ельцина, правительства, коммунистов, оставаясь в оппозиции со всеми и быстро "набирая очки" на будущее;

4 - Ничего у них не получится: как были узкой, невлиятельной партией, представляющей лишь часть интеллигенции, так и останутся;

5 - «Яблоко» окажется дескредитированным в глазах общественности в результате расследования зарубежных источников его финансирования; начнет быстро терять авторитет;

6 - Иное мнение.

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-99-1.

вок, движений, что стремятся предложить себя на роль пресловутой "третьей силы", то есть политического явления, не связанного (и одновременно - альтернативного) как с нынешней "партией власти", так и с ее главным оппонентом в лице КПРФ и народно-патриотической коалиции (табл. 6). Хотя шансы на прорыв к большому политическому и властному успеху у них объективно есть. В частности, и потому, что в народном восприятии пока не сложилось главное - четкий образ "идеального президента", на создание которого у свежих, не очень связанных прошлым и традициями, организаций куда больше шансов, нежели у партий "с опытом". Психологический "зазор" массовых аспектаций здесь весьма широк. На взгляд доминирующей - хотя и не всегда абсолютно - части россиян, главой российского государства лучше всего иметь: русского нестарого мужчину, обладающего большим опытом руководящей, но не командной, военной, деятельности (по 40-70 процентов требований), не обязательно занимавшего уже видный государственный пост - губернаторский, мэрский, правительственный. Для двух третей населения неважно, от какой партии он будет (хотя комму-

Таблица 6

Что ждет в 1999 году "третью силу", центристов?

Мнения	%
Резко возрастет влияние Ю.М.Лужкова, который сумеет создать "под себя" мощную партию и получить серьезные позиции в новой Думе, а в случае досрочных президентских выборов - сделаться главой государства	28
Опираясь на те возможности, что дает губернаторский пост, А.И.Лебедь, подняв Красноярский край, станет политиком номер один в России, возьмет под контроль ситуацию в парламенте (получив много депутатских мест для своих сподвижников), а затем и президентом	2
Все более ощутимую роль будет играть движение А.Николаева, которое, быть может, и не сделается ведущим в стране, но заставит всех с собой считаться	4
Новое мощное политическое движение возникнет вокруг Е.М. Примакова, выдвинув его главной политической фигурой страны (вплоть до избрания президентом)	7
Появится пока еще не известный стране лидер, который завоюет доверие большинства россиян и, опираясь на него, выиграет все политические кампании, встанет во главе России	9
Никаких чудес от всех этих "третьих сил" ждать не стоит: они будут и меняться, и усиливаться, и слабеть - кто как, но стать главной общественной силой им не дано	46
Иное	12

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-99-1.

нист - предпочтительнее), окажется это атеист или верующий. Обязательны же безупречная репутация (51 процент) и склонность к коллегиальным методам ведения дел, а не демонстрация "сильной руки" (43 против 32 процентов аспектаций). Россиян не устроил бы богач, за которого ратует один избиратель из пяти, но удовлетворил бы человек среднего достатка[18]...

Сделать такой, вроде бы незамысловатый, образ "своим" оказывается предельно сложно практически для всех отечественных политиков. В том числе и представляющих соискателей роли "третьей силы". Никаких, к примеру, реальных шансов нет здесь у движений типа РНЕ, которое в плане социально-политическом остается чем-то вроде невидимки: в "живом", так сказать, виде - прямо и непосредственно - с ним удалось столкнуться в быту всего 4 процентам россиян (чаще всего - москвичам). Для прочих же, как свидетельствуют материалы ФОМ, баркашовцы являются порождением исключительно репортажей СМИ, этаким информационным фантомом. Либо они вообще ничего об РНЕ не слыхивали...

Еще более ограничена область воздействия РНЕ на умы. О позитивном восприятии этой организации говорят не больше 3 процентов россиян, еще около 12 - демонстрируют нейтральность. Тогда как 42 процента настроены безоговорочно негативно. Разброс оценок в их среде выглядит примерно так: "Там попахивает фашизмом", "много фашистской идеологии", "они пропагандируют национализм, а мы - многонациональная страна", "это начало падения нации"... Причем 36 процентов населения готовы поддержать даже запрет данной партии, против которого восстает втрое меньшая доля населения[19].

Впрочем, не менее проблематичны шансы разыграть политическую карту "третьей силы" и у более "цивилизованных" - как правило отслоившихся или еще только отслаивающихся от "партии власти" - организаций, активно ищущих собственное место в политической системе страны.

За исключением Ю.М.Лужкова, в способности которого создать под себя мощную партию и "завоевать" Думу, а также выиграть президентскую гонку, верят 28 процентов опрошенных граждан. Ни одно политическое новообразование вообще не смогло пока заронить в отечественный менталитет сколь-либо заметных надежд. Даже премьер Примаков (при весьма высоком доверии лично к нему в народе) видится главой нового могучего политического движения только 7 процентам россиян. Так что его личная харизматичность способна остаться бесплодной в плане организационно-политическом.

Еще ниже расцениваются шансы А.Николаева. В то, что возведенная вокруг него оргструктура сможет "заставить с собой считаться", верят лишь 4 процента граждан.

И наконец, Лебедь, которому победный красноярский "поход" начал выходить, что называется, боком. Вместо «трамплина», который мог бы забросить бывшего генерала на президентскую орбиту, губернаторский пост вдруг обернулся не то гирей на ногах, не то засасывающим с головой болотом и стал грозить его политической карьере. Так или иначе, но предположение, что "подняв Красноярский край, Лебедь станет политиком номер один в России и даже возьмет под контроль ситуацию в парламенте, получив много депутатских мест для своих сподвижников", высказывают от силы 4 процента россиян.

Не лишенная политического романтизма мечта о "пока неизвестном" - и потому таинственном - лидере, которому суждено спасти Россию, тоже обмелела и не имеет теперь заметного числа сторонников. Да и вообще, "никаких чудес от всех этих "третьих сил" ждать не стоит", - убеждена чуть ли не половина россиян.

В итоге, как видно из графика, ни один из ведущих представителей виртуальной "третьей силы" не смог пока в достаточной мере унаследовать электорат распадающейся ельцинской "партии власти", чтобы с опорой на этих избирателей воссоздать - уже "под себя" - ее очередную обновленную ипостась (табл. 7)[20].

Таблица 7

Политическое происхождение сторонников "третьей силы" *(Август 1997 г., %)*

Голосовали в 1 туре президентских выборов за:	**Намерены голосовать в 2000 г. - за:**		
	Немцова	Лужкова	Лебедя
Б. Ельцина	24	16	5
В. Жириновского	2	4	2
Г. Зюганова	3	5	2
А. Лебедя	7	11	38
Г. Явлинского	16	13	4
Против всех	6	12	-
Не участвовал в голосовании	14	6	10

Источник: ИСПИ РАН. Левашов В.К., Локосов В.В., Новоженина О.П., Давыдченков В.Т., Афанасьев В.А. Как живешь, Россия? - Вып.VIII, с.27.

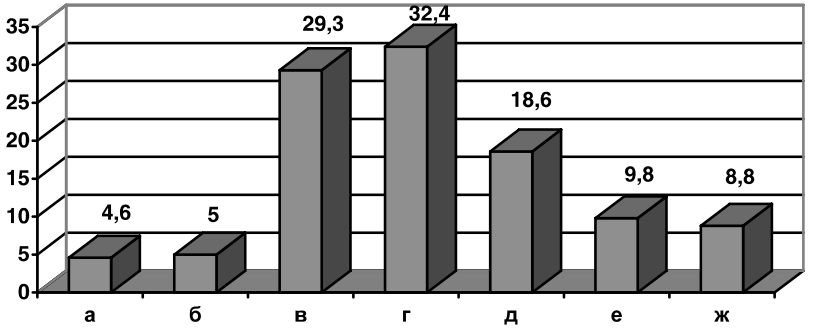
Перетянуть к себе по 10-16 процентов чужих избирателей - вот на что, как максимум, оказываются пока способны эти деятели. Им в нужной мере не удается ни сохранить свой прошлый электорат (как, скажем, Лебедю, за которого намеревается вновь голосовать лишь треть былых симпатизантов), ни удержать в сфере личного притяжения "смежные" по политическим настроениям контингенты избирателей (как Немцову, способному унаследовать всего четверть голосов Ельцина). Все они обречены начинать почти с "нулевой" отметки, не имея электорального ядра и пытаясь "спрессовывать" его из "прилипшей пыли" чужих сторонников, очень разноликих и мало стабильных в ориентациях.

Самые же благоприятные перспективы общественное мнение адресует КПРФ. Той самой, которой еще пятилетие назад - в канун парламентских выборов 1995 года - предсказывался лишь слабенький шанс на выживание. Сегодня взгляды на нее кардинально видоизменились (гр. 4)[21].

Спектр благоприятных для компартии предсказаний - от предположения, что ей удастся закрепить свой прошлый успех (хотя и не взять власть), до уверенности в том, что она выиграет и думские, и президентские выборы, - включил мнения почти двух третей россиян. Ни предрекать ей внутренние расколы (5 процентов мнений), ни пугать себя и

График 4

Перспективы коммунистов в 1999 году *(%)*



Примечания:

а) Расколовшись на несколько враждующих организаций, они не смогут сохранить нынешнее влияние и превратятся в примитивную политическую секту.	4,6
б) Коммунисты не исчезнут, но и не преуспеют: их уделом станет роль третьестепенной общественной силы, вынужденной, чтобы существовать, блокироваться то с теми, то с другими более мощными партнерами	5,0
в) Им удастся закрепить свои успехи, но власть они не получат	29,3
г) Они вплотную подойдут к власти в стране	32,4
д) Они выиграют и думские, и президентские (досрочные) выборы и получат власть в России, начнут выводить ее из кризиса	18,6
е) Коммунисты окончательно добьют страну; из-за их антисемитизма и шовинизма России станет грозить международная изоляция	9,8
ж) Иное мнение	8,8

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-99-1.

окружающих (8), будто КПРФ из-за ее “антисемитизма и шовинизма” загубит и себя, и всю Россию, - большинство граждан не стали.

Вместе с тем, гадания о будущем КПРФ, подчас весьма странные по отношению к партии, выигравшей парламентские и достойно прошедшей президентские выборы, не иссякают. Убежденные противники коммунистов, люди нейтральные да и друзья не устают примерять к ней то одно, то другое, то третье политическое обличье и судьбу. Хотя далеко не все из гипотез, чаще других муссирующихся в статьях авторитетных лиц, на волнах радио и с экранов телевизоров, приобретают реноме чего-то само собой разумеющегося. Случается и так: то, что в глазах

Таблица 8

Какой быть КПРФ, в какую сторону развиваться?

Мнения	%
Почему, собственно, КПРФ обязана чем-то "становиться"? Она - как сила, объединяющая лучшее из коммунистического учения и практики с национально-патриотической идеей, - нужна России такой, какая есть. Ей необходимо и совершенствоваться именно в этом направлении	23,1
Единственный для коммунистов шанс сохраниться в делах политики - стать социал-демократами западноевропейского образца	21,2
Самое лучшее для России, чтобы КПРФ вообще исчезла из ее общественной жизни	19,9
Ей лучше отойти от всяких там идеологий и сделаться силой, защищающей высшие государственные интересы	11,0
Она должна стать новой (и обновленной) КПСС, объединяющей в новый Союз нынешнее постсоветское пространство	10,2
КПРФ выступает за возрождение русских, российских традиций, защиту нашей исторической государственности - против разрушительных "реформирований" страны. И потому ей, как то ни странно, ближе всего облик консервативной партии	9,4
Что тут говорить: коммунисты - и прежние, и нынешние - неуклонно превращаются в фашистов	9,2
КПРФ надо вернуться к истокам, к тактике и стратегии большевиков предоктябрьской поры (естественно, с учетом нынешней эпохи)	9,0
КПРФ призвана стать партией русского национального возрождения	6,9
КПРФ уже превратилась в движение национально-освободительного характера. И должна продолжать развиваться в этом же направлении	6,1
Иное мнение, уклонились от ответа	5,9

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-98-1.

политиков-практиков либо теоретиков выглядит почти решенным, остается невнятным для "человека улицы", то есть большинства народа. Именно это происходит с многочисленными пожеланиями в адрес КПРФ, нередко звучащими как заклинание-внушение: "Стань такой, как я хочу!" (табл.8).

Как видно из таблицы, тешиться мечтой, будто компартия в один "прекрасный день» возьмет да и вообще исчезнет с авансцены страны, позволяет себе лишь четверть населения. В основном это 56-75-летние «шестидесятники», а также 18-25-летние их «внуки»: в этой среде за ликвидацию КПРФ выступают по 25-35 процентов избирателей. На взгляд остальных, ей предстоит меняться. Но как - «социал-демократизироваться»?

Этот путь, будто бы прямо ведущий к успеху, общественному мнению и самой компартии навязывают - «в лоб» или «с аккуратностью» - давно

и часто: такова-де единственная для нее вероятность уцелеть. Речь идет о своего рода «мягком» антикоммунистическом видении будущего КПРФ, что имеет, признаем, немалый успех. Причем оно объединяет и «демократов», на чью долю падает свыше половины подобных пожеланий, и поклонников Явлинского (треть) вкупе с последователями Лебедя, симпатизантами КРО и пр. Чаще всего эти «доброжелатели» - ветераны в возрасте 75 лет и больше (50 процентов мнений), а также до четверти двадцати-тридцатилетних.

Подход, в целом, элементарно прост: либо социал-демократизируйся, КПРФ, либо умри! Третье, если и дано, то в несравненно меньшей степени.

А ведь "встать в ряды" социал-демократии очень непросто, поскольку это организация наднациональная и объединена в Социалистический Интернационал. А тот, кто не принадлежит к этой всемирной структуре, может сколько угодно провозглашать себя "социал-демократом", но признан таковым не будет и, по сути дела, останется самозванцем. Вступление же в Социнтерн оплачивается, в частности, «присягой на верность» той системе западных ценностей, что уже пытался внедрить у нас М.С.Горбачев. Во что обошелся сей эксперимент - общеизвестно...

Само собой разумеется, "простой" россиянин не искушен в подобных тонкостях. Хотя на интуитивном уровне он, похоже, все-таки ощущает здесь опасность. Не потому ли ни наши отечественные социал-демократические партии (официально, кстати, так и не признанные Социнтерном), ни их призывы к переиначиванию КПРФ особыми симпатиями в народе не пользуются?

Правда, за сдвиг компартии на социал-демократический путь высказываются 21 процент россиян. Но это же помогает и подсчитать: подобная операция не вызовет симпатий, самое малое, у четырех пятых граждан. Особенно у тех, что поддерживают саму КПРФ и патриотические силы.

Фашизация? Мол, что тут говорить: "коммунисты - и прежние, и нынешние - неуклонно превращались и превращаются в нацистов». Такого рода «перспективы» любят рисовать перед "средним" россиянином в первую голову все те же последователи демократических сил, на долю которых и в данном случае выпадает свыше двух третей подобных уверений. И с ними опять же солидарны в основном сподвижники Г.А.Явлинского и А.И.Лебедя. На почве неприятия КПРФ здесь, видно, сложился устойчивый союз.

Однако даже хлесткое прозвище "красно-коричневые" так и не удалось превратить в общероссийский жупел. Совсем немногие - процентов этак восемь граждан, не больше, - зачарованно ждут, когда же

КПРФ вдруг (как в страшной сказке) “грянет оземь” и обернется чем-то фашиствующим.

Назад - к истокам? И это тоже не очень привлекает избирателей. Стать обновленной КПСС и в таком качестве пытаться объединить в новый Союз все постсоветское пространство, либо пойти дальше и вернуться к стратегии и тактике большевиков (аж предоктябрьской поры!) - тот и другой путь имеют в стране по 9-10 процентов сторонников. Главным образом - из поколения ветеранов Великой Отечественной: за подобный путь высказывается из их среды каждый второй. И что примечательно - в их рядах сподвижников самой КПРФ немного, от трети до неполной половины. А лиц, ориентированных на НПСР, и подавно - вдвое-втрое меньше. Заметно большую роль играют в этом симпатизанты Явлинского, Жириновского, РКРП и ряда патриотических структур. Повернуть КПРФ вспять - и эта будущность, как видим, «подбрасывается» партии во многом со стороны.

Не пленяют умы и обращаемые к КПРФ призывы вообще отречься от “любых идеологий”, посвятив себя защите неких «высших государственных интересов». Данная идея - очередной плод почти равных мыслительных усилий всех внекоммунистических сил - от ДВР до ЛДПР. Большинству же народа трудно понять, как может политическая партия существовать вне идеологии: каким «чудом» она сможет оберегать интересы России, если не будет иметь четкого представления о том, кто она такая, откуда родом, чего хочет и куда идет. Ведь именно это и составляет настоящую идеологию. А что толку от организации, себя не помнящей и не знающей? Здоровый инстинкт самосохранения (все-таки оставшийся в народе) остерегает наших современников от увлечения такими “до безумия смелыми” идеями, в пользу которых при социологических зондажах высказался один респондент из восьми.

Есть и еще мнения. Например, избирателей самих же КПРФ и НПСР, которые считают, что перед коммунистами лежит путь превращения в русскую, российскую партию. Не исключено - с респектабельно консервативным оттенком. Для этого, кстати сказать, и действительно вроде бы есть основания. Неплохие позиции в сельском электорате, прочная поддержка КПРФ средними слоями города (служащими, ИТР, учеными, творческой интеллигенцией), защита самой партией исторических традиций страны и ее коренных национально-государственных интересов. Все это в самом деле сближает ее не только с “классическими” западными компартиями, но и с крупнейшими европейскими организациями консервативной направленности. И о том, что многие из традицион-

ных ценностей консерваторов стали для российской компартии своими, уже говорилось.

Для других, на три четверти состоящих из последователей самой Российской компартии (и Народно-патриотического союза), она уже теперь есть сила русского, российского возрождения, выполняющая в нашей стране национально-освободительную роль, и таковой обязана остаться. Симптоматично, что громче всего за «русский путь» компартии высказывается не самое старшее поколение, которому данная идея в целом по-прежнему малопонятна, а 35-55-летние люди (половина их), то есть дети и внуки тех россиян, которые сражались с фашизмом. Причем активно завоевывает она молодежный менталитет: как минимум, каждый четвертый считает «своей» эту идею. Речь, иначе говоря, идет о тех поколениях, которым принадлежит не только ближайшее, но и отдаленное будущее страны.

Наконец, на взгляд третьих, также собранных в электорате КПРФ - НПСР, компартии вообще не стоит ни всерьез меняться, ни во что-либо превращаться. “Почему, собственно, она обязана чем-то “становиться”? - недоумевает относительное большинство россиян. Как сила, сочетающая лучшее из коммунистического учения и практики с национально-патриотической идеей, - убеждены они, - КПРФ нужна России такой, какая она есть. И совершенствоваться ей необходимо именно в этом плане.

Объединив и укрупнив приведенные оценки, мы получим в итоге следующую картину. Соотношение бытующих в народе предвидений фашизации, ортодоксализации, социал-демократизации и, наконец, патриотизации КПРФ складывается примерно как 1,0:2,0:2,2:3,8 в пользу последней[22]. За компартией в народе, если говорить по существу, признаются в первую очередь право и обязанность на один главный путь в будущее - быть силой русского, российского национально-государственного возрождения. И потому потенциальная победа коммунистов и союзных им патриотов на грядущих выборах 1999-2000 годов перестает смущать и пугать страну.

Материалы упоминавшихся исследований ЦИПКР, начиная с 1996 - 1997 годов, четко показывают: пещерный антикоммунизм, от которого даже Запад избавился еще в конце 40-х годов, потерпел крах и в “новой России”. Всего 7 процентов избирателей удалось запугать предположением возможных репрессий в случае победы компартии. Хотя почти каждый десятый из россиян все-таки побаивается еще тотальной и безоглядной национализации “красными” всего и вся в стране. А около четверти разделяют и неприязнь к коммунистическим лидерам на-

ших дней, «рисуя» их, вслед за официозными «делателями мнений», в качестве людей якобы "серых и бездарных"[23].

Вызвать в человеческом сознании «призрак» неминуемой гражданской войны, которая, мол, разразится в России чуть ли не сразу же после голосования за коммунистов, удается с огромным трудом и куцым результатом. В данную перспективу уверовали самое большее 6 процентов россиян. Но и они не очень тверды в своей нетерпимости. Почти каждый второй из них не собирается лично (используя избирательный бюллетень) давать бой "красным", и лишь самое минимальное число опрошенных с упорством твердят, что вообще не станут участвовать не только в «боях», но и в голосованиях.

Значительная часть избирателей и вовсе не испытывает страха перед возможным выборным успехом коммунистов. Электоральный прорыв последних помог бы, на взгляд этих граждан, оздоровить, вывести страну из тупика. Одной из главных забот КПРФ, по мнению 11 процентов респондентов, окажется при этом справедливая защита тех отечественных предпринимателей, которые делом доказывают свое намерение помогать стране, развивать ее экономику во имя возрождения величия России. А почти каждый пятый из опрошенных связывает с возможным приходом коммунистов к власти свои надежды на сокрушение преступности, коррупции, особенно - в верхах.

Главное же видят люди в следующем: "Коммунисты многое поняли и многому научились за минувшие трагические годы... Они не станут пытаться тупо крутить колесо истории назад, сумеют оздоровить общество, вернув государству и народу все то, что у них украли в результате приватизации. Они добьются государственного объединения России с Украиной и Белоруссией... И сумеют так поставить нашу страну на мировой арене, что никто уже не посмеет игнорировать ее волю". Такой спектр воззрений определяет умонастроения до половины избирателей, хотя и реализуется пока КПРФ лишь отчасти.

Не исключено, что необходимые для прихода к власти социально-политические силы оппозиция легко соберет, изыскав, наконец, эффективную форму согласия и пойдя на коалиционное решение. Заметим: 1998 - 1999 годы оказались временем именно такого рода поисков в среде оказавшихся между оппозицией и властью сил. Тут были и предложение об очередном общенациональном согласии, озвученное премьером Е.М.Примаковым, и наметки своего рода "декларации о намерениях" между КПРФ, «Отечеством» и «Яблоком». Вектор же полученного и утраченного в "переговорном процессе" оказался для этих сил неопределенным и даже двусмысленным...

Сложно пока, в частности, сказать, что именно ждет КПРФ или «Отечество» на этом пути. Примеры не обнадеживают. Достаточно вспомнить И.П.Рыбкина, А.И.Лебедя, Г.А.Явлинского или Б.Е.Немцова, всенародно «отметившихся» вхождением во власть. Первоначальный успех и взлет, всплеск энтузиазма в обществе, сопровождавшие их приобщение к высшим государственным инстанциям, вырождались затем поистине во всенародное разочарование и скепсис. Достаточно вспомнить головокружительный «взлет Лебедя» в кресло председателя Совета Безопасности после президентских выборов в 1996 году...

Модель развития ситуации такова. Сначала взрыв надежд. Не меньше трех четвертей россиян заявляли: “Он пошел на союз с Ельциным, чтобы иметь больше возможностей для защиты интересов России... С его энергией и волей он сумеет заставить правительство сделать то, что необходимо стране... Он жертвует собой во имя интересов людей”... В итоге - до 20 процентов личных симпатий в стране и положение третьего по престижу соискателя президентского поста.

Но проходит год, наполненный чеченским позором, дальнейшим гниением страны, развалом армии. И платой за недолгий альянс с режимом делается не менее молниеносное отбрасывание Лебедя на положение одного из второстепенных политиков страны, с 10-12 процентами возможных избирателей. А ведь речь идет о “вовлечении во власть” человека, никак не альтернативного по его позициям и взглядам режиму. Пошедшего на этот альянс в общем-то единолично, не увлекая за собой сколь-либо значительной организации или массы людей. И тем не менее, отзвук данного политического “опыта” оказался очень громким.

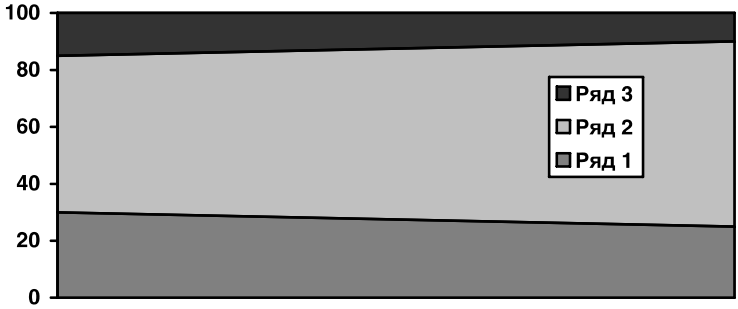
Неудача же, скажем, полумиллионной КПРФ, уже занимающей в стране и власти свое особое место, может вызвать неизмеримо больший резонанс ...

Между тем, “коридор возможностей”, открывающий компартии путь к коалиционному вхождению во власть, выглядит достаточно широким и перспективным (гр.5). Это - убежденность примерно двух третей россиян в том, что с оппонентами всегда необходимо вести себя спокойно и уважительно.

Ограничители-крайности (“стены”) этого “коридора” таковы. С одной стороны, к “непримиримой нетерпимости” по отношению к правящим силам коммунистов толкают, грозя обвинениями в измене, примерно 25-30 процентов россиян, нервно реагирующих на любые контакты между оппозицией и властью. С другой - их готовы приветствовать в роли неполноправных союзников ельцинской команды другие 10-15

График 5

Путь КПРФ в правительственную коалицию: морально-политический коридор возможностей в 1997 г. *(%)*



Примечания:

Ряд 1 - Доля россиян, настроенных против любых тесных контактов оппозиции с властью (25 -30 процентов);

Ряд 2 - Часть граждан, готовых принять равноправное правительственное сотрудничество КПРФ с властью, если оно даст им реальное улучшение жизненных условий (55 - 65);

Ряд 3 - Доля населения, готовая приветствовать включение коммунистов в правительство только на положении младших (сдавшихся) партнеров режима (10 - 15).

Источник: Опрос ЦИПКР ОРП-98-1.

процентов населения. И, наконец, решающая масса граждан (50-60 процентов) склонна оценивать любые шаги КПРФ исключительно по результату: что конкретно дает им тот или иной контакт народно-патриотических сил с теми, кто управляет Россией.

В этих-то, морально-политических, "измерениях" и предстоит компартии сориентироваться, втягиваясь в «переговорную игру» и возможное правительственное соучастие. Открывающийся здесь перед КПРФ путь во власть вполне реален и вполне «просчитывается». Приведет он к ощутимому улучшению жизни большинства россиян - компартия выйдет из "хождения во власть" еще более окрепшей. Нет - откат гражданских надежд и симпатий не заставит себя ждать. Много, если не все, будет зависеть от того, с каким организационным, и особенно - идейным, моральным, потенциалом коммунисты пойдут дальше. Чья политическая и интеллектуальная "энергетика" и воля (КПРФ с союзниками или "партии власти" с «клиентами») окажется выше. Проблема эта крайне непроста, поскольку потребует для решения не только концентрации усилий компартии, но и определенного ее преображения, способности опереться на доминирующие тенденции развития общества.

***

Образ будущего, особенно на рубеже не просто очередного столетия, а в канун нового тысячелетия - явление особое. Оно как бы подводит общий итог пройденному и будит стремление нарисовать хотя бы контурно "идеальное" - пусть даже недостижимое, но желанное - устройство грядущей жизни. И потому так называемые "миллениарные", рожденные исходом одного и наступлением другого тысячелетия, настроения не могут не обретать в современной России, поставленной перед вопросом: "Быть или не быть?" - особой остроты. Они должны вызывать столкновение мнений, разноголосицу оценок и аспектаций, близких к мистическим прозрениям...

Однако ничего апокалипсического, как показывает исследование имеющегося массива социологических показателей (не очень, заметим, большого), в отечественном менталитете - в том числе и политическом - нет, да судя по общей динамике социологических настроений, и не предвидится. Поглощенное преимущественно решением каждодневных проблем и задачами социального выживания, российское общество прогнозам будущего придает явно второстепенное значение. За несколькими принципиальными исключениями.

Например, по-разному видятся в этом контексте судьбы основных политических институтов и партий страны. Весьма осторожно, а то и открыто скептически, расцениваются возможности отечественного парламента, обреченного, по мнению большей части россиян, оставаться пока в целом безвластным органом. Не ожидается значимой политической отдачи и от таких политических исканий, как попытки создания "левого центра".

Не давая себя запугивать угрозами гражданской войны и не веря больше в способности Б.Н. Ельцина вызволить страну из тупика, основная масса населения далеко не одинаково трактует будущее ведущих политических партий и движений России. Так, наиболее расхожее для "демократических сил" предсказание гласит, что их ожидает либо окончательное исчезновение из мира политики, либо затяжное банкротство, чреватое серьезнейшей опасностью для всего российского общества.

Близкий прогноз адресуется и ЛДПР, которой предрекаются утрата сколь-либо серьезных позиций в обществе и окончательное поражение даже в том случае, если по воле судьбы партии Жириновского и удастся на какое-то время стяжать успех.

Гораздо оптимистичнее выглядят ожидания, связываемые с «Яблоком», за которым многими признаются и политическая гибкость, и умение по-

дать себя в качестве оппозиционной силы. Хотя в глазах большинства организации Явлинского все равно предстоит вырождение в социально-замкнутое и маловлиятельное узкоинтеллигентское образование.

Спорны и шансы тех лидеров, а также возникших вокруг них структур, которые стремятся подать себя общественному мнению в обличии "третьей силы". Ни московский мэр Ю.М. Лужков, ни красноярский губернатор А.И. Лебедь, ни А. Николаев, ни другие реальные и потенциальные соискатели этой роли не смогли пока зарекомендовать себя в данном качестве.

---

[1] ЦИПКР: ОРП-94-1.
[2] The Russian Centre for Public Opinion Research (VCIOM). The Interdisciplinary Academic Centre for Social Sciences (Inter Centre), Academy of National Economy (ANE). - The Russian Public Opinion Monitor: M.,1998, N6, p. 57.
[3] ИСПИ РАН. Кризис государственной власти и массовое сознание россиян (По результатам социологических исследований). Телефонный мониторинговый опрос москвичей. - М., 1999, с. 23.
[4] ВЦИОМ: Мониторинг общественного мнения. - М..,1999, №1, с. 33.
[5] ЦИПКР: ОРП-97-2.
[6] Там же: ОРП-98-4.
[7] Ук. ист.: ОРП-98-5.
[8] Там же: ОРП-96-3.
[9] Ук. ист.: ОРП-99-1.
[10] Эфир-дайджест. Проблемы и мнения. - 1999, 9 февраля.
[11] ФОМ. Социологические сообщения: 1999, №29, 3 марта, с. 16-19.
[12] Иванов В.Н. Россия: обретение будущего. - М., 1998, с.49.
[13] ЦИПКР: ОРП-96-3.
[14] ФОМ: ук. ист., с. 21-22.
[15] The Russian Public Opinion Monitor. - 1998, N6, p..83.
[16] ЦИПКР: ОРП-99-1.
[17] Там же.
[18] Левашов В.К. и др. Как живешь, Россия? - М., 1998. Вып. VIII, с. 37-50.
[19] ФОМ-ИНФО: 1999, №7, с.3.
[20] Левашов В.К. и др. - Ук. соч., с. 27.
[21] ЦИПКР: ОРП-99-1.
[22] Там же: ОРП-98-1.
[23] В целом схожую картину рисуют и публикации ВЦИОМ, согласно которым еще в 1996 г. "апокалипсическое" видение последствий избрания коммуниста президентом отличало лишь четверть россиян. Их ожидания в связи с этим доходили до нелепости: они считали неизбежным лишение "свободы читать, смотреть, говорить, что думаешь", боялись за детей, опасались потерять работу и пр. Тогда как примерно столько же граждан, наоборот, верили в перемены к лучшему: "У меня и моих близких будут гарантированная работа, нормальный заработок, уверенность в завтрашнем дне... Я смогу занять более достойное положение...". А еще треть полагали, будто ничего особенного и вовсе не произойдет (ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. - 1998, №5, с. 47).

С.П. Обухов. Парламентаризм: эволюция образа в массовом сознании россиян (конец 80-х - начало 90-х гг.)

В последние годы исследователями предпринято немало попыток найти в истории российского парламентаризма не только проверенные временем, но и соответствующие новым условиям средства, методы решения сегодняшних проблем. И это понятно. Ведь основные вехи современной политической истории России оказались накрепко связанными с различными этапами развития парламентаризма. А вопрос о жизнеспособности и перспективности парламентаризма в российских условиях (теперь уже на примере подготовки к выборам следующей Государственной Думы) продолжает оставаться в фокусе общественного внимания.

Конечно, отношение к институту народного представительства, его восприятие как в обществе, так и в политической элите, весьма разноречивы. И нередко формируются в категориях противостояния западников и традиционалистов, либералов и государственников. Потому что до сих пор, к сожалению, отсутствует всестороннее, научно-критическое осмысление всей вековой истории российского парламентаризма в неразрывной связи различных этапов его развития - от истоков, неизменно ассоциирующихся с деятельностью первой и трех последующих дореволюционных Государственных Дум, через семь десятилетий специфических форм советского народовластия, до возобновления работы Государственной Думы, как нижней Палаты парламента, предусмотренного Конституцией Российской Федерации 1993 года.

Даже последнее десятилетие российской политической истории, характеризуемое как период «перестройки и реформ», в аспекте становления и развития современной формы парламентаризма нередко рассматривается фрагментарно, охватывая лишь думский период, что зачастую совершается лишь в угоду политической конъюнктуре. Хотя основные вехи современной политической истории России неразрывно связаны с различными этапами развития парламентаризма, а в его современной истории можно четко выделить периоды:

- трансформации системы Советов в парламентаризм советского типа (1989 - 1991 гг.);

- острейшего противостояния в 1991-1993 годах народного представительства в лице Съезда народных депутатов РСФСР с президентской властью, которая, будучи порождением Советов, сразу же после возникновения стала изничтожать существовавшую систему законодательных и представительных органов;

- атрофии парламентской системы (1993-1995 гг.), наступившей после кризиса сентября - октября 1993 года, когда исполнительная власть

доминировала во всех сферах жизни, подменяя через указное право даже законодательную функцию Думы;

- восстановления общественной значимости парламента (после выборов 1995 г.), усиления его роли, особенно после краха социально-экономической стратегии исполнительной власти после 17 августа 1999 года, когда в условиях морально-политического поражения президентской власти Государственная Дума де-факто получила возможность стать полноценным законодательным и представительным органом, в полном объеме выполняющим свои конституционные функции.

Однако какой бы период в развитии представительных и законодательных органов власти в России не изучался, роль и значение в обществе парламента, его восприятие народным менталитетом просто невозможно оценить без анализа истоков зарождения нынешней формы народного представительства в конце 80-90-х годов, и тех народных аспектаций, которые породила перестроечная политическая реформа.

Союзный Съезд: несбывшиеся ожидания

Импульс к трансформации системы Советов в парламентаризм советского типа официально был дан решениями XIX конференции КПСС (1988 г.), определившей курс на политическую реформу. Наполнение новым содержанием системы народного представительства под лозунгом «разграничения» функций, предложенное в докладе М.С. Горбачева «Как углубить и сделать необратимой революционную перестройку», было во многом непонятно ни для партии, ни для общества. Впоследствии недоумение переросло в оценки типа - доклад «был полон обманных ходов» и сожалений, что «только теперь наши обманутые соотечественники узнают правду о замыслах «прорабов перестройки»[1]. Хотя на самом деле многое в планах инициаторов перестройки и не скрывалось изначально. Например, уничтожение жесткой системы пропорционального представительства в советской системе, передача ей реальных властных функций.

«... Не следует опасаться непропорционального представительства различных слоев общества, - увещевал делегатов М.С. Горбачев, предлагая в завуалированной форме программу ликвидации партийной монополии на власть. - Боевые, политически грамотные и активные люди есть у нас и в рабочем классе, и в крестьянстве, и в интеллигенции. Надо лишь создать хорошо отлаженный состязательный механизм, который обеспечит их наилучший отбор избирателями. И тогда все основные группы населения, их интересы, найдут свое отражение в составе Советов»[2].

Кстати, сам факт телетрансляций с заседаний этого форума стал не только приобщением рядовых избирателей к процессу выработки кар-

динальных политических решений, но и источником массовых ожиданий перемен в обществе. Правда, оценка факта первого опыта этих телетрансляций также неоднозначна. Например, профессор Р.И. Косолапов - известный и давний оппонент М.С. Горбачева - увидел лишь анестезирующий эффект от такого проявления гласности: «Поскольку конференция широко транслировалась по телевидению, час за часом, день за днем отчетливо прослеживалась тактика политического надувательства, которую, к сожалению, всерьез воспринимали...»[3]. Именно после XIX партконференции, как подчеркивал один из близких к М.С. Горбачеву аналитиков - В. Кувалдин - «началось «самоотключение» партийного аппарата от рычагов управления»[4]. Или, как теперь утверждают оппоненты последнего генсека, «он поставил партийное руководство под контроль внепартийной, чиновничье-интеллигентской и мелкобуржуазной смеси, в которую быстро стали превращаться Советы», так как «растоптал социально-классовый принцип формирования Советов»[5].

Фактически в том же русле звучит и признание «архитектора перестройки» А.Н.Яковлева о существовании замысла, по которому с системой «надо было ... как-то кончать. Есть разные пути, например, диссидентство. Но оно бесперспективно. Надо было действовать изнутри. У нас был единственный путь - подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали»[6].

Именно к лету 1988 года исследователи относят принятие М.С. Горбачевым решения о переходе к президентской форме правления в виду планируемого ослабления «генсековской вертикали»[7].

Естественно, что для массового сознания скрытые замыслы представителей различных групп влияния в партийном руководстве значения не имели. А последовавшие в 1989 году первые состязательные выборы в новый орган государственной власти - Съезд народных депутатов СССР - породили в обществе большие надежды. Хотя, как свидетельствовали данные опросов общественного мнения (они в ту пору носили еще отрывочный характер, т.к. социологи еще только приступали к освоению общественно-политической проблематики), степень демократичности избирательной кампании подвергалась серьезному сомнению. В апреле - мае 1989 года примерно половина избирателей была согласна с мнением, что избирательная кампания велась демократично, а другая - уверена в противоположном (соответственно 46,6 процента мнений опрошенных против 48,1)[8].

Однако, при всей критичности к прошедшей избирательной кампании, общество многого ждало от Съезда. Пресса полна свидетельств о том, что прямые трансляции из зала его заседаний слушали даже на

улицах, остановках общественного транспорта, прильнув к радиоприемникам. Даже спустя десять лет исследователи и публицисты с удивлением констатируют невиданный всплекск общественного интереса к деятельности государственного органа: «Съезд продолжался 12 дней. Почти две недели никто в стране, по сути, не работал. Прямая трансляция дебатов, от которых захватывало дух, приковала к экранам все взрослое население СССР. Общество глядело в телевизор как в зеркало, узнавая и одновременно не узнавая себя в нем. Оказывается, можно свободно и открыто спорить с самим генсеком. Можно произносить речи, не прошедшие предварительную цензуру в кабинетах ЦК. Можно, не входя в высшую партноменклатуру, предложить свою кандидатуру на пост председателя Верховного Совета СССР. Съезд не произвел революции в стране и обществе. Но он совершил переворот в умах»[9].

Опрос ВЦИОМ, проведенный по «горячим следам» первого Съезда, выявил удивительную вещь: 93 процента советских людей заявляли, что они «в той или иной степени знакомы» с его материалами[10]. В мемуарных источниках даются весьма емкие объяснения возникшей тогда волны интереса и доверия к новым народным избранникам, прошедшим горнило непривычной предвыборной состязательности: «Что перестраивать, простой народ толком не знал. Было много всяких слов, обещаний. Все пребывали в эйфории завтрашнего дня - проснулся утром, и будет полное благоденствие. И это связывалось с новыми людьми в руководстве страны»[11].

Исследования массового сознания, только еще входившие в научную практику того времени, показывали (например, группы ученых под руководством Ж. Тощенко на 150 предприятиях России, Украины, Белоруссии и Казахстана) огромный разрыв между официальными «перестроечными» лозунгами и реальным ощущением перемен, возникающем у людей. Так, на третьем году преобразований каждый десятый был уверен, что перестройка в стране еще не началась, а две пятых советских людей были убеждены, что она идет где-то по верхам, но до них так и не дошла[12].

Более того, согласно исследованиям Лаборатории анализа хозяйственных нововведений ЦЭМИ АН СССР, охватившим 12 тысяч респондентов на предприятиях 7 союзных министерств РСФСР, на Украине, Молдавии, республиках Прибалтики, Средней Азии и Закавказья, если в феврале 1998 года перестройку управления и условий хозяйствования считали скорее негативной 57,5 процента опрошенных, то уже к концу 1998-го (в декабре) таких насчитывалось 71,5[13].

Поскольку под огонь критики инициаторами «перестройки» был поставлен аппарат управления государством и партией (а он, естествен-

но, давал очень много оснований для критики и разоблачений), то формировался в общественном сознании и позитивный стереотип: передача властных полномочий выборным органам как панацея от всевластия некомпетентного чиновничества.

Исследования того времени свидетельствовали о формировании огромных позитивных ожиданий у населении в отношении представительных органов власти. Так, в 1989 году почти половина опрошенных граждан была уверена в том, что для России лучше всего подходит форма государственности с ведущей ролью народного представительства. Причем это - либо обновленная система Советов (16,9 процента мнений), либо собственно парламентская республика (33,1). За президентскую республику высказывались 36,6 процента наших сограждан[14].

Однако по завершении работы Съезда народных депутатов СССР в общественном мнении наметился определенный диссонанс. Так, полностью удовлетворенными его ходом и итогами считали себя только 4,2 процента опрошенных избирателей. Частично удовлетворенными - треть. В то же время почти половина выказывала частичное и полное неудовлетворение[15].

Причем каждый четвертый опрошенный заявлял, что чувствует себя обманутым в надеждах и ожиданиях после завершения работы Съезда. Каждый пятый утверждал, что такого ощущения у него нет. И еще почти половина опрошенных избирателей заявляла, что у них по итогам работы первого Съезда двойственное ощущение[16].

Вместе с тем, 47 процентов советских людей были согласны с тем, что «решения Съезда народных депутатов СССР создали прочную основу для действительных и скорых изменений в жизни людей страны». Правда, почти треть не согласилась с такой оценкой[17].

Причин формирования смешанного, двойственного отношения избирателей к первому опыту советского парламентаризма много. Но если проанализировать публикации ведущих средств массовой информации той поры, то в формировании негативного восприятия существенную роль играли либерально ориентированные СМИ («Комсомольская правда», «Московские новости», «Огонек» и др.), выходившие в ту пору многомиллионными тиражами. Тезис сформировавшейся на Съезде оппозиционной Межрегиональной депутатской группы о «сталинско-брежневском» характере большинства корпуса народных избранников стал доминирующим в наиболее тиражных СМИ.

Однако навязать обществу мнение о том, что Съезд продемонстрировал недостаточную демократичность большинства депутатов, свой «сталинско-брежневский характер», все же не удалось. Социологические зондажи того времени свидетельствовали: если спустя несколько ме-

сяцев после завершения работы первого Съезда до четверти опрошенных соглашались с таким утверждением[18], то к сентябрю-октябрю 1989 года убежденность - «Съезд носил «сталинско-брежневский» характер - разделял лишь каждый шестой-седьмой[19].

Оценивая главные недостатки нового органа власти, самого нового депутатского корпуса, массовый избиратель руководствовался отнюдь не навязываемыми ему псевдоидеологическими конструкциями. «Съезд превратился в «говорильню» для тщеславных и рвущихся к популярности и власти депутатов» - этот вердикт избирателей, в ходе одного из региональных опросов, поддержали более трети респондентов[20]. И это мнение все более укреплялось, по мере того как, несмотря на все съездовские схватки, положение в стране не улучшалось, а ухудшалось. В письмах, адресованных отчаявшимися гражданами высшим органам власти и управления СССР, в числе главных требований к власти был переход от разговоров к конкретной работе по решению жизненно важных для них проблем.

«Мы рабочие и служащие, ветераны труда, дошли до предела скудности продовольственного снабжения. Мяса и колбасы в государственных магазинах нет. Приходится втридорога покупать продукты питания в кооперативах или у спекулянтов... Просим изменить стиль работы ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Совмина СССР. Нужно меньше говорить, а больше делать» (Г.И.Данилевский, Таганрог, Ростовская область).

«Народ верил, что с перестройкой улучшится снабжение населения товарами и продуктами. А что получилось в действительности? Возросли розничные цены на все и вся, организована спекулятивная перепродажа государственных товаров в кооперативах, введены так называемые договорные цены, которые по карману только ворам и грабителям, дефицитом стала даже зубная щетка, с прилавков магазинов исчезли импортные товары. Получается, что «достоинства» перестройки - в бурном росте цен, дефицита, в сплошных очередях и давках. Но народ нельзя накормить демократией и гласностью. Я обеими руками голосую за перестройку, но такую, в которой меньше слов, а больше конкретной заботы об интересах трудящихся» (Л.И.Тарасов, Свердловск).

«Пишу в ЦК КПСС, несмотря на то что знаю: хоть и вся власть у нас принадлежит Советам, но обращаться к ним бесполезно...» (Н.Т.Петров, член КПСС, инвалид Великой Отечественной войны, Ростов-на-Дону»[21].

Однако при всей неоднозначности отношения к новому союзному советскому парламенту, ожесточенной критике его как «говорильни», население продолжало высказывать уверенность, что народное представительство должно играть в нашем обществе главную, руководящую роль (табл.1).

Таблица 1

Кто должен играть в нашем обществе главную, руководящую роль?
(Декабрь 1989 г.)

Мнения	%
Воля народа, выражаемая путем референдума	47,9
Съезд народных депутатов	33,1
Верховный Совет СССР	16,1
Интеллигенция, ученые	10,9
КПСС	7,4
Правительство СССР	6,1
Рабочий класс	4,4
Церковь	2,9
Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Верховного Совета	2,3
Председатель Совета Министров СССР	2,1
Партийное и государственное руководство республик	1,2

Источник: ЦИПКР. Опрос «Политика и мы», 1989 г.

Единовластие КПСС поддерживалось в ту пору, как видно из данных опроса, лишь каждым тринадцатым, в то время как каждый третий опрошенный ставил на первое место институт Съезда народных депутатов (при всех его недостатках). В мемуарных источниках можно найти сходные оценки перемен в общественном сознании, высказываемые видными представителями противостоящих политических сил.

Съезд и Верховный Совет СССР «выявили то, что уже давно ощущалось в обществе, - писал близкий в то время к М.С.Горбачеву его помощник и заведующий Общим отделом ЦК КПСС В.И.Болдин. - Партия оказалась не готова вести борьбу в новых условиях, она все больше теряла управление происходящими в стране процессами... Съездовская дискуссия подтвердила: население в значительной части не поддержало партию еще в дни выборов... Съезд народных депутатов воодушевил тех, кто был некогда индифферентен к политической борьбе... Была поколеблена уверенность коммунистов в способности руководства отстаивать свои принципы. И, наконец, итоги работы Съезда подтвердили горькую истину — неавторитетность политбюро и генсека»[22].

Более того, появление внешне более или менее самостоятельного от партии органа государственного управления серьезно поколебало правящий образ КПСС. «Кризис партии в шоковом прозрении, что народ более не считает партию защитником своих интересов, иначе говоря, народ обвиняет партию в присвоении этой роли... Вот причина кризиса,

причина потрясения. Руководство партии на всех уровнях стало жертвой мифа, созданного многолетней партийной пропагандой», - отмечал профессиональный партийно-комсомольский пропагандист, а в последствии первый руководитель ВГТРК О.М.Попцов[23].

Главным итогом работы первого съезда можно назвать появление в общественном сознании нового типа законности, легитимации власти. Он опирался на волеизъявление народа. Народное представительство в форме съезда народных депутатов СССР было признано обществом как институт власти, представляющий, по крайней мере внешне, большинство граждан.

Контраст восприятия: «новый» союзный Съезд - «старый» Верховный Совет РСФСР

К концу 1989 года руководство КПСС предприняло дальнейшие радикальные шаги по изменению правил политической игры. Причем внешне они вроде бы опирались на поддержку общественного мнения, но на самом деле были внутренне довольно противоречивы. Речь идет о согласии на изменение республиканских выборных законов, об отмене представительства от общественных организаций, фильтров в виде окружных предвыборных совещаний, то есть тех механизмов, которые должны были на первых порах страховать КПСС от потери контроля над новыми представительными и законодательными органами.

Хотя, например в рейтинге проблем, устранение которых позволит избежать разочарования избирателей ходом выборов, отмена института окружных избирательных комиссий, судя по опросам, занимала далеко не первое место (лишь 23,2 процента мнений). Во главу угла избиратели уже тогда ставили проблему равного использования средств массовой информации в выборной кампании (27,5), а также строгого наказания тех, кто пытается манипулировать общественным мнением, оказывать давление на избирателей (20,3). При этом, естественно, полным одобрением пользовалась точка зрения, что сами избиратели не должны давать себя обманывать и надувать (60,9 процента)[24].

Понять, зачем так активно руководство КПСС спешило пилить «сук», на котором «сидит», на первый взгляд, трудно. Общество требовало отнюдь не введения большего элемента стихийности в избирательный процесс. Причина, очевидно, была в логике межгрупповой политической борьбы.

Да, с одной стороны, как выяснилось, «большинство союзных депутатов, — отмечал в своих мемуарах А.И.Лукьянов, — с самого начала достаточно твердо были настроены в пользу решительного реформирования, но ни в коем случае не разрушения того общественного строя,

который сложился в нашей стране»[25]. С другой - по признанию одного из сопредседателей МДГ Г.Х.Попова - после того как на первом Съезде в Верховный Совет «не избрали ни Сахарова, ни Афанасьева, ни меня», Горбачев понял, что «вообще может оказаться без оппозиционных депутатов». И в таких условиях сделать парламент «рычагом давления на ЦК, как мыслилось Михаилу Сергеевичу, никак не удастся»[26]. Со своей стороны, «демократическая оппозиция» осознавала, что ресурс, которым она располагала в составе союзного Съезда (по оценке того же Г.Х.Попова, до 300 депутатов из 1500, по другим данным - 386 депутатов, из которых 286 представляли РСФСР)[27], обрекал ее действительно только на роль декоративного пугала оппонентов М.С.Горбачева.

Как показывали опросы общественного мнения, оснований для тревоги за собственные политические позиции и у М.С.Горбачева, и у руководства МДГ было достаточно. Например, избрание Генерального секретаря ЦК КПСС Председателем Верховного Совета, по данным ВЦИОМ, безоговорочно одобрили только 52 процента населения. Различные оговорки по этому поводу выдвинули - 31 процент, а 10 - решительно не поддержали. До ожидаемой «всенародной любви» результат, мягко говоря, не дотягивал. Но и альтернативы МДГ не имели широкого общественного отзвука. Так, в процессе исследования было предложено «решительно недовольным» избранием М.С.Горбачева выдвинуть свои кандидатуры. При этом выяснилось, что Б.Н.Ельцина в качестве Председателя ВС СССР хотели видеть 46 процентов противников М.С.Горбачева (это лишь 4,6 процента опрошенных), а А.М.Оболенского - 4 (0,4 процента от опрошенных)[28].

Кстати, сама МДГ была далеко не единой ни в ходе съезда, ни после него. Институт сопредседателей свидетельствовал как раз об этом. Даже по единственному, объединяющему ее вопросу об отмене шестой статьи Конституции СССР, по признанию Г.Х.Попова, не было жесткой общей точки зрения. Опрос, проведенный среди членов Межрегиональной депутатской группы, показал следующее. Половина оппозиционных депутатов полагала, что статью 6 надо изъять и разрешить формирование любых политических объединений. Примерно две пятых из них были настроены более радикально: изъять конституционную норму о КПСС и обсудить вопрос о переходе к многопартийности. И только 5 процентов оппозиционеров все равно были убеждены в необходимости сохранения однопартийной системы и закрепления за КПСС руководящей роли[29].

Феномен раздвоенности общественного восприятия оппозиционных лидеров аналитики заметили еще в то время. Исследования, о которых докладывали руководству РСФСР в конце 1989 года, свидетельство-

вали: эмоциональная пена в массовом сознании, на котором держится публичная весомость лидеров МДГ, недолговечна, так как симпатизирующие лидерам «демократической оппозиции» избиратели в большинстве своем исповедуют другой набор общественно-политических ценностей, чем те, которые отстаиваются представителями Межрегиональной депутатской группы[30].

В итоге, казалось бы взаимоисключающие, политические расчеты привели к тому, что М.С.Горбачев, с «архитекторами перестройки», и лидеры «демократической оппозиции» осознали необходимость поменять одно «агрессивно-послушное большинство» на другое, но - с противоположным знаком. И сделать это решили на «материале» Российского съезда народных депутатов.

Вместе с тем, стремительно развивавшийся процесс общественного недовольства требовал - и от той, и от другой группы - изобретать различные ипостаси «противников перестройки» для «ориентации» именно на эти негативные «образы» общественного недовольства. Волею судеб среди них оказался и «старый» Верховный Совет РСФСР, работа которого резко контрастировала с союзными съездовскими новациями и служила живым примером «дани застойным временам». На этом фоне «прогрессивность» союзного депутатского корпуса, и особенно МДГ, смотрелась более отчетливо. Недаром к декабрю 1989 года были «довольны» и «частично довольны» поведением избранных депутатов СССР 45 процентов опрошенных - в сравнении с периодом сразу после первого Съезда, когда таких было 37,2. Правда, и недовольных оставалось много. В декабре - 43,5 против 45,8 процента полностью и частично недовольных[31].

В конце 1989 года «демократической оппозицией» была развернута кампания дискредитации «старого, аппаратного» Верховного Совета РСФСР. Но «эффект» был неожиданным. Как оказалось, «попытки московских «демократов» оказать давление на депутатов (пикетирование у гостиницы, подбрасывание в номера различных листовок, обращений)», вызвали только «обратную реакцию депутатов, возмущение - за кого нас принимают?!», да к тому же породили выступления, негодования на самой сессии по поводу призывов, например, Московского объединения клубов избирателей «к подрыву и саботированию законов Советской власти путем дезорганизации в народном хозяйстве, особенно в продовольственном обеспечении, торговле, как самой уязвимой социальной отрасли»[32] .

В итоге очередная сессия «старого» Верховного Совета чуть было не закончилась одобрением необходимости проведения выборов по про-

изводственным округам дабы компенсировать явные диспропорции в представительном характере высших органов государственной власти. Однако, несмотря на широкую поддержку этой идеи (ее даже развивал на российской сессии народный депутат СССР, известный позднее реформатор Н.И.Травкин), решение не состоялось[33].

Дисциплинированное большинство «старых» российских депутатов, несмотря на массированное присутствие на сессии и давление союзных депутатов из МДГ, добросовестно реализовало установки Политбюро ЦК КПСС, чтобы в РСФСР «иметь съезд, две палаты». Кроме того - «от общественных организаций депутатов не избирать». И самое главное, столь активно обсуждаемую идею о выборах депутатов от производственных округов - на сессии лишь «выдвинуть»[34]. Здесь явно просматривалась своеобразная тактика союзного руководства - попугать оппонентов, обозначив для сторонников «бег на месте».

Надо отметить, что работа «старого» Верховного Совета РСФСР и дальше подвергалась постоянной критике в либеральных СМИ. Даже после того как в ноябре 1989 года прошла его последняя сессия, они не упускали случая, чтобы не «заклеймить» принятые уже в 1990 году - в период подготовки первого Съезда народных депутатов республики - решения Президиума Верховного Совета РСФСР.

Понятно, что атака «демократических» сил на «старый» Верховный Совет РСФСР, как одно из воплощений пресловутого «аппарата», носила фоновый характер. Эта критика выполняла вспомогательную агитационно-пропагандистскую функцию в период предвыборной кампании за мандаты народных депутатов Российской Федерации. А Съезд и Верховный Совет СССР рассматривался МДГ, судя по всему, лишь как инструмент, база для разворачивания наступления на российском направлении. «Общесоюзный парламент, особенно Верховный Совет, стал фактором сдерживания реформ»[35] - такое мнение стало доминирующим в «демократических» кругах. И у инициаторов перестройки, и у «демократической» оппозиции укреплялись надежды, что новый республиканский парламент, как более легитимный, избираемый по более демократическим законам, сможет стать плацдармом для нового «рывка» в борьбе за власть и влияние. В условиях, когда нарастала нестабильность, рушились хозяйственные связи, дефицитом становилось все и вся, стремительно падал авторитет партии и ее генсека, каждая из противоборствующих сторон надеялась завоевать послушное себе агрессивное большинство.

Российский Съезд: чьи лидеры сильнее?

После того как МДГ убедилась в бесперспективности оппозиционной работы на Съезде народных депутатов СССР, она, по признанию ее ли-

деров, перешла к тактике борьбы за власть на «нижних» этажах. Причем аналитики МДГ быстрее, чем в КПСС, поняли значимость лидерского фактора в этой борьбе за общественное доминирование. Кампания за массовую поддержку уже в 1990 году строилась на использовании лидерских политических технологий.

«Для организации выборов парламента России мы создали из всех организаций, поддерживающих нас, единый блок «Демократическая Россия», - вспоминал Г.Х.Попов. - Мы достаточно продуманно выдвинули кандидатов, обеспечили их регистрацию и включение в списки. И потом боролись за их победу.

... Трудностей было много - уже в том, как подсказать избирателям, что такой-то кандидат от «Демократической России». Выход был найден. Если избирателям были неизвестны фамилии Иванов, Петров, Сидоров, то подписывали обращение к избирателям Ельцин, Травкин, Попов, Афанасьев, Станкевич, Мурашев. Это означало, что это наш кандидат»[36].

Нельзя сказать, что в окружении тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В.И.Воротникова не было понимания кардинальных перемен в электоральной ситуации, народном менталитете, необходимости использования адекватных методов общественной борьбы в условиях доминирования личностных факторов в восприятии политики основными массами избирателей. «Специфическая черта современной ситуации, - разъясняли уже тогда политологи руководителям РСФСР, - это персоналистский характер массового сознания. У нас сейчас, как нигде в мире, восприятие политики идет через личность, строго личностное. Причем на это накладываются три момента. Во-первых, наша старая политическая российская традиция. Далее - однопартийная система в условиях кризиса партии, когда просто невозможен взгляд через партию, а те мелкие организации, которые претендуют на роль партии, так называемые неформальные движения, как показывают исследования, широкими слоями просто не воспринимаются... Иначе говоря, партийного ориентира пока быть не может - ни со стороны КПСС, ни со стороны неформалов. И наконец, третий момент, который накладывается на ситуацию, - это то, что мы имеем дело с общемировой тенденцией, общецивилизационным явлением - кризисом партии как специфического типа массовой организации, как политического субъекта действия. ... Эти три обстоятельства создают у нас колоссальный персоналистский момент. Отсюда та легкость, с которой возникают популистские харизматизированные лидеры - будь то ельцинский случай или другие, которых много на региональном уровне. Совершенно очевидно, что они будут возникать, исчезать, и политическая борьба

будет именно такой, нравится нам это или нет. Она будет восприниматься и протекать прежде всего как дуэль политических лидеров»[37].

Мемуарные источники свидетельствуют о безуспешности попыток тогдашнего руководства РСФСР, осознававшего суть происходящих перемен, повлиять на выборный процесс в республике. Избирательная кампания, по признанию В.И.Воротникова, была брошена партийными комитетами на самотек. «Секретариат ЦК российскими выборами не занимается, - отмечал Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР на одном из заседаний Комиссий ЦК КПСС, посвященных выборным кампаниям в республиках. - Местные партийные организации дезорганизованы собственной перестройкой (идет массовое сокращение аппарата). Необходимы срочные меры организационного и идеологического порядка. Президиум Верховного Совета РСФСР не имеет аппарата, способного организационно проводить кампанию. Выборы всегда были и должны остаться делом партии. А сейчас в ЦК отделы вообще отстранены от предвыборной кампании. Бюро ЦК по РСФСР, о котором говорили, пока нет. Чего же мы ждем - провала? Он будет. Тогда станем искать виновных»[38].

Или еще один пример более позднего увещевания В.И.Воротниковым руководства КПСС: «ЦК КПСС, партийным комитетам надо, наконец, взбодриться, вплотную заняться выборами. Пока дело идет самотеком. Более того, на места идут указания - не вмешиваться. Как же так можно?! Если не возьмем выборы в руки - будет провал!»[39].

Кстати, странная для политической партии установка - «не вмешиваться» в избирательную кампанию - имела в тот период множество вариаций. Дело доходило то того, что и часть высокопоставленных представителей партийного аппарата, как позже выяснилось, удачно вписавшегося в новую «реформаторскую» элиту, даже вполне публично вела кампанию в пользу ухода КПСС от властных рычагов. «Надо, наконец, назвать вещи своими именами, - сказал в дискуссии о роли партии секретарь Севастопольского РК КПСС Москвы А.Брячихин, - либо партия отказывается от власти, либо нет. И если отказывается, то пора уже все передать Советам - и кадровые вопросы, и управление экономикой»[40]. Объяснить такие взгляды наивностью трудно, так как политическая партия, отказывающая от государственной власти, борьбы за нее, по сути, превращается в ничто.

На фоне таких описаний предвыборной обстановки, царившей в партийных структурах, весьма характерны свидетельства восприятия предвыборной ситуации с противоположной стороны. Вот выдержки из стенограммы заседания одного из структурных подразделений МДГ -

Московского объединения клубов избирателей, записанной одним из участников (мероприятие было посвящено выборам народных депутатов РСФСР).

«Г.Х.Попов: ... У нас есть все шансы для победы. Но консервативные силы будут яростно бороться. Раньше они не верили, что депутаты будут иметь власть. Сейчас происходит столкновение с сотнями тысяч. Нужно ставить на учет каждого депутата РСФСР. Ему нужно втолковать, что если он будет голосовать не так, как МДГ, то жить в этой стране будет невозможно...

В.Фадеев (Таганский район): Во время избирательной кампании не обойдется без драк, нарушений общественного порядка, будет проливаться кровь. Кто нас защитит от суда? Кто будет платить штрафы и защищать от закона?

Ответ президиума: У нас есть деньги, чтобы платить штрафы. Есть список 30 адвокатов, которые будут защищать наших людей. Двигать дело будут те, кто не боится сесть на 15 суток и более.

И.Закураев: Надо использовать опыт польской «Солидарности», широко распространять наши материалы, вкладывая в каждый почтовый ящик»[41].

Властное положение КПСС с начала 1990 года буквально рушилось на глазах. Людей уже раздражала «говорильня» на всех уровнях при ухудшающейся все более ситуации в стране. Почти две трети населения видели в деятельности органов власти и общественной жизни только одно - «разговоры, слова» (две трети мнений), совсем не ощущая «практического дела и перестройки» (лишь 1,9 процента)[42]. Харизма М.С.Горбачева, ранее замкнувшая в условиях кризиса партии на себя народные аспектации, стремительно таяла. Избрание его в марте 1990 года Президентом СССР на Съезде народных депутатов Союза не придало его власти большей легитимности. Отказавшись от подтверждения своих полномочий всенародным голосованием, президент М.С.Горбачев мало чего добился, опираясь на снижающийся авторитет союзного парламента, который все больше ассоциировался с политическим механизмом, действующим преимущественно в интересах консервативной части тогдашней советской элиты.

Поход лидеров МДГ (от Б.Н.Ельцина до М.А.Бочарова, от Г.В.Старовойтовой до Н.И.Травкина) за мандатами депутатов российского Съезда усиливал делегитимацию в общественном мнении союзных структур. К началу 1990 года стало ясно, что ситуация окончательно выходит из-под контроля руководства КПСС. Как отмечал уже в тот период исследователь Б.Кагарлицкий, «сам бюрократический аппарат окончательно утратил целостность, распался на враждующие и соперничаю-

щие группировки», «одно ведомство выступало против другого, одна республика против другой и все вместе против центрального правительства и партийного аппарата, пытавшегося хоть как-то навести порядок в этом хаосе»[43].

Спустя десять лет лидеры МДГ высказывают сожаление, что логика их борьбы за власть способствовала крушению государства: «Съезд народных депутатов СССР допустил огромную ошибку, разрешив собраться Съезду России. Как только был создан российский парламент, он тотчас провозгласил независимость России»[44]. Хотя все понимали, что российский Съезд не являл бы собой разрушительной силы, если бы КПСС сохраняла здесь контроль над депутатским корпусом в той же степени, что и на союзном уровне. Но в том-то и дело, что союзное партийно-государственное руководство как бы специально отказывалось от этого. Увещевания, записки в ЦК КПСС тогдашних лидеров РСФСР ситуации не меняли. Отсутствие у КПСС в РСФСР своей партийно-политической структуры сыграло для этой партии роковую роль в решающий момент борьбы за власть в республике.

В этих условиях Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В.И.Воротников и его аппарат вынуждены были брать на себя политические функции. При этом следует отметить, что в исторической литературе практически вне сферы научного внимания находится весь период становления новой системы представительных органов власти в Российской Федерации. Как обойдена вниманием историков и неоднозначная политическая фигура последнего Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В.И.Воротникова[45]. Его роль в трансформации непосредственно российской советской системы представительства практически не изучена. Хотя именно он был в числе тех, кто стоял у истоков принятия многих важных для Российской Федерации решений, в том числе по отработке системы альтернативных выборов в РСФСР - более демократичной, чем на союзном уровне[46]. Кроме того, В.И.Воротников руководил всей работой так называемого предпарламента, когда в течение месяца до созыва первого Съезда народных депутатов РСФСР в мае 1990 года не аппарат ЦК КПСС, а полномочные представители региональных депутатских групп (избранные на соответствующих собраниях народных депутатов РСФСР) отрабатывали организационные и процедурные вопросы предстоящего форума. Кстати сказать, практически оказалась забытой и роль В.И.Воротникова как автора первого варианта Декларации о суверенитете РСФСР, а также доклада, в котором обществу впервые была предложена концепция повышения роли Российской Федерации в обновленном Союзе[47]. Естественно, без таких

«идей», как верховенство российского законодательства над союзным и “глотание” автономиями суверенитета столько, сколько они пожелают.

Активность тогдашнего главы РСФСР на подготовительном этапе Съезда была очень значительной: поездки по регионам, пресс-конференции для областной прессы (что вообще тогда не было характерным для членов Политбюро), инициативные политические заявления Президиума Верховного Совета РСФСР (например, по положению русского населения в Литве[48]). В условиях, когда сами сторонники Б.Н.Ельцина признавали, что в новом депутатском корпусе они контролируют лишь 20-25, от силы 30 процентов мест[49], В.И.Воротников воспринимался как наиболее проходная фигура на пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

Да, рейтинг В.И.Воротникова в общественном мнении, по замерам Центра исследований политической культуры России, в 1990 году был на уровне 2-3 процентов. Но в депутатском корпусе, где доминировали, по преимуществу, партийные, хозяйственные и советские работники, его авторитет был высок[50]. Однако открытое дистанцирование Воротникова от участия в политической борьбе за пост руководителя РСФСР, с одной стороны, и отсутствие внятной позиции руководства КПСС по кадровому вопросу - с другой, создали большую неопределенность в депутатском корпусе. Сам факт, что официальный кандидат от КПСС на пост Председателя Верховного Совета РСФСР - И.К.Полозков - был определен лишь в процессе работы Съезда, за день до голосования, свидетельствовал о глубоком параличе правящей партии. Хотя выдвижение И.К.Полозкова было, пожалуй, одним из первых на выборах такого уровня прецедентом, когда решение принималось на основании реального рейтинга претендента в депутатском корпусе[51].

Кризисная эпоха требовала выдвижения не просто общественно активных деятелей, но и личностей, способных «облечься» в харизму или, на худой конец, придать себе отдельные ее черты. У КПСС же в тот момент так и не нашлось достаточно авторитетных деятелей, которых можно было бы противопоставить “демократам” с их широким набором “свежих” людей, способных предложить личную созидательную программу перемен. Даже такие известные в КПСС лидеры, как И.К.Полозков или Е.К.Лигачев, сохраняли симпатии лишь 1-2 процентов населения каждый, тогда как доверие Б.Н.Ельцину выражали 45, А.Д.Сахарову - 22, А.А.Собчаку - 19 процентов и т.п. В то же время большинство россиян все еще не отказывали и в доверии КПСС как политической партии[52].

Решающая часть народа, да и депутатского корпуса, на переломе 1989-1990 годов еще готова была, как показывают социологические

исследования того времени, поверить в КПСС. Но верить... было не в кого[53]. Поэтому лидерский кризис обрек эту партию на поражение в борьбе за отстаивание своей модели реформирования общества. Хотя идеи и предложения у КПСС были адекватны требованиям времени и общества, провести их через одобрение высшим народным представительством она не смогла из-за поражения в борьбе за доминирование партийных лидеров в общественном мнении.

Избрание в мае 1990 года опального в то время Б.Н.Ельцина[54] Председателем Верховного Совета РСФСР, как уже упоминалось, было в тогдашней политической ситуации делом далеко не предрешенным. Например, по свидетельству одного из шахтерских лидеров, народного депутата РСФСР А.Ф.Бира, Борис Ельцин поначалу не рассчитывал завоевать высший государственный пост в РСФСР, так как «партия уже дала установку членам партии, за кого голосовать». Он даже заявлял: «Я - фигура непроходная»[55]. Но такой вывод был бы справедлив еще в ситуации 1989 года. А в условиях раскола элиты, новой расстановки сил в обществе невозможное оказалось возможным.

Видные аналитики «Демократической России» В.Шейнис и А.Назимова, проанализировав по горячим следам состав нового российского депутатского корпуса, не решились прогнозировать поддержку своему политическому направлению свыше 30-35 процентов[56]. Однако в российском депутатском корпусе в доминирующем положении оказались как раз «отслаивающиеся» от центрального руководства КПСС представители номенклатуры. Вроде бы, в сравнении с союзным Съездом (без учета депутатов от общественных организаций), в российском доля представителей высшего эшелона управления увеличилась с 14,4 до 18,7 процента. Внутренняя структура этой группы оказалась такова, что доля секретарей обкомов и горкомов уменьшилась, а удельный вес высшей региональной номенклатуры, уже не так жестко связывающей себя с КПСС, возрос в 1,5 - 3 раза. Схожая была ситуация в структуре депутатов, представлявших средний слой управленцев, доля которых в составе Съезда народных депутатов РСФСР составляла 37,9 процента, что в 1,2 раза больше, чем было избрано в союзный парламент годом раньше. Здесь, правда, помимо доли советских работников возросла и численность первых секретарей райкомов, но последующее развитие событий показало, что многие из низовых партработников, рекрутированных в аппарат на волне перестройки, предпочли партийной дисциплине карьерный взлет в рамках реформаторско-демократических структур.

В итоге, как оценивают большинство исследователей, политическое пространство Съезда было структурировано следующим образом: треть

депутатов ассоциировала себя с «Демократической Россией», треть - с компартией, а еще треть занимала промежуточные позиции, не имея отчетливых политико-идеологических установок. В этих условиях лидерский, эмоциональный фактор в управлении поведением депутатского корпуса показал свое решающее значение. Это и предопределило успех МДГ, и лично Б.Н.Ельцина, в борьбе за доступ к рычагам власти в российском ядре союзного государства.

Как показывает анализ материалов СМИ того периода, в народном восприятии он был чем-то вроде «личности-загадки». Именно данная черта отличала в глазах многих из людей конца 80-х годов и Бориса Николаевича Ельцина. Не будучи причислен к "высшему эшелону" партийной элиты («всего только» кандидат в члены Политбюро) и «обиженный» коллегами по МДГ, отказавшимися признать его единоличным лидером, он, тем не менее, успел заинтриговать общественное мнение целой серией "нестандартных поступков", особенно «бунтом» против семьи Горбачевых.

У исследователей, да и политиков, ныне уже устоялось убеждение: именно образ «гонимого» помог Б.Н.Ельцину добиться харизматичности. Но, как показывают исследования той поры, дань отсвету жертвенности, окружившему, было, имя Б.Н.Ельцина, даже тогда отдали не более 10-12 процентов населения[57]. Главным для большинства - в ту пору еще советских - людей оказалось совсем иное. "В Верховном Совете СССР очень нужны будут критически настроенные личности; Ельцин - тот тип руководителя, который необходим сегодня стране" - вот чем пытались сами для себя объяснить триумф Бориса Николаевича на всесоюзных выборах 1989 года не менее двух третей сограждан[58].

Гораздо большее значение для формирования позитивного, и порой восторженного, восприятия Б.Н.Ельцина сыграла в те дни «высочайшая расплывчатость» его политических позиций. И борец за чистоту КПСС, и новообращенный антикоммунист, и почти русский националист, и просвещенный космополит. Даже по поводу своего выхода из компартии Ельцин «шутил», что партийность, мол, дело - персонально каждого. «У нас в семье, - заявил он на всероссийском собрании советских руководителей, - и то плюрализм: один выходит, другой не выходит[59]...

Исторический опыт учит: благодаря подобной многоликости деятель, борющийся за свою «особость», всегда получает шанс войти в плодотворный контакт с самыми разными по воззрениям слоями населения. А «разноликость» Б.Ельцина была в ту пору невероятной. Один только пример: для большинства россиян (опрос 1990 г.) он ассоциировался с целой «россыпью» исторических персонажей, которыми особенно инте-

ресовался народ. Примерно по 20-30 процентов «ярых почитателей» Ельцина умудрялись усматривать в нем - кто Ленина, а кто Николая Второго; кто Керенского, а кто батьку Махно; кто красных героев Фрунзе и Тухачевского, а кто белых генералов Деникина со Врангелем. Находились люди, «откапывавшие» в тогдашнем образе Ельцина характерные черты как Троцкого, так и Дзержинского (по 7 процентов мнений), а также решавшихся на целый ряд других, не менее парадоксальных, сопоставлений[60].

Для многих исследователей остается загадкой, что же цементировало столь противоречивый образ Б.Н.Ельцина в народном восприятии? И здесь, по всей видимости, важнейшим стал так называемый «российский фактор».

С одной стороны, все более значительную роль играло уже стихийно рождавшееся, хотя и далеко не до конца осознаваемое народом, чувство обиды, даже оскорбленности. Ведь убежденность в том, что Россия была реально равноправна с прочими братскими республиками, сохранял всего один житель СССР из трех (опрос 1990 г.). "До выхода РСФСР из Союза дело, надо полагать, не дойдет, но напомнить о достоинстве России и русских не мешало бы" - вот как начинали расценивать обстановку в стране до половины советских людей. А кое-кто (свыше четверти из них), и прямо «ловился» на крючок "суверенизации" Российской Федерации, всерьез склоняясь к идее, выразителем которой становился Ельцин, о "выходе" из собственного же союзного государства[61].

С другой стороны, людей всерьез стала пугать волна всевозможных расколов и отчуждений, уже захлестывающая советское общество. Материалы тех же опросов показывали, что решающая масса населения просто не в силах уже была определить, что и с кем ее продолжает связывать. Скажем, около 6 процентов респондентов уповали на религию, 7 - на национальную солидарность, 8 - взывали к общим политическим симпатиям, а 11 -доказывали, будто все зависит от того, кто с кем вместе учился и т.д. Отсутствие элементарного чувства локтя - вот что начинало (отчасти исподволь) стимулировать общественные ориентации людей. В противном случае вокруг них попросту могло не остаться никого и ничего уважаемого. И «без того» заслуживающими признания считали, скажем, членов правительства СССР - лишь 6, а работников партийных и советских органов - по 1 проценту граждан. Лишалась остатков престижа КПСС (ее «принимали» 15 процентов советских людей). Но и "неформальные движения", которым только еще предстояло стать новыми партиями, готовы были «чтить» - самое большее - 18 процентов граждан[62].

В этих условиях нужен был тот, кто объединил бы всех и вся в стране. Именно такие эмоции и “лили” воду на “мельницу” зарождавшихся в российском обществе «харизматиков». “Дело не в количестве партий, а в том, чтобы у руля руководства страной стоял энергичный руководитель” - эта мысль пропитала на рубеже 90-х годов умы более чем половины наших соотечественников. Они все больше приходили к выводу: только Борис Николаевич, наделенный всеми возможными полномочиями, в силах будет спасти державу от кризиса и катастрофы, до которой довели и СССР и РСФСР предшествовавшие ему правители. Так обобщенно выглядели в те дни ориентации до 45 процентов всех советских людей[63].

Но вот что примечательно. Уже тогда, на переломе 90-х годов, только-только набиравший харизматическую силу образ Ельцина в общественном сознании страдал некоторой незавершенностью. Потому что даже самые искренние его приверженцы не в силах были выделить хотя бы одну - главнейшую, контролирующую все прочие, - черту характера своего «кумира». Активность, смелость, честность признавались за ним опрошенными почти в равной, хотя и весьма скромной, степени (28-30 процентами участников социологических зондажей). А вот что в Ельцине было «стержневого» - наши сограждане так и не смогли решить. Странновато выглядел и тот факт, что совсем немногие (14-15 процентов), даже в пору «первой влюбленности», не смешивали его упрямство с общепринятым понятием силы воли. И еще: не меньше 13 процентов делали акцент на его жестокости[64].

Попросту говоря, уже в первоначальной и столь богатой «харизматической палитре» будущего президента просматривались куда как опасные для его престижа “швы” в массовом восприятии, которые проявились в полном спектре спустя всего год-полтора...

Война двух парламентов

Победа МДГ на российском уровне позволила получить «демократам» доступ не только к рычагам исполнительной власти. Они теперь представлялись более законными, чем «окопавшаяся» в союзных структурах непопулярная часть правящего слоя, на который удобно стало и списывать все грехи.

Поддержку избранному Съездом российских депутатов Б.Н.Ельцину, как главе республики, декларировали в июле 1990 года 85 процентов опрошенных, а новому председателю Совета Министров И.С.Силаеву - 43. И даже месячное наблюдение по ТВ за нагнетающе-затяжными депутатскими баталиями не поколебало уверенности (аж у 20 процентов!) граждан в том, что избранный Верховный Совет РСФСР готов к

профессиональной деятельности[65]. Хотя «перекормленность» населения парламентскими дебатами ощутило и новое руководство РСФСР. Б.Н.Ельцин признавался: «Конечно, заседания эти уже надоели порядочно, особенно людям смотреть по телевидению, но я думаю, что сейчас будет каникулярное время, и народ немножко отдохнет[66].

Поддержка российского парламента изначально была очень высока. Даже в период памятных доныне забастовок трудовые коллективы декларировали доверие новому Верховному Совету РСФСР и его председателю. Отвечая на такие своеобразные проявление поддержки, Б.Н.Ельцин говорил: «Спасибо за такое доверие. Я заявляю, что нам нужно два года для того, чтобы стабилизировать экономику и третий год уже направить на то, чтобы повышать жизненный уровень населения... В отношении забастовок. Конечно, это крайняя мера. Тем не менее, сколько меня ни убеждали, я не счел нужным обращаться к горнякам, шахтерам, чтобы они не выразили какой-то свой политический акт 11 июля, считая, что это их дело, и моя единственная была просьба, чтобы они не удлиняли срок этой забастовки или политического акта, а был он короткий, чтобы не дестабилизировать обстановку в России»[67].

Понятно, что невиданные народные аспектации нужно было чем-то подтверждать. В условиях всеобщего товарного дефицита, разрыва хозяйственных связей, естественно, на передний план выходили проблемы реформирования экономики. Тем более, что во многом «кресло» Председателя ВС РСФСР досталось Б.Н.Ельцину за обещание реформ без повышения цен. Здесь он чутко уловил народные настроения. Лозунг «Движение к рынку - прежде всего за счет государства, а не за счет простых людей» к концу 1990 - началу 1991 года имел наибольшую популярность. Причем, согласно данным опроса ВЦИОМ (2600 респондентов в России, в Украине, Эстонии, Грузии, Таджикистане, Узбекистане), если в среднем по Союзу каждый десятый был готов во имя «перехода к рынку» согласиться на временное снижение уровня жизни, то по РСФСР таких граждан было лишь 6 процентов. Только в социальной группе хозяйственных руководителей 35 процентов, осознавая реальную ситуацию, соглашались на «затягивание поясов». Видимо, реализм «красных директоров», как их потом назвали, сделал из них одну из главных мишеней для атак со стороны «перестроечно-реформаторских» сил (наряду с госаппаратом и КПСС). Считали же государство должником, который обязан погасить свой долг перед гражданами незамедлительно («Наше государство так часто решало свои проблемы за счет простых людей, что сейчас мы вправе потребовать от него улучшить условия жизни в самый короткий срок и не согла-

шаться на политику «затягивания поясов»), по Союзу - 54, а по РСФСР - 56 процентов[68].

В этих условиях начался поиск «чуда», которое быстро изменило бы к лучшему ситуацию в экономике. Таковым представлялась «железная рука» рынка, способная «все расставить по своим местам». Хотя общественное мнение даже в ту пору отнюдь не однозначно склонялось к тому, чтобы в ближайшие год-два наша страна перешла от плановой экономики к рыночной. В упоминавшемся уже июльском, 1990 года, опросе ВЦИОМ (проведенному по инициативе ВС РСФСР) безусловную поддержку этой идее высказал 21 процент российских граждан, а безусловно отвергло - 20. В целом же соотношение в той или иной степени желающих «прыжка в рынок» и его противников выглядело как 5 : 4.

Однако руководство Верховного Совета РСФСР представило общественности свою форму организации «экономического чуда» в программе «Пятьсот дней», которую предложило союзным властям. Только сегодня, с высоты исторического опыта, ясно видны ее огромные недостатки и нереальность. Например, невозможно без усмешки читать программное положение о том, что на 250-400-й день «будет» проведена жилищная реформа, а минимум заработной платы - рассчитываться с учетом нового уровня расходов населения на содержание жилья[69]. Спустя десять лет ни одно реформаторское правительство так и не сумело решить эту проблему, боясь колоссальных социальных издержек от такого шага.

Непринятие союзным руководством программы «Пятьсот дней» стало формальным поводом для разворачивания «войны законов» в целом, для противостояния союзного и российского парламентов. Однако при всем ропоте и недовольстве в общественном мнении по поводу этой ситуации российский парламент в борьбе с союзным пользовался доминирующей поддержкой. Исследования ВЦИОМ осенью 1990 года показывали, что массовое сознание было склонно к решительной передаче многих управленческих функций из союзной компетенции в российскую (табл. 2).

Те же исследования подтверждали, что российское общество на том этапе соглашалось, в принципе, с возможностью ведения «войны законов». Так, почти половина граждан РСФСР (46 процентов) утвердительно отвечала на вопрос: «Должны ли органы Российской Федерации иметь право отменять или приостанавливать решения органов Союза ССР?». Противников же было только - 21. Правда, механизм такой отмены в народном восприятии должен был обеспечивать взвешенный и осторожный подход. Так, 25 процентов полагали, что такое право можно осуществлять только через институт референдума, а 22 - через законодательные процедуры в Верховном Совете РСФСР.

Таблица 2

В области распределения прав и полномочий между Российской Федерацией и Союзом ССР существует ряд нерешенных проблем. Укажите, какие из перечисленных вопросов, по Вашему мнению, Российская Федерация должна решать самостоятельно, какие передать в ведение Союза, а какие требуют согласования между Российской Федерацией и Союзом ССР *(%)*?

Сфера компетенции	РСФСР должна решать самостоятельно	Нужно передать в ведение СССР	Требуют согласования
Вопросы обороны	24	26	33
Вопросы охраны общественного порядка и государственной безопасности	44	12	31
Собственность на землю, недра, полезные ископаемые	67	5	16
Представительство в международных организациях	45	11	27

Источник: Всероссийский опрос ВЦИОМ. Население РСФСР о предложениях по проекту Конституции. Сентябрь 1990 г. Выборка репрезентативная. 1458 респондентов. 25 точек опроса.

Опираясь на поддержку общественного мнения, руководство Верховного Совета РСФСР умело направляло в своей практической деятельности волну общественного недовольства в сторону союзного парламента. И здесь весьма благоприятным фактором оказалось стремительное падение рейтинга авторитетности М.С.Горбачева. К ноябрю 1990 года авторитетность союзного и российского лидеров практически сравнялась, и это позволило руководству парламента РСФСР в начале 1991-го пойти уже в прямую атаку не только на союзные органы власти - правительство и парламент, но и лично на Президента СССР.

Любопытны данные, содержащиеся в аналитической записке Информационно-аналитического центра Ростовского обкома КПСС по результатам опроса населения Ростова-на-Дону, проведенного после выступления по телевидению Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина 20 февраля 1991 года, когда глава парламента России потребовал отставки Президента СССР М.С.Горбачева. Как выяснилось, вне зависимости от формы подачи или содержания политических инициа-

тив Б.Н.Ельцина, в общественном мнении сохраняется устойчиво высокий уровень их позитивной оценки. Так, 50 процентов положительно оценили позицию Б.Н.Ельцина по прибалтийской проблеме, в связи с событиями вокруг телецентра в Вильнюсе, и 51 - дали такую же оценку конфронтационному выступлению по Центральному телевидению 10 февраля 1991 года. Причем, если ярыми сторонниками Б.Н.Ельцина посчитали себя 22 процента опрошенных, то положительную оценку его деятельности во главе парламента РСФСР дали уже - 32. Более того, само прозвучавшее в телевыступлении предложение об отставке М.С.Горбачева и передаче власти Совету Федерации оказалось поддержанным уже почти 60 процентами респондентов. Такая оценка конфронтационных шагов Б.Н.Ельцина избирателями поразила аналитиков КПСС. Оказывается, 27 процентов опрошенных посчитали главной целью телевыступления вывод страны из кризиса. Около 17 - ничего необычного в резкостях Председателя Верховного Совета РСФСР не увидели: мол, «обычное право» политических преимуществ на укрепление своего лидерства. Более того, 10 процентов вообще усмотрели в призывах к отставке Горбачева поиск согласия в стране, а 8 - простую информацию о деятельности Верховного Совета РСФСР. Лишь 13 процентов посчитали, что Б.Н.Ельцин хотел нанести удар по своим оппонентам, а 6 - усилить конфронтацию в стране. При этом поддержка Б.Н.Ельцина в среде беспартийных мало отличалась от ситуации в массе членов КПСС. Так, если среди беспартийных граждан в Ростовской области сторонниками Б.Н.Ельцина себя считали 64 процента граждан, то среди членов КПСС таких было - 46. Более того, в вопросе отставки М.С.Горбачева 43 процента членов КПСС поддержали предложения Б.Н.Ельцина. Партийная масса, как оказалось, шла за беспартийным Ельциным, а не за надоевшим уже всем генсеком Горбачевым.

В итоге аналитиками Ростовского обкома КПСС был сделан следующий вывод. «В общественном мнении преобладает в настоящее время извращенное представление о том, что вывести страну из кризиса возможно только лишь на путях политической конфронтации, а само укрепление политического лидерства и авторитета связывается не с попытками позитивного решения стоящих перед обществом проблем, а с нанесением поражения своим политическим оппонентам любыми средствами политической борьбы, вплоть до необоснованных обвинений и дезинформации»[70].

Как видим, эксперты в КПСС также осознавали специфику кризисного общественного сознания, его сверхэмоциональность, «вспененность». Но на лидерском уровне противопоставить этому ничего не могли. «Высокая популярность Б.Н.Ельцина среди населения определяется в ос-

новном достаточно прочно укоренившимся в сознании большинства людей его популистским образом борца за справедливость и защитника простых людей, а также возрастающим недовольством политикой союзного центра и Президента СССР[71]».

Вместе с тем, Б.Н.Ельцин, одерживая победы в политической войне и интригах против союзного парламента, президента М.С.Горбачева (особенно после Третьего съезда народных депутатов РСФСР, когда провалилась организованная союзным руководством попытка произвести смену руководства Верховного Совета РСФСР) оказывался бессильным перед реальными проблемами, делавшими неимоверно тяжелым существование большинства россиян. Именно в связи с целым рядом вдруг возникших в стране проблем и пошел, после неожиданного для самого Б.Н.Ельцина избрания Председателем Верховного Совета РСФСР, сначала малозаметный (в 1990 - 1991), а затем все более явственный (с 1992 г.) процесс эрозии и распада его позитивного образа.

Пережив мощный эмоциональный подъем в ожидании быстрого улучшения всех условий жизни, народ все чаще испытывал жесточайшие разочарования. Это процесс, кстати, затронул не только восприятие Б.Н.Ельцина как главы парламента. Он коснулся всей плеяды народных депутатов, избранных демократическим путем и олицетворявших столь долгожданные новые политические времена. Уже в 1991 году, оценивая парламентскую активность своих избранников, всего 29 процентов избирателей соглашались и в следующий раз отдать им же свои голоса. При этом 39 процентов населения удовлетворялись объяснением деловой бесплодности нового “класса” политиков: мол, во всем виновата КПСС с ее административно-командной системой[72].

Согласно данным мониторинга общественного мнения, проводимого Российским социально-политическим институтом (2682 человека, 18 регионов Российской Федерации), с начала 1991 года зафиксировано падение рейтинга Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина. Если в начале мая он составлял 60, то к началу июня упал до 44 процентов. Как отметили социологи, избирателям в Б.Ельцине не нравились «заигрывание с аудиторией, выдача обещаний, не соотнесенных с реальными возможностями, амбициозность, постановка своих интересов выше интересов дела, непоследовательность политической линии, невысокие личные качества и то, что он не выражает интересы большинства населения, его некомпетентность»[73].

Полтора года руководства РСФСР, в качестве главы парламента, показали, что Б.Н.Ельцин и поддержавший его депутатский корпус оказа-

лись зажатыми в строгие тиски практически одной, накрепко с ними связанной, глобальной народной надежды на улучшение жизни. И неспособность ее реализовать - чем дальше, тем больше - негативно влияла на имидж и парламента, и его председателя.

В этой связи любопытны данные исследования, опубликованные в официальной "Российской газете"[74]. Опрос показал: граждане, констатируя в каждом третьем случае, что за период руководства Ельциным республикой ситуация в РСФСР ухудшилась (говорить об улучшении считал уместным один россиянин из пяти), все же до начала "шокотерапии" не предъявляли ему счет. Связывали с ним трудности 39,6 процента населения: главная вина чаще всего возлагалась в те дни на М.С. Горбачева. Но наряду с этим лишь четверть граждан соглашались, что Борис Николаевич уже оправдал сфокусированные на нем людские чаяния, тогда как примерно столько же говорили лишь о "частичной" своей удовлетворенности. Перед ним же все жестче ставились следующие задачи: навести порядок в стране (50 процентов требований), пусть даже ценой необходимого для этого ограничения демократических свобод; возродить (71 процент) Союз ССР; защитить права русских (63) в суверенизировавшихся республиках.

Суммируя все это, закономерно было утверждать: авторитетность всех постсоветских парламентов, как союзного так и российского, их лидеров - М.С.Горбачева, и в особенности Б.Н.Ельцина, изначально обставлялась очень конкретным и даже жестким условием: удовлетворение резко возросших народных аспектаций. И первые же сбои в их реализации показали, насколько шатка народная поддержка того или иного института или лидера. Политическая же выживаемость, «харизма» Б.Н.Ельцина питались только постоянным кризисными всплесками, эмоциональной пеной, направлением народного недовольства на все новых и новых врагов: партаппарат, «агрессивно-послушное» союзное депутатское большинство, «старый» Верховный Совет РСФСР, союзную бюрократию, союзный парламент и правительство, наконец, самого союзного президента М.С.Горбачева. А после событий августа 1991 года, получив рычаги исполнительной власти и в России, и в Союзе, связанные с ней средства массовой информации, разгромив вместе с республиканскими президентами союзный Съезд народных депутатов, Б.Н.Ельцин в дальнейшем постарался направить народное недовольство на российский парламент, приведший его к вершинам власти...

---

[1] Косолапов Р.И. Горбачевский термидор //КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. - М., 1999, с.34-35.

[2] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. - М.,1988, т.1, с.57.
[3] Там же, с.34.
[4] Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации //Россия политическая /Под общ. ред. Л.Шевцовой. - Моск. центр Карнеги, 1998, с.17.
[5] Косолапов Р.И. Ук. соч., с.35.
[6] Известия: 1998, 17 июня, с.5.
[7] Этот вывод делает сотрудник «Горбачев-фонда» В. Кувалдин со ссылкой на помощника М.С. Горбачева. См.: Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. - М., 1993, с.229,233-234, 237, 238.
[8] ЦИПКР: Опрос «Выборы-89». Апрель-май 1989 г. (выборка «пилотажная», 300 респондентов, Московская, Владимирская, Иркутская области, Бурятская АССР).
[9] Выжутович В. Первый советский парламент стал могильщиком коммунистического всевластия. - Известия: 1999, 25 мая, с.6.
[10] ВЦИОМ. Опрос 11-14 июня 1989 г. - Аргументы и факты: 1989, №26, с.1.
[11] Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь в Кремле. Борис Ельцин и его команды. - М., 1999, кн. 1, с.150-151.
[12] Современная политическая история России (1985 - 1997 гг.). Хроника. - М., 1997. Т.1, с.89.
[13] Зенкин С. Решительно двигаться вперед. К итогам анкетного опроса по проблемам хозяйственного механизма //Современный социализм и проблемы перестройки. - М., 1989, с.124.
[14] ЦИПКР: Опрос «Политика и мы»,1989.
[15] Там же: Пилотажные опросы «Настроения после Съезда» и «Общественные проблемы-89».
[16] Ук. ист.
[17] ВЦИОМ: Там же.
[18] ЦИПКР: Опрос «После Съезда». Август 1989 г. (выборка «пилотажная», 100 респондентов, Московская, Владимирская области).
[19] Ук. ист.: Опрос «Современные проблемы». Сентябрь-октябрь 1989 г. (выборка «пилотажная», 300 респондентов, Московская, Тамбовская, Иркутская области, Бурятская АССР).
[20] Там же: Опрос «После Съезда». Август 1989 г.
[21] Из обзора писем, подготовленного Общим отделом ЦК КПСС по итогам 9 месяцев 1989 г. - Андриянов В., Черняк А. Ук. соч., с.222-223.
[22] Болдин В.И. Крушение пьедестала. - М., 1995, с.354.
[23] Попцов О.М. Хроника времен «царя Бориса». Россия, Кремль. 1991 - 1995. - М., 1996, с.144.
[24] ЦИПКР: Опросы «Настроения после Съезда» и «Общественные проблемы-89».
[25] Лукьянов А.И. Переворот мнимый и настоящий. - Воронеж, 1993, с..22.
[26] Выжутович В. Ук. ист., с.6.
[27] См.: там же; а также: Андриянов В., Черняк А. Ук. соч., с..229.
[28] ВЦИОМ: Опрос 11-14 июня 1989 г. – Там же.
[29] Андриянов В., Черняк А. Ук. соч., с.229.
[30] Личный архив Г.Н.Пирогова, бывшего помощника члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР (Далее: Личный архив Г.Н.Пирогова) //Запись беседы группы политологов с руководством Секретариата Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. О некоторых вопросах развития предвыборной обстановки и подготовки к выборам. 23 декабря 1989 года. С.1-3.

[31] ЦИПКР. Опросы «Политика и мы», 1989; «Настроения после Съезда» и «Общественные проблемы-89».
[32] Васильев В.Н. Доверие микросовету. - Советская Россия: 1989, 28 октября, с.4; Воротников В.И. А было это так. Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. - М., 1995, с.310-311.
[33] Стенограмма Одиннадцатой сессии Верховного Совета РСФСР, по странному стечению обстоятельств, оказалась неизданной. Такая судьба в современной российской политической истории постигла еще только документы расстрелянного Десятого съезда народных депутатов Российской Федерации. Основным источником материалов о работе последней сессии Верховного Совета РСФСР являются отчеты, опубликованные в газете. - Советская Россия: 1989, 26-28 октября.
[34] В.И.Воротников. Ук. соч., с.307.
[35] Федоров Ю. Парламент в трансформационном процессе в России //Россия политическая, с.82.
[36] Андриянов В., Черняк А. Ук. соч., с.233.
[37] Личный архив Г.Н.Пирогова, с.1-3.
[38] Воротников В.И. Ук. соч., с.302.
[39] Там же, с..316-317
[40] Советская культура: 1990, 10 марта.
[41] Андриянов В., Черняк А. Ук. соч., с. 160-170.
[42] ЦИПКР: Опрос «Политика и мы», 1989.
[43] Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит. Россия на пороге новых битв. - М., 1992, с.22.
[44] Выжутович В. Ук. соч., с.6.
[45] Воротников Виталий Иванович (р.1926), партийный и государственный деятель. С 1955 - на партийной и советской работе: с 1967 председатель Куйбышевского облисполкома, с 1971 первый секретарь Воронежского обкома КПСС, с 1975 первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР. С 1979 - посол СССР в Республике Куба. С 1982 - первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС. С 1983 по 1988 - Председатель Совета Министров РСФСР, с 1988 по 1990 - Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1990 г. - председатель подготовительного комитета первого Съезда народных депутатов РСФСР. При выборах Председателя Верховного Совета РСФСР в мае 1990 г. снял свою кандидатуру. В 1992 г. сложил полномочия народного депутата РСФСР. В настоящее время - на пенсии.
[46] См.: Воротников В.И. Ук. соч., с. 289-293, 301, 309-311; а также: Важный этап политической реформы. - Советская Россия: 1989, 26 октября.
[47] См.: Воротников В.И. А было это так, с. 381-382.
[48] См.: Советская Россия, 1990, 5 февраля.
[49] См.: Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. - М., 1994, кн.2, с.202; Задера. В. Блок обновления. - Литературная газета, 1990, №16, с.2.
[50] ЦИПКР: Опрос «Политика и мы», 1989.
[51] В мемуарах В.И.Воротникова есть свидетельство, что решающим фактором при выдвижении кандидатуры И.К.Полозкова стало сообщение председателя КГБ СССР Крючкова, будто рейтинг Полозкова выше, чем у Власова (См.: В.И.Воротников. А было это так, с.383). Подтверждением достоверности данного замера стали и результаты голосования: Б.Н.Ельцин победил А.В.Власова уже в первом туре дополнительных выборов Председателя Верховного Совета РСФСР, в то время как два тура голсоования по кандидтаурам Б.Н.Ельцина и И.К.Полозкова не принесли победвы ни одному из этих претендентов.

[52] Коммунисты: право на власть. Народное восприятие. - М., Информ-Знание, 1998, с.24.
[53] Там же, с. 24.
[54] Ельцин Борис Николаевич (р.1931 г.), партийный и государственный деятель. С 1955 по 1968 - на хозяйственной работе: мастер, прораб, главный инженер стройуправления треста "Южгорстрой", главный инженер, начальник Свердловского домостроительного комбината. С 1968 - на партийной работе. Заведующий отделом строительства, а затем секретарь, с 1976 по 1985 - первый секретарь Свердловского обкома партии. В 1985 переведен на работу в аппарат ЦК КПСС, а затем избран первым секретарем Московского горкома КПСС, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. После демарша против М.С,Горбачева на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС переведен на хозяйственную работу: в 1987-1989 - первый заместитель председателя Госстроя СССР, министр СССР. В 1989 избран народным депутатом СССР, а на Съезде - членом Верховного Совета СССР. Возглавлял Комитет ВС СССР по строительству и архитектуре, был членом Президиума ВС СССР. В 1990-1991 - народный депутат РСФСР, Председатель Верховного Совета РСФСР. 12 июня 1991 г. избран Президентом РСФСР. В июле 1996-го переизбран Президентом Российской Федерации на второй срок.
[55] Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь в Кремле, с.181-182.
[56] Назимова А, Шейнис В. Депутатский корпус: что нового? - Аргументы и факты: 1990, №17, с.1-2.
[57] ЦИПКР: Опрос "Выборы-89".
[58] Там же.
[59] Личный архив автора. Стенограмма совещания председателей районных, городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов РСФСР. - 17 июля 1990 г. Дом Советов РСФСР, с.298-300.
[60] ЦИПКР: Опрос «Политика и мы».
[61] Там же.
[62] Ук. ист.
[63] Там же.
[64] Ук. ист.
[65] ВЦИОМ: Июльский опрос 1990 г. (1489 респондентов. 21 населенный пункт. 10 регионов РСФСР). - Аргументы и факты, 1990, №34, с.2.
[66] Личный архив автора... С.319-320.
[67] Там же, с. 297.
[68] Космарский В. Стоит ли затягивать пояса? - Радикал: 1991, 8-24 января, с.7.
[69] Переход к рынку. Часть 1 (Концепция и программа). Рабочая группа, образованная совместным решением М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина. - Москва, Архангельское, август 1990, с.42.
[70] Личный архив автора. Документ народного депутата СССР Зубкова В.Н. от 28 марта 1991 г., направленный в адрес народных депутатов РСФСР//Информационно-аналитический центр Ростовского обкома КПСС. Аналитическая записка по результатам опроса населения Ростова-на-Дону, проведенного после выступления по телевидению Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина (20 февраля 1991 г.), с.4-5.
[71] Там же, с.7.
[72] ЦИПКР: Исследование "Политика и мы", 1991.
[73] Электронный архив ИТАР-ТАСС. База данных ИНФО-ТАСС. АИСТ-87. Исследование социологов. Опрос общественного мнения. 1991, 5 июня. ИДЕ=000281132.
[74] Российская газета: 1991, 24 октября.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО И ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВ: ПАРТИИ И ВЫБОРЫ

Международная научно-практическая конференция Вена: 21-22 апреля 1999 года

Перечень докладов австрийских участников:

Эволюция российского и западного обществ – основные характерные моменты

Профессор Георг Хейнрих – Prof. Dr. Georg Heinrich

Исследование рынка и маркетинг предвыборной кампании

Вольфганг Бахмфйер –Wolfgang Bachmayer,
Osterreichische Gesellschaft fu
Marketing

Начальная концепция для предвыборной кампании 1999 года в России

Гюнтер Яаш – Dkfm Gunther Jasch. Agentur Jasch & Schram

Профессиональное политическое консультирование. Консультирование в предвыборной кампании и способность проводить ее кандидатами и партиями в США

Марко Альтхаус – Dr. disc. pol. Dipl. -Pol. Marco Althaus,
M.P.S. Neue Presse, Hannover

Предвыборная кампания из Генерального штаба. Управление информацией, консультирование СМИ и инсценировка

д-р Вильфрид Зейвальд – Dr. Wilfried Seywald,
PR-Agentur Temmel und Seywald

Политическое консультирование СМИ (Media-Coaching)

Д-р Герхард Фридрих –Dr. Gerhard Friedrich
Visioconsult Training & Beratung GmbH

Доклады российских участников:

В.П.Пешков. Думские выборы 1999 года: стратегия и тактика ведущих политических сил

Оппозиция на пороге думских выборов

Мало кто сегодня сомневается: Россия стоит на пороге длительной и изнурительной избирательной кампании. Значение ее огромно. У всех на памяти, как в начале и середине 90-х антинациональные, антигосударственные силы использовали демократические выборные механизмы для демонтажа всей социально-экономической системы. Игнорируя ясно выраженную волю народа, они разрушили страну, растоптав демократию и фундаментальные права человека. Тем самым дискредитированным оказался сам институт выборов. И теперь использование этого механизма для изменения мирными средствами государственного курса России значительно осложнено.

Однако без инструмента выборов преобразовать взрывчатку стихийных бунтарских, протестных настроений в народе в целенаправленный, организованный и осознанный напор (как парламентский, так внепарламентский) на власть не удается. КПРФ и объединившиеся вокруг нее народно-патриотические силы видят в своем участии в избирательном процессе одно из средств достижения главной цели партии - отстранение от власти нынешнего режима и получение контроля над рычагами государственного управления во имя спасения России от приближающейся национальной катастрофы.

При этом оппозиция отдает себе отчет в том, что стоит на своего рода "стартовой черте" длительного электорального марафона, включающего в себя связку из выборов в Государственную Думу, избрания Президента Российской Федерации и серии региональных кампаний. А уже в 1999 году предстоит избрать 15 глав исполнительной власти субъектов Федерации и органы законодательной власти в 10 регионах. Тогда как в 2000 году - в конституционный срок проведения выборов президента - КПРФ придется вести кампании еще и по выборам 30 губернаторов, а также бороться за мандаты депутатов законодательных собраний в 21 республике, крае, области.

Все более реальные досрочные выборы президента придают электоральной ситуации острый форс-мажорный характер. Нельзя, к сожалению, сбрасывать со счетов и вероятность роспуска Государственной Думы. От использования этого своего оружия в политической борьбе режим отнюдь не отказался. Подобная авантюра - своего рода полити-

ческая месть сходящих с общественной авансцены остатков “демократов” - вполне вероятна.

Экономическая ситуация и социально-протестный потенциал

Выборные кампании 1999-2000 годов, как это становится все более очевидным, будут происходить на принципиально ином экономическом, социальном, политическом и психологическом фоне, чем аналогичные мероприятия 1995-1996 и тем более 1991-1993 годов.

Эпоха “демократического развала” закончилась. Нынешняя правящая группировка рассыпалась, созданная ею политическая и социально-экономические системы функционируют на пределе и даже за пределами своего властного, финансово-экономического и морально-психологического ресурса. Отсюда востребованность исполнительной властью экономических и политических идей и предложений оппозиции, всевозможные маневры вокруг нового правительства Примакова, антикризисным мерам которого КПРФ намерена (как было отмечено на последнем съезде и пленумах партии) оказывать выборочную и требовательную поддержку в той степени, в которой действия кабинета министров будут соответствовать национально-государственным интересам России.

Поизошел крах в финансово-экономической сфере. Если в 1996 году президент шел на выборы с 13-триллионной задолженностью по зарплате, то к сентябрю 1998 года долги государства по всем выплатам (от зарплат и пенсий до денежного содержания военным) выросли в 8-9 раз. Сверх того, многие из 15-20 миллионов граждан, адаптировавшихся было к новым “реформаторским” условиям существования, одномоментно лишились в результате августовско-сентябрьской финансовой катастрофы 1998 года своего благоприятного положения. Девальвированными оказались большинство ценностей ельцинской эпохи. Разорился тот оффисно-перекупочный “класс”, который составлял главную социальную опору радикал-”реформаторского” течения. И теперь возврат к излюбленному этими силами курсу возможен только при условии нового выброса большинства населения за грань выживания. А это чревато полным коллапсом и взрывом.

В социальной сфере поток общественного недовольства вновь выплеснулся в серию более или менее организованных попыток перейти с уровней низового (главным образом, словесного) брожения и верхушечных переговоров на уровень прямого массового социального действия - забастовок, блокирования дорог, голодовок и пр. Акция протеста 7 октября, превратившаяся во всенародный референдум, на котором было сказано “нет” президенту Ельцину и его курсу, - зримое тому свидетельство.

В морально-психологической сфере нарастет усталость общества от нынешнего президента. Продолжается консолидация национально-патриотических массовых настроений, формирующих духовную подоснову нынешнего общедемократического этапа борьбы. Который характеризуется вызреванием в стране национально-освободительной русской, российской революции, то есть, в частности, позитивного качественного скачка в самосознании русского народа. Умонастроения и политическое поведение большинства населения начинают прямо или косвенно концентрироваться вокруг проблем преступно попранных национально-государственных интересов страны, катастрофического положения основной массы граждан.

Все это объективно формирует в обществе ситуацию предвзрыва и осознание - "так дальше жить нельзя".

Однако не следует рассматривать действие всех этих факторов как прямое свидетельство неизбежной "революционизации" масс. Надо учитывать, что даже рост цен, потеря вкладов, массовые невыплаты зарплат и пособий - все это еще не гарантия возникновения серьезных (даже стихийных) действий против режима. В таких условиях забитые тяжелыми жизненными обстоятельствами люди просто не имеют подчас сил ни на что иное, кроме борьбы за выживание.

Кроме того, сам фактор подобных невыплат имеет ограниченное политико-психологическое воздействие. Ведь в целом по России доля зарплаты в доходах граждан давно упала до трети (пять лет назад она составляла почти две трети от всех их заработков). В Москве же она еще ниже - до четверти. В то время как поступления от "прочих источников" - т.е., в основном, крохи и куски со стола большого воровства, всеобщей растащиловки, "бизнеса нищеты", а также огородов и подсобных хозяйств - составляют сейчас более половины получаемых людьми средств. Таким образом, почва для социального протеста прямого действия зреет лишь очагово. Она в основном концентрируется в регионах, где население лишено возможности получить существенные дополнительные доходы и слабо охватывает ведущие политико-экономические центры страны. Что способно обречь даже самый массовый периферийный протест на угасание.

Эффективно продолжают работать и другие социально-экономические механизмы, разлагающие и распыляющие энергию общественного недовольства и неприятия режима. Не имея пока адекватных форм и структур для общественной консолидации, этот протестный потенциал распыляется на индивидуально-бытовом, микросоциальном уровне, где он трансформируется в борьбу за элементарное выживание на

все более понижающемся уровне, либо во вспышки радикализма. Неприятие населением существующего порядка вещей политически не реализуется, а как бы загоняется вглубь.

Характеристика субъектов политической борьбы

Анализируя современную политическую ситуацию, следует отметить ее значительное осложнение, вызванное перегруппировкой сил и трансформацией "партии власти" после краха радикал-реформаторской экономической системы, последовавшего 17 августа. Это обусловливает повсеместно наблюдаемое стремление различных отрядов режима "сменить кожу".

Можно говорить, что сегодня сформировалось несколько центров силы. Это КПРФ и ее сподвижники по народно-патриотическому союзу. Это остатки "партии власти", концентрирующиеся вокруг Березовского, которых на политической арене представляют то Черномырдин, то Лебедь, то кто-нибудь еще. Это так называемая "центристкая" или "левоцентристская" часть партии власти, группирующаяся вокруг Ю.Лужкова. Это, наконец, правый радикал-либеральный полюс, ориентированный на Немцова, Чубайса, Гайдара. Есть, наконец, и "демократическая оппозиция" в лице Явлинского.

Создается впечатление, что конкуренция группировок в самой "партии власти" не позволит ей выставить единого кандидата на президентских выборах. Хотя усилия к этому прилагаются и будут прилагаться (особенно в условиях эмоционально-политических шоков вроде того, что вызвало в рядах "демократов" убийство Г.Старовойтовой). Объективно здесь скорее возможно формирование двухполюсности. С одной стороны - это будет группировка Лужкова, которая может просто проглотить останки "Нашего дома - Россия"; а с другой – альянс Лебедя и, скажем, Явлинского с примыканием к нему других осколков "партии власти".

Такая ситуация вполне благоприятна для КПРФ и ее союзников, обладающих авторитетным и "раскрученным" лидером, опирающимся на мощные общенациональные и региональные политические структуры. Вместе с тем, вполне очевидно, что будут предприниматься и попытки отколоть часть сил от оппозиционного блока, сформированного КПРФ. Этому служат лозунги "левоцентризма". Этому же служит и усиленное навязывание обществу мысли о том, что кандидат КПРФ (первенствуя сегодня в общественном мнении страны и имеющий все шансы на успех в первом туре президентских выборов) будто бы фатально обречен на неуспех во втором туре голосования. Часть коммунистических избирателей наверняка попытается перетянуть к себе псевдопатриотические и якобы оппозиционные образования, которые начнут бурно возникать на левом фланге по мере приближения выборов.

Понятно, что расслоенность прорежимных сил в центре станет влиять и на поведение региональных ответвлений "партии власти". И потому формирование мощного полюса притяжения в лице сил вокруг КПРФ, наличие сильного отряда ее представителей в органах государственного управления способны будут по-своему корректировать этот сдвиг в сторону расширения поля взаимодействия левых с региональными элитами.

Тенденции в протестном электорате

Протестный электорат страны продолжает расти. Можно утверждать, что по сравнению с 1993-1995 годами он вырос вдвое. Характерными для него настроениями стали: отторжение нынешнего "реформаторского" курса; более высокая оценка советского прошлого и вероятного социалистического будущего, чем демократического настоящего; ориентация на национально-государственные ценности; отсутствие жесткого неприятия социалистических ценностей.

Именно из-за колоссального расширения протестного электората КПРФ отчасти утратила в нем прежние абсолютно доминирующие позиции, хотя и сохранила симпатии до 85 процентов своих сторонников образца 1995-1996 годов (такого прочного ядра последователей нет ни у одной политической силы страны). Образно говоря, ее захлестнула волна нового протестного электората. Он стал гораздо шире, и партия в нем "тонет".

Именно такое изменение структуры и сути избирательного корпуса страны, сильно выросшего после 1996 года, и определяет изменение ситуации в среде голосующих россиян, в целом.

Социологические замеры говорят: сторонящаяся коммунистов доля населения составляет ныне не больше двух пятых общего числа избирателей. Причем значительный отряд жестких недоброжелателей компартии (из среды работников физического труда и творческой интеллигенции) находится среди не голосующих или редко голосующих граждан.

Иначе говоря, компартия упускает до половины голосов, в принципе положительно ее воспринимающих граждан. А это - почти треть национального избирательного корпуса.

На какие же возрастные и социальные группы населения может рассчитывать КПРФ в ходе предстоящих электоральных кампаний? Что способна она "унаследовать" из электората "партии власти"?

Ныне в неопределенности зависла ключевая для современной России проблема - проблема собственности. Даже для тех 10-20 процентов населения, которые выиграли в результате "рыночных реформ" последних лет, она остается нерешенной из-за шаткости самого режи-

ма, обеспечившего это перераспределение богатства из общенационального в личное. Сегодня они порою очень резко критикуют Ельцина и его ближайшее окружение. Однако вопрос о гарантиях добытой собственности решается этими группами населения путем выведения его за российские рамки: присвоенная собственность чаще всего обращается в деньги и в таком "превращенном" виде утекает за границу. Что определяет и их ментальность, и политические действия: массовой опоры КПРФ здесь никогда не найти.

А вот поиск контактов с национально ориентированными товаропроизводителями призван стать постоянной заботой партийных организаций. Создание в этих слоях групп сторонников вполне реально. Это еще и залог укрепления материальной базы будущей предвыборной кампании КПРФ.

Другой фактор, предопределяющий изменения в бывшей социальной опоре "партии власти" - падение притягательной силы собственности, т.е. надежд "неофитов рынка" превратиться в крупных буржуа, получающих от этой собственности прибыль. Разочарование – в частности, среди пресловутых "челноков". Приходит понимание, что "встать на ноги" им все равно не дадут. Здесь также отчетливо видны резервы для расширения базы поддержки КПРФ. Это те, кто еще недавно - пусть даже и вынужденно - торговал и был доволен судьбой, а сегодня поставлен на колени обвальной финансовой и фискальной ситуацией, рэкетом, в том числе государственным. И те, кто мечтают вернуться, пусть к небольшим, но достойным и твердым заработкам в системе государственного сектора экономики.

Однако заметим: сдвиг в электоральном поведении тех же "челноков" возможен лишь в случае соответствующей программной проработки позиции КПРФ, при умелой и доходчивой подаче ее экономической платформы. Необходимо, например, обобщение и распространение опыта поддержки малого бизнеса в регионах "красного пояса". Кстати, введение Госдумой налога на вмененный доход - механизма из арсенала ленинской Новой экономической политики - способно открыть дорогу для работы партийных активистов среди значительной части граждан, вовлеченных в оборот торгово-рыночной стихии.

У остального населения, не участвующего в "рыночной" гонке за личным успехом, также нарастает тяга к полноценной профессиональной деятельности. Которая, однако, не получает адекватной поддержки в обществе, где последовательно рушится вся производственная сфера. Образующийся на почве этого противоречия потенциал интересов рождает здесь особенно мощное требование восстановить об-

щенародную, государственную собственность. И этот общественный запрос КПРФ просто обязана удовлетворять в своей думской и политической деятельности.

Отдельно следует остановиться на границах поддержки КПРФ со стороны рабочего класса. Особенно наемных работников физического труда. Отметим: разгром рабочего класса в годы реформ обернулся его распылением, частичной маргинализацией, массовой вовлеченностью в так называемый "бизнес нищеты". А это делает основные слои рабочих легко восприимчивыми к тактике внушений и мелких подачек со стороны "партии власти" (с близким по сути явлением в рядах рабочего класса коммунисты столкнулись и сразу после Гражданской войны, когда перед ними остро встала проблема потери влияния в этой среде). До половины рабочих избирателей сегодня еще не с КПРФ. И это - основной резерв для ее электоральной деятельности.

Как показывают исследования, только коренные социально-экономические преобразования и восстановление промышленного производства способны вернуть влияние компартии среди рабочего класса. А это будет достижимо только после завоевания политической власти.

Блоковая политика ведущих политических сил

Уже наметилось формирование нескольких ключевых блоков со своими потенциальными кандидатами в президенты. Это - правоцентристский блок В.Черномырдина (НДР), либерально-оппозиционный блок Г.Явлинского, либеральные блоки, окрашенные в патриотические цвета, А.Лебедя и В.Жириновского. Начинается создание особого блока под патронажем Ю.Лужкова, употребляющего левые и патриотические лозунги. К этому блоку могут примкнуть и ряд других малых оранизаций. Не без обычной скандальности пытаются в очередной раз объединиться правые: от Чубайса с Немцовым до Кириенко с Аяцковым.

Такая растянутость по спектру и одновременно локальная консолидированность "партии власти" отражает новые тенденции в ее поведении. Если в начале 90-х годов она опиралась в основном на идейно ангажированные ею слои населения, то ныне ее социальной опорой сделались самые пассивные и социально незащищенные группы граждан. Главным ее козырем в политических кампаниях все чаще делаются не ориентации и даже не настроения граждан, а устойчивый "нутряной" страх определенных общественных слоев и прослоек перед переменами и любыми экономическими, политическими, социальными и моральными потрясениями, от которых эти люди не ждут уже ничего, кроме новых потерь и унижений.

К тому же представители “партии власти” сегодня всячески избегают идентификации с ней. Нередко словесная их “оппозиционность” даже превосходит резкость высказываний представителей КПРФ. Большинство таких кандидатов в одномандатных округах выступают как “независимые”, представители “всех избирателей”, в качестве ” независимых кандидатов от партий и движений” и тщательно дистанцируясь от всех “достижений” режима.

С одной стороны, все это - наглядное свидетельство морально-политического краха властей. Но, с другой, подобного рода действия есть опасный обман избирателей.

В целом, можно сделать такой прогноз: приближающиеся думские выборы, скорее всего, будут носить более сложный и жесткий характер, чем в 1995 году.

С.И.Васильцов. Образ КПРФ в массовом восприятии: ключевые черты, их иерархия, динамика, отражение в избирательных технологиях

Тезисы доклада

1. Общественно-политическая обстановка заставляет КПРФ, как и все “субъекты” политического процесса, осваивать существующие сегодня технологии воздействия на умы. В том числе - социометрические приемы. И хотя эти методы издавна применялись в России в процессе политической борьбы, в том числе В.И.Лениным и большевиками в начале столетия, современной КПРФ, видимо, предстоит за считанные годы пройти путь, который западные страны и ведущие европейские партии проходили последние 50 лет.

2. Освоение социометрических технологий в организациях КПРФ, как показывает анализ, идет достаточно эффективно. Можно говорить о том, что хорошо удается в ряде регионов применять приемы определения “рамочных” условий ведения избирательных кампаний, дающие ответ на вопросы. Знают ли люди, когда будут выборы? Кто в них участвует? Придут ли избиратели (и сколько) голосовать? Решили ли за кого будут голосовать? Какие СМИ более всего влияют на этот выбор?

Однако за пределами внимания многих организаторов выборов оказался главный для ведения избирательной кампании круг проблем. Что видят люди в той или другой партии? Что хорошего в ней (на их взгляд) и что плохого? Что можно бы улучшить в ней? В какую сторону она развивается, и какой ее хотели бы видеть?

Только система таких данных позволит эффективно “пилотировать” избирательную кампанию, усиливая позитивные и по возможности

ослабляя негативные моменты восприятия КПРФ избирателями, помогая ей быть «своею» для самых разных социальных групп и прослоек.

3. Без коррекции сложившегося в массовом сознании образа КПРФ партии будет крайне трудно добиться прорыва на выборах. Особенно, если учесть, что партия попала в "клещи" двух формально взаимоисключающих, а на деле прекрасно сосуществующих в массовом сознании тенденций. С одной стороны, нарастания массового недовольства, раздраженности, протеста, которые исповедуют свыше 60 процентов россиян (скажем, прошлогодние выступления шахтеров получали моральную поддержку со стороны 3/4 населения). С другой – на протяжении всех 90-х годов у 70% населения сохраняется убежденность, что с политическими оппонентами и противниками следует вести себя не агрессивно, а уважительно, взвешенно.

Парадокс российского, русского менталитета: для завоевания симпатий решающего большинства избирателей КПРФ необходимо сочетать в своем образе черты и главного противника режима, и основного гаранта стабильности общества.

Идеи «защищенности», «гарантированности интересов», «порядка», «законности» ныне исповедуют свыше половины россиян. Поэтому ключевой чертой образа КПРФ должен стать облик силы, оберегающей общественную устойчивость, т.е. как обуздывающей произвол власти, так и одновременно сдерживающей социально-политический экстремизм. Компартии предстоит пройти "по острию" народных настроений. Тогда и главное оружие режима, победно использовавшееся до сих пор (и на президентских выборах 1996 г., и в ходе борьбы за импичмент в 1999 г.) против КПРФ - людская боязнь новых резких перемен, несущих потрясение, и жажда хоть какого-то покоя и устойчивости - окончательно потеряет силу.

Пример людского отношения к победе Ельцина в 1996 году и к процедуре его отрешения от должности в 1999 году весьма показателен. В 1996 году именно боязнь потери стабильности обусловила поддержку Б.Н.Ельцина на выборах (табл.1).

Боязнь потери стабильности в 1999 году ослабила и поддержку решительных действий КПРФ по отрешению Б.Н.Ельцина от должности (табл. 2). При том, что 4/5 населения страны (или 2/3 в столице) полагали, что Ельцин достоин отрешения от должности, каждый третий россиянин опасался конкретных действий по отставлению Ельцина: мол, в нынешней тяжелой ситуации не время этим заниматься.

4. Проблема: необходимо связать ожидания стабильности с образом КПРФ.

Таблица 1

Как известно, на президентских выборах победил Б.Ельцин. Что, на Ваш взгляд, предопределило этот успех?

Мнение	В %
Борис Николаевич - самый достойный человек для этого поста	**4,3**
Ельцин - это демократия и продолжение реформ, поэтому его и переизбрала Россия	**15,0**
Кроме Ельцина не было других деятелей, способных нанести поражение коммунистам	**18,2**
Пока Ельцин - президент, то каждый у нас в России может зарабатывать сколько может и таким образом, каким ему удобнее и приятнее	**2,1**
Нам не нужны новые перемены и потрясения: все хорошее и плохое о Ельцине мы знаем, под его правлением страна уже приспособилась жить, а с новым президентом - это еще как получится	**18,2**
Пока Борис Николаевич стоит у власти, каждый из нас может делать все, что хочет, жить, как нравиться, ни на кого не обращая внимания	***5,4***
Он победил потому, что смог через средства массовой информации жестоко запугать избирателей рассуждениями о неизбежной гражданской войне, репрессиях и всеобщем обнищании в случае, если президентом станет Зюганов	**29,3**
Еще бы он не победил, бросив на свое переизбрание все: управленческую машину правительства, СМИ, государственные финансы - с такими возможностями избрался бы любой	**31,4**
Темным силам, разрушающим Россию, необходим президент-кукла, и они употребили все свои силы и возможности, чтобы этот чуть живой и безнадежно больной человек был заново избран	**17,7**
Вокруг него сплотилось все темное и страшное, что расплодилось в последние годы в России, сплотилось и задушило все светлое	**10,7**
Ему крепко помог Лебедь, в решающий момент переметнувшийся от оппозиции к режиму и смешавший карты Зюганову	**26,1**
Итоги выборов оказались просто-напросто фальсифицированными, никакой победы без этого Ельцину не досталось бы	**6,4**
Иное мнение	**8,9**

→ **52,9**

Источник: Опрос ЦИПКР, июль-август 1996 г., выборка «панельная», 1100 респондентов, 58 регионов РФ, допускалось несколько вариантов ответов.

Таблица 2

Госдума начала процедуру отрешения президента Б.Ельцина от должности. Ваше мнение *(%)***?**

Мнение	Сентябрь 1998		Декабрь 1998		Апрель 1999
	РФ	Москва	РФ	Москва	Москва *)
Поддерживаю, давно пора: за все совершенное Ельциным и его сподвижниками их надо судить	**45,5**	34,5	**51,6**	27,3	30,5
Поддерживаю, но сейчас просто не время этим заниматься - надо спасать экономику и укреплять порядок и согласие в государстве	**32,7**	23,7	**28,2**	50,0	32,4
Не поддерживаю вообще эту затею, так как обвинения Ельцину - человеку, так много хорошего сделавшему для России - смехотворны	**2,4**	13,8	**1,9**	13,6	6,1
Ельцина рассудит история, и не депутатам выдвигать ему обвинения	**11,4**	24,1	**13,2**	36,4	16,8
Ничего об этом не слышал, все равно	**4,4**	6,9	**1,4**	0,4	0,3
Иное мнение, уклонились от ответа	**9,0**	13,8	**11,1**	11,0	13,7

*) Экспресс-опрос ЦИПКР, г. Москва, апрель 1999, на базе пошаговой случайной выборки в 1000 респондентов.
Источник: Опросы ЦИПКР, 1998-1999 гг., выборка «панельная», 1500 респондентов, 76 регионов РФ, допускалось несколько вариантов ответа.

Огромное значение имеют здесь лексика, форма подачи своих предложений, формирующих образ партии и ее позиции.

Необходимо постоянное “прощупывание” общественного восприятия при каждом общественно значимом шаге или выдвижении предложений, а тем более при стратегическом планировании действий.

Пример. Несовпадения партийной лексики с общественными ожиданиями при формулировании позиции КПРФ по Югославии (табл.3).

Таблица 3

Ваше отношение к предложению направить в Югославию добровольцев?

Мнение	%
Категорически и безусловно против	48,1
Никто не может воспрепятствовать тем, кто сам захочет поехать защищать Югославию, но делать это организованно, с государственной помощью	30,7
Безусловно - за! Это было бы очень благородным - гуманным и сильным шагом России . Поддерживаю направление добровольцев в Югославию	6,4
Иное мнение	14,7

*Источник:*Опрос ЦИПКР, г. Москва, апрель 1999, на базе пошаговой случайной выборки в 1000 респондентов.

5. Общее состояние российского менталитета сегодня объективно очень благоприятно для оппозиции и КПРФ.

За последнее шестилетие (1993-1999 годы) все три грани образа КПРФ, связанные с прошлым коммунистов, их настоящим и будущим, во многом очистились от негативных наслоений.

Прошлое

Произошло принципиальное изменение взглядов решающей части россиян на:

- Октябрьскую революцию;
- Личность И. В. Сталина;
- Историческую значимость СССР;
- Образ социализма;
- Качество государственной власти советской поры по сравнению с властью нынешней.

К 1998 году под вопрос оказалась поставлена сама легитимность современной российской власти. Понимая под легитимностью не столько юридическую базу, сколько моральное в глазах народа право формального руководства страны на власть. Согласно данным ВЦИОМ, убежденность эта упала по прошествии 6 лет, минувших после распада СССР, до критического уровня (табл.4).

В итоге КПРФ вернула себе высокую историческую легитимность и обрела возможность эффективно использовать в избирательной борьбе историческую составляющую своего образа. Однако этим она скорее защищает свои “тылы”, нежели пролагает себе дорогу в будущее. Для формирования образа будущего главную роль играет текущий образ партии и особенно - взгляды на ее перспективы: какой ее видят и хотят увидеть.

Таблица 4

Характеристики нынешней и советской власти *(Опрос ВЦИОМ-98, %)*

Характеристика власти	Советское время	Нынешнее время
Законная	32	12
Криминальная	13	63
Близкая народу, людям	36	2
Закрытая	8	17
Своя	32	3
Безграмотная, непрофессиональная	6	12
Сильная, прочная	27	2
Недальновидная	23	28
Справедливая	16	3
Паразитарная	8	18

Источник: Опрос ВЦИОМ. Цит. по: Общая газета. 23-29.07.98, №29.

Настоящее

Сегодня КПРФ также обладает лучшим, чем какая-либо другая партия, образом. Примерно 20-30 % россиян видят ее самой честной, стеной стоящей за народ и государственные интересы России силой (гр.).

Как видно, слабыми сторонами образа остаются недостаточная "интеллигентность" и неудовлетворительная "прорусскость". Это уже открыло путь для электоральной экспансии организации «Отечество» Ю.М.Лужкова (прорусскость) и укрепило позиции ЯБЛока Г.А.Явлинского (интеллектуальность).

Оценки политического и в том числе электорального потенциала КПРФ уже сейчас очень высоки, выше всех остальных партий. За малый срок (1994-1999 годы) взгляды россиян на ее будущее "перевернулись" - из партии, обреченной на третьи роли, она стала в их глазах организацией, имеющей наибольшие шансы на избирательный успех (табл.5).

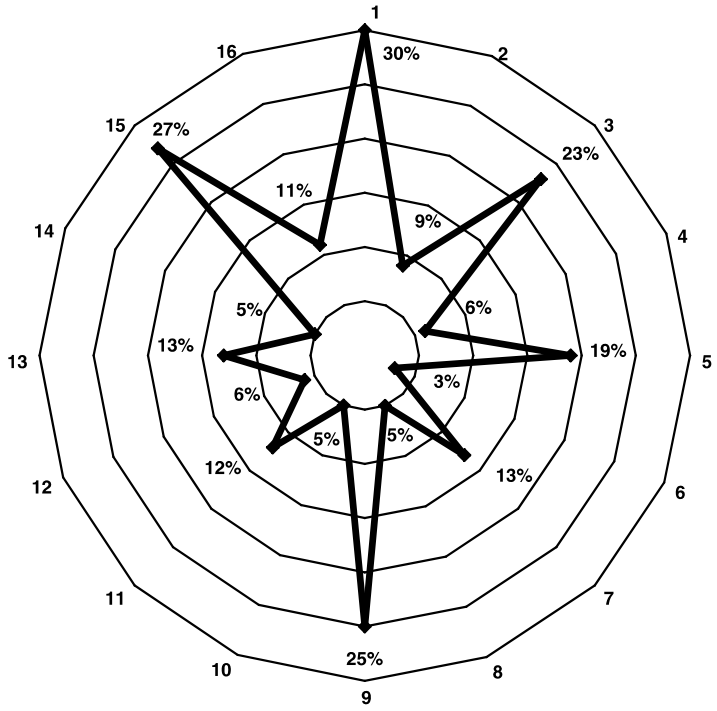
Но эту веру избирателей в партию коммунистам надо реализовывать на практике. Понятно: одно дело верить, что партия в состоянии преуспеть, а другое - самому помогать ей в этом.

Однако имеющегося позитивного потенциала в образе КПРФ для прорыва во власть недостаточно. Данные ЦИПКР свидетельствуют о сохраняющейся общественной настороженности в отношении КПРФ (табл. 6).

После августа 1998 года область отторжения коммунистов и лидера Г. А. Зюганова резко сузилась, до 35-40 % населения. КПРФ обрела черты харизматичности. Престиж партии стал подкрепляться столь же

График

Что такое КПРФ среди других партий?



Примечание:

1 - Выражает интересы народа (30 %);
2 - Самая хитрая (9 %);
3 - Самая активная (23 %);
4 - Самая прорусская (6 %);
5 - Самая правдивая (19 %);
6 - Самая антирусская (3 %);
7 - Самая богатая идеями (13 %);
8 - Самая путанная (5 %);
9 - Самая последовательная спасительница России (25 %);
10 - Самая скандальная (5 %);
11 - Самая лживая (12 %);
12 - Самая продажная (6 %);
13 - Самая мудрая (13 %);
14 - Самая антинародная (5 %);
15 - Самая патриотичная (27 %);
16 - Самая преследуемая (11 %).

Источник: Опрос ЦИПКР 1997 год, выборка «панельная», 1100 респондентов, 58 регионов РФ, допускалось несколько вариантов ответов.

Таблица 5

Народный прогноз: что ждет коммунистов в наступающем году *(%)*?

Мнения	1994 г.	1999 г.
Расколовшись на несколько враждующих организаций, они не смогут сохранить нынешнее влияние и превратятся в примитивную политическую секту.	5,0	4,6
Коммунисты не исчезнут, но и не преуспеют: их уделом станет роль третьестепенной общественной силы, вынужденной (чтобы существовать) блокироваться то с теми, то с другими более мощными партнерами.	50,1	4,9
Коммунистам удастся закрепить избирательный успех 1993 года, вернуть доверие многих сограждан, стать заметной силой в Думе, вступить на путь возрождения своего престижа в стране	32,2	*)
Им удастся закрепить свои успехи, но власть они не получат.	*)	29,3
КПРФ вплотную подойдет к власти в стране.	*)	32,4
Они выиграют и думские, и президентские (досрочные) выборы. Зюганов получит власть в России и начнет выводить ее из кризиса.	*)	18,6
Коммунисты окончательно добьют страну, из-за их антисемитизма и шовинизма России грозит международная изоляция	*)	9,8
Иное мнение, уклонились от ответа	15,0	8,8

*) В данном исследовании этот вопрос респондентам не задавался.
Источник: Опросы ЦИПКР: 1994 г. - выборка «панельная», 1100 респондентов, 58 регионов РФ,1999 г - выборка «панельная», 1500 респондентов, 76 регионов РФ.

Таблица 6

Часто можно услышать, что многие из россиян никогда не проголосуют на думских выборах за КПРФ. Ваша личная позиция?

Мнение	%
Никогда и ни за что не проголосуете за этих коммунистов	33, 0
Сейчас, видимо, нет; а в будущем - посмотрите	15, 9
Не исключено, что Вы отдадите за КПРФ свой голос	13, 7
Да, лично Вы обязательно поддержите эту партию (КПРФ)	22, 2
Не определились	10, 8
Иное	6, 4

Источник: Опросы ЦИПКР, 1999 гг., выборка «панельная», 1500 респондентов, 76 регионов РФ,

высоким авторитетом лидера. Все это элементы "говернабельности" - образа власть имеющей партии. Одновременно протестно настроенная часть общества сегодня охватила 60-70 процентов россиян. Однако КПРФ в состоянии политически контролировать менее половины из них. Задача партии, огрубленно говоря, стать своею для остальных 35-40 процентов протестно настроенных, но внекоммунистически ориентированных россиян. Необходимо найти и с эффектом использовать точки морально-политического и психологического соприкосновения с ними.

И здесь главный "путеводитель" - образ будущей КПРФ, какой она (на взгляд людей) обязана стать, что не означает необходимости быть таковой на самом деле.

Будущее

Образ "виртуальной" КПРФ, как говорят социологические данные, мозаичен, дробен, противоречив. Он тесно связан с возрождением позитивных взглядов на социализм (табл.7).

Таблица 7

Что такое социализм *(%)***?**

Социализм это:	**Лето 1990 г.**	**Лето 1998 г.**
Абстрактная идея, мечта, миф	31	13
Уравниловка и власть серости	25	13
Строй, созданный в таких странах, как Швеция, Дания и пр.	22	17
Реализация принципа: от каждого – по способности, каждому - по труду	13	15
Общество справедливости	11	9
Общество, существующее (существовавшее) в СССР	11	12
Очень далекое будущее	8	7
Общество, за которое нам сегодня еще предстоит бороться	-	27
Иное мнение, нет мнений	5	6

Источник: Опросы ЦИПКР: 1990 г. - выборка стихийная, 1000 респондентов, 50 регионов РФ; 1998 г. - выборка «панельная», 1500 респондентов, 76 регионов.

Основная часть избирателей видят КПРФ силой, объединяющей лучшее из коммунистического учения и практики с национально-патриотической идеей. Вместе с тем большую роль сохраняют и другие взгляды (табл. 8).

Немалая часть россиян (включая сторонников самой компартии) связывает ее будущее и с превращением в организацию "социал-демок-

Таблица 8

Какой быть КПРФ, в какую сторону развиваться?

Мнения	%
Почему, собственно, КПРФ обязана чем-то "становиться"? Она, как сила, объединяющая лучшее из коммунистического учения и практики с национально-патриотической идеей, нужна России такой какая она есть. КПРФ необходимо совершенствоваться именно в этом направлении	23,1
Единственный для коммунистов шанс сохраниться в делах политики - это стать социал-демократами западно-европейского образца.	21,2
Самое лучшее для России - чтобы КПРФ вообще исчезла из ее общественной жизни	19,9
Ей лучше отойти от всяких там идеологий и сделаться силой, защищающей высшие государственные интересы.	11,0
Она должна стать новой (и обновленной) КПСС, объединяющей в новый Союз нынешнее постсоветское пространство	10,2
КПРФ стоит за возрождение русских, российских традиций, за защиту нашей исторической государственности, против разрушительных "реформирований" страны. И потому ей, как то ни странно, ближе всего облик консервативной партии	9,4
Что тут говорить: коммунисты - и прежние, и нынешние - неуклонно превращаются в фашистов	9,2
КПРФ надо вернуться к истокам, к тактике и стратегии большевиков предоктябрьской поры (естественно с учетом нынешней эпохи)	9,0
КПРФ призвана стать партией русского национального возрождения	6,9
Коммунисты уже превратились в движение национально-освободительного характера. И должны продолжать развиваться в этом же направлении	6,1
Иное мнение, уклонились от ответа	5,9

Источник: Опрос ЦИПКР, 1997 г., выборка «панельная», 1100 респондентов, 58 регионов РФ, допускалось несколько вариантов ответов.

ратического" типа, и с возвратом к большевистским истокам, и с общей "деидеологизацией".

В этом - сложности. Но и высокие шансы КПРФ, возможность сделаться "своей" сразу для многих.

Задачи общедемократического этапа борьбы и массовые ожидания россиян подсказывает компартии путь развития ее образа: прежде всего в качестве национально-освободительного движения, вбирающего в себя самые разные социальные группы, с очень широким (даже разнонаправленным) спектром общественно-политических ориентаций, нацеленных на решение общедемократических задач.

С.П.Обухов. Выборы в Российской Федерации и проблема легитимности нового парламентского учреждения

На исходе 1993 года в Российской Федерации произошли коренные изменения политического режима в России.

Сентябрьско-октябрьский политический кризис 1993 года, насильственное и нелегитимное прерывание деятельности законодательной власти, фактическая отмена действия Конституции РФ (в редакции 1978-1993 гг.) завершились выборами 12 декабря в новый орган народного представительства – Федеральное Собрание и голосованием по президентскому проекту Конституции. При этом, следует отметить, что основным событием назначенного президентом голосования 12 декабря 1993 года были не выборы в новые органы власти – Государственную Думу и Совет Федерации, а референдум. Поскольку в случае непринятия Конституции даже по тем облегченным требованиям, которые были, вопреки действовавшему Закону о референдуме, установлены президентским «Положением о всенародном голосовании»[1], перед страной рисовалась альтернатива: суперпрезидентская республика или хаос, безвластие и, как следствие, вероятный развал уже самой Российской Федерации с непредсказуемыми последствиями.

Итоги голосования 12 декабря 1993 года были официально интерпретированы следующим образом. Сначала председатель назначенной президентом Центральной избирательной комиссии Н.Рябов объявил, что «народ, проголосовав за Конституцию, в очередной раз продемонстрировал поддержку Борису Ельцину»[2]. А затем и сам президент провозгласил: «Народный мандат на укрепление власти получен. Как президент, буду опираться на него в полной мере»[3].

Октябрьский кризис существенно изменили механизм власти. Федеральное Собрание – парламент из двух палат, Государственной Думы и Совета Федерации, имел существенно иную конституционную, правовую природу, чем двухпалатный Верховный Совет и Съезд народных депутатов. Оно было полностью лишено распорядительных функций, а Государственная Дума – практически и контрольных: основными ее задачами стали разработка и принятие федеральных законов. Вместе с тем, по новой Конституции, право отклонительного вето законопроекта получили президент и верхняя палата парламента – Совет Федерации. Без согласия хотя бы одной из этих инстанций ни один законопроект, принятый Думой любым большинством голосов, не может вступить в силу. Это существенно ограничило Думу в осуществлении ее законодательной функции. Пожалуй, только представительная в новой Конституции не была урезана. Конституция установила и правовые основа-

ния для роспуска Думы, увязав эту возможность с выражением вотума недоверия правительству.

Итак, к 1994 году, после очередных потрясений, Россия обзавелась новым парламентом – Федеральным Собранием. Формально он представлял собой копию зарубежных образцов современного парламентского учреждения. Тремя «китами» такого парламента являются признаки, имеющие ценность сами по себе: многопартийность и выборность, законотворчество, а также участие в разделении властей – как одной из ветвей. По их наличию или отсутствию западное сообщество судит о демократическом или, напротив, авторитарном характере режима.

Проблема легитимности нового политического режима, нового парламента серьезно не дискутировалась как до референдума и выборов 12 декабря 1993 года, так и после. Это свидетельствовало о некоем «межэлитном консенсусе» после кровопролития предшествующего октября. Он был оформлен через участие ведущих политических сил и региональных групп влияния в выборах Государственной Думы и Совета Федерации.

Классическое политологическое понимание легитимации (от лат. legitimus – законный), как процедуры общественного признания какого-либо действия, действующего лица, события или факта; в политике – ее признания, объяснения и оправдания, вовсе не означает юридически оформленной законности[4].

Участвуя в выборах, ведущие политические силы и элитные группы как бы признавали «акт революционной законности» в виде Указа №1400 и последующих указов Б.Н.Ельцина, определявших порядок формирования и полномочия нового парламентского учреждения.

С точки зрения действовавшего законодательства о референдуме, в том числе подтвержденного Конституционным судом при рассмотрении ходатайства президентской стороны по вопросу подведения итогов референдума 25 апреля 1993 года, для легитимности новой Конституции и соответственно юридически оформленной законности учреждения нового парламентского института, необходимо было одобрение более половины списочного состава избирателей. Созданный президентским указом Центризбирком РФ, объявляя официальные итоги голосования по проекту Конституции, сообщал противоречивые сведения (табл.1).

От числа проголосовавших, по данным от 14 декабря, за нее отдали голоса 52,4 процента избирателей (27,9 % от списка). Официальные сообщения 20 декабря утверждали, что проект Конституции получил поддержку уже 58,4 процента (31,0 – от списка избирателей). Если сравнить показатели о проголосовавших от 25 декабря с числом голосов, поданных за Конституцию, по сведениям секретаря ЦИК РФ В.За-

Таблица 1

Сравнительные данные официальных результатов референдума по проекту Конституции *(12 декабря 1993 г.)*

Число/количество	Данные секретаря ЦИК РФ В.Загуляева от 14.12.1993			Официальные данные ЦИК РФ от 25.12.1993		
	Всего (чел.)	% от проголосовавших	% от списочного состава избирателей	Всего (чел.)	% от проголосовавших	% от списочного состава избирателей
Зарегистрированных избирателей	105 284 тыс.	–	–	106170835	–	–
Избирателей, принявших участие в голосовании	55 987 тыс.	–	53,2	58197755	–	54,8
Голосов, поданных за принятие Конституции РФ	29 337 тыс.	52,4	27,9	32937630	58,4	31,0

Источники: Известия: 1993, 14 декабря; Российская газета: 1993, 25 декабря.

гуляева 14 декабря, то выходит, что одобрили ее только 50,4 процента избирателей. Как видим, результат даже в рамках системы правовых координат, установленных «Положением о всенародном голосовании», был не совсем убедительным.

Ощущение сомнительности полученного результата на референдуме 12 декабря 1993 года усилили последующие события. Срочное уничтожение первичных материалов голосования по указанию ЦИК РФ; длительная задержка с публикацией этих данных по регионам, а также скоропостижная смерть ее секретаря, сообщавшего первоначально противоречивые данные. Даже в научной литературе распространилось подозрение, что в выборах 1993 года участвовало менее 50 процентов избирателей, остальное – приписки (заключение группы А.Собянина)[5]. Президентская команда так и не удосужилась что-либо объяснить, проигнорировав и все протесты, требования разобраться. Эта ситуация, как писал американский исследователь В.Шляпентох, «обесценивала референдум по конституции, одобрение которой было наиболее важным результатом выборов для Ельцина»[6].

Естественно, после осенней танковой канонады в центре Москвы чисто правовые и аналитические аргументы в споре о легитимности новой, президентской, Конституции не имели смысла. Политические партии, принявшие участие в выборах депутатов Государственной Думы, по умолчанию, ее признали. Только бойкотировавшая выборы РКРП

пыталась оспорить итоги референдума. Лидер этой партии В.А.Тюлькин направил обращение в Верховный суд РФ и жалобу в Генпрокуратуру России с просьбой возбудить уголовное дело «по фактам незаконного назначения и проведения референдума по проекту Конституции, представленному Борисом Ельциным и его группой», а также «по факту незаконного определения результатов референдума». По мнению заявителя, постановление Центризбиркома о том, что референдум по проекту Конституции России состоялся, опубликованное в «Российской газете», не является законным. Поскольку, как он писал, закон «О референдуме» действует до сих пор, Центризбирком должен был руководствоваться именно им, а не «Положением о всенародном голосовании», которое Борис Ельцин утвердил без каких-либо на то полномочий. В жалобе В.А. Тюлькин ссылался также на решение Конституционного суда РФ, принятое накануне апрельского референдума 1993 года. В соответствии с ним вопросы, вынесенные на референдум, считаются принятыми, если за них проголосовало более 50 процентов избирателей. Кроме того, закон «О референдуме» запрещал проводить всенародное голосование по проекту Конституции одновременно с выборами депутатов. Заявитель утверждал, что при проведении референдума были нарушены нормы демократии: избирателям через средства массовой информации навязывалось мнение руководства страны. Более того, утверждалось, что президент проигнорировал волю двух миллионов граждан, подписавшихся под требованием провести референдум по проекту социалистической Конституции РСФСР[7].

Жалобы и обращения лидера партии, которая не участвовала в думских выборах и не продемонстрировала реальной общественной себе поддержки, было проигнорировано. Руководитель же пресс-службы президента Анатолий Красиков, комментируя ситуацию, ограничился таким заявлением для СМИ: иск – «личное дело г-на Тюлькина». Более серьезным аргументом, позволявшим игнорировать правовые и политические возражения по поводу легитимности Конституции, стало внушение общественному сознанию, что из 2 341 тыс. военнослужащих в референдуме участвовали 95 процентов, а 74 – проголосовали за новую президентскую Конституцию[8]. Конечно, 2 млн реально поддержавших президента военнослужащих «перевешивали» 2 млн подписантов под проектом «социалистической Конституции РСФСР». Заметим, что В.А.Тюлькин, фактически единственный общефедеральный политик, официально ставивший под сомнение законность референдума и выборов 12 декабря 1993 года и принятия Конституции. Но в 1995 году он уже участвовал в выборах депутатов Государственной Думы. А значит, фактически присоединился к межэлитному консенсусу 1993 года.

Выборы в новый парламент – Думу и Совет Федерации – проходили еще до формального утверждения Конституции. Правовым основанием для их проведения стало Положение о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания, утвержденное Указом Президента N1557 от 1 октября 1993-го и немного измененное в процессе подготовки к ним указом от 6 ноября того же года. Проводились они по смешанной мажоритарно-представительской системе. Одна половина депутатов избиралась по территориальным округам, другая – по партийным спискам, при соблюдении принципа пропорционального представительства. При выборах по партийным спискам был введен пятипроцентный барьер, который избирательному объединению необходимо было преодолеть, чтобы попасть в парламент. В противном случае голоса избирателей, отданные за это объединение, не учитывались. Впервые на выборах представительного органа власти был введен сбор подписей в качестве обязательного условия регистрации избирательного объединения и кандидата в избирательном округе.

Проект смешанной избирательной системы готовила еще в Верховном Совете группа экспертов во главе с В.Л.Шейнисом. Демократы, предлагавшие новую систему выборов, рассчитывали на массированную поддержку со стороны федеральных средств массовой информации, благодаря чему считали возможным обеспечить уверенную победу и завоевание в новом парламенте большинства. «Но избиратели не затянули с расплатой»[9]. Вторая общественная мобилизация сродни той, что удалась в связи с референдумом 25 апреля, оказалась невозможной. Монополия власти, ранее выступавшая как единственный источник общественной активности, оказалась переэксплуатированной командой Ельцина.

Итоги голосования 12 декабря были неожиданными не только для политиков, но и большинства социологических центров страны, не сумевших даже приблизительно спрогнозировать результат. Исследователи потерпели поражение в предсказании и победителей, и даже очередности, с которой партии пришли к финишу, не сумев оценить относительное влияние (вес) политических сил в стране[10]. Например, ВЦИОМ опубликовал за десять дней до голосования (как требовало Положение о выборах) прогноз распределения мандатов в партийной части Госдумы, предсказывая, что пятипроцентный барьер преодолеют только 5 партий и движений. В частности, «Выбор России» получит 102 мандата; «Яблоко» – 71; Коммунистическая партия Российской Федерации и Демократическая партия России – по 26 мандатов[11]. Это «распределение» означало получение 12 декабря «Выбором России» 26 процентов голосов (реально было 15,51 %), «Яблоком» – 11 (фактически 7,9),

ДПР – 7 (5,5), КПРФ – 7 (12,4 %). А самое главное: ни один прогноз, опубликованный за 10 дней до выборов, не предполагал преодоление 5-процентного барьера победительницей выборов – ЛДПР.

Запад ждал триумфа проельцинских реформаторов. Профессор истории Гарвардского университета Ричард Тайпс опубликовал статью в газете «Нью Йорк таймс» под заголовком «Да будет это последним вздохом российских коммунистов!», которая активно цитировалась нашими СМИ. Опираясь на данные опроса общественного мнения, автор высказывал предположение, что в новом российском парламенте сторонники реформ имеют шансы завоевать до 2/3 мест; примерно 10 процентов, согласно его прогнозам, достанется представителям непримиримой коммунистической и националистической оппозиции; еще 25 – будут, вероятно, представлять ту часть электората, которая испытывает ностальгию по прошлому, но отдает себе отчет в том, что оно ушло безвозвратно, а потому склонна примириться с демократизацией общества и приватизацией государственной собственности[12].

Юрий Левада, руководитель ВЦИОМ, во время беседы по телевидению 2 декабря 1993 года, предсказывал решительную победу правительственных сил[13]. Ожидалось, что партия Гайдара соберет 30 процентов голосов, блок Явлинского «Яблоко» будет иметь поддержку 20, а коммунисты и аграрии разделят 6 – 8 процентов между собой и другими партиями. Либерально-демократическая партия Жириновского была вовсе проигнорирована. Большинство других организаторов опросов были убеждены, как и ВЦИОМ, в бесспорной победе проправительственных партий. Институт системных и социологических исследований Международного университета «на базе случайной выборки 1 800 россиян в 9 регионах страны» полагал, что 41 процент голосов будут отданы Гайдару. Вместе с тем только этот институт «отводил» 6 процентов голосов Жириновскому[14]. Центр изучения и прогнозирования социальных процессов также предсказывал победу Гайдара с 30 процентами голосов, утверждая, что коммунисты и Жириновский получат только 6[15].

В общем, выборы в первую Государственную Думу, по образному выражению члена-корреспондента РАН М.Б.Руткевича, можно рассматривать как самое массовое социологическое исследование общественного мнения по политическим вопросам, которое стоило государству огромных затрат. Официальные итоги голосования представлены в табл.2.

К сожалению, большинство социологических служб по итогам этих выборов не прошли проверку на приемлемую достоверность их замеров состояния общественного мнения. Самая авторитетная в то время служба – ВЦИОМ – дала прогнозы результатов, средняя оценка по-

Таблица 2

Результаты выборов в Государственную Думу РФ 12 декабря 1993 г. по общефедеральному округу

Избирательное объединение РФ	Число голосов	%
ЛДПР	12318562	22,92
Выбор России	8339345	15,51
КПРФ	6666402	12,40
Женщины России	4369918	8,13
Аграрная партия России	4292518	7,99
Явлинский – Болдырев – Лукин	4223219	7,86
ПРЕС	3620035	6,73
Демократическая партия России	2969533	5,52
РДДР	2191505	4,08
Гражданский союз	1038193	1,93
Будущее России – Новые Имена	672283	1,25
КЕДР	406789	0,76
Достоинство и Милосердие	375431	0,70

Источник: Выборы в Российской Федерации. 1991-1998 [Электрон. ресурс]: Электоральный справочник для мониторинга, анализа и прогноза. – Электрон. дан. – М: Федеральный центр информатизации. Mercator Group, 1998. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

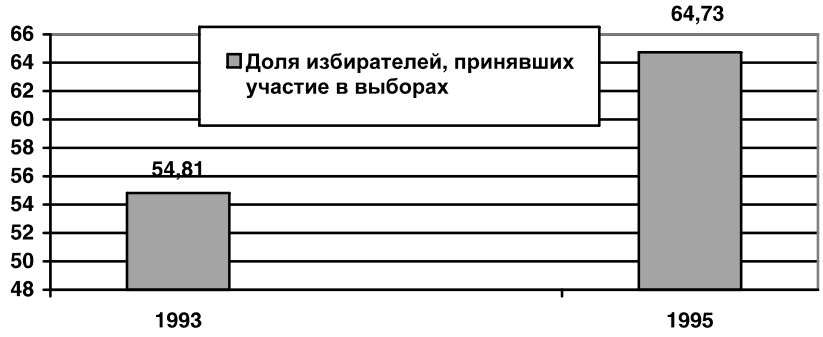
грешности которых в абсолютных выражениях, т.е. среднее (по модулю) арифметическое по отклонению прогнозного результата от фактического по каждому избирательному объединению, составляла: для данных, оглашенных Ю.Левадой по телевидению 2 декабря 1993 года, – 7,60, а для результатов, представленных Л.Седовым в газете «Сегодня» 11 декабря, т.е. за день до голосования, – 5,92[16].

Уже отмечалось, что в референдуме и выборах депутатов Государственной Думы РФ 12 декабря 1993 года по официальным данным приняли участие 54,8 процента избирателей. Этот показатель можно интерпретировать как общественную базу легитимности новых представительных органов власти в постоктябрьской Российской Федерации. Явка на последующих выборах 1995 г. поднялась до 64,73 процента (гр.1). Этот уровень явки свидетельствует о том, что более половины населения своим политическим участием, в общем-то, подтверждали общественную востребованность думского парламентского учреждения.

В принципе проблему легитимности политического режима в России, существующего с 1994 года парламентского учреждения, можно считать «замороженной». Ни одна из значимых политических сил страны ее не актуализирует. Хотя были отдельные всплески общественного внимания к проблеме легитимности современного российского политическо-

График 1

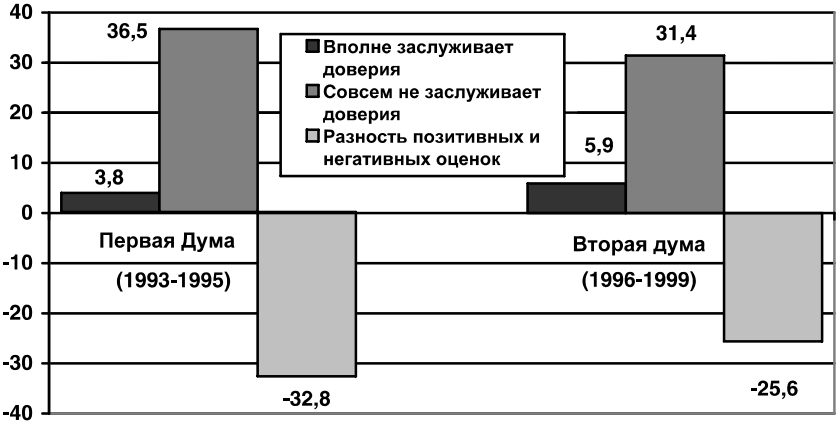
Электоральная активность граждан на выборах депутатов Государственной Думы РФ *(1993-1995, %)*



Источник: Выборы в Российской Федерации. 1991-1998 [Электрон. ресурс]: Электоральный справочник для мониторинга, анализа и прогноза. – Электрон. дан. – М: Федеральный центр информатизации. Mercator Group, 1998. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

График 2

Общественное доверие к Государственной Думе в первой и второй легислатурах *(%)*



Источник: ВИЦОМ. Опросы 1994-1999 гг.

го режима и соответствующих парламентских учреждений пока не выливаются в массовое неповиновение, несогласие, отказ от политического участия – без принуждения в масштабах, ставящих под угрозу политическую стабильность. Однако эти проблемы не могут быть сняты с повестки дня в условиях общего падения авторитета власти в постсоветской России.

Любой политический режим зависит от поддержки общества. В повседневной политической жизни сам факт наличия внутренней психологической поддержки, которая проистекает из доверия институтам власти, не менее важен для нормального функционирования политического механизма, чем реализация этой внутренней поддержки во внешнем поведении, например, электоральной. Доверие граждан к парламенту, как высшему законодательному и представительному органу власти страны, является жизненно важным для стабильного функционирования любой представительной демократии. Поэтому столь низкий уровень доверия парламенту на фоне низкого доверия президенту Б.Н.Ельцину, который колебался в пределах 10-20 процентов по данным различных центров, служит явным индикатором политической нестабильности.

Как видно (гр.2), разность оценок доверия-недоверия к Думе негативная. От – 32,8 процента в первой легислатуре до – 25,8 во второй.

Легитимация призвана располагать к доверию, а легитимная власть и политика должны быть авторитетны. Но именно с доверием к одному из элементов политической системы России – парламентскому учреждению наблюдаются большие проблемы.

---

[1] Положение, утвержденное Указом Президента РФ, устанавливало, что проект Конституции будет считаться одобренным, если за него проголосуют более половины от явившихся к урнам избирателей (Российская газета: 1994, 19 октября). Требование Закона о референдуме было более жестким: необходимо одобрение более чем половины от списочного состава избирателей.

[2] Рябов Н. Народ, проголосовав за Конституцию, в очередной раз продемонстрировал поддержку Борису Ельцину //Постфактум: 1993, 13 декабря.

[3] Российская газета: 1993, 24 декабря.

[4] См.: Энциклопедический словарь /Политология. С.153.

[5] Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями. Выборы и референдумы в России в 1991-1993 гг. /Проектная группа по правам человека. – М., 1995. С. 109.

[6] См.: Шляпентох В.Э. Предвыборные опросы 1993 г. в России (критич. анализ) / /Социологические исследования: 1995, № 9. С.14-22; №10.С. 21.

[7] Коммерсантъ-daily: 1994, 29 января.

[8] Российская газета: 1994, 18 декабря; Сегодня: 1994, 30 декабря.

[9] Там же.

[10] См.: Рековская И.Ф. Выборы-93: Парадоксы общественного сознания или просчеты социологических прогнозов? (Обзор) //Российские контрасты. Социологические исследования 1993-1994 гг. – М., 1995. С. 164-190; Шляпентох В.Э. Ук. ист. С. 14-22.

[11] Сегодня: 1993, 30 ноября; Известия: 1993, 1 декабря.

[12] Цит. по: Невское время, 1993, 26 октября.

[13] Данные по программе «Новости» (Останкино). 2 декабря 1993 //Электронные СМИ России...

[14] См.: Аргументы и факты, 1993, № 47.

[15] См.: Известия, 1993, 25 ноября.

[16] Расчеты автора по сводным данным: Шляпентох В.Э. Там же.

ИТОГИ ВЫБОРОВ 1999-2000 ГОДОВ И ПРОЦЕСС РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
Семинар ЦИПКР 2001 года

С.И. Васильцов. В.В.Путин и харизма

Россия устала от харизм. Верней сказать, от лидеров-харизматиков. А если быть еще более точным, от политиков, обладающих лишь некоторыми чертами личной харизматичности. Ибо деятелей, в полной мере отмеченных харизмой – т.е. избранностью, данной им как бы свыше, от Бога, – мировая история знает немного. Впрочем и «частичные харизматики» нередко способны играть выдающуюся роль, разыгрывая то, что можно назвать «фактором лидера». А именно: замыкают на себя всю нарушенную кризисом систему политических и социально-психологических процессов в обществе, а также структуру государственных институтов. Замыкают и делают работоспособной. Но не навечно. Поскольку харизматики – порождение чрезвычайных обстоятельств. Рейган, Тэтчер, Суарес, Кракси и ряд других взлетали к высотам и уходили, исполнив свое предназначение, поддержав страну в трудное время.

Все полтора десятилетия безостановочной деградации российского общества «фактор лидера» у нас - в противовес «партийному фактору» - также безоговорочно первенствовал. И оказался жесточайшим образом переэксплуатирован. Хотя ничему не помог. Наоборот, усилил процессы развала.

Горбачев, а затем Ельцин, сначала взлетев на волне личной харизматизации – этой своеобразной влюбленности граждан в лидера, - а затем сверзившись с нее, и став по сути «антихаризматиками», казалось бы напрочь должны были отбить у народа всякую тягу к «вождям». Но… страна остается в состоянии социально-политического расплава. И «закоротить» все общественные структуры и процессы на одно обладающее властью лицо – все еще самая доступная из применяемых в таких случаях технологий. Вожди смертельно надоели стране, но она в отчаянии ищет все новых и новых вождей…

Именно это и сыграло роль объективного фактора, послужившего рождению «синдрома Путина» в сегодняшней России. Плюс субъективный момент: Путину удалось замкнуть на себя центральное звено того, что можно назвать народной государственной программой XXI века,

которая сложилась в русском, российском самосознании где-то к середине девяностых годов.

Во-первых, это присвоенный им лозунг «Великой России», как мало что другое созвучный народным настроениям. «Нашей стране надо идти своим путем, никому не подражая», - утверждали еще в 1992 году, по данным ЦИПКР, две трети россиян. Эту же позицию, согласно ВЦИОМ, сегодня заняли уже около трех пятых граждан.

Во-вторых, требование «убрать из руководства страною всех тех, кто, управляя Россией, служит чужим, не российским интересам, прикрываясь криками о цивилизации и демократии», выдвигаемое, согласно замерам ЦИПКР, на первое место 40-50 процентами россиян. Показательные «порки» деятелей типа Березовского и Гусинского, одобренные большинством населения, оказались восприняты как прямое подтверждение того, что именно Путин способен воплотить данный лозунг в жизнь.

В-третьих, призыв к наведению порядка, реализацией которого стало требование «покончить с сепаратизмом», поставленное во главу угла примерно третью граждан и одобренное 60-70 процентами их. Эпатирующе-образное высказывание Путина насчет чеченских террористов («будем мочить в сортире») вроде бы намертво спаяло в массовом сознании его образ с решением этой ключевой для выживания страны задачи.

Таковы оказались «три кита», - три совпадения позиций Путина со мнениями почти четырех пятых населения, - на которых изначально взошла личная харизматичность президента, не имевшего к моменту прихода на высший в стране пост ни собственной партии, ни команды за спиной, ни достаточной поддержки со стороны либерально-демократической «элиты».

Самоидентификация Путина с этими тремя народными требованиями нейтрализовала в нужный момент и такой опасный для него фактор, как глубокое несовпадение ряда деклараций президента со взглядами большинства граждан по целому спектру других важнейших государственных целей и задач.

В частности, даже в декабре 1999 года – на пике его политического взлета - лишь 16 процентов россиян (данные ЦИПКР) соглашались с тем, чтобы итоги приватизации в стране оставались неприкосновенными. Только 14 процентов населения сочли «хорошей мыслью» и высказанное Путиным еще весною 2000 года пожелание о вступлении России в НАТО. В то время как большинство других или заявили о своем «абсолютном несогласии» с этим, или не поверили, будто Владимир Владимирович мог подобное предложить.

Такая шаткость позиций сделала Путина заложником собственного рейтинга, который к тому же быстро выказал склонность к опасно резким скачками. Например, по данным ВЦИОМ, уже за три первых после выборов месяца он упал с 51,7 до 44,5 процентов. А затем его колебания стали еще более размашистыми, заходя на тридцатипроцентные отметки рейтинговой шкалы.

Что и понятно. Ведь главная составляющая путинской харизматичности – та самая политическая «влюбленность» части граждан в лидера, - есть вещь сугубо иррациональная, питаемая эмоциями. Обманутая же влюбленность мстит.

Тем более что даже в самые лучшие времена в президентском имидже Путина не было очень важного – средних высот. Либо изолированные «заоблачные» пики оценок, либо масса абсолютно незначительных показателей доверия. Делалось очевидным: если указанные «пики» надломятся, а тем более рухнут, обвал харизматичности президента сделается катастрофическим.

Именно эта угроза остро напомнила о себе в последние недели в связи с визитом Путина в США и полным сползанием российских верхов в колею американской политики. Еще по сентябрьским данным РОМИР, категорически против участия российских военных в натовских операциях в Афганистане высказывались 79 процентов населения. Теперь же, по сведениям ВЦИОМ, 51 процент россиян заявил: «Россия плетется в хвосте США». Не заставила себя ждать и «первая ласточка» кризиса: по сведениям Агентства политических новостей, рейтинг доверия президенту в армии скатился до 18 процентов…

Отказ от самостоятельной роли России в мире, как и начало переговоров с чеченским сепаратистами, подрубили основы, на которых крепился путинский имидж и держатся его рейтинговые показатели. Харизма президента начала осыпаться.

Впрочем, дело здесь не исчерпывается внешнеполитическими, оборонными или антитеррористическими аспектами. Четко обозначился и надрыв доверия к власти по ключевым социальным и экономическим делам.

Еще недавно акции властей против Гусинского и Березовского – как начало антикоррупционного наступления Путина – приветствовали, как говорили публикации АРПИ, не меньше половины россиян. Но уже осенью 2001 года аналогичные по духу расследования в Министерстве чрезвычайных ситуаций и Министерстве путей сообщения, которые 70 процентов населения (по опросу ВЦИОМ) также связали с президентом, сочли настоящей борьбой с коррупцией всего 27 процентов граждан. Ни одна из реформ, проводимых под его патронажем, как говорят

материалы ФОМ, - будь то земельная, пенсионная, жилищно-коммунальная, военная и т.п. – не опирается на поддержку более чем все той же четверти россиян. В итоге уровень его осознанной социально-политической поддержки в народе стал ограничивать сегодня настроениями от четверти до трети населения, не больше.

Столь узкую массовую базу имели новации партии власти «поздней» ельцинской поры. Все, похоже, стало возвращаться на круги своя…

Путин как бы вытолкнул самого себя из той «государственно-патриотической» ниши, которая и делала его почти неуязвимым.

Беря в расчет его 70-процентный рейтинг доверия, можно сказать: доверие к президенту еще есть, а вот надежд на него *уже* не стало. Ситуацию консервирует лишь то, что недостающие для образования оппозиционной «критической массы» примерно 20-25 процентов избирателей – это те, кто смертельно устал от перемен. Они не хотят ни надежд, ни разочарований, только отдышаться от потрясений. Но надолго ли это?

И когда путинская харизматичность надломится – а процесс этот, как говорит опыт тех же Горбачева и Ельцина, бывает быстротечен, – в его распоряжении остается не так уж много альтернатив. *Второй раз харизматиком ему не стать, такого не бывает.*

Он может какое-то время вести себя как ни в чем не бывало: будто честный вассал «есть глазами» американского своего сюзерена и одновременно – подмигивать, обращаясь к стране: мол, как я его, а?.. Может попробовать ельцинскую методу тянуть время – месяц за месяцем, год за годом – обнадеживая общество посулами, броскими акциями, симуляцией новаторства, громкими наказаниями «ослушников». Может уйти из политики вообще, как то сделали в конце концов Ельцин, а до него (первоначально) Горбачев. Может попытаться все начать сначала. Но не разыгрывать при этом карту личной харизматичности, а превратиться в «обычного» лидера своей «собственной» партии, т.е. стать частью уже не лидерской, а партийной субкультуры. Так некогда поступил Суарес – «отец» постфранкистской общественной перестройки в Испании. Может он и попробовать, сделав ставку на силу, сохранить свое положение на вершине власти, «конвертировав» его основы с парламентской демократии на диктатуру. После чего все проблемы рейтингов, общественного мнения, выборов и пр.- в их традиционном виде – отпадут сами собой. Таким путем когда-то, 18 брюмера 1851 года, пошел Луи Бонапарт - император Наполеон III.

Какой путь изберет президент Путин, покажет не столь уж отделенное время. Его корабли во многом сожжены. Отсчет времени распада его харизматичности пошел.

В.П.Пешков. Итоги выборов 1999-2000 гг.: стабилизация политического режима

По итогам избирательного цикла 1999-2000 годов российская партия власти, внешне сумевшая обновиться, отчасти вернула себе имиджевое превосходство и еще дальше продвинулась по пути монополизации совокупности управленческих рычагов. Задача «мягкого» подавления оппозиции оказалась – на ее взгляд – в решающей степени выполненной. Общественное пространство для продолжения прежней политики «реформ» выглядело в целом расчищенным. Маневр по переходу на новый уровень демонтажа российской государственности – завершенным.

Вновь оживилась массированная пропагандистская обработка умов, проталкивающая в массовое сознание мысль о том, что прошедшие во властных верхах перемены делают «ненужной» КПРФ, чьи функции по защите национально-государственных интересов России якобы с гораздо большей эффективностью может теперь исполнять президент Путин и его команда.

Тем самым от коммунистов пытались отсечь те массы населения (до трети национального избирательного корпуса), что, не голосуя пока за компартию, уже с интересом начали поглядывать на выборах в ее сторону, не исключая для себя голосование в ее пользу.

Тревожный для власти факт – избрание в 2000 г. сразу в трех субъектах Федерации руководителей региональных отделений КПРФ главами исполнительной власти – усилил такие попытки.

Режиму удалось внедриться непосредственно в государственно-патриотической «нишу», пользуясь, в частности, тем, что она вобрала в себя на исходе XX века до двух третей населения, но лишь наполовину оказалась организационно-политически и электорально освоена и закреплена за собою коммунистами.

Такое положение вещей предопределили следующие факторы:

Уход с президентского поста Б.Ельцина как наиболее скомпрометированного элемента партии власти, ставящего под все более сильный удар народного недовольства весь правящий страною режим;

Передача руководства в руки В.Путина, поданного пропагандой в качестве нового человека во власти;

Широкомасштабная пропагандистская кампания вокруг обещаний нового президента подавить очаги терроризма и сепаратизма в Чечне;

Начало частичного обновления партии власти (в личностном преимущественно плане);

Перехват правящей верхушкой - на словесном в основном уровне - части лозунгов и идей компартии;

Демонстративные акции устрашения в отношении отдельных лиц и финансовых структур, игравших «знаковую» роль в «старой» партии власти;

Усталость народа от долгой череды бурных и изнурительных, но, на взгляд многих граждан, бесполезных политических баталий, стремление людей передохнуть;

Растущее недоверие и раздражение населения по отношению к политикам вообще;

В целом иррациональная мечта о политическом чуде, способном – без каких-либо усилий, жертв и потрясений – вернуть все в стране в нормальное русло.

В 2000-2001 гг. все это, вместе взятое, позволило режиму приступить к перелицовке своего образа, к декорированию его национально-государственными ценностями, начавшими доминировать в общественном сознании. Партия власти, получившая под нового лидера обширный «кредит доверия» в народе, избежала краха, который угрожал ей в конце 90-х годов по мере усугубления социально-экономического развала и упадка морального авторитета ельцинской власти.

Удачно использовав открывшиеся здесь возможности, особенно электорального порядка, она смогла не только провести своего кандидата на президентский пост, но и захватить лидирующие позиции в Федеральном Собрании, лишив оппозицию одного из главных ее завоеваний – блокирующего «пакета» голосов в Думе. А затем оттеснила ее на периферию законотворческой деятельности, превратив думское большинство в машину по утверждению законодательных инициатив Кремля.

В итоге вся законотворческая сфера вновь, как после событий 1993 года, оказалась под контролем режима.

Произошла предельная монополизация всей системы принятия властных решений. Дума, Совет Федерации, Администрация президента и правительство действуют, как одна команда.

Ситуация усугубилась еще и тем, что на региональном уровне – особенно в местных законодательных уровнях – по итогам прошедших выборов произошло резкое, почти двухкратное, падение уровня присутствия членов КПРФ в корпусе депутатов.

Произошла простая «передача» весомой части электорального и властного потенциала компартии другим, часто лишь внешне, союзным ей силам. Никакого же ощутимого прирощения позиций патриотических сил не произошло. Нередко электорат компартии играет роль своего рода стартовой площадки для вывода на орбиту большой политики людей для КПРФ случайных, а то и чуждых. Заметившие коммунистов лица далеко не всегда в дальнейшем выступают союзно с компартией.

Что привело в целом к общему падению влияния компартии в местной законодательной сфере.

Частичная стабилизация режима начинала грозить КПРФ как электоральными неудачами, так и изоляцией партии в обширном, но лишенном динамики социально-политическом «гетто», ограниченном, в конечном счете, примерно 12-15 процентами электоральной поддержки в стране. А значит – и оттеснением левой оппозиции с авансцены на маргинальную «обочину» российской общественной жизни.

С.П.Обухов. Современный трансформационный процесс в России как нарастающий исторический регресс?

Современный трансформационный процесс в России вполне можно рассматривать как нарастающий исторический регресс, на фоне которого советская имперская эпоха на уровне массового менталитета становится все более светлым мифом, тем «назад в будущее», которое только и способно обеспечить выживание нации

Традиционным стало определение нынешнего состояния российского общества как переходного, находящегося в процессе трансформации. Одни понимают это как переход от так называемого тоталитаризма к неким свободному рынку и демократии. Другие – как исторический регресс, возврат в прошлое, дикий капитализм 18-19 столетий. Третьи говорят о «штрафных кругах» истории, которые наматывает современная постсоветская Россия. Все в разной степени правы и не правы, так как нынешнее социально-экономическое и политическое пространство имеет «дырчато-пупырчатую» структуру, где все расширяющиеся провалы в уклады прошлых и позапрошлых веков чередуются с сужающимися островками, сохранившегося наследия и структур советской имперской эпохи, и небольшими вздутиями, наростами, зародышами новых отношений, потенций.

В итоге мы видим сегодня многие классические противоречия в превращенных, а нередко и в извращенных формах.

Например, в отношениях собственности – ключевую роль для политического доминирования и закрепления имущественных позиций стали играть отношения собственности на средства производства информации, особенно самое массовое и доступное из них - телевещание. В социальной структуре нет никаких выкристализовавшихся общественных классов, кроме компрадорской буржуазии. А вся остальная социальная масса предстает в виде расплава, скопления атомов-индивидуумов, выполняющих одновременно разные социальные роли. И это происходит на фоне расширяющегося процесса маргинализации, захватывающего все более обширные слои.

Пока постсоветская Россия работают в режиме кристалла-полупроводника, полюса власти которого "закорочены" таким образом, чтобы не пропускать импульсы развития. Поэтому сегодняшнее состояние России – это нарастающий исторический, социальный, экономический, политический регресс, при котором советская имперская эпоха – на уровне массового менталитета – все более становится светлым мифом, тем «назад в будущее», которое только и способно обеспечить в ближайшие годы выживание нации. Формула дня для России: "шаг назад – два шага вперед" и есть прорыв в будущее.

Для власти же нынешний трансформационный период – это не топтание на месте, а так называемая «предпродажная подготовка» страны к переводу ее в разряд мировой периферии и трофея для более удачливых геополитических конкурентов. И этот процесс «предпродажной подготовки» осуществляет последовательно и успешно.

Прожирание советского имперского наследия, прожигание дотла морально-нравственных скреп российского общества, все это способно в конце концов, вызвать на поверхность общественного бытия инфернальное Нечто, геополитический распад страны и исчезновение русской нации как таковой. Таковы все более зримые конечные цели длящегося вот уже более полутора десятилетий «переходного периода».

И, наверное, являются великими оптимистами те, кто полагают, будто этот «переходный период» удастся затормозить, как только будет добито советское наследие. Вот тогда–то страна окончательно и будет вытеснена на мировую периферию и испытает еще более страшное национальное унижение. А возпроизводящееся социальное неравенство, наконец, сформируется в традиционное классовое общество со всеми его конфликтами. Ну а затем не исключено – разрешение вопроса по образцу 1917 года, дай Бог, без известных издержек.

Хотя форточка исторических возможностей, открывшаяся для большевиков в 1917 году, когда «сегодня рано, а завтра поздно», вряд ли откроется вновь.

Как известно, "переполюсовка" российской истории на "штрафные круги", осуществленная новым правящим классом на рубеже 80-90-х годов, имела камуфляж в виде борьбы за новый «чудодейственный» институт представительной парламентской демократии. На нее вначале прямо или косвенно замкнулся почти весь спектр бытующих в обществе социально-политических ориентаций и ожиданий. Особенно была глубока вера в то, что новый институт сможет согласовать и реализовывать на практике интересы и потребности в их основных социально-экономических и политических групп российского общества, опреде-

лять концепцию и программные цели развития страны и правила политической "игры" в ней, позволит России войти в некую «цивилизацию», стать хотя бы Швецией, но с глобальными претензиями и проектами, в масштабах СССР.

Крах иллюзий наступил быстро. И уже к средине 90-х во весь рост встала проблема утраты общественного доверия к парламентаризму, делегитимации его институтов, а значит и всей нынешней системы власти. Которая ныне висит на одном гвоздочке – «рейтинге последней надежды» президента Путина.

Использование парламентского механизма в нынешнем его виде в будущем представляется в таком контексте маловероятным. Равно как и все современные российские политические силы в нынешнем их состоянии вряд ли смогут генерировать объединяющие идеи-концепции сродни той «Власть Советам!», что перевернули общество и в 1917, и в 1989-1990 гг.

Для прорыва из состояния нынешнего застойно-загнивающего «переходного периода» требуются стечение слишком многих маловероятных исторических случайностей. Возможно оно лишь буквально по Промыслу Божьему. Внутри страны – возникновение или трансформация из ныне существующих оппозиционных движений некоей национально-освободительной организации (один из ее исторических аналогов - Индийский национальный конгресс). Вне страны – крах американского глобализаторского проекта. И то, и другое в ближайшем будущем пока видится маловероятными. Впрочем и октябрь 17–го для его современников – включая вождей партии большевиков – был не менее маловероятным. Главное в другом: быть готовым в тот момент, когда маловероятное вдруг делается более чем вероятным и даже реальностью. Именно так, в конечном итоге история – "дама" во всех отношениях и жестокая и ироничная – и проверит качество политиков, их жизнеспособность.

НУЖНА ЛИ РОССИИ «ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ»: РЕФЕРЕНДУМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ
Симпозиум ЦИПКР 30 июля 2003 года

Тезисы к дискуссии

В кризисные эпохи, когда привычная и устоявшаяся система руководством государством и жизнедеятельности общества начинает давать все более серьезные сбои, резко повышается общественный вес разного рода «страхующих» институтов. Часто в дело вступает «фактор лидера», то есть замыкание главных управленческих инстанций на одну личность, наделенную (когда стихийно, когда вполне целенаправленно) в сознании граждан чертами личной исключительности. Иногда же, наоборот, речь идет о попытках запустить в действие практику «прямой демократии», при которой юридическая, административная, электоральная дистанция, как бы отделяющая волеизъявление народа от практической (в виде государственных решений) его реализации, сокращается до минимального размера: воля большинства граждан непосредственно превращается в закон.

Впервые в повестку дня практической политики проблема референдума была поставлена в конце 80-х начале 90-х годов прошлого века, когда прежняя система власти растеряла свой авторитет и впала в некую прострацию, а новая еще не сложилась, и какова она будет - не видел, в общем-то, еще никто.

В ту пору романтизм этот сыграл с нашей страной трагическую шутку. Скажем, референдум 1991 года дал двойной и очень разный итог. Вопрос о судьбах СССР был поставлен и решен, но его результат, провозглашавший «Союзу - быть!», оказался не выполнен, заморожен на уровне государственной деятельности, а потом и попросту отброшен.

Инкорпорированный на территории РСФСР в этот же референдум вопрос о введении поста президента, наоборот, тут же оказался переведен в практику и положил начало тому процессу сокрушения отечественной государственности, который не затух и до сих пор, сбрасывая Россию буквально в ничто.

Потом, уже в 1993 году, все тем же плебисцитарным путем в стране оказался введен институт личной власти Б.Ельцина. Одобрение путем людского волеизъявления в апреле 1993 года его политики перерос-

ло в октябрьский государственный переворот с расстрелом парламента. Через очередной референдум была утверждена в декабре 1993 года и новая Конституция, освятившая весь слом страны, произведенный за годы «перестройки» и «реформ».

Но вот – опять развилка исторических возможностей.

Существующая система власти не в силах справиться с упадком страны. Внешнее «заглаживание» острых общественных проблем всякий раз оплачивается отбрасыванием все новых элементов национальной государственности в угоду внешним силам давления (сдаются союзники на мировой арене, вроде Югославии или Ирака, забалтывается союз с Белоруссией, рушится армия, превращаемая в полицейское формирование, гибнет культура, вырождается народ).

Государственные институты вновь абсолютно бессильны: даже то, что ими формально решается, все чаще на деле не выполняется. Политическая ткань общества так и не сформировалась, у страны нет даже настоящей правящей партии, если не брать всерьез бесконечные переиздания «президентской» партии, за которые не голосует и четверть россиян.

Парламентское законотворчество практически не влияет сколь–либо позитивно на жизнь человека, а только расширяет спектр гнетущих его проблем.

Нет государственной идеологии. Точнее, отсутствие любых идеологий (то есть целостное представление олицетворяющих страну инстанций о себе в прошлом, настоящем и будущем) сделалось главной идеологией власть имущих сил. В общем, Россия опять впала в ситуацию общественной комы.

И возникает с неизбежностью вопрос: если общественно–политическая система обездвижена, то не перешагнуть ли через нее во имя спасения страны, не дать ли решающее слово прямо народу. Особенно – по ключевому вопросу: как дальше жить?

Во властных кабинетах ширятся разговоры, выдвигаются некие проекты преобразования России из президентской республики в парламентскую. Естественно, этого не сделать без внесения изменений в Конституцию, а то и конституционного референдума.

Разные политические силы общества уже пытались оживить институт референдума. «Правые» намеревались запретить ввоз в страну отработанного ядерного топлива, но не смогли собрать необходимого числа подписей.

Оппозиция в лице КПРФ, в свою очередь, попыталась через институт референдума, поставить в повестку дня проблемы национализации

базовых отраслей и природной ренты, отмены нынешней реформы ЖКХ, вопрос о разумных размерах платы за жилье, минимальных зарплат и пенсий, запрете купле-продажи сельхозугодий. Правда, сделано это в рамках самого же парализованного государственного организма без давления извне на управленческую систему (ни демонстраций, ни иных народных выступлений с его требованием не произошло). В итоге референдумная инициатива коммунистов оказалась блокирована избиркомом, а затем и думским большинством по формальным основаниям: в год выборов было решено референдумов на общефедеральном уровне не проводить.

В свою очередь ЛДПР получила «зеленый свет» для регистрации инициативных групп и сбора подписей под бутафорским референдумом, где серьезный вопрос о снятии льгот с семьи Ельцина, соседствовал с десятком почти анекдотических и провокационных предложений. Например, о переименования должности президента в «верховного правителя России», включении в состав России бывших союзных республик на правах федеральных округов и др.

Понятно, что после пиаровского шума, канализации в свисток раздражения граждан по поводу льгот и привилегий Ельцину и его семье (были собраны десятки тысяч подписей граждан) референдумная инициатива Жириновского была тихо им самим прикрыта в канун длительных новогодних каникул 2003 года.

Однако знамя референдума в 2003 году все же было перехвачено властью, которая сочла необходимым провести плебисцит в Чечне, где была одобрена мало отличающаяся от Хасавюртовских соглашений Конституция и законы о выборах. И фактически узаконены результаты этнической чистки начала 90-х, когда из Чечено-Ингушетии - Ичкерии было изгнано 300 тысяч русских.

На фоне множащихся терактов в Чечне, фактического выхода из-под федерального контроля администрации Кадырова, который долгое время был символом раскаявшегося сепаратиста, легализации бандформирований в форме структур чеченского МВД якобы победные для власти результаты прямого волеизъявления в Чечне выглядят более чем сомнительно.

Вопрос о референдуме в нынешних российских условиях повис. Даже если Конституционный суд вскоре отменит, принятые в спешном порядке Думой, запретительные нормы на проведение референдумов в годы президентских и парламентских выборов остается неясно: так нужен в сегодняшней России референдум или же нет? Уместна ли в России «плебисцитарная», то есть «прямая» демократия или вредна?

Вопросы к дискуссии

1. Полезен ли сегодня институт референдума?

2. До сих пор он страну скорее разрушал, а как будет впредь?

3. Более 80 процентов россиян, по данным социологов, готовы поддержать, например, позицию КПРФ, на референдум по национализации базовых отраслей, природной ренты, отмене нынешней реформы ЖКХ, гарантированию прожиточного минимума, запрета купли-продажи сельхозугодий. Но сохранят ли граждане эту свою позицию, если референдуму все же дадут состояться?

4. Нужен ли, например, России вообще тот референдум, который предлагает КПРФ, или же он вреден, а может быть и просто нереален?

5. Есть ли рациональные зерна в наборе вопросов, которые выносила ЛДПР на референдум? Можно ли в сегодняшней России референдумом решать вопросы государственно-территориального устройства (укрупнения субъектов Федерации, введения губерний, присоединения бывших союзных республик)?

6. Каковы последствия состоявшегося чеченского референдума для будущего и территориальной целостности России?

7. Допустит ли власть в сегодняшней России «прямую демократию» или для этого на нее, власть, требуется массированное общественное давление: демонстрации, митинги, акции протеста?

8. Какие проблемы России следовало бы попытаться решить через посредство референдума?

9. Если прямая демократия России нужна, то какой должна быть технология ее введения, что необходимо делать?

Г.А.Зюганов, доктор философских наук, лауреат международной премии им. Шолохова

Изменить ситуацию в обществе, добиться смены осуществляемого властью курса гражданам можно двумя способами. Во–первых, бюллетенем, проголосовав за партии и лидеров, предлагающих альтернативные программы развития страны. Во–вторых, с помощью акций протеста, когда миллионы граждан одновременно выходят на улицу и говорят глухой к их нуждам и чаяниям власти: "Уходите!" Политика сегодня – это испытание воли, борьба характеров, столкновение упорств. В обществе, где все превратилось в кашу проявление волевого начала – дорогого стоит. И мы его проявили: знали и что референдум сорвут, но все равно шли на него, не склоняясь под ударами. Не только люди, но и власть должна знать, на что мы способны, когда решим идти до конца

Все очевиднее, что в современном российском обществе внутренний протест нарастает, а инициатива масс выливается в очень разные формы, в том числе – требования референдума по изменению курса.

Известно, что изменить ситуацию в обществе, добиться смены осуществляемого властью курса гражданам можно двумя способами. Во–первых, бюллетенем, проголосовав за партии и лидеров, предлагающие альтернативные программы развития страны. Во–вторых, с помощью акций протеста, когда миллионы граждан одновременного выходят на улицу и говорят глухой к их нуждам и чаяниям власти: “Уходите!”

Мы хорошо понимаем, что добиться от власти в нынешней России согласия на честное и прямое народное волеизъявление невозможно: либо сразу запретят, либо исказят саму идею до чего-то противоположного задуманному, либо фальсифицируют результаты, либо просто положат итоги плебисцита под сукно. Примеров множество. Вот если с помощью референдума власть возжелает подвести некие морально-политические подпорки под свой тонущий и разрушающийся курс, тогда – да: подобное прямое действие состоится и даст – под мощным давлением всего административного, финансового и еще Бог знает какого ресурса – то, что требуется власти. Референдумы 90-х годов это очень хорошо показали.

Все это мы прекрасно знаем и понимали, начиная борьбу за референдум, прекрасно.

Однако особенность политики, особенно большой политики, да еще в кризисные времена, заключается в том, что «прямолинейная», так сказать, логика в ней далеко не всегда эффективна и оправданна.

Пока референдум властью сорван. Однако он на многие месяцы стал одной из постоянных информационных «горячих точек», которую власть и ее СМИ так и не смогли, что называется, ни обойти, ни объехать. А это – редкое для нас, коммунистов, для всех левых сил удача. Ведь сегодня, например, на государственном телевещании даже лидерам оппозиции, за которых голосует треть россиян, предоставляется в тридцать раз меньше эфирного времени информационно-аналитических программ, чем лично В.Путину и другим деятелям партии власти.

Инициатива референдума, пусть на время, но прорвала эту блокаду.

Далее, наши предложения и идеи, как правило, замалчиваются. А в последнее время буквально крадутся нашими оппонентами, беззастенчиво провозглашающими их вдруг «своими». Референдум показал всем, в чем суть нашей программы, за что именно мы боремся. Причем, четыре пункта, вынесенные на референдум, у нас не украсть. Они носят сущностной характер и для партии власти они – все равно что крестное

знамение для нечисти. Спасибо референдуму – до большинства россиян эта наша программа дошла. И была понятна и признана.

Несмотря на то что референдум КПРФ запрещен, общественный резонанс в связи с этой инициативой компартии велик.

По данным опроса Центра исследований политической культуры России, почти половина опрошенных россиян вообще не знали о подготовке всенародного плебисцита, однако 72,2% респондентов выступали против купли-продажи земли, 91,1% против реформы ЖКХ, 96,4% требуют повышения зарплат и пенсий до уровня прожиточного минимума, 93,4% готовы поддержать национализацию природных ресурсов и промышленности.

То есть КПРФ хоть и не выиграла референдум, но и не проиграла его.

Уверен, что к следующим парламентским выборам КПРФ не только сохранит, но и увеличит свой электорат. У нас есть два рычага продвижения идеи референдума. С одной стороны, разъяснение и массовая пропаганда идеи. С другой - акции протеста трудящихся в защиту референдума.

Мы будем продолжать борьбу за этот референдум, несмотря ни на что, и всенародный опрос все же состоится. Эти четыре темы будут обсуждаться в каждом доме, в каждой квартире, в каждом коллективе.

Политика сегодня – это испытание воли, борьба характеров, столкновение упорств. В обществе, где все превратилось в кашу проявление волевого начала – дорогого стоит. И мы его проявили: знали и что референдум сорвут, но все равно шли на него, не склоняясь под ударами. Не только люди, но и власть должна знать, на что мы способны, когда решим идти до конца.

И, наконец, еще одно. Срыв референдума – это типичная пиррова победа власти. Ну, не будет его *до* выборов, так мы с новой силой начнем борьбу за него уже на второй день *после* избирательного марафона 2003–2004 годов. Причем в очень выгодных условиях, поскольку у нас появился почти год на пропаганду идей референдума, на то, чтобы донести их до каждого, чтобы найти единомышленников, чтобы отточить агитационную логику, чтобы вскрыть перед страною абсолютную антидемократичность сегодняшних российских властей.

У Путина нет курса. Был первый год, когда можно было расчистить эти авгиевы конюшни и сформировать профессиональную команду. Путин оказался неспособным к самостоятельному политическому творчеству. Власть играет в политику, имитирует ее, но ни одного вопроса своевременно не решает. Она безвольна и безлика, сера – как затасканная шинель.

Поэтому сейчас речь должна идти о широком народном действии. И это мы ставим во главу угла при продвижении идеи референдума.

С.И.Васильцов, доктор исторических наук, директор ЦИПКР

Референдум – это не инструмент решения каких-либо ключевых общественных проблем, а средство легализации уже принятых во властных «верхах» решений, отражение сложившейся в обществе “геометрии сил”. Прямая демократия, особенно в кризисном обществе, в большинстве случаев невозможна без прямого народного действия

И мировой, и современный российский опыт, взятые в целом, говорят по большей части за то, что судьба референдумов целиком зависит от тех, у кого в руках реальная власть. И не столь важно при том, формализовано это властное качество или нет. Хрестоматиен все тот же референдум о судьбах Союза ССР: вроде бы абсолютное большинство советских граждан сказало ему «Да!», однако те, кто уже на деле определял будущее страны, твердо решили – «Нет!». И страны, не взирая на всю четкость народного волеизъявления, не стало.

И получается, что референдум – это не инструмент решения каких-либо ключевых общественных проблем, а средство легализации уже принятых во властных «верхах» решений, отражение сложившейся в обществе “геометрии сил”. Технология здесь такова. Не «сначала референдум, а потом – решение», а наоборот, – сначала обретение того, что А.Грамши называл общественной гегемонией, т.е. реального первенства, преобладания в политических делах, а уже затем и на ее основе юридическое закрепление желаемого решения путем всенародного голосования.

Хотя, конечно, зарекаться тут не стоит. Вполне можно представить ситуацию, когда сила, не добивающаяся полноты этой самой гегемонии, но имеющая перед собой – в качестве противостоящей стороны – все более бессильную власть, все-таки может успешно употребить для ее свержения инструмент прямой демократии.

Причем тут мы сталкиваемся с более общей, нежели функционирование института референдума, проблемой.

Так, в наших российских условиях речь идет о том вопросе, который нередко формулируется так: «Как все-таки КПРФ и оппозиция могут взять власть?». Хочу уточнить, что речь ведется именно о взятии власти, а не о победе, скажем, на думских и даже президентских выборах. Проблема здесь сводится не только и не столько к тому, чтобы занять соответствующие руководящие посты. Речь – о возможности для той же КПРФ реально воплотить в жизнь ***свою программу*** общественного устройства и переустройства. Вопрос стоит о ***полноте*** **власти**.

Референдум здесь все–таки можно рассматривать как некую модель решения этой очень сложной (даже болезненной для сегодняшней ситуации) проблемы.

Да, анализ мирового и российского опыта говорит: сам по себе референдум и даже победа на нем мало что оппозиции на практике дают. Чтобы придать им эффективность требуется плотное давление со стороны – извне процедуры самого референдума. Прежде всего речь идет об организации широчайшей массовой поддержки идей, выносимых на референдум (а коли брать шире, и говорить о думских или президентских выборах в России, – то о поддержке программных положений той же Компартии). Поддержки, включающей в себя обширный спектр акций прямого политического действия, PR-акций, технологий массового политико-психологического воздействия.

Прямая демократия, особенно в кризисном обществе, в большинстве случаев невозможна без прямого народного действия.

Референдум, как и все прочие выборные процедуры, может реально изменить жизнь страны, только если он станет ***одним из элементов*** широкого и многоуровнего социально-политического действия. Если попытаться выстроить здесь некий образный ряд, то их можно уподобить лодке в могучем потоке, каковыми являются разнообразные народные выступления. Как «стерильная» политико-юридическая акция референдум у нас бесплоден; как лозунг и острие народного выступления – может оказаться очень эффективным.

Здесь кроется и ответ на тот самый сакраментальный вопрос – «Сможет ли КПРФ, даже в случае победы на выборах, взять власть? Или ей эту власть все равно не отдадут?». Можно ответить: сможет, если вне электорального процесса сумеет опереться на широчайшую массовую поддержку.

Касательно не реализованной референдумной инициативе КПРФ. У партии есть возможность пока что частичного, но использования инструмента прямого народного волеизъявления в конкретных сегодняшних российских условиях. А именно: превратить положения, выносимые на референдум, в свою краткую избирательную программу. Мало того, коммунисты могут провозгласить избирательную кампанию 2003-2004 гг. не чем иным как референдумом по выдвинутым проблемам. И соответственно строить всю свою кампанию как призыв к своим сторонникам, как обращение ко всей нации, выступая в роли кристаллизатора всенародной воли, консенсуса. Редкий в политике и выигрышный шанс.

В.К.Коломиец, кандидат исторических наук, Ученый секретарь Института сравнительной политологии РАН

Подмена демократии представительной «прямой демократией» чревата негативными последствиями долговременного характера: лише-

ние народного представительства реального смысла влечет за собой цепную реакцию, ставя под сомнение функциональное назначение партии как института, элемента гражданского общества, способа его самоорганизации. Немалые сомнения вызывает и компетентность “прямого” волеизъявления граждан, остающихся «один на один» с вопросами бюллетеня, часто требующими хорошей осведомленности и глубокого понимания. И в то же время речь идет об избирателях, страдающих, как в России, так и на Западе, пороками телезависимости и телевнушаемости.

Идея референдума – отчасти нового выражения «прямой демократии», - в том виде, как она исподволь внедряется не только в национальное, но и мировое массовое сознание, задумана, насколько можно предположить, явно в «пику» демократии представительной. Из сферы компетенции последней, по данному замыслу, могут быть фактически изъяты наиболее важные решения по части государственного строительства, внутренней и внешней политики.

Институты нынешней представительной демократии при всех их бесспорных несовершенствах, видимых и невидимых изъянах, на которые нам всякий раз поспешно указывают по любому удобному поводу либо вообще без повода, обладают пусть далеко не всегда достаточным, но все же ресурсом компетентности в деле принятия принципиальных решений. Худо ли бедно, но то же парламентское представительство располагает какими-никакими «фильтрующими» механизмами. Механизмами, которые гарантируют хотя бы по минимуму предварительную экспертизу и апробацию того, что в будущем должно стать законодательной нормой.

«Прямая демократия», не оснащенная такими механизмами «фильтрации», резко понижает планку компетентности всего законотворчества.

Наконец, подмена демократии представительной «прямой демократией» чревата негативными последствиями долговременного характера: лишение народного представительства реального смысла влечет за собой цепную реакцию, ставя под сомнение функциональное назначение партии как института, элемента гражданского общества, способа его самоорганизации.

Естественно, что сторонники референдумной версии «прямой демократии» могут черпать аргументы в поддержку своих позиций из мировой практики подобного рода. Самым ожидаемым доводом здесь, по-видимому, будет кивок в сторону Швейцарии. Пример этой приальпийской республики столь же хрестоматиен, сколь и не слишком типичен. Он скорее представляется даже изолированным в общем контексте

истории западной демократии. К тому же практика швейцарских референдумов, ставших рутиной местной политической жизни, имеет под собой глубокую историческую традицию и опирается на хорошо отлаженные механизмы функционирования демократии.

В других западноевропейских странах, менее привычных к референдумной форме народного волеизъявления, сама процедура его реализации все чаще бывает сопряжена с очевидными трудностями. Так, нередко проблематичным оказывается достижение кворума там, где он предусмотрен законодательными нормами. Именно по этой причине под угрозой срыва был недавно прошедший в Польше референдум о вступлении страны в Евросоюз, который проходил целых два дня. Несколькими годами ранее в Италии из-за низкой явки избирателей пришлось признать недействительными результаты референдума по реформе избирательной системы.

Скандально провалился в Италии только что проведенный 15-16 июня референдум по вопросу о внесении поправок в трудовое законодательство и о праве прокладки линий электропередач через земли, находящиеся в частной собственности. Неявка избирателей, в том числе и по причине погодных условий – редкой даже для Апеннинского полуострова жары, достигла своего исторического максимума: на избирательные участки явились только 25,7% итальянцев, наделенных правом голоса (законодательная норма предусматривает участие на уровне 50% плюс один голос). Правда, специфика местной ситуации состояла в том, что партии большинства и даже части оппозиции строили свою пропагандистскую кампанию на абсентеистских лозунгах.

Как бы то ни было, это соображение относительно опасности абсентеизма весьма актуально и для современной России – страны, миновавшей состояние эйфорического упоения политикой, состояние, на смену которому идет, по всей видимости, нечто прямо противоположное, в виде роста абсентеистских настроений. Немалые сомнения вызывает и компетентность волеизъявления граждан, остающихся «один на один» с вопросами бюллетеня, часто требующими хорошей осведомленности и глубокого понимания. И в то же время речь идет об избирателях, страдающих, как и на Западе, пороками телезависимости и телевнушаемости.

Не менее сомнительны и перспективы реализации тех решений, которые, возможно, будут приняты на замышляемых референдумах. Массированное общественное давление как гарантия воплощения в жизнь народного волеизъявления на референдуме – это довод, который вряд ли может быть отнесен к разряду убедительных. Сами формы такого давления – демонстрации, митинги, акции протеста – давно преврати-

лись в привычное ритуализированное действо, став объектом телеманипуляций с эффектом весьма двусмысленным, если не прямо противоположным для инициаторов этих массовых выступлений.

Несостоятельность расчетов на массированное общественное давление видна на примере референдума 1991 г. о судьбах СССР, проведенного в атмосфере высокой политической активности, даже истерической взвинченности, характеризовавшей в то время политическую жизнь общества. Однако это общественное давление было искусно «спилотировано» в направлении, диаметрально противоположном решению референдума.

И наоборот, серия последующих референдумных инициатив, каждая из которых была звеном в процессе демонтажа государственности, имела своими последствиями перевод в сугубо практическую сферу соответствующих итогов народного волеизъявления.

Идея референдума порождает, таким образом, целую серию скептических соображений относительно целесообразности ее осуществления в нынешней системе политических ситуаций. Идея эта еще достаточно «сырая», нуждается в существенной проработке, в то время как непосредственный исторический опыт свидетельствует явно не в ее пользу.

В.Н. Тетекин, кандидат исторических наук, член редколлегии газеты “Советская Россия”

При оценке возможности и значения референдума в России сейчас нужно, прежде всего, исходить из факта полного провала “демократического” проекта, который был навязан России и другим республикам СССР в начале 90-х годов и возникновения тоталитарной модели управления обществом, особенностью которого является контроль за состоянием общества через средства массовой информации. В России с привычкой нынешней власти к грубым формам фальсификации общественного мнения, ожидать сколько-нибудь справедливых результатов референдума не приходится. Честный результат возможен только в случае заблаговременного “выравнивания политического игрового поля” - обеспечения равного доступа различных участников к СМИ, контроля за честным и свободным характером выборов со стороны массы иностранных наблюдателей, как это случилось в ЮАР в апреле 1994 года, когда в результате всеобщих выборов был ликвидирован апартеид.

Конечно, значение референдума, как формы прямого народного управления, несомненно. Однако результативность такой формы можно оценивать исключительно в конкретных условиях.

По-видимому, единственный в недавнем прошлом случай “чистого” народного волеизъявления был в марте 1991 года, когда центральная

власть была уже слишком ослаблена, чтобы навязать полностью приемлемый для себя результат референдума, а оппозиция — еще недостаточно сильна, чтобы сорвать или ослабить его значение.

Из этого баланса сил и родился довольно достоверный результат - более 70% населения СССР были за сохранение единого Союза. Но как только баланс сил изменился в августе 1991 года, те же самые силы, которые требовали "демократии", немедленно отбросили итоги прямого народного волеизъявления и разрушили СССР, аннулировав результаты референдума.

При оценке возможности и значения референдума в России сейчас нужно прежде всего исходить из факта полного провала "демократического" проекта, который был навязан России и другим республикам СССР в начале 90-х годов и возникновения тоталитарной модели управления обществом, особенностью которого является контроль за состоянием общества через средства массовой информации.

После 1991 года практически везде "демократии" в СНГ выродились в деспотии, которые под давлением Запада сохраняют внешние демократические формы. Но ключевые решения везде принимают узкие правящие группировки, практически нигде (за исключением Белоруссии) не отражающие коренных интересов населения этих республик.

Парламенты, как правило, превращены в "резиновые печати", послушно штампующие решения исполнительной власти. И поскольку исполнительная власть не считается с мнением даже своего собственного "филиала" - парламента, нет причин предполагать, что она будет в большей мере считаться с мнением народа.

После 1991 года референдумы в России и в других странах СНГ проходили в условиях жесткого подавления свободы выбора, сильнейшего информационно-пропагандистского давления и прямой фальсификации результатов голосования.

В целом же результат и значение референдумов (как и любых выборов) зависят от баланса сил в стране. Если в марте 1993 года, в условиях шаткого баланса между Ельциным и Верховным Советом, результаты голосования еще все-таки отражали настроения электората (который высказался за сохранение паритета между законодательной и исполнительной властью), то в декабре того же года, после государственного переворота, референдум по новой, ельцинской конституции был откровенно подтасован.

Подтверждением того, что итоги референдума зависят не от мнения избирателей, а от расклада политических сил, являются недавние ре-

ферендумы в странах Прибалтики и Восточной Европы, которые в большей мере, чем нынешняя Россия, претендуют на “цивилизованность” и “демократичность”. Это были референдумы относительно вступления в Евросоюз. И в этих странах, где нет столь явно выраженных признаков тоталитаризма, как в нынешней России, все равно правящие группировки смогли навязать выгодные для них результаты референдумов.

Например, в Литве референдум проходил два дня. В первый день, с учетом пассивно-отрицательного отношения большинства населения к идее вступления в ЕС, явка избирателей составляла примерно 23% (с учетом “голосования по почте” - 28%) Не было никаких оснований предполагать, что на второй день явка будет выше. Поэтому были использованы рычаги прямого подкупа избирателей. Каждому участнику референдума были обещаны за чисто символическую плату бутылка пива, плитка шолколада или пачка стирального порошка. И в этих условиях население, которое власти сознательно держали в неведении относительно реальных последствий вступления в ЕС, дало явку в 50% с лишним процентов. После этого, очевидно, были пущены в ход механизмы фальсификации итогов голосования. Трудно поверить, что около 90% проголосовавших поддержало вступление в ЕС.

Аналогичные события происходили и в других странах, где состоялись референдумы по вступлению в ЕС. Низкая явка в первый день - необходимая “коррекция” тактики правительства - искомый результат. Известно, например, что в Эстонии, где референдум еще не проходил, доля эстонцев, поддерживающих вступление в ЕС (не говоря уж о русских, живущих там) составляет не более 35-40%. И тем не менее можно ожидать, что референдум, за счет применения различных механизмов манипуляции общественным мнением (которые явно сейчас разрабатываются для Эстонии), даст результат, необходимый эстонской “элите”.

В России с привычкой нынешней власти к грубым формам фальсификации общественного мнения, ожидать сколько-нибудь справедливых результатов референдума не приходится. Честный результат возможен только в случае заблаговременного “выравнивания политического игрового поля” - обеспечения равного доступа различных участников к СМИ, контроля за честным и свободным характером выборов со стороны массы иностранных наблюдателей, как это случилось в ЮАР в апреле 1994 года, когда в результате всеобщих выборов был ликвидирован апартеид.

Но даже и там честность выборов (и выравнивание политического игрового поля) могли произойти лишь в условиях баланса сил между правительством и АНК (поддержанным международным сообществом). Кстати, результаты выборов все равно были крупно искажены за счет

фальсификации голосования в провинции Наталь, находившейся под контролем враждебного АНК движения Инката. И никакие международные наблюдатели не могли ничего сделать.

Вывод: в идеале, в устоявшейся, сбалансированной политической системе референдум, несомненно, может быть эффективным средством управления жизнью общества, коррекции курса. Так происходит, например, в Швейцарии, где референдумы проходят чуть ли не четыре раза в год, их решения не оспариваются и они непосредственно (и как правило положительно) влияют на жизнь общества.

В России, в условиях власти нынешней, абсолютно коррумпированной правящей группировки, намеренной удержать власть любой ценой, предполагать возможность полноценного волеизъявления через референдум было бы наивно. Единственная возможность - через организацию мощного политического давления (демонстрации, забастовки и другие формы протеста) на нынешний режим, то есть через изменение баланса сил в стране. В краткосрочном будущем (в ближайший год- полтора) такая возможность не просматривается.

Тем не менее референдум был бы крайне полезен, ибо в условиях нынешней колоссальной поляризации общества и огромного (хотя и скрытого) недовольства правящей группировкой, "элита" вряд ли смогла бы обеспечить полностью приемлемые для себя итоги голосования, особенно по тем чрезвычайно острым вопросам, которые предложены КПРФ. В этой связи работу по продвижению идеи референдума нужно продолжать.

Референдума в обозримом будущем (год - полтора) не будет. Но это вряд ли станет победой правящей группировки. Закрывая еще один канал народного волеизъявления, ликвидируя еще одну предпосылку для коррекции политического и социально-экономического курса страны, правящая "элита" сама создает предпосылки для того, чтобы необходимые и назревающие перемены в России произошли в формах, не относящихся к разряду "демократических".

К.Ю.Душенов, главный редактор газеты «Русь Православная»

Как форма управления страной референдум просто не имеет смысла. Решить с помощью референдума вообще нельзя ни единой проблемы. А вот узнать, как реальные проблемы отражаются в народном сознании – можно

Как форма управления страной, референдум просто не имеет смысла. Так же, впрочем, как бессмысленна вся внешняя, декоративная часть «демократической системы» вообще.

Народ в принципе не может управлять страной. Во-первых, он не являет-

ся источником власти. **Источник власти – сила**. Для верующего человека это сила высшая, разумная, **Божия**. Для атеиста – просто грубое насилие, так или иначе замаскированное демагогией – религиозной, коммунистической, фашистской или либерально-демократической безразлично.

Во-вторых, подавляющее большинство людей не имеет для квалифицированного принятия управленческих решений необходимой профессиональной подготовки. И поэтому т.н. «общество» просто не способно принимать полноценное участие в управлении государством. Еще приснопамятный митрополит Иоанн (Снычев) удивлялся: «*Вам ведь не придет в голову выбирать с помощью голосования хирурга, который станет делать вам операцию? Или пилота, который будет управлять вашим самолетом? Так неужели управление государством должно быть исключением? Оно что, требует меньших знаний и умений*?».

На практике **демократия есть форма власти той части элиты, которая наилучшим образом научилась обманывать народ (управлять им) с помощью т.н. «демократических механизмов».** Одновременно демократия **законодательно оформляет те правила игры, которые договорились соблюдать между собой на данном этапе элитные группировки, борющиеся за власть и собственность.** Не более того.

«Свобода», которая, якобы, является целью и сущностью демократии, на деле есть свобода страстей и пороков, освобождение общества от общеобязательных нравственных императивов. Все остальное – следствие.

Вспомните Достоевского. В «Бесах» Петр Верховенский говорит Ставрогину: «*Право на бесчестье – великая сила. Дайте людям право на бесчестье, и они все к нам прибегут, ни одного там не останется!*». Вот демократия под маской «свободы» и дает человеку это самое право на бесчестье. В таком «политическом оправдании» человеческих пороков и состоят ее главный секрет и главная сила. Ведь все мы грешны…

Но именно поэтому **религиозный человек, добровольно подчиняющийся целому ряду нравственно-религиозных правил и запретов, в принципе не может быть демократом. Демократия и религия несовместимы, как огонь и вода**.

Когда это будет ей выгодно, власть допустит в России “прямую демократию”. Что касается давления со стороны народа – демонстраций, митингов и т.п., то в России власть поддается такому давлению только в двух случаях: когда она сама этого хочет или когда она деморализована и безвольна.

Решить с помощью референдума вообще нельзя ни единой проблемы. А вот узнать, как реальные проблемы отражаются в народном сознании, – можно. Весь вопрос в том, кто и каким образом этими знаниями затем воспользуется?

Несмотря на все, что сказано выше, **референдум, в принципе, все же может сыграть конструктивную, созидательную** (сказать бы – соборную) **роль**. Но лишь тогда, когда власть, положив в основу своей деятельности высшие нравственные ценности, **сама** искренне пожелает услышать мнение народа, чтобы так или иначе скорректировать свою политику. При нынешней же власти (шире – при демократической системе вообще) референдум является лишь мощным орудием политической борьбы различных кланов, партий, группировок, и сыграть положительную роль может лишь случайно, в силу стечения обстоятельств.

Таков **фундаментальный политический парадокс: формы прямой демократии могут играть конструктивную, созидательную роль только в недемократическом обществе**.

Власть не должна зависеть от народа. Но она должна действовать в его интересах и для этого ей необходимо знать народные чаяния и стремления, надежды и мечты, горести и трудности. В самодержавной России для выполнения этой функции существовали Земские и Поместные соборы, пока они не были задушены бюрократией (что и привело, в конечном итоге, к крушению Российской Империи). В современных условиях это может быть и референдум.

Но в любом случае **первоочередным условием этого должен быть демонтаж демократии в России**.

Г.В.Хлебников, кандидат философских наук, доцент

Завоеватели не могут следовать воле побежденных - это был главный, неназываемый результат референдума о сохранении Союза в 1991 году. После этого логично предположить, что и последующие результаты каких бы то ни было волеизъявлений нации, в том числе на референдумах, когда они не соответствуют ожиданиям организаторов, легко могут быть фальсифицированы и затем использованы для псевдолегитимизации наиболее одиозных решений режима.

Референдум – это один из инструментов политических технологий. Сам по себе он и не хороший, и не плохой. Все зависит от тех, кто его применяет. В руках национально-патриотических сил референдум может и должен стать эффективным инструментом восстановления исторической России.

Когда новые хозяева России, стоявшие за плечами марионеточных правителей, цинично проигнорировали результаты рамочного Референдума 1991 года в его наиболее важной и существенной части, касающейся сохранения СССР, они тем самым показали не только полное пренебрежение к волеизъявлению народа, но и наглядно продемонстрировали наличие внелегитимных инструментов власти, которые ре-

ально применяются под флером псевдодемократических институтов в захваченной стране.

Завоеватели не могут следовать воле побежденных, - это был главный, неназываемый результат Референдума. После этого логично предположить, что и последующие результаты каких бы то ни было волеизъявлений нации, в том числе, на референдумах, когда они не соответствуют ожиданиям организаторов, легко могут быть фальсифицированы и затем использованы для псевдолегитимизации наиболее одиозных решений режима.

Тем не менее, там, где возможен независимый мониторинг и контроль результатов проведения референдумов, они могут оказаться полезными как одно из средств дезавуирования политики геноцида, реально проводимой в России.

Волеизъявление граждан мотивируется реальными условиями их социально-экономического, духовного и культурного существования в государстве. Если эти условия, как в современной России, не соответствуют элементарным требованиям поддержания физической жизнедеятельности человеческих существ, то они имеют право и будут всеми средствами (в том числе на референдумах) как отвергать орудия, которыми разрушается основа их жизни, так и требовать создания механизмов, обеспечивающих право человека на выживание. А это как раз те меры, которые суммированы в позиции КПРФ, предлагаемой на референдум.

Поэтому нет причин, которые бы изменили в этом вопросе настроения электората. Другое дело, насколько большие «искажения» могут возникнуть в результате «обработки» результатов этого и любого другого референдума в реальных условиях. Иллюзий в этом вопросе, наверное, ни у кого больше не осталось…

Референдум, предлагаемый КПРФ, нужен, реален и необходим - при вышеуказанных условиях. То есть – тщательного контроля за его проведением при обеспечении параллельного мониторинга настроений электората. Осуществимо ли это? Увы, как показывает предшествующий опыт избирательных кампаний, – очень сомнительно. Но ничего не делать - еще хуже.

Что до инициатив ЛДПР, то России действительно нужно любыми легитимными средствами и как можно скорее уходить от национально-территориального деления государства. Как показал исторический опыт, эта этническая бомба является прямым путем к его развалу и гибели. И, напротив, там, где вместо национальных образований существуют, например, кантоны, штаты, губернии и т.п., национальные амбиции потенциальных и актуальных сепаратистов реализуются не в пример труднее.

О Чечне. Сложившийся там баланс сил референдум не изменил и не мог изменить. Страшная этническая зачистка 300 000 русских, проведенная в «свободной Ичкерии», в результате которой только по официальной статистике погибло свыше 25 000 человек, не осуждена. Ее виновники не названы и не наказаны. Механизмы компенсации пострадавшим до сих пор не указаны. Напротив, продолжается трусливая политика уступок, умиротворения и амнистии бандитов.

Между тем, именно эта антирусская зачистка и стала реальной причиной начала войны. Каких-либо новых позитивных реалий, которые могли бы быть в Чечне, референдум не выявил, а только зафиксировал результаты и углубил процесс, инициированный сепаратистами. Таким образом, его последствия для территориальной целостности России негативны.

Нужно осознать, что требование «прямой демократии» - это козырная карта в политической игре против режима.

Конечно, национализация базовых отраслей экономики, особенно высокорентабельных; закон о обязательности проведения референдумов по важнейшим вопросам жизни страны не реже, чем раз в 4 года; отмена проходящей реформы ЖКХ, сводящейся почти исключительно к повышению платы за жилье и коммунальные услуги; гарантирование постоянно индексируемого прожиточного минимума, например, в форме минимальных зарплат и пенсий, реально обеспечивающих прожиточный минимум; запрета купли-продажи сельхозугодий иностранным собственникам; национализация природной ренты – все это ключевые вопросы бытия современной России.

Но в целом же в стране, где продолжаются скрытый геноцид большей части населения и мародерство национальных ресурсов, никакая реальная «прямая демократия» невозможна. Режим будет всячески препятствовать ее введению, что и наблюдается. Для ее хотя бы частичной институализации нужна хорошо организованная, постоянная и чрезвычайно интенсивная кампания всей оппозиции.

*В идеале стране н*еобходим закон о регулярном референдуме, проводимом, например, раз в четыре года, по важнейшим параметрам жизни страны. Его результаты должны иметь прикладной характер и предусматривать немедленную реализацию в указанные сроки.

В.Б.Кашин, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Референдум – это оружие последнего шанса, «политическая атомная бомба», к которой действующая власть либо крупная группировка во власти может прибегнуть лишь в крайнем случае. Равным образом власть не может допустить использования этого оружия кем-либо дру-

гим. Например, очевидно, что референдум с острыми вопросами о собственности и социальных гарантиях, который пыталась организовать КПРФ, не мог состояться ни при каких обстоятельствах.

Референдум является наиболее сильным из законных средств разрешения политических противоречий. В зависимости от степени важности вынесенных на всенародное голосование вопросов, успех на референдуме может предоставить в распоряжение победителя гигантские возможности по борьбе с оппонентами, вплоть до полного уничтожения противостоящей партии. С другой стороны, неудача практически всегда будет означать политическую катастрофу.

При президентских и парламентских выборах одним из основных, нередко – на деле единственным методом информационного воздействия на электорат является выброс негативной информации о недружественных кандидатах. Политик или политическая партия являются гораздо более уязвимыми объектами для информационных атак, чем предлагаемая ими программа. Личность дискредитировать всегда проще, чем идею. На референдуме население голосует не за кандидатов и не за партии, а за идеи, даже если эти идеи и ассоциируются с отдельными партиями или личностями. Следовательно, силам, контролирующим основные информационные ресурсы в стране, труднее повлиять на итоги референдума, чем на итоги выборов.

Таким образом, референдум – это оружие последнего шанса, «политическая атомная бомба», к которой действующая власть, либо крупная группировка во власти может прибегнуть лишь в крайнем случае. Равным образом власть не может допустить использования этого оружия кем-либо другим. Например, очевидно, что референдум с острыми вопросами о собственности и социальных гарантиях, который пыталась организовать КПРФ, не мог состояться ни при каких обстоятельствах.

Очевидно, что общенациональные референдумы в нынешних условиях будут допущены властями только в трех случаях:

- вопросы, вынесенные на референдум, не оказывают существенного влияния на экономику и расстановку сил во внутренней политике (например, касаются государственной символики, гуманитарных проблем и т.д.);
- верховная власть уверена, что ей удастся обеспечить приемлемый результат референдума;
- референдум становится последним аргументом в выяснении отношений между президентом и его оппонентами в среде крупного бизнеса и региональных элит. Этот вариант организации референдума приобретает особую актуальность в настоящее время, когда пользующийся популярностью президент сталкивается с растущим сопротивлени-

ем со стороны части олигархов и некоторых губернаторов, недовольных производимыми реформами. Весьма вероятным является применение референдумов для юридического оформления планируемых действующим президентом изменений в федеративном устройстве России.

Хотя институты прямой демократии являются необходимым атрибутом любого подлинно демократического общества, в условиях сегодняшней России они не могут получить полноценного развития. **Референдумы** пока что не могут стать для оппозиции эффективным средством борьбы за изменение курса развития страны. В то же время **инициирование референдумов** является достаточно действенным методом политической борьбы. Для срыва всенародного голосования властям приходится прибегать к поспешным, неуклюжим и уязвимым с юридической точки зрения мерам, что подрывает их авторитет и дает дополнительные очки оппозиции.

Ю.В.Емельянов, кандиат исторических наук, писатель, лауреат международной премии им. Шолохова

Вопиющее игнорирование властями результата референдума 1991 года в значительной степени подорвало веру многих людей не только в основополагающие принципы общественного мнения, но и в инструмент прямой демократии. Не исключено, что и сейчас поведение избирателей и властей может быть таким же противоречивым, как и 10-12 лет назад. Избиратели и сейчас могут повести себя противоречиво. Их стремление изменить положение к лучшему способно вступить в противоречие со страхом разрушить сложившийся ныне порядок вещей.

Исторический опыт проведения общенациональных референдумов в нашей стране недолог и ограничен периодом 1991-1993 годов. Эти референдумы, во-первых, стали важными вехами на пути разрушения советского строя, во-вторых, отличались противоречивостью в выборе избирателей, в-третьих, игнорированием властями волеизъявления электората.

С одной стороны, очевидно, что большинство избирателей в ходе всех проведенных референдумов стремилось к сохранению существующего порядка вещей. 17 марта 1991 года большинство проголосовало за сохранение СССР. В апреле 1993 года большинство из проголосовавших избирателей выразило желание, чтобы Ельцин оставался у власти, одобрило проводимую им политику, не пожелало досрочных выборов президента и досрочных выборов Верховного Совета.

С другой стороны, большинство избирателей поддерживало варианты, означавшие по сути вызов существовавшей политической системе (голосование в РСФСР за введение поста президента 17 марта 1991

года; поддержка Ельцина и его политики, направленной на демонтаж советской экономической и социальной системы в апреле 1993 года, голосование за конституцию РФ 1993 года.)

Двусмысленность голосований была истолкована властями однозначно, а стремление населения к сохранению существовавших порядков проигнорировано. Власти использовали лишь те решения избирателей, которые работали на ликвидацию советского устройства.

Вопиющее игнорирование властями результата референдума 1991 года в значительной степени подорвали веру многих людей не только в основополагающие принципы общественного мнения, но и в инструмент прямой демократии. Крушение Союза сопровождалось ростом политической пассивности. Если в референдуме 1991 года участвовало 80% избирателей, то в апреле 1993 года таких было всего лишь 64,4%.

Также были проигнорированы и результаты апрельского референдума 1993 года. Избиратели высказались одновременно против перевыборов президента и Верховного Совета. Разгон Ельциным Верховного Совета 21 сентября 1993 года перечеркнул результаты этого волеизъявления.

Растущая пассивность избирателей способствовала повышению удельного веса тех, кто в ходе референдумов 1993 года фактически выступал за демонтаж устоев советской экономической, социальной и политической системы (и надеясь при этом обрести новую стабильность). 40 миллионов – из 107 миллионов списочного состава избирателей, выразивших в апреле 1993 года доверие Ельцину, составили среди активных избирателей большинство. В декабре 1993 года в референдуме по конституции приняло участие лишь 63% избирателей. В результате 33 миллиона россиян (из этих же 107 миллионов), одобривших Конституцию РФ, стали большинством среди политически активных граждан.

Не исключено, что и сейчас поведение избирателей и властей может быть таким же, как и 10-12 лет назад. Избиратели и сейчас могут повести себя противоречиво. Их стремление изменить положение к лучшему способно вступить в противоречие со страхом разрушить сложившийся ныне порядок вещей. Растущее неверие избирателей в действенность выборов и референдумов грозит снизить еще больше их активность. Не секрет, что руководители страны стремятся превратить антиправительственную оппозицию в пассивных избирателей. Для того, чтобы убедить оппозицию в бессмысленности участия в выборах, в проправительственной пропаганде часто звучит утверждение о том, что КПРФ однажды уже не воспользовалась информацией о своей победе на президентских выборах 1996 года. Наконец, как и 10-12 лет назад власти могут проигнорировать итоги референдума, если они не будут отвечать их целям.

И все же нынешние правители России не желают проведения каких-либо референдумов, боятся их. В общественное сознание постоянно внедряется представление о преодолении "ненормальных" условий общественной организации после 1991-1993 гг. и установлении "нормального" "демократического" порядка. (В ответ на замечание Алферова, сделанное им в ходе телевизионной дискуссии о том, что Россия может стать великой страной, Ястржембский заявил: "Великой, но и при этом нормальной").

Все политические мероприятия правительства, его заявления, общественно-политические акции – например, юбилейные торжества – направлены на то, чтобы подтвердить "нормальность" нынешнего состояния страны или, по крайней мере, факт движения к "нормальной демократии". Совершенно очевидно, что референдум, на котором ставится под вопрос социальная и экономическая политика правительства, разрушает миф о "нормальности" существующего строя.

К тому же новое обращение к общенациональному референдуму будет невольно вызывать ассоциации с периодом 1991-1993 гг. В нем могут увидеть возможность осуществить столь же радикальные перемены в нашей стране, как и те, что произошли 10-12 лет назад. Вынос на референдум наиболее насущных вопросов современной жизни заставит задуматься даже тех, для кого пересмотр нынешних порядков представляется немыслимым. Точно так же, как сама постановка вопроса о сохранении СССР в марте 1991 года дала импульс для прежде немыслимых размышлений о возможности ликвидации Союза.

Поэтому при выборе вопросов, выносимых на референдум, необходимо ставить лишь те, которые затрагивают основы нынешней политики страны и коренные интересы подавляющего большинства российских граждан: национализация базовых отраслей, природной ренты, отмена реформы ЖКХ, гарантия прожиточного минимума, запрет на куплю-продажу сельхозугодий.

Ю.А.Петраков, член Союза писателей России

Как это ни прискорбно, но реальность такова, что института референдума, как такового, в России на сегодняшний день нет. Жизнь со всей очевидностью доказывает: все, что касается референдума, что в связи с этим заложено в Конституцию РФ, и в соответствующее законодательство РФ – пустой звук

Как это ни прискорбно, но реальность такова, что института референдума, как такового, в России на сегодняшний день нет. Жизнь со всей очевидностью доказывает - все, что касается референдума, что в связи

с этим заложено в Конституцию РФ, и в соответствующее законодательство РФ – пустой звук. Судите сами. Результаты референдума 1991 года по вопросу о судьбе СССР полностью проигнорированы. И никто не понес наказания. «Черный октябрь» 1993 года дезавуировал результаты референдума 1993 года. Попытка КПРФ инициировать референдум в 2002 году была похоронена проправительственным большинством Государственной Думы.

Спрашивается, как можно говорить о полезности или о вреде того, что есть «де юре» и чего «де факто» нет?

Вспомните, до сих пор референдум использовался правящей российской верхушкой исключительно в своих интересах. Когда его итоги совпадали со стратегией власти, его признавали. Когда не совпадали, им просто пренебрегали. И так будет до тех пор, пока в России не сформируется подлинно демократическая власть. То есть, пока сам народ не заставит власть считаться с мнением большинства. Точнее: пока власть не убедится, что нахождение ответов на наиболее актуальные вопросы, волнующие большую часть российского общества, через референдум все же предпочтительнее для нее самой, чем их решение неконституционными методами.

Теперь, что касается вопросов, которые выносили коммунисты. Наивно полагать, что нынешняя власть когда-нибудь согласится допустить эти вопросы на референдум. Ведь они затрагивают святая святых нынешней власти – максимальную норму прибыли, извлекаемую классом новых российских собственников. То есть то, на чем строится основная доктрина либерал-реформаторов. То, что обеспечивает быстрое первоначальное накопление капитала российскими предпринимателями за счет грабительской приватизации (воровства) государственной собственности, личных сбережений граждан (вкладов населения) и сверхнизкой заработной платы трудящихся.

Именно поэтому власти перестраховались, запретив референдум законодательно – через Думу и юридически – через краевую избирательную комиссию Краснодарского края. Они, конечно, могли пойти на отмену Конституционным судом РФ запретительных поправок по референдуму. Поскольку точно знали, что любая региональная комиссия или все тот же ЦИК РФ запретят подобные формулировки в качестве предлагаемых на референдум. Могли сделать это, даже прекрасно понимая, что убедить людей жить в еще большей нищете, чем сегодня, не удастся, даже задействуя весь этот нынешний «независимый», трижды демократически распродажный политагитпроп. Но не пошли, вероятно, испугавшись, что этот вопрос всплывет в ходе избирательной кампании. А он всплывет, так или иначе. И не в пользу для власти.

И все же, я думаю, что этот референдум в нынешней ситуации они просто не допустят.

Что касается «нужности» референдума. О «реальности» его я уже сказал выше.

Если говорить о большей части российского общества, о миллионах трудящихся, получающих мизерную зарплату, о ветеранах войны и труда, защищавших, восстанавливавших и развивавших страну, ее экономику, науку, культуру и теперь вынужденных платить большую часть своей пенсии за квартплату, да - нужен!

Если же говорить о меньшей части российского общества, которая обогащается за счет использования природных ресурсов, торгует сельхозугодьями, устанавливает сверхнизкую оплату за труд, стремится превратить себя в нового собственника в сфере жилья и коммунального хозяйства (выживая сверхвысокими ценами и тарифами из собственных квартир законопослушного квартиросъемщика), то для них этот референдум смерти подобен. Ведь его проведение – это приговор либеральному курсу реформ, опустившему страну до третьеразрядного государства, безуспешно догоняющего в своем развитии пусть и уважаемую мною, но все же Португалию.

Если говорить о ЛДПР, то она за свою недолгую историю столько раз выходила с различными предложениями по референдуму и столько раз изменяла свою позицию, что искать в ее действиях рациональные зерна – занятие малоэффективное. Что же касается второй части вопроса, то мне кажется в нем, как в зеркале отражена вся убогость и бесперспективность нынешней власти, упорно ищущей причины явного неуспеха либеральных реформ везде где угодно, только не в себе самой. Ответ на него следует искать не столько в крылатом ельцинском выражении: «Не так сидим!» – сколько в известной басне Ивана Крылова «Квартет».

Теперь о Чечне. Разумеется, решить эту проблему и тем более вопрос будущей территориальной целостности России одним референдумом нереально. В данном случае вопрос чеченского референдума следует рассматривать как форму воздействия на международное общественное мнение. Мол, глядите, какова она – российская демократия!

Решение этого вопроса, на мой взгляд, зависит от многих факторов как общего, так и частного порядка.

Прежде всего, необходима стабилизация социально-экономического положения в стране, развитие производства, увеличение спроса на рынке труда, диктующее повышение уровня заработной платы. Далее - ужесточение борьбы с криминалитетом. Именно с ним, а не с народом, проживающим на территории Чеченской Республики. Следующее: подключить к

процессу оздоровления в Чечне здоровую часть чеченской диаспоры, проживающей в Москве. Создать нормальные условия для жизнедеятельности человека в Чеченской Республике – обеспечить функционирование школ, вузов, медицинских, культурных учреждений и многое другое.

Справедливости ради, следует отметить, что многое в Чечне уже делается. Делается в непростых условиях, самоотверженно, с риском для жизни. Положительный опыт надо пропагандировать. Поддерживать и всячески поощрять тех, кто не на словах, а на деле помогает восстанавливать мир в многострадальной Чечне.

Прямая демократия – это противовес диктатуре в любой ее форме. Поэтому она, безусловно, необходима России.

Для того чтобы «убедить» власть в ее необходимости, народ, прежде всего, «сам» должен осознать ее важность и необходимость для себя, для будущих поколений российских граждан, для развития и процветания страны. Процесс этот непростой и нескорый. Для его реализации в России необходима широкая оппозиция власти. Не «левая» и не «правая», а именно широкая, выходящая за рамки лево-патриотической оппозиции. Ее интересы должны строится не столько на идеологии, сколько на житейских проблемах. Авангардом этой оппозиции могут и должны выступать партии и движения, разделяющие вместе с народом эти проблемы. Более всего на эту роль подходит КПРФ с ее Народно-патриотическим союзом. Не надо только изобретать велосипед. Ничего нового в этом нет. Читайте классиков. Жизнь доказывает, что они были достаточно грамотными людьми.

В.А.Александров, доктор юридических наук

Решение Конституционного суда по закону о запрете проведения референдумов в годы федеральных кампаний предопределяет незавидное будущее института “прямой демократии” в России.

Для определения перспектив реализации в Российской Федерации принципов “прямой демократии” важно проанализировать вынесенное 11 июля 2003 года решение Конституционного суда Российской Федерации, которое он принял по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального конституционного закона от 27 сентября 2002 года “О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон “О референдуме Российской Федерации”.

Это решение, бесспорно, станет новой вехой деятельности этого высшего органа судебной власти России. **Оно окончательно подрывает миф об объективности Конституционного суда и наносит ущерб его юридической компетентности.**

Юридическая противоречивость решения КС.

При рассмотрении этого постановления Конституционного суда прежде всего бросается в глаза его юридическая противоречивость.

С одной стороны, Конституционный суд вынужден признать, что "законодатель… не может отменять и умалять само принадлежащее гражданам Российской Федерации право на участие в референдуме, вводить несоразмерные его ограничения" (п.2.2 Постановления). Такое утверждение Конституционного суда могло бы стать базой для верного его решения.

С другой стороны, **сам Конституционный суд тут же устанавливает такое ограничение**, введя в свою правовую позицию новую по существу конституционную норму в обход законодателя и действующей Конституции: гражданам Российской Федерации теперь дозируется право "проведения в течение четырехлетнего избирательного цикла не менее двух референдумов". И чуть далее это правило дополняется следующим: "…срок, в течение которого референдум может быть инициирован и проведен, будет составлять более двух лет" (п. 2.3 Постановления Конституционного суда).

Конституционный суд присвоил себе полномочия законодателя.

Напрасно было бы искать в тексте действующей Конституции или Федеральном конституционном законе эти правила и сроки. Их там нет. **Они созданы самим Конституционным судом в качестве обоснования своей "правовой позиции".**

А чтобы никто не посмел усомниться в ее правомерности, Конституционный суд в постановляющей части грозно записал: "Конституционно-правовой смысл положений Федерального конституционного закона, выявленный Конституционным судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является обязательным и исключает любое их истолкование".

Как все оказывается просто и удобно. Сколько лет политические партии, законодатели мучаются мыслью о том, как исправить или дополнить какое-либо положение действующей Конституции, не прибегая к чрезмерно усложненной процедуре внесения и принятия поправок в порядке статьи 136 Конституции. А здесь Конституционный суд вносит своим постановлением (и даже не постановлением, строго говоря, а его мотивировочной частью) дополнения в Конституцию. И не нужно никакого одобрения Федерального Собрания и двух третей субъектов Российской Федерации!

Подобная деятельность Конституционного суда, которая становится в последнее время почти нормой, совершенно неприемлема и неконституционна. Эксплуатируя известную формулу: "Решения Конституционного суда окончательны и обжалованию не подлежат", **Кон-**

ституционный суд уже давно присвоил право заниматься собственным конституционным строительством!

Достаточно напомнить ставшее хрестоматийным постановление Конституционного суда от 30 апреля 1996 года, которым в связи с проверкой одного из Указов Б.Н.Ельцина Конституционный суд создал важную конституционную норму, наделив Президента Российской Федерации правом издания указов в области требующей законодательного разрешения, и грубо тем самым поправ конституционный принцип разделения властей.

И вот, по существу новая конституционная норма создана Конституционным судом в сфере действия института референдума, не ограниченного какими-либо сроками в самой Конституции Российской Федерации. И одновременно Конституционный суд сохранил явно неконституционное ограничение института референдума, установленное оспариваемым Федеральным конституционным законом, успокоив граждан Российской Федерации тем, что им все еще предоставляется право инициировать референдум примерно каждые два года из четырехлетнего цикла выборов в высшие органы государственной власти России.

Противоречия внутри КС.

Судя по всему, при подготовке постановления Конституционного суда часть судей была обеспокоена тем, что “предусмотренные оспариваемыми законоположениями периоды, в течение которых референдум Российской Федерации не может быть инициирован и проведен **могут серьезно повредить институту** референдума”. Поэтому в постановлении Конституционного суда прямо объявлено, что такие периоды “не должны приводить к фактической отмене института референдума” (п.2.3 Постановления).

Это признание дорогого стоит. Но, к сожалению, это всего лишь декларация судей, как и последовавшее за принятием данного Постановления Конституционного суда признание его председателя В.Д.Зорькина, сделанное в “Российской газете” от 16 июня с.г.: “Не секрет, что есть силы в нашей стране, которые хотят уничтожить референдум. Конституционный суд принял решение и дал отпор этим силам, мы сказали нет, референдум - это святое…”.

Интересная логика у нового-старого председателя Конституционного суда. “Мы дали отпор”, “референдум - это святое”, - заявляет В.Д.Зорькин. А решение Конституционного суда целиком и полностью в пользу тех сил, которые хотят по существу ликвидировать институт референдума. Ведь и сам Суд своим решением утвердил уничтожение наполовину института референдума.

Неправовая логика высшего судебного органа.

При этом единственным аргументом в пользу такого решения стал сле-

дующий. Он достоин того, чтобы привести его целиком: “Поскольку одновременное проведение выборов и референдума в силу объективных обстоятельств **может** воспрепятствовать адекватному волеизъявлению граждан и **привести к снижению** эффективности, и той, и другой формы непосредственного народовластия, федеральный законодатель вправе ввести регулирование, при котором осуществление кампании по проведению референдума не совпадает с избирательной кампанией”.

Вот это, весьма малоубедительное и небесспорное, утверждение, уже неоднократно воспроизводившееся ранее в стенах Государственной Думы рьяными сторонниками оспариваемого Федерального конституционного закона, и использовал Конституционный суд в качестве базового для принятия своего решения.

Но как мог высший судебный орган России построить правовую позицию своего решения на предположении (“может воспрепятствовать”)? Разве имеются какие-либо объективные и убедительные анализы и исследования, подтверждающие безусловную вредность совмещения выборов в высшие органы власти страны и референдума? Или имеются многочисленные примеры вредности совмещения двух механизмов демократии в конституционной истории России?

Имеется только один: десять лет назад, в декабре 1993 года, состоялись выборы в Государственную Думу первого созыва и референдум о принятии ныне действующей Конституции Российской Федерации.

Следуя правовой позиции принятого Конституционным судом постановления, этот исторический пример можно рассматривать как доказательство вреда совмещения двух голосований? Не признает ли Суд тем самым, что на референдуме по ныне действующей Конституции 12 декабря 1993 года, который проходил одновременно с выборами в Думу, не было “адекватного волеизъявления граждан”?

Самое необоснованное решение КС последнего периода его деятельности.

Несмотря на эти и другие возможные обоснованные возражения, Конституционный суд на основе указанного выше гипотетического рассуждения и придуманной, новой по существу, конституционной нормы о проведении референдума в срок “более двух лет” из “четырехлетнего цикла выборов” признал, что Федеральный конституционный закон “О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон “О референдуме Российской Федерации” “в части, устанавливающий периоды, в течение которых не допускается инициирование гражданами Российской Федерации референдума Российской Федерации и его проведение, **по содержанию норм не противоречит** Конституции Российской Федерации (п. 2.3 Постановления).

Столь необоснованного решения Конституционный суд Российской Федерации в последние годы не выносил. Приходится признать, что деятельность Конституционного суда становится все более деструктивной, содействуя общему ослаблению отечественной правовой системы.

Недавнее решение Конституционного суда по закону о запрете проведения референдумов в годы федеральных кампаний предопределяет незавидное будущее института “прямой демократии” в России.

Б.О.Комоцкий, политический обозреватель газеты «Наш континент», кандидат философских наук

Референдум – это одна из форм демократических процедур. Определяющими здесь являются содержание, характер режима. Если режим реально построен на контроле над СМИ, на навязывании точки зрения власти, то он справляется с задачей навязать общественному мнению свою точку зрения, выхолащивая тем самым смысл референдума как момента принятия решения и превращая его в печать для фиксации того, что было определено заранее и вне консультации с гражданами.

Яркий пример – 1991 год, на протяжении которого, скажем на Украине, фактически по одному и тому же вопросу были получены противоположные ответы: в марте на Всесоюзном референдуме абсолютное большинство проголосовало за то, чтобы жить в Союзе, а в декабре на республиканском референдуме, таким же абсолютным большинством был одобрен выход из Союза, то есть его ликвидация.

Конечно, можно говорить о том, что вопрос на декабрьском референдуме был поставлен лукаво, но сути дела это не меняет.

Референдум как способ действительного выяснения воли народа – вещь редкая. В определяющей степени такая его роль связана с традициями и политической культурой нации, характером политического режима и даже (а может быть, в первую очередь) – с позицией государственного лидера.

Показателен в этом плане пример де Голля, который провел свои реформы, основываясь на народном одобрении, но как только не получил поддержки на очередном референдуме (причем, заметим, по весьма второстепенному вопросу), ушел в отставку и тем самым – из политики вообще.

Но здесь сыграли свою роль и французские традиции, особенности старой демократии, и личные достоинства де Голля, которому принципиально важно было поступать честно, не навязывая нации свою волю. Хотя этот человек вовсе не был мягкотелым: во время студенческих волнений мая 1968 года он отдал приказ на выдвижение в Париж фран-

цузских танковых частей, дислоцированных в Германии. И если бы события переросли в серьезные и массовые столкновения, то армия была бы пущена в ход. Но одно дело – незаконные действия буйного меньшинства, а совсем другое – выраженная большинством нации легитимным порядком однозначная позиция.

Подобное же уважение продемонстрировала недавно и элита Норвегии, включая короля, когда народ на референдуме проголосовал не так, как хотелось его правителям, по поводу вступления страны в Европейский союз.

Но такие случаи – скорее исключение, чем правило, и присущи старым демократиям, где элиты не рискуют навязывать свою волю остальным гражданам слишком откровенно и открыто. И огромное значение здесь имеют реальный статус и практика оппозиционной деятельности, включая ее равное или почти равное присутствие в национальном информационном пространстве. Только в этих условиях референдум может быть способом действительного волеизъявления, выяснения мнения большинства нации.

В российской действительности мы наблюдаем совсем другую картину. Наша властвующая группировка не допускает самой мысли о том, что власть может перейти к оппозиции. Практикуются самые неприличные методы навязывания общественному мнению тех или иных тезисов через прямо или косвенно контролируемые СМИ, в первую очередь электронные. Дело подчас доходит до прямого манипулирования.

Поэтому в отечественных условиях референдум не может формулировать волю большинства, быть способом выработки государственных решений, коррекции проводимого политического курса. В любом случае он обречен на то, чтобы выродиться в имитацию общественной дискуссии с заранее известным результатом. Для того чтобы придать ему другой смысл, необходимо предварительно изменить политическую систему.

И в этом плане инициатива КПРФ с самого начала не имела шансов на успех, если понимать под ним веру в то, что оппозиции действительно удастся устроить всенародное голосование и получение нужного оппозиции результата. Вряд ли у руководства партии были иллюзии по этому поводу. Здесь, скорее всего, ставилась другая задача: заставить власть активно противодействовать самой этой инициативе и тем самым вынудить публично подтвердить свой страх перед голосованием по поставленным вопросам. Вот это, в свою очередь, уже трудно квалифицировать иначе, как факт четкого осознания правящей группировкой подлинного мнения большинства нации. Причем мнения настолько доминирующего, что в данном случае невозможно было бы пытаться

переломить его - в ходе проведения референдума - даже запуская на всю мощь агитационно-пропагандистскую машину власти.

Если же говорить о референдуме, который был инициирован Кремлем в Чечне, то здесь опять наблюдается та же закономерность: в данном политическом контексте этот акт сам по себе, независимо от других обстоятельств и условий, не способен играть роль фактора, то есть оказывать значимое воздействие на развитие политической ситуации.

Что изменилось после формально столь успешного для Кремля голосования? Ничего. Все дело в том, что чеченская проблема давно перестала быть политической (если вообще когда-либо была таковой), а превратилась в военно-техническую. Ее решение – в эффективных спецоперациях по физическому уничтожению главарей мятежа, их ближайшего окружения, баз и лагерей. Пока этого не произойдет, всякая политико-пропагандистская возня останется только возней.

Что же касается истории с запретом проведения референдума в год проведения выборов, то она показала, до какой степени сегодня власть консолидирована в России, включая и власть судебную. Конституционный суд вынес решение, мягко говоря, не слишком убедительное, но однозначно прогнозировавшееся заранее.

А последнее событие в области СМИ – закрытие канала ТВС – лишний раз показало, что и в информационном плане закрываются последние лазейки для высказывания иных мнений, кроме тех, что формулируются в Кремле.

С.П.Обухов, кандидат экономических наук, заместитель директора Центра исследований политической культуры России

Сам по себе институт референдума – это не самоцель, не способ выявления народной воли, а всего лишь один из инструментов политической борьбы, схватки за морально-политическое доминирование в обществе тех или иных сил. К нему прибегали и будут прибегать в острокризисных ситуациях. Но к однозначному выявлению воли народа институт референдума, судя по практике последних десяти-двенадцати лет, имеет довольно отдаленное отношение. Все опять решают интерпретации и способность тех или иных сил навязать свое прочтение итогов народного волеизъявления

В современной российской истории институт прямого народного представительства играл роль своеобразного «жучка» на перегоревшей от чрезмерного социального напряжения «пробке» - политической системе. Причем мало кто обращает внимание на то, что к «услугам» референдумной легитимации своих действий, решений политические силы прибегали в условиях, когда не срабатывал механизм представительной демократии, парламентаризма.

Возьмем часто вспоминаемый референдум 1991 года о судьбе Союза СССР и подзабытый референдум РСФСР об учреждении параллельного президентского поста в Российской Федерации. Идея союзного референдума воплотилась в жизнь, когда только что созданная на уровне Союза ССР новая система народного представительства оказалась во многом дискредитированной, как не выполнившая завышенных социальных ожиданий.

Исследования того времени свидетельствовали о формировании огромных позитивных ожиданий у населения в отношении представительных органов власти. Так, в 1989 году почти половина опрошенных граждан была уверена в том, что для России лучше всего подходит форма государственности, где ведущую роль играет народное представительство. Причем это либо обновленная система Советов (16,9 процента мнений), либо собственно парламентская республика (33,1 процента мнений). В то время как за президентскую республику стояло 36,6 процента наших сограждан. Однако уже по завершении самого Съезда народных депутатов СССР в общественном мнении наметился определенный диссонанс. Так, полностью удовлетворенными ходом и итогами Первого съезда считали себя только 4,2 процента опрошенных избирателей. Частично удовлетворенными - треть. В то же время почти половина выказывала частичное и полное неудовлетворение. Причем каждый четвертый опрошенный заявлял, что чувствует себя обманутым в своих надеждах и ожиданиях после завершения работы Съезда.

В итоге, уже к концу 1989 года в общественном мнении, пока ему не был предложен в качестве модели лучшего защитника интересов российский парламент во главе с Б.Ельциным, большие надежды на лучшее воплощались в институте референдума. Именно референдум в народном восприятии должен был играть, по мнению 47,9 процентов граждан, в нашем обществе «главную руководящую роль». Это почти в полтора раза по престижу выше, чем тогда оценивался институт Съезда народных депутатов СССР.

С формально-правовой точки зрения, референдум о сохранении Союза не был нужен, так как Верховный Совет СССР принимал необходимые законодательные акты по этой проблеме. Но к началу 1991 года в союзных республиках были избраны новые, зачастую по политическому составу оппозиционные к КПСС, представительные органы власти. Их легитимность оказалась в глазах населения выше, чем у союзного Верховного Совета. Поэтому и союзная власть решила подкрепиться волей народа через референдум, который в ряде республик был просто запрещен и бойкотирован. Но, как показало развитие событий, даже столь однозначно выраженная за Союз воля народа была проигнорирована. Ведь в пику союзному были проведены всевозможные республиканские референдумы.

В РСФСР новое «реформаторское» и «демократическое» руководство во главе с Б.Ельциным и Р.Хасбулатовым, дабы преодолеть сопротивление коммунистической оппозиции среди депутатов российского Съезда народных депутатов, организовало параллельный референдум о президентстве в РСФСР, который был интерпретирован как одобрение народом политики Б.Ельцина. И уже опираясь на референдумную легитимность, президент Ельцин смело таранил Союз, союзное руководство, союзный парламент.

В том же ряду и всевозможные референдумы о суверенитете в различных республиках – от прибалтийских до Украины, где итоги голосования интерпретировались как согласие народа на выход из состава Союза ССР. Заметим, нигде – ни на Украине, ни в Грузии, Армении, Латвии, Эстонии, Литве – не было прямой постановки вопроса о выходе из состава Союза. Но в борьбе за интерпретацию итогов народного волеизъявления по некоему «суверенитету» побеждали деструктивные силы, получившие к тому времени полный контроль над средствами производства информации. В итоге с помощью понятийных манипуляций (типа «суверенитет», «независимость») на республиканских рефрендумах гасилась и нивелировалась ясно выраженная воля народа на сохранение Союза.

Особенно наглядно это проявилось на Украине, когда в течение полугода на референдумах народ проголосовал за Союз, а чуть позднее – за некий суверенитет, который был истолкован как основание для выхода из состава Союза ССР.

Как известно, понятия, описывающие институт прямого народного волеизъявления – плебисцит и референдум – исходят из латинских определений. Плебисцит – от plebs -«простой народ» и scitum – «решение», «постановление». А референдум - от referendum – «то, что должно быть сообщено». Как показал опыт первых лет постсоветской истории, «то, что должно быть сообщено», «решение» или «постановление» «простого народа» изначально были расплывчаты, аморфны, многозначны. И их истолковали в свою пользу те силы, которые обладали в тот момент политическим доминированием, завоевали морально-политическую гегемонию.

Кстати, так же было и во время апрельского референдума 1993 года, когда на пресловутые вопросы об одобрении досрочного прекращения полномочий депутатов и президента, были получены взаимоисключающие ответы: народ одобрил шокотерапию Гайдара, но отказался досрочно распускать депутатов, воспротивившихся этому курсу. Однако в борьбе интерпретаций опять победил Б.Ельцин, что и послужило прологом к октябрю 1993 года.

Поэтому можно утверждать, что сам по себе институт референдума – это не самоцель, не способ выявления народной воли, а всего лишь один из инструментов политической борьбы, схватки за морально-политическое доминирование в обществе тех или иных сил. К нему прибегали и будут прибегать в острокризисных ситуациях. Но к однозначному выявлению воли народа институт референдума, судя по практике последних десяти-двенадцати лет, имеет довольно отдаленное отношение. Все опять решают интерпретации и способность тех или иных сил навязать свое прочтение итогов народного волеизъявления.

В этом и причина поражения КПРФ в ее кампании за референдум по четырем ключевым вопросам развития страны, за смену социально-экономического курса. КПРФ, судя по всему, подошла к организации референдума как к чисто технической акции, не оперевшись на массовое прямое действие снизу. В итоге коммунисты оказались по этому вопросу переиграны властью чисто техническим, аппаратным способом.

Вместе с тем, победа власти над КПРФ в вопросе о референдуме – это пиррова победа. Никто и юридически ничто не мешает провести этот референдум после федеральных кампаний 2003-2004 годов. И тогда, вне зависимости исхода выборов, однозначно позитивно прогнозируемые итоги голосования могут стать новым подтверждением морально-политического доминирования идей нового социально-экономического курса, декларируемого КПРФ. Они могут послужить основанием для решительных действий против олигархов, к скорейшему разрешению острейших социальных проблем. Но опять же все упрется в проблему интерпретации итогов волеизъявления, способность компартии опереться на массовые действия снизу.

В общем, как и любой «жучок», институт референдума может привести либо к восстановлению нормального функционирования «перегоревшей» политсистемы, либо к возгоранию, взрыву, пожару во всем доме – стране.

В.Ф.Рашкин, депутат Государственной Думы Российской Федерации

Современной России еще далеко до такого состояния демократии, когда с помощью прямого волеизъявления народа можно будет решать острейшие вопросы государственной жизни. Между тем в других странах институт референдума работает – и очень эффективно

Современной России еще далеко до такого состояния демократии, когда с помощью прямого волеизъявления народа можно будет решать острейшие вопросы государственной жизни. Между тем в других странах институт референдума работает – и очень эффективно.

Хрестоматийный пример – Швейцария, где на референдумах реша-

ются все важнейшие вопросы. Но и другие страны показывают образцы, достойные подражания. Недавно мне пришлось в составе думской делегации побывать в Норвегии, где мы наблюдали совсем другую политическую культуру, нежели, к сожалению, у нас, в родном Отечестве.

В Норвегии трепетное отношение к государственной независимости, которую она обрела лишь в 1907 году, почтение к собственной валюте, к законодательным актам, традициям, культуре. Это проявляется и в упорном нежелании норвежцев вступать в Евросоюз: хоть какое, а все-таки ущемление национальных интересов. Дважды этот вопрос выносился на референдум, и дважды народ говорил «нет». И хотя это мнение не разделяет политическая элита страны во главе с королем — она-то как раз выступает за сближение с Европой — однако ей, элите, и в голову не приходит отменять итоги референдума, тем более запрещать его проведение.

У нас же все наоборот. Здесь и всенародный референдум 1991 года, на котором советский народ однозначно высказался за сохранение СССР, после чего Союз был тут же развален беловежской «братвой». Здесь и референдум, с инициативой проведения которого Компартия РФ вышла в прошлом году и который за неделю был запрещен послушным президенту и правительству большинством в Госдуме. Мы предлагали вынести на всенародное обсуждение четыре вопроса, жизненно важных для каждого россиянина: об отношении к купле-продаже родной земли, о том, чтобы доходы от ее огромных природных богатств шли в казну государства, а не в карман олигархов, чтобы пенсии и зарплаты были не ниже прожиточного минимума, а квартплата и коммунальные услуги не превышали десяти процентов совокупного дохода семьи.

Чего проще, казалось бы: если вы провозглашаете себя социальным государством, если по всякому поводу и без такового вещаете с телеэкрана, что только о благе народа и печетесь, — так спросите его, народ, что для него есть благо, а что — зло! Спросите и примите его народную волю к исполнению. Ничуть не бывало! Почему-то для Норвегии с населением чуть побольше, чем в Саратовской области, воля народа — закон, переступить через который не может даже король. А для огромной России — половая тряпка, о которую власть спокойно вытирает ноги. И что удивительно: народ наш продолжает упорно голосовать за эту власть. Словно тест на выживание проходит: сколько еще народ можно будет давить, втаптывать в грязь, истреблять физически и морально.

Вывод из этого только один: надо научиться уважать самих себя, лишь потом можно рассчитывать на уважение со стороны других. Как случилось, что наш народ оказался в таком состоянии, – задача для историков, а нам сегодня надо думать о том, как выходить из этого положения.

Всем в обществе известно, что "персона у власти" в наши дни – на самых разных уровнях управления – это нередко тот, кто твердо и свято убежден, что его воле (точнее – капризу и произволу) никто и ничто противостоять не может.

Референдум же, сам факт его юридического присутствия, говорит подобным деятелям: "Нет, и на вас есть управа!".

Это психологическая узда. И ее в наших российских условиях мы, коммунисты, и дальше будем учиться использовать.

Некоторые выводы по итогам дискуссии

Особенность политики, особенно большой политики, да еще в кризисные времена, заключается в том, что «прямолинейная», так сказать, логика в ней далеко не всегда эффективна и оправданна.

Референдум показал всем, в чем суть нашей программы, за что именно мы боремся. Причем четыре пункта, вынесенные на референдум, у нас не украсть. Они носят сущностной характер и для партии власти они – все равно что крестное знамение для нечисти. Спасибо референдуму – до большинства россиян эта наша программа дошла. И была понятна и признана.

Политика сегодня – это испытание воли, борьба характеров, столкновение упорств. В обществе, где все превратилось в "кашу", проявление волевого начала – дорогого стоит. И мы его проявили: знали и что референдум сорвут, но все равно шли на него, не склоняясь под ударами. Не только люди, но и власть должна знать, на что мы способны, когда решим идти до конца.

Всем в обществе известно, что "персона у власти" в наши дни – на самых разных уровнях управления – это нередко тот, кто твердо и свято убежден, что его воле (точнее – капризу и произволу) никто и ничто противостоять не может.

Референдум же, сам факт его юридического присутствия, говорит подобным деятелям: "нет, и на вас есть управа".

Это психологическая узда. И ее в наших российских условиях мы, коммунисты, и дальше будем учиться использовать.

Для определения перспектив реализации в Российской Федерации принципов "прямой демократии" важно проанализировать вынесенное 11 июля 2003 года решение Конституционного суда Российской Федерации

Это решение, бесспорно, станет новой вехой деятельности этого высшего органа судебной власти России. **Оно окончательно подрывает миф об объективности Конституционного суда и наносит ущерб его юридической компетентности.**

Конституционный суд присвоил себе полномочия законодателя.

Напрасно было бы искать в тексте действующей Конституции или Федеральном конституционном законе эти правила и сроки. Их там

нет. **Они созданы самим Конституционным судом в качестве обоснования своей “правовой позиции”.**

Подобная деятельность Конституционного суда, которая становится в последнее время почти нормой, совершенно неприемлема и неконституционна.

В современной российской истории институт прямого народного представительства играл роль своеобразного «жучка» на перегоревшей от чрезмерного социального напряжения «пробке» - политической системе. Причем мало кто обращает внимание на то, что к «услугам» референдумной легитимации своих действий, решений политические силы прибегали в условиях, когда не срабатывал механизм представительной демократии, парламентаризма.

Поэтому можно утверждать, что сам по себе институт референдума – это не самоцель, не способ выявления народной воли, а всего лишь один из инструментов политической борьбы, схватки за морально-политическое доминирование в обществе тех или иных сил. К нему прибегали и будут прибегать в острокризисных ситуациях. Но к однозначному выявлению воли народа институт референдума, судя по практике последних десяти-двенадцати лет, имеет довольно отдаленное отношение. Все опять решают интерпретации и способность тех или иных сил навязать свое прочтение итогов народного волеизъявления.

И мировой, и современный российский опыт, взятые в целом, говорят по большей части за то, что судьба референдумов целиком зависит от тех, у кого в руках реальная власть. И не столь важно, формализовано это властное качество или нет.

Технология здесь такова. Не «сначала референдум, а потом – решение», а наоборот: сначала обретение того, что А.Грамши называл общественной гегемонией, т.е. реального первенства, преобладания в политических делах – а уже затем и на ее основе юридическое закрепление желаемого решения путем всенародного голосования.

Прямая демократия, особенно в кризисном обществе, в большинстве случаев невозможна без прямого народного действия.

Референдум, как и все прочие выборные процедуры, может реально изменить жизнь страны, только если он станет ***одним из элементов*** широкого и многоуровнего социально-политического действия. Если попытаться выстроить здесь некий образный ряд, то их можно уподобить лодке в могучем потоке, каковыми являются разнообразные народные выступления. Как «стерильная» политико-юридическая акция референдум у нас бесплоден; как лозунг и острие народного выступления – может оказаться очень эффективным.

При оценке возможности и значения референдума в России сейчас нужно прежде всего исходить из факта полного провала "демократического" проекта, который был навязан России и другим республикам СССР в начале 90-х годов и возникновения тоталитарной модели управления обществом, особенностью которого является контроль за состоянием общества через средства массовой информации.

Подтверждением того, что итоги референдума зависят не от мнения избирателей, а от расклада политических сил, являются недавние референдумы в странах Прибалтики и Восточной Европы, которые в большей мере, чем нынешняя Россия, претендуют на "цивилизованность" и "демократичность". Это были референдумы относительно вступления в Евросоюз. И в этих странах, где нет столь явно выраженных признаков тоталитаризма, как в нынешней России, все равно правящие группировки смогли навязать выгодные для них результаты референдумов.

Идея референдума – отчасти нового выражения «прямой демократии» - в том виде, как она исподволь внедряется не только в национальное, но и мировое массовое сознание, задумана, насколько можно предположить, явно в «пику» демократии представительной. Из сферы компетенции последней, по данному замыслу, могут быть фактически изъяты наиболее важные решения по части государственного строительства, внутренней и внешней политики.

«Прямая демократия», не оснащенная такими механизмами «фильтрации», резко понижает планку компетентности всего законотворчества. .

Наконец, подмена демократии представительной «прямой демократией» чревата негативными последствиями долговременного характера: лишение народного представительства реального смысла влечет за собой цепную реакцию, ставя под сомнение функциональное назначение партии как института, элемента гражданского общества, способа его самоорганизации.

До сих пор референдум использовался правящей российской верхушкой исключительно в своих интересах. Когда его итоги совпадали со стратегией власти, его признавали. Когда не совпадали, им просто пренебрегали. И так будет до тех пор, пока в России не сформируется подлинно демократическая власть. То есть, пока сам народ не заставит власть считаться с мнением большинства. Точнее: пока власть не убедится, что нахождение ответов на наиболее актуальные вопросы, волнующие большую часть российского общества через референдум, – все же предпочтительнее для нее самой, чем их решение неконституционными методами.

Что касается «нужности» референдума. Если говорить о большей части российского общества, о миллионах трудящихся, получающих ми-

зерную зарплату, о ветеранах войны и труда, защищавших, восстанавливавших и развивавших страну, ее экономику, науку, культуру и теперь вынужденных платить большую часть своей пенсии за квартплату, да - нужен! Если же говорить о меньшей части российского общества, которая обогащается за счет использования природных ресурсов, торгует сельхозугодьями, устанавливает сверхнизкую плату за труд, стремится превратить себя в нового собственника в сфере жилья и коммунального хозяйства (выживая сверхвысокими ценами и тарифами из собственных квартир законопослушного квартиросъемщика), то для них этот референдум смерти подобен. Ведь его проведение – это приговор либеральному курсу реформ, опустившему страну до третьеразрядного государства, безуспешно догоняющего в своем развитии пусть и уважаемую, но все же Португалию.

Не исключено, что и сейчас поведение избирателей и властей может быть таким же, как 10-12 лет назад. Избиратели могут повести себя противоречиво. Их стремление изменить положение к лучшему способно вступить в противоречие со страхом разрушить сложившийся ныне порядок вещей. Растущее неверие избирателей в действенность выборов и референдумов грозит снизить еще больше их активность. Не секрет, что руководители страны стремятся превратить антиправительственную оппозицию в пассивных избирателей. Для того чтобы убедить оппозицию в бессмысленности участия в выборах, в проправительственной пропаганде часто звучит утверждение о том, что КПРФ однажды уже не воспользовалась информацией о своей победе на президентских выборах 1996 года. Наконец, как и 10-12 лет назад, власти могут проигнорировать итоги референдума, если они не будут отвечать их целям.

Все политические мероприятия правительства, его заявления, общественно-политические акции – например, юбилейные торжества – направлены на то, чтобы подтвердить “нормальность” нынешнего состояния страны или, по крайней мере, факт движения к “нормальной демократии”. Совершенно очевидно, что референдум, на котором ставятся под вопрос социальная и экономическая политика правительства, разрушает миф о “нормальности” существующего строя.

При президентских и парламентских выборах одним из основных, нередко – на деле единственным методом информационного воздействия на электорат, является выброс негативной информации о недружественных кандидатах. Политик или политическая партия являются гораздо более уязвимыми объектами для информационных атак, чем предлагаемая ими программа. Личность дискредитировать всегда проще, чем идею. На референдуме население голосует не за кандида-

тов и не за партии, а за идеи, даже если эти идеи и ассоциируются с отдельными партиями или личностями. Следовательно, силам, контролирующим основные информационные ресурсы в стране, труднее повлиять на итоги референдума, чем на итоги выборов.

Таким образом, референдум – это оружие последнего шанса, «политическая атомная бомба», к которой действующая власть либо крупная группировка во власти могут прибегнуть лишь в крайнем случае. Равным образом власть не может допустить использования этого оружия кем-либо другим. Например, очевидно, что референдум с острыми вопросами о собственности и социальных гарантиях, который пыталась организовать КПРФ, не мог состояться ни при каких обстоятельствах.

Когда новые хозяева России, стоявшие за плечами марионеточных правителей, цинично проигнорировали результаты рамочного Референдума 1991 года в его наиболее важной и существенной части, касающейся сохранению СССР, они тем самым показали не только полное пренебрежение к волеизъявлению народа, но и наглядно продемонстрировали наличие внелегитимных инструментов власти, которые реально применяются под флером псевдодемократических институтов в захваченной стране.

Завоеватели не могут следовать воле побежденных - это был главный, неназываемый результат Референдума. После этого логично предположить, что и последующие результаты каких бы то ни было волеизъявлений нации, в том числе на референдумах, когда они не соответствуют ожиданиям организаторов, легко могут быть фальсифицированы и затем использованы для псевдолегитимизации наиболее одиозных решений режима.

Тем не менее, там, где возможны независимый мониторинг и контроль результатов проведения референдумов, они могут оказаться полезными как одно из средств дезавуирования политики геноцида, реально проводимой в России.

О Чечне. Сложившийся там баланс сил референдум не изменил и не мог изменить. Страшная этническая зачистка 300 000 русских, проведенная в «свободной Ичкерии», в результате которой только по официальной статистике погибло свыше 25 000 человек, не осуждена. Ее виновники не названы и не наказаны. Механизмы компенсации пострадавшим до сих пор не указаны. Напротив, продолжается трусливая политика уступок, умиротворения и амнистии бандитов.

Между тем, именно эта антирусская зачистка и стала реальной причиной начала войны. Каких-либо новых позитивных реалий, которые могли бы быть в Чечне, референдум не выявил, а только зафиксировал результаты и углубил процесс, инициированный сепаратистами. Таким образом, его последствия для территориальной целостности России негативны.

Как форма управления страной, референдум просто не имеет смысла. Так же, впрочем, как бессмысленна вся внешняя, декоративная часть «демократической системы» вообще.

Народ в принципе не может управлять страной. Во-первых, он не является источником власти. **Источник власти – сила**. Для верующего человека это сила высшая, разумная, **Божия**. Для атеиста – просто грубое насилие, так или иначе замаскированное демагогией: религиозной, коммунистической, фашистской или либерально-демократической – безразлично.

На практике **демократия есть форма власти той части элиты, которая наилучшим образом научилась обманывать народ (управлять им) с помощью т.н. «демократических механизмов».** Одновременно демократия **законодательно оформляет те правила игры, которые договорились соблюдать между собой на данном этапе элитные группировки, борющиеся за власть и собственность.** Не более того.

В российской действительности мы наблюдаем совсем другую картину. Наша властвующая группировка не допускает самой мысли о том, что власть может перейти к оппозиции. Практикуются самые неприличные методы навязывания общественному мнению тех или иных тезисов через прямо или косвенно контролируемые СМИ, в первую очередь – электронные. Дело подчас доходит до прямого манипулирования.

Поэтому в отечественных условиях референдум не может формулировать волю большинства, быть способом выработки государственных решений, коррекции проводимого политического курса. В любом случае он обречен на то, чтобы выродиться в имитацию общественной дискуссии с заранее известным результатом. Для того чтобы придать ему другой смысл, необходимо предварительно изменить политическую систему.

И в этом плане инициатива КПРФ с самого начала не имела шансов на успех, если понимать под ним веру в то, что оппозиции действительно удастся устроить всенародное голосование и получение нужного оппозиции результата. Вряд ли у руководства партии были иллюзии по этому поводу. Здесь, скорее всего, ставилась другая задача: заставить власть активно противодействовать самой этой инициативе и тем самым вынудить публично подтвердить свой страх перед голосованием по поставленным вопросам. Вот это, в свою очередь, уже трудно квалифицировать иначе, как факт четкого осознания правящей группировкой подлинного мнения большинства нации. Причем мнения настолько доминирующего, что в данном случае невозможно было бы пытаться переломить его в ходе проведения референдума, даже запуская на всю мощь агитационно-пропагандистскую машину власти.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПОСЛЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА 2003-2004 ГОДОВ
Семинар ЦИПКР: 2004

В.П.Пешков. Десять лет Конституции России: итоги формирования политической системы и результаты выборов в Государственную Думу

Как это подчас случается в политической истории, думские выборы 2003 года в России не только зафиксировали соотношение политических возможностей ведущих партий страны на данный исторический момент. Они подвели и своего рода итог под гораздо более длительным этапом национального развития, составляющим своего рода эпоху в жизни государства.

В свое время И.В.Сталин называл выборы «судом» над политическими партиями, которым общество, взвесив их достоинства и недостатки, выносит своеобразный приговор в виде итогов народного голосования. Выборы 7 декабря вынесли такого рода «приговор» не только ныне действующим политическим партиям России. Он оказался вынесен и тем почти полутора десятилетиям, что ушли в нашей стране на формирование многопартийной политической системы и парламентской модели государственного управления западного образца.

И если брать в расчет не только результат, но и ход – саму морально–политическую атмосферу – прошедшей кампании, можно сказать: данный электоральный вердикт носит негативный, обвиняющий характер. Многопартийная парламентская система в нашей стране, не успев толком развиться и выйти по сути дела из эмбрионального состояния, вступила в полосу жесточайшего кризиса, со всей наглядностью проявившегося в избирательной кампании этого года.

Если брать в расчет проблему многопартийности, то итоги выборов продемонстрировали ее очевидное увядание. И без того очень ограниченный набор политических партий, способных хоть в какой-то мере претендовать на звание партий настоящих (то есть обладающих разветвленной организационной системой, структурно укорененных в большинстве регионов страны, имеющих стабильную и обширную массовую базу, собственную идеологию и устойчивый образ в общественном восприятии), оказался еще более урезан за счет «усекновения» правого фланга политической системы – СПС и «Яблока».

При этом симптоматично, что с политической авансцены оказались убраны именно те организации, которые оставались «генетически» связанными с первоначальным демократическим движением в России, базировавшимся именно на идеях плюрализма и парламентаризма западного типа.

Процесс воплощения этих идей в общественную практику России парадоксальным – хотя и хорошо известным в истории – образом привел к разгрому именно главных носителей такого рода ценностей. Итоги выборов 2003 года показали, что многопартийность в России не сложилась и как система остается лишь своеобразной декорацией, за которой скрывается вызревающий режим личной власти.

Тот же самый вывод справедлив и по отношению к отечественному парламентаризму. Хотя бы уже потому, что борьба за места в парламенте оказалась в отечественных условиях поставлена во все более антидемократические рамки. Ее стержнем стала монополизация последовательно сменяющими друг друга думскими олицетворениями партии власти (в лице «Демократической России», «Демократического выбора России», «Нашего дома – России», «Единства», а ныне «Единой России») практически всей системы информационно-пропагандистской взаимосвязей между миром политики и населением – прежде всего средств массовой информации.

Причем процесс этот носит нарастающий характер: если до сих пор из информационного пространства целенаправленно вытеснялись левые – КПРФ и ее союзники, то, начиная с избирательной кампании 1999 года, такое же давление оказывается на праволиберальные силы. Сначала это было «Отечество», а на последних думских выборах – СПС и «Яблоко».

От системы парламентского представительства целенаправленно отсекаются основные политически значимые «фланги», которые, собственно, и определяют самобытность западной парламентской модели, вбирающей в себя представителей всех общественных течений, начиная с крайне левых и кончая крайне правыми.

Таким образом, российская парламентская система чем дальше, тем в меньшей степени соответствуют тем исходным идеалам, которые были положены в ее основу на рубеже 90-х годов.

Политическая система страны приобретает подчеркнуто личностный характер, будучи все более жестко и бескомпромиссно завязанной только на один субъект национальной политики – президента. Ставка на лидера способна оправдать себя в условиях крайнего кризисного обострения. Но как долгосрочная перспектива и институционализированное явление она говорит о том, что общество полным хо-

дом скатывается к той или иной форме личной власти. Спектр конкретных ее проявления исторически многообразен.

Однако подобная конечная точка эволюции политической системы России по сути дела ставит крест на всех исходных установках процесса общественной ломки, протекавшего в стране на протяжении последних полутора десятилетий.

Можно сказать, что десятилетние итоги формирования политической системы в России дали, в конечном счете, обратный задуманному результат. Происходит обрушение политической системы, выхолащивание парламентаризма и взращивание нового авторитарного устройства общества.

С.И.Васильцов. О критериях «победности» и «успешности» выборов для различных политических сил

Проблема квалификации итогов думских выборов 2003 года во многом зависит от эмоционально-психологического подхода к ним. Очевидно, что результаты голосования для КПРФ никак нельзя определить в качестве победы. Сложнее обстоит с применением таких понятий, как «успех» или «удача». В частности, понятие успеха предполагает первенствующую роль случайности: что-то происходит вдруг, во многом помимо желания и действия субъекта, принося ему неожиданную выгоду. Если исходить их того, что КПРФ весьма пассивно провела избирательную кампанию, с одной стороны, тогда как, с другой, подвергалась колоссальному неблагоприятному давлению со стороны оппонентов, то сохранение за ней второго места и почти 13 процентов, вполне можно квалифицировать именно как удачу. Огрубленно говоря, Компартия вдруг получила то, на что не могла рассчитывать, если брать в расчет затраченные ею усилия.

Примерно в такой же логике можно рассуждать и применительно к понятию успех. Поскольку здесь возникает вопрос: успеха относительно чего, относительно какой вероятности развития событий? Если исходить из особенностей избирательной кампании, буквально смявшей к декабрю позиции КПРФ, то наиболее вероятным результатом выборов вполне могло стать четвертое место и примерно 8-10 процентов голосов. Достигнутый на самом деле результат КПРФ в таком контексте вполне заслуживает звания удачи.

Далее, исход голосования не может быть назван и разгромом. Поскольку разгром - это уничтожение или разрушение субъекта, прекращение его жизнедеятельности, утрата им тех доминантных свойств и функций, которые определяют его субъектность, самость. Ничего этого нет, во всяком случае, пока: партия существует, ее организационная структура сохраня-

ется, идейные основы не ставятся под вопрос, образ КПРФ принципиально не изменился, электоральное ядро в целом сохранилось и даже лидерский момент пока что не пребывает в окончательно кризисном состоянии.

Однако здесь нельзя применить термин «неудача». В итогах выборов мало случайного, спонтанного, стихийного. Они - прямой результат всей работы партии и ее нынешнего состояния.

Поэтому наиболее подходящим термином для квалификации итогов голосования 2003 года является понятие «поражение». Партия, какова она на деле есть, вступила в избирательную схватку и проиграла ее. Причем с большим счетом. Процесс носил осознанный, организованный, активный и интенсивный характер. Так что прошедшие выборы - это, скорее всего, поражение КПРФ.

Некоторые соображения по поводу итогов избирательной кампании

1. Закончился тот этап политической истории России, который со всем основанием можно назвать «постсоветским». С одной стороны, с политической авансцены оказались вытеснены последние рудименты «демократического» движения конца 80-х - 90-х гг. С другой стороны, утратила эффективность идейно-политическая инерция советской поры, двигавшая (особенно в электоральном плане) вперед Компартию. Главным направлением общественного развития стало формирование «нового авторитаризма» выстроенного вокруг лидерского фактора. Их олицетворение - «ЕР» и В.Путин.

2. В таких условиях Компартии не остается ничего другого, как в целом заново выстраивать всю систему своей организационной, политической и электоральной деятельности.

3. А это, в свою очередь значит, что КПРФ предстоит найти идейно-политический стрежень всей своей работы, вокруг которого можно было бы не только сплотить партию, но и развернуть процесс эффективного наращивания ее сил. До сих пор роль такого стержня выполняла, по большей части, ностальгия по советской эпохе, а также обращение к ее ценностям и символам. Теперь этого стало мало. Партии предстоит решительно дополнить этот свой идейно-политический багаж чем-то новым, обращаемым уже в будущее.

4. Симптоматично при этом, что сама эволюция коммунистического электората вполне вписывается в такого рода задачу: по итогам выборов 7 декабря КПРФ более всего потеряла в наиболее пожилых слоях населения, во многом «помолодев». У партии складывается новый, гораздо более молодой электорат со всеми вытекающими отсюда последствиями.

5. Вместе с тем уже сегодня можно говорить о том, что результаты выборов - если брать их политико-психологическую, а не формально-электоральную сторону, - говорят о том, что у партии сохраняются ши-

рокие возможности для восстановления и расширения влияния в обществе. В частности, есть много оснований говорить о весьма случайном характере голосования примерно трети избирателей, принадлежащих в основном «ЕР», ЛДПР и особенно - «Родине», где почти 20 процентов сторонников приняли электоральное решение непосредственно в день голосования, по дороге на избирательный участок и даже стоя над урной (15%). Почти 20% россиян за время избирательной кампании меняли свое решение за какую партию голосовать 2,3,4 и более раз. Только треть населения вышла с избирательных участков уверенной, что проголосовала абсолютно правильно.

6. В результате электоральное пространство, открытое перед КПРФ, вновь расширилось почти до 50 процентов населения.

7. Однако для освоения вышеупомянутых возможностей КПРФ сегодня, как никогда раньше, обязана качественным образом улучшить все свои структуры и принципы деятельности.

В.К.Коломиец. Итог развития постсоветской России: преодоление состояния переходности

Наиболее значимый для современной России итог развития последних лет – это преодоление состояния переходности - той переходности, которая в языке текущей политики в основных своих чертах отождествлялась с так называемой эпохой Ельцина. Ее характерные признаки: фронтальное противостояние власти и оппозиции, постоянно нависавшая угроза открытого конфликта между ними, перспективы гражданской войны. И власть, и оппозиция – каждая считала своего оппонента нелигитимным, более того, стремились его делегитимизировать. То был тип отношений, имеющий свои аналогии, как ближайшие, так и отдаленные, например, с итальянской историей дофашистского либерального государства, либо государства послевоенного республиканского. Тип отношений, порождавший в Италии постоянную социальную напряженность, чреватую моментами острых кризисов.

В России это противостояние концептуализировалось со стороны власти антикоммунизмом в его самой примитивной, почти маккартистской версии, который вменялся обществу почти как великая национальная идея. На противоположном – оппозиционном – полюсе столь же делегитимизирующий смысл заключала в себе идея антинародного режима. В силу инерции эти диалектические формулы время от времени напоминают о себе и по сей день, однако их возможности кажутся сегодня более ограниченными.

Впечатление о преодолении переходности подкрепляет и относительная, во многом поверхностная экономическая стабилизация, которая в ее

медийной версии всячески превозносится и, по-видимому, преувеличивается. Главное же, однако, состоит в том, что наследие переходности, пусть преодолеваемое и даже в каких-то чертах преодоленное, в то же время во многом досталось новой, послеельцинской эпохе. В процессах, на полную мощность запущенных в переходный период – с начала 90-х гг., не наблюдается перелома их негативных тенденций: идут имущественное расслоение по какой-нибудь латиноамериканской модели общества бедных и богатых, криминализация экономики и политики, социальная деградация и пр.

Некоторое видоизменение противоречий между властью и оппозицией, для которых в полной мере сохраняется, как то очевидно, своя объективная почва, создает и для той, и для другой трудности по части концептуализации своей политической линии.

Бесспорно, что ресурс антикоммунизма, сильно преувеличенный в былые времена, оказался едва ли не полностью выработанным. Тогда как идея центризма, весьма популярная в демократически мыслящих и ориентированных кругах и реализуемая (в который уже раз!) нынешней партией власти, выглядит всего лишь «атавистическим» пережитком все той же антикоммунистической идеи.

В самом деле, центр и центризм в их привычном для нашей политики виде и всячески рекламируемом истолковании – это сбалансированная концепция общественного развития, позволяющая избежать крайностей как левого толка, приписываемых коммунизму, так и правого толка, связываемых с либерализмом.

Таким образом, в нашей отечественной версии центристская идея весьма бедна и в содержательном плане, в отличие от той, что существует в западной политической традиции. К тому же она весьма проблематична в своей посылке, ибо исходит из априорного убеждения в том, что коммунизм и либерализм есть течения заведомо экстремистские.

Еще одно свойство нашей переходности, доставшееся в тяжкое и отнюдь не преодоленное наследие еще от перестроечных времен, - это практика совершаемой буквально в одночасье «конвертируемости» политических убеждений и партийной принадлежности. Памятны относительно недавние времена, когда самая строгая и суровая капээсэсная ортодоксия вдруг приняла масштабы почти повальной трансформации в приверженность либерально-перестроечной линии Горбачева. Ревностное следование последней столь же молниеносно сменилось не менее ярым поклонением ельцинизму и его «харизматизированному» лидеру. Затем буквально на наших глазах прошла и оперативная переориентация их на Путина со всеми попутными «неологизмами» политического языка, приличествующими данному случаю.

Эта выраженная «эластичность» исповедуемых политических принципов – яркое и красноречивое свидетельство общественного упадка – опять-таки наводит на аналогии с мировым опытом, в частности – все с той же давней и недавней итальянской историей.

Так, в последней трети XIX века, после завершения объединения страны некоторая часть участников этого движения, занимавших до тех пор подчеркнуто непримиримо республиканские, антимонархические позиции, вдруг прекрасно встроилась в монархическую систему либерального государства, демонстрируя к нему свое лояльное отношение. Позднее, в начале XX века, один из деятелей Социалистической партии, в том числе и происходивший из тех самых участников освободительного движения, сделал респектабельную карьеру при фашистском режиме. Падение фашизма, в свой черед, вызвало очередные, столь же разительные, сколь и поверхностные, метаморфозы: недавние горячие и страстные адепты фашистского режима и его лидера моментально заделались рьяными антифашистами под влиянием триумфа Сопротивления. Немало их затем снова сдвинулось влево (в сторону социалистов), а потом – вновь ушло в сторону либерализма… Новейшая история, как видим, также щедра на примечательные примеры подобного рода. Она тоже формирует и поощряет тип политика-перевертыша. А он бесполезен в плане позитивного общественного действия. Он – элемент социально-политической «трясины».

С.П.Обухов. О несовершенной двухпартийности

С возникновением в России в конце 80-х годов оппозиции, как легального и политически весомого социального института, возникла в стране и многопартийность. Можно утверждать, что в нынешней России существует несовершенная двухпартийность, где одним полюсом является партия власти в различных своих инкарнациях – от «Демократической России» Бурбулиса до «Единой России» Грызлова, а другим – КПРФ. Все прочие плюралистические флуктуации, с их претензиями на роль третьей силы, как показал исторический опыт, несостоятельны. В конечном счете происходит одно - притягивание всевозможных третьих «политических флюсов» или «политического планктона» к одному из двух полюсов. И примеров тому несть числа. От переуступки генералом Лебедем своих сторонников Ельцину на президентских выборах 1996 года до метаний и шараханий экономиста Глазьева, вкусившего за свою недолгую карьеру ото всех блюд, из всех политических меню, на всех российских политических столах.

Выборы в последнее десятилетие двадцатого века играли в России роль механизма, легитимизирующего слом прежних и становление

новых форм общественного устройства. Так было в 1989-1991 и в 1993 годах. Чуть было так же не произошло и в году 1996.

Потенциальную смену нынешнего социально-экономического устройства несли кампании 1999-2000 годов. В отличие от европейских стран, где на выборах состязаются партии, определяющие свои программно-политические цели в рамках одной существующей системы, в России все последние полтора десятка лет выборный процесс строился по другой парадигме. Это было состязание партий, которые, с одной стороны, исповедовали принцип «эта страна», «умри Россия, лишь бы нам было благополучно», а с другой – «живи страна», «возродись держава, империя».

Вся эта схватка проходила под прикрытием процессов формирования представительной парламентской демократии, как нового института, призванного (объективно) согласовывать и реализовывать на практике интересы и потребности основных социально-экономических и политических групп российского общества, определять концепцию и программные цели развития страны и правила политической "игры" в ней.

Следует подчеркнуть, что российский менталитет воспринял парламентаризм как одну из главных ценностей "постсоветской эпохи". В результате институт парламентаризма на рубеже 80-90-х годов получил более высокую легитимацию, чем все остальные государственные и общественно-политические учреждения. Кроме того, столь высокая степень общественного признания обусловливалась и апелляцией к эмоционально-волевому, а также харизматическому началам, которые воплощали политические лидеры, избранные в новые российские представительные учреждения. Общественное признание новых институтов парламентаризма было таково, что на них прямо или косвенно замкнулся почти весь спектр бытующих в обществе социально-политических ориентаций и ожиданий.

За неполное десятилетие российская выборная система, парламентаризм прошли путь активной эволюции, сравнимый по интенсивности, глубине и итогам преобразований с 50 –100-летним этапом развития многих западноевропейских обществ.

Здесь можно выделить следующие этапы.

Трансформация системы Советов: от партийно-советской модели к парламентаризму советского типа (1988-1991 гг.).

Противостояние народного представительства и президентской власти: дискредитация ценностей парламентаризма и делегитимация его институтов (1991-1993 гг.).

Деградация парламентской системы в условиях усиления режима личной власти Б.Н.Ельцина (1993-1995 гг.).

Частичное восстановление общественной значимости парламента благодаря доминированию оппозиции в лице КПРФ и противостоянию парламента утрачивающему общественное доверие режиму личной власти Ельцина (1995-1998 гг.).

Возврат парламенту доминирующей общественной роли в связи с необходимостью обеспечить общественно-политическую стабилизацию после августовского кризиса (1998-1999 гг.).

Очередная деградация института парламентаризма из-за усиления авторитарных тенденций в развитии российского общества и ослабления оппозиции (2000-2003 гг.).

Если сравнивать советскую выборную практику и современную российскую избирательную систему - с точки зрения более эффективного, лучшего отбора управленческих кадров, то однозначно можно сделать вывод в пользу советской системы. По общему признанию, управленческий уровень во всех структурах российской представительной и исполнительной власти потрясающе низок.

Выборное состязание двух антагонистических политических лагерей предопределяет и характер выборных кампаний в России, отличный от того, что существует в так называемых «западных демократиях». Выборы в современной России изначально не могут считаться честными, т.е. отражающими действительные политические ориентации граждан. И здесь дело не только в пресловутом административном ресурсе партии власти, ее монополии на электронные средства массовой информации. Итоги выборов в нынешней России показывают действительное соотношение сил, но в плане не политических ориентаций граждан, а умения партии власти и оппозиции реализовать имеющиеся у них ресурсные потенциалы: морально-политический, административный, информационный, организационный, финансовый.

Неспособность оппозиции конвертировать свое морально-политическое преимущество, развить организационный потенциал предопределяют те хорошие, но… не победные результаты, которые она получает в ходе выборов. Иначе никак не объяснить, почему в левой, государственнической - по доминирующим в ее народе политическим ориентациям - стране власть находится в руках сил, исповедующих противоположные политические взгляды, принципы и реализующих разрушительный для страны курс.

Б.О.Комоцкий. Выборы – 2004: предвыборные прогнозы и реальность. Аналитическое послесловие

Итоги президентских выборов в какой-то степени вдруг пригасили обычный интерес средств массовой информации к разного рода социо-

логическим прогнозам. Однако вопрос о том, в какой мере российским аналитическим центрам удалось прогнозировать исход голосования, остается весьма актуальным. Может быть, указанный спад интереса к сопоставлению прогнозов и результатов президентских выборов вызван сегодня тем, что наиболее «раскрученные» в СМИ аналитические центры, обслуживающие партию власти, дали весьма неточный ответ по главному вопросу этой президентской кампании: кто окажется на втором месте. Ведь именно от этого ответа зависело, какая из политических сил страны будет играть роль главного оппонента власти.

Правда, прежде чем анализировать предвыборные данные ведущих центров, следует отметить, что в нынешних российских условиях само понятие электорального прогноза представляет собой весьма непростую и загадочную вещь. Из практики последних лет получается, что между теми сведениями, которые реально публикуются в СМИ ведущими социологическими службами, используются партией власти в социологической пропаганде, и теми результатами, которые обнародуются уже после выборов, бывает большая, а то и принципиальная разница. Их официальные конечные расчеты иногда появляются как бы вдруг и слабо подкрепляются всем аналитическим багажом этих центров, сложившимся по ходу выборной кампании.

Например, как трактовать ту разницу в оценках, которая сегодня выявилась в материалах «старого ВЦИОМа», то есть Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра)? А именно: 15 марта, выступая на Радио «Эхо Москвы», Ю.Левада признавал, говоря о расхождениях в прогнозах его Центра с реальными результатами Н.Харитонова: «Мы давали ему 7-8 процентов от силы». Но уже 18 марта, спустя четыре дня после выборов, на Интернет-сайте Левада-центра появился прогноз, где была объявлена совсем другая цифра ожидавшегося результата Н.Харитонова: 10,3 процента.

Впрочем, как всегда бывает после крупных политических событий, сейчас уже сформировалась некая аналитическая данность, состоящая из тех прогнозов, которые так или иначе попали в СМИ, а также были официально переданы в Центральную избирательную комиссию до дня голосования. И картина здесь такова (табл.).

В прогностическом поле сформировались два полюса наиболее заметных погрешностей. Один из них связан с результатом В.Путина. Второй – с голосованием за кандидата от КПРФ Н.Харитонова.

Прогнозы результата В.Путина. Здесь наиболее точно выступили аналитические центры, близкие к правительству и Администрации президента. Все немного передали “лишних” голосов Путину. Погрешность здесь составляет от плюс 1,8 процента (Фонд «Общественное мнение»)

Таблица

Заключительные, то есть официальные прогнозы итогов президентских выборов ведущих аналитических центров страны

Кандидат	ЦИК РФ, данные на 10.00 15.03	Прогноз ВЦИОМ (рук. В.Федоров) опрос 21-22.02 источник: www.wciom.ru	Прогноз ФОМ (рук.А.Ослон) опрос от 6.03, прогноз от 8.03, источник: www.fom.ru	Прогноз Аналитического Центра Юрия Левады опрос 5-8 марта прогноз опубликован 18.03 источник: www.levada.ru	Прогноз ЦИПКР (рук.С.И.Васильцов) опрос 5-9 марта прогноз обнародован 11.03 источник: www.cipkr.ru, бюллетень «Политическая социология», №3 (53) от 11.03.2004
Глазьев С.Ю.	4,1	4,9 (+0,8)	5 (+0,9)	4,7 (+0,6)	6 (+1,9)
Малышкин О.А	2,0	1,8 (-0,2)	3 (-1,0)	2,3 (+0,2)	1 (-1,0)
Миронов С.М.	0,8	0,4 (-0,4)	1 (+0,2)	1,1 (+0,1)	1 (+0,2)
Путин В.В.	71,2	73,6 (+2,4)	73 (+1,8)	73,7 (2,5)	66 (-5,2)
Хакамада И.М.	3,9	1,0 (-2,9)	4 (+0,1)	3,2 (-0,7)	3 (-0,9)
Харитонов Н.М.	13,7	4,9 (-8,8)	9 (-4,7)	10,3 (-3,4)	12 (-1,7)
Против всех	3,5	4,8 (+1,3)	3 (-0,5)	4,6 (1,3)	5 (+1,5)

до плюс 2,5 процента (Левада-центр). Сотрудничающий с КПРФ и левопатриотической оппозицией Центр исследований политической культуры России (ЦИПКР) отводил Путину 66 процентов голосов (минус 5,2 процента от оглашенного Центризбиркомом результата).

Впрочем, вопрос, кто из центров точнее отразил реальность, не прост. Вряд ли какая-либо социология могла предсказать странноватые результаты голосования в ряде ключевых регионов, где явка и поддержка В.Путина находились в пределах 90-99 процентов (Татарстан, Башкирия, Ингушетия, Чечня, Мордовия, Орловская область и др.). Тем более что первые результаты голосования, оглашенные Центризбиркомом вечером 14 марта, как раз показывали те 66 процентов голосов за Путина, что предсказывал ЦИПКР. Кстати, опросы граждан на выходе с избирательных участков, проведенные ФОМ, сотрудничающим с Администрацией президента, тоже дали близкий к прогнозу ЦИПКР результат – 69 процентов. Даже специалисты ФОМа, опрашивая граждан на выходе с участков, дали, например, результат за Путина в Южном и Приволжском федеральных округах на 3-6 процентов меньше, нежели потом оказалось в протоколах избиркомов. Неужели столь многие из официальных 98 процентов ингушских избирателей, 96 процентов кабардино-балкарских, 95 процентов дагестанских, 92 процентов чеченских и 92 процентов башкирских избирателей побоялись признаться социологам, что отдали голоса за В.Путина?

Прогнозы результата Н.Харитонова. Другой полюс погрешностей в области электоральных предсказаний формируется вокруг результата, достигнутого кандидатом КПРФ Н.Харитоновым. Здесь самый точный прогноз дал Центр исследований политической культуры России,

руководимый С.И.Васильцовым. Ошибка у ЦИПКР оказалась минимальной – 1,7 процента. В то время как все остальные аналитические центры «промахнулись» в диапазоне от минус 3,4 процента (Левада-центр) до минус 8,8 процента (ВЦИОМ Федорова). Таким образом, они ошиблись в полтора-два с половиной раза от реального результата Харитонова.

Борьба за второе место на нынешних президентских выборах оказалась вообще крайне трудной для прогнозистов. Например, уже в день выборов известный политолог, директор Центра политических технологий И.Бунин, даже опираясь на материалы опросов граждан на выходе с избирательных участков, все равно давал кандидату от КПРФ Н.Харитонову от силы 10 процентов голосов. Подчеркнем, что этот прогноз в СМИ давался уже после того, как стали известны первые полуофициальные данные, полученные с избирательных участков.

А что говорить о прогнозах В.Федорова, руководителя «нового» ВЦИОМа, структуры, напрямую зависящей от правительства и Администрации президента. В последний день кампании, когда по закону разрешалась публикация прогнозов, он всерьез утверждал, что второе место разделят Глазьев и Харитонов, давая каждому из них по 4,9 процента голосов. Самый официальный социологический центр – ВЦИОМ Федорова - оказался самым непрофессиональным.

И такого рода странности в прогнозах по поводу результата кандидата от КПРФ, которые давали аналитики центров, близких к партии власти, можно продолжать.

Хотя, конечно, подобный просчет был во многом запрограммирован всей идейной и аналитической атмосферой, сопутствовавшей президентским выборам, в ходе которых делалось все, чтобы напророчить Н.Харитонову и выдвинувшей его КПРФ самый уничижающий результат. Идеология и аналитика пересеклись и сплелись тут явно не самым приличным образом. Поэтому, когда сегодня в политической атаке на КПРФ, развернувшейся вновь на страницах либеральной печати, сообщают о каких-то падениях рейтинга КПРФ до семи-восьми процентов, уместно первым делом задать вопрос: а кто дает такой результат? Уж не те ли специалисты, что пророчили Н.Харитонову результат в два с половиной раза ниже реального?

У ИСХОДНОЙ ЧЕРТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ 2007-2008 ГОДОВ
Симпозиум ЦИПКР 17 октября 2006 года

С.И.Васильцов, доктор исторических наук. О возможных подвижках в партийно-политической системе России *(тезисы)*

Партийная система, казалось бы, устоявшаяся за последние годы, вновь (после серии срывов, постигших «Родину» и Партию пенсионеров) приходит в движение, одна из причин которого – необходимость заполнить возникшую здесь «пустоту». Причем проблема эта пока смутна и нуждается для начала хотя бы в некоем «рамочном» - предварительном рассмотрении.

1. Сегодня российский электорат жестко поделен. До половины его принадлежит – при существующих административном и информационном ресурсах – «Единой России», и это пока почти константное условие развития политического процесса в стране.

2. Почти столь же стабильны (по низшему уровню) позиции КПРФ с 12 – 18 % электората, формируемыми идейно охваченным Компартией «ядром» ее массовой базы.

3. Близкая ситуация отличает и позиции ЛДПР, способной твердо претендовать на 8 – 12 % электората.

4. Остаток, который может стать базой для появления некоей новой силы, составляет 18 – 26 % электората.

5. Претендовавшие на него «Родина» и Партия пенсионеров «споткнулись», и их способность освоить этот потенциал теперь весьма спорна.

6. Эти 18 – 26 % электората могут «выпасть в осадок». Либо, скорее всего, будут подобраны «ЕР». Либо часть из них распылится по нескольким партиям.

7. В этом контексте шансы нынешней «Родины» спорны. Ее электорат имел «национально озабоченный» характер. Именно больший национальный акцент «Родины» увел этих людей от КПРФ. Для Бабакова с его тремя гражданствами и олигархическим образом овладеть такой массой крайне трудно.

8. Далек от этого избирательного массива и Бабурин. Его нынешнее положение в Думе – итог организационных «махинаций» в «Родине». Он носит личный, а не партийный характер. На выборах Бабурину придется начинать почти с нуля.

9. Невозможно в нынешних условиях и образование некоей новой партии на региональном уровне, которая бы затем, охватив ряд регионов, вышла на федеральный уровень. Всегда все идет иначе: ядро создается в Центре, а затем «расползается» по регионам.

10. Вместе с тем, если электорат (т.е. корпус практически голосующих) более или менее поделен, то избирательный корпус страны – все граждане, имеющие право голоса, - освоен лишь отчасти. При 60 - 70 % явки стабильно не идут к урнам 30 – 40 % граждан. Причем это вовсе не люди, лишенные политических взглядов. Наоборот, в российских условиях это в массе своей высоко политизированный слой общества. Но – не находящий в партийной среде выразителя своих взглядов. (Что это за взгляды – неизвестно, т.к. никто всерьез анализом российского абсентеизма не занимается.)

Ясно одно. Это – люди, уже не поддавшиеся организующему нажиму «ЕР». И это – люди, никак не подпадающие под агитацию КПРФ. Тот, кто найдет с ними «точки соприкосновения», тот сможет совершить и свою политическую, электоральную «возгонку»: от нулевой отметки до 8 – 10 % голосов.

Вот такие, вкратце, рамочные условия для возможных партийных проектов вне основных фигурантов политического процесса – «Единой России», КПРФ и ЛДПР.

В.П.Пешков, доктор социологических наук. Исходные предвыборные позиции ключевых политических акторов *(тезисы)*

1. Об утрате влияния КПРФ. Однозначного ответа на этот вопрос нет. Конечно, есть причины, обусловленные изменениями как внутри, так и вовне КПРФ, которые произошли в последнее время. С одной стороны давление основного политического противника – "партии власти" – усилилось и стало более квалифицированным. Если пять лет назад это были грубый нажим, силовое давление, то сейчас используются более искусные технологии, как будто на политической сцене разыгрываются шахматные партии. Это одна составляющая. Но нужно видеть и другую сторону, другую составляющую процесса утраты влияния, которую мы часто затушевываем. Она состоит в том, что компартия на каком-то этапе замедлила темпы своего развития, сменив бег по дистанции на бег на месте. Эта составляющая для понимания происходящего более важна, чем изощренность политического противника.

Еще одна из существенных проблем. Развитие партии предполагает смену управляющих структур и управленцев. В компартии этот процесс идет с малой скоростью и не обеспечивает своевременного выдвиже-

ния новых людей, соответствующих по своим качествам усложняющимся вызовам российского политического процесса.

Политическая ситуация развивается, меняется общественно-политическая среда, в которой работает партия, возникают новые вызовы и новые задачи. Пришло (если еще не прошло) время нового поколения партийцев-руководителей. Нынешние руководители – люди стойкие и преданные коммунистической идее – решили сложную задачу восстановления и утверждения КПРФ. На очереди – задачи развития партии и политического наступления. Решение этих задач требует не меньшей стойкости и преданности в сочетании с новым интеллектом, новой мобильностью, большей толерантностью, большей системностью.

2. Феномен Жириновского. В аналитической среде бытует расхожее мнение. Мол, Жириновский фактически в одиночку, без ярких лидеров в ЛДПР, без сети партячеек четыре раза подряд обеспечнивает прохождение партии в парламент, уступив в последний раз КПРФ всего лишь один процент. При этом все знают, что не выполняет своих обещаний, и даже не думает этого делать.Но тут же встает контрвопрос. А так ли уж в одиночку? А административный ресурс? А повышенное внимание прессы? Это первое. Разное качество полученных голосов у ЛДПР и у КПРФ – это второе. КПРФ завоевывает голоса избирателей, преодолевая сопротивление "партии власти". ЛДПР – при содействии той же "партии власти". Третье заключается в том, что у Жириновского есть чутье охотника на выявление отдельных групп избирателей, "охота" на которых не будет развернута другими. И он это качество весьма талантливо использует. Но его приемы – легализация "нетрадиционной ориентации" и т.п. – никогда не могут быть использованы КПРФ. В этом-то и разница.

3. «Единая Россия» как более успешный проект партии власти. Звучит нередко утверждение, что "Единая Россия" стала гораздо более успешным изданием партии власти, чем "Выбор России", НДР. Но я бы не стал торопиться относительно того, каким "изданием" она стала. Да, у "ЕР" несколько более продолжительный период существования. Но предыдущие "издания" делались под определенных людей. И нынешнее также. Уйдут они – посмотрим, что будет. В 2003-м 38 % избирателей голосовали не за "ЕР", а за Путина с "ЕР". Если исключить Путина, то не думаю, что результат был бы больше, чем у НДР.

4. Прогноз на избирательный сезон 2007-2008 годов. Активно идет процесс смены законодательства, регулирующего политический процесс. Подождем его завершения. Прогнозы, что к 2008 году в России произойдет что-то необычное, чуть ли не "оранжевая" революция, сла-

бо аргументированы. Да, новые проблемы для власти возникли, но до-2007 года у нее еще есть время смикшировать ситуацию.

Вызывает много вопросов качество действующего правительства, но и никакая оппозиция не предъявила обществу качественно альтернативного состава. Рейтинг президента периодически падает вниз, но другие субъекты политики не в состоянии освоить "освободившиеся мощности" общественного доверия и он начинает возвращаться на круги своя.

Можно предположить, что прочность позиций Путина зависит не от его инициатив, а от того, что нет другого значимого субъекта политики. Вопрос не в силе власти, а в слабости оппозиции. Развитие ситуации объективно ставит вопрос о формировании доброкачественной партии национальной буржуазии. Но субъектной активности не отмечено. Ну а те же действующие лица – те же постановки.

С.П.Обухов, кандидат экономических наук. Отношение национального менталитета к ключевым факторам, предопределяющим трансформационный процесс

В преддверии электорального цикла 2007-2008 года важно понять рамочные условия этих кампаний с точки зрения состояния массового сознания. Известно, что выборы будут проходить в условиях низкого уровня общественной авторитетности действующего в России парламентского учреждения. Поэтому важно оценить отношения национального менталитета к другим ключевым факторам, предопределявшим трансформационный процесс.

Спустя 20 лет после начала перестройки начатые М.С.Горбачевым в 1985 году реформы однозначно оцениваются населением как сыгравшие «в целом отрицательную роль» или «значительную отрицательную роль» (56 % оценок в 2005 г.)[1]. При этом мнение, что «было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года», собирает в течение десятилетнего мониторинга Левада-центра от 44 до 58 процентов поддержки среди жителей России[2]. Оценки же (опрос 2005 г.), что после августа 1991 года страна пошла «в неправильном направлении», либо, наоборот, «в правильном направлении», соотносятся как 50 : 25[3]. Эти современные показатели сопоставимы с данными опроса ЦИПКР «на входе» трансформационного процесса (1989 г.), когда соотношение подобных показателей было 44 : 28[4].

О распаде Союза сегодня сожалеют почти две трети граждан (62%), не сожалеют – 28 процентов. Восстановить Советский Союз и социалистическую систему хотели бы 60 процентов россиян, опрошенных Лева-

да-центром в 2006 г.[5] Таким образом, можно заключить, что в обществе доминируют мнения о неправильно выбранном направлении транзита. При этом, оценивая ход и исход, т.е. «качество» перемен в российских общественных преобразованиях, граждане все активнее заявляют: «По сути ничего не изменилось», «Казалось, что жизнь изменилась, но все идет по-старому». Если в 1994 году, в начальный период функционирования новой политической системы, таких мнений было 29 процентов, то в 2003 – 60[6]. Значительность перемен признается общественным мнением в связи с исчезновением дефицита (1994 – 76, 2003 – 74 %), ростом безработицы (соответственно 81 и 76), ослаблением единства России (73 и 77), обнищанием людей (81 и 86), ростом коррупции и анархии (66 и 75). Здесь установился фактически общенациональный консенсус. Но возникает вопрос: стоило ли ради исчезновения дефицита допускать обнищание, распад страны, рост коррупции и анархии?

Более того, как показало исследование ЦИПКР, в начале и конце исследуемого процесса проявляются те же негативные морально-политические характеристики общественного состояния. Если в 1989 году 71 процент граждан видели доминирование в обществе «разговоров, слов» и «тенденций к беспорядку, разрушению, хаосу», то в 2004-м накопление этих отрицательных ощущений было отмечено у 61 процента россиян[7].

Лозунги свободы предпринимательства, либерализации рынка и приватизации, под которыми в конце 80-х годов XX века начинался российский демократический транзит, к середине первого десятилетия XXI века трансформировались в решительное общественное требование пересмотреть итоги перераспределения собственности. Причем «полностью пересмотреть» результаты приватизации и вернуть под государственный контроль важнейшие отрасли и предприятия к 2005 году высказывали 59 процентов граждан и только 12 – призывали «принять результаты приватизации такими, как они есть»[8]. Мнение о том, что «проверка законности приватизационных сделок и в случае необходимости их пересмотр улучшит положение дел в стране» разделяли, по опросу 2004 года ИКСИ РАН и Фонда Эберта в РФ, 73 процента граждан[9].

Отношение к необходимости продолжения экономических реформ (без уточнения их содержания) носит устойчиво противоречивый характер. Если в начале первой думской легислатуры (ноябрь 1994 г.) соотношение сторонников и противников их продолжения было 30 : 26[10], то и к середине четвертой (март 2006) сохранилось примерно таким же – 35 : 27[11].

Серьезно не улучшилось и отношение россиян к собственной жизни. Если в середине третьей думской легислатуры (март 2002 г.) 41 процент из них заявляли, что не могут приспособиться к нынешней жизни и ограничивают себя в большом и малом, а только 26 – объявляли, что им удалось использовать новые возможности и добиваться большего, то и к середине четвертой думской легислатуры соотношение этих категорий граждан осталось подобным – 36 : 29. При этом о терпимой жизни в условиях необходимости постоянно «вертеться» заявляли, соответственно в начале первой и в конце третей думской легислатуры, 26 и 29 процентов россиян. Заметно стало лишь некоторое увеличение слоя тех, кто говорит, что «все не так плохо, и можно жить» – с 11 до 26. Произошло также сокращение слоя лиц объявляющих: «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – с 39 до 24 процентов[12].

Однако позитивная самооценка материального положения все равно сопровождается ухудшением показателей социального оптимизма. Если в начале функционирования Государственной Думы (ноябрь 1994 г.) 30 процентов граждан полагали, что в течение ближайшего года никакого улучшения жизни не произойдет, то к середине четвертой думской легислатуры (март 2006) таковых насчитывалось уже 50[13]. Причем соотношение неуверенных и уверенных в завтрашнем дне в мае 2005 года было – 64 : 34 процента[14].

Сходны параметры в оценке политической обстановки в России на «входе» и «выходе» анализируемого политического процесса. Как «напряженную» и «критическую, взрывоопасную» в ноябре 1994 года ее оценивали 42 процента респондентов, в марте 2006 – 54. Конечно, этот показатель стал несколько ниже, чем, скажем, в период размаха антимонетизационных выступлений в январе-марте 2005 года (63 %). А также существенно ниже, чем перед реализацией политической операции «Преемник» по передаче власти от Б.Н.Ельцина к В.В.Путину: в ноябре 1999 года этот индекс напряженности составлял 91 процент. Или в период попытки роспуска Государственной Думы и отмены президентских выборов в марте 1996 года – 89.

При этом, если готовность участвовать в массовых протестных выступлениях в ноябре 1994 года декларировали 21 процент россиян, то в марте 2006 – 26. Этот показатель «на выходе» анализируемого политического процесса сопоставим с данными сентября 1993 года, в момент политического кризиса, завершившегося насильственным прекращением деятельности Съезда и Верховного Совета РФ. Он соответствует также уровню готовности к протестным выступлениям, зафиксированной на пике антимонетизационных действий в начале 2005 года

и после дефолта 1998, в процессе всероссийской акции протеста профсоюзов и левых[15].

Дискредитированными оказались лозунги политической либерализации. Так, серьезно трансформировалось отношение к свободе печати. Если к моменту созыва «всевластного» Съезда народных депутатов в 1989 году 38 процентов респондентов считали, будто печать, радио, телевидение вполне заслуживают доверия, то к моменту учреждения Государственной Думы в 1994 году такого мнения придерживались уже 27, а в конце третьей думской легислатуры (2003 г.) – только 22. При этом доля граждан, полагающих, что масс-медиа «не вполне» и «совсем не заслуживают» доверия, составила соответственно 46, 55 и 68 процентов[16].

Ценность политического плюрализма, которая рассматривалась в начале реформ как основополагающая для политических перемен в стране, на «выходе» анализируемого политического процесса серьезно трансформировалась. Если мнение (по данным Левада-центра) о том, что России нужна только «одна всенародная партия, постоянно стоящая у власти», в феврале 1994 года разделяли 16 процентов россиян, то в феврале 2001 – уже 27. Столько же в начале XXI века соглашались иметь в стране лишь две-три хорошо организованные массовые партии[17]. Результаты исследований ФОМ дают сходные данные. За реальную многопартийность («Нужны три и более партий») высказались в июне 2006 года 26 процентов россиян, в поддержку однопартийной системы – 24, двухпартийной – 17. При этом 12 процентов заявляли, что политические партии не нужны[18]. Таким образом, от безбрежного политического плюрализма общественное сознание пришло к поддержке идеи либо однопартийности, либо двух-, трехпартийности.

По общему соотношению нынешних позитивных и негативных оценок (данные Левада-центра) правящая «Единая Россия» (43:33 %) далеко отстала от КПСС времен ее господства (63:26). Причем роль «ЕР» кажется сегодня наиболее полезной самым молодым людям (47:20), тогда как наиболее негативной – самым пожилым (33:44 %). Аналогии, порождаемые монопольным положением этих партий, вынуждают вспомнить, что не конкуренция, а именно универсальная монополия обусловила в свое время внутреннее разложение и крах всемогущей советской партии[19].

Пожалуй, вся нынешняя политическая стабильность в России держится на высоком уровне одобрения и доверия к деятельности президента В.В.Путина. Его рейтинг, по данным различных служб, стабильно выше 70 процентов. Вместе с тем очевидно, что «фактор Путина» перестанет действовать к началу 2008 года, когда истекут его полномочия

главы государства. И здесь видны серьезные проблемы для возрождения его лидерского феномена в постпрезидентской ипостаси. Путин – безусловный лидер лишь до тех пор, пока занимает высшую государственную должность. Общепризнанно: оказывать влияние на политику после отставки можно либо с помощью политических институтов, либо через моральный авторитет. Но все политические институты в России, кроме президентского, делегитимизированы в массовом сознании. А примеров влияния на политику с помощью морального авторитета 20 последних лет трансформации не дают. О многом говорит само «качество» – внутренняя наполняемость нынешнего, вроде бы высокого, рейтинга президента. Например, разница в массовых оценках успешности и неуспешности деятельности Путина, связанной с решением ключевых проблем, как оказалось, имеет отрицательное значение. Особенно в таких сферах, как «наведение порядка в стране» (- 8), «подъем экономики, рост благосостояния граждан» (- 31), «защита демократии и политических свобод граждан» (- 10), «политического урегулирования в Чечне» (- 34). В позитиве только баланс оценок деятельности главы государства на международной арене (+ 34) и разгроме боевиков в Чечне (+ 25)[20]. Конфигурация эта во многом подобна восприятию в народе деятельности президента СССР М.С.Горбачева на исходе 80-х годов XX века...

Весьма критична в массовом сознании и оценка реформ, проводимых В.В.Путиным. Так, негативный расклад оценок вызывают изменения в системе партийного строительства (- 9), реформы образования (- 15), здравоохранения (- 21), социальной сферы в форме монетизации льгот (- 24), пенсионной системы (- 12), ЖКХ (- 51). В позитиве только оценка военной реформы (+8) и изменения в системе выборов губернаторов (+3)[21]. Такое отношение общественного мнения закладывает возможность для стремительной переоценки деятельности, кардинального изменения положения В.В.Путина в системе рейтингов доверия и одобрения. И все это – в условиях низкого уровня общественной поддержки правительства, Государственной Думы, силовых и правоохранительных структур – несет потенциальную угрозу политической дестабилизации.

---

[1] Итоги «перестройки»: 20 лет спустя. 11.03.2005 // http://www.levada.ru/press/2005031100.html

[2] Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения //Вестник общественного мнения. Данные анализ. Дискуссии. 2003, №1 С. 14.

[3] Россияне о событиях августа 1991 г. //http://www.levada.ru/press/2005081801.html

[4] Обухов С.П. Российский парламентаризм – М.: Русский летописец, 2006. С.33.
[5] 11.04.2006. Социально-политическая ситуация в России в марте 2006 г. // http:/ /www.levada.ru/press/2006041104.html
[6] Левада Ю. Ук.ист. С.9.
[7] Политическая социология. Искушение двухпартийностью... – М., 2004 С.156-157.
[8] 08.12.2005. Социально-политическая ситуация в России в ноябре 2005. (http:/ /www.levada.ru/press/2005120801.html)
[9] Здравомыслов А. Представления россиян об ответственности экономической элиты перед обществом //Вестник общественного мнения: 2004, №6. С.51.
[10] Информация: результаты опросов //Там же. С.76.
[11] Ук. ист. 2006, №2. С. 78.
[12] Там же.
[13] Ук. ист. 2004, №6. С.76-80; 2006, №2. С.74-78.
[14] Левада Ю. Парадоксы и смыслы «рейтингов». Попытка понимания //Там же. 2005, №4. С.11.
[15] Осеннее настроение россиян. 11.10.2006. //http://www.levada.ru/press/ 2006101105.html
[16] Дубин Б. Массовые коммуникации и коллективная идентичность //Вестник общественного мнения: 2003, №1. С. 19.
[17] Зоркая Н. Думские выборы 1993 – 2003 гг. К проблеме социальной цены постсоветского «партийного строительства» //Ук. ист.: 2004, №4. С. 23.
[18] Президент с партбилетом: плюсы и минусы. //http://bd.fom.ru/report/map/ d062711
[19] 12.01.2005. Социально-политическая ситуация в России (декабрь 2004). http:/ /www.levada.ru/press/2005011203.html
[20] Левада Ю. Парадоксы и смыслы «рейтингов»... С.14.
[21] 13.09.2006. Социально-политическая ситуация в России в августе 2006 г. http:/ /www.levada.ru/press/2006091302.html

В.К.Коломиец, К.Ф.Колесникова, кандидаты исторических наук; С.П.Обухов, кандидат экономических наук. О прогностических моделях развития электоральной ситуации в 2007 году

В сущности предвыборная работа в стране активно – на уровне разгара кампании 2003 г. – ведется с начала 2006 г. Так что она уже успела «отжать» из электоральной ситуации если и не все, то очень многое «лишнее», что можно было убрать путем массированной PR-кампании. Избирательная обстановка лета 2006 г. близко подошла к ситуации, реально возможной на выборах 2007 г.

Электоральные рейтинги политических партий: общефедеральная картина

В настоящее время рейтинги ведущих общественно-политических сил стабилизировались. По данным на лето 2006 г. ведущих социологических центров страны, их соотношение выглядит следующим образом (табл.1).

Таблица 1

Вопрос: Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу, за какую из перечисленных партий Вы, скорее всего, проголосовали бы *(%)*?

Партия	Выборы 2003 (данные ЦИК РФ)		Левада-центр, 19-22.06.06		ФОМ (Ослон), 24-25.06.06	
	От общего числа опрошенных	От числа проголосовавших	От общего числа опрошенных	От числа намеренных голосовать	От общего числа опрошенных	От числа намеренных голосовать
Единая Россия	21	37,6	26	47	25	46
КПРФ	7	12,6	10	19	9	17
ЛДПР	6	11,5	5	10	6	11
Родина (Бабаков)	5	9,0	1	3	2	4
За достойную жизнь (Глазьев)	-	-	3	2	*)	*)
СПС	2	4,0	1	2	1	2
Яблоко	2	4,3	1	4	1	2
АПР	2	3,6	1	2	1	2
Партия пенсионеров			1	1	2	4
Патриоты России (Семигин)	-	-	*)	*)	*)	*)
Партия жизни			*)	*)	0	0

*) Данные не опубликованы.

Примечание: Данные ФОМ, Левада-центра рассчитаны как от всех опрошенных, так и от числа намеренных голосовать избирателей.

Как видим, **рейтинг «Единой России»** колеблется от 25 до 26 % симпатий всех опрошенных, что соответствует 46-47 процентам голосов намеренных прийти на выборы граждан.

У **КПРФ** поддержка в избирательном корпусе на уровне 9-10 процентов, которая равна практическому выборному результату от 17 до 19 процентов.

Рейтинг **ЛДПР** - 5-6 процентов: при пересчете на определившихся граждан это гарантирует выборный результат в 10-11 процентов.

Партия **«Родина»** пока находится ниже критической черты 7-процентного барьера. Ее поддержка составляет 1-2 процента, что обещает лишь 3-4 от реальных голосов.

Итак, кроме «большой тройки»: «ЕР», КПРФ и ЛДПР – пока не видно реальных соискателей думских мандатов, способных преодолеть семипроцентный барьер.

Описание прогностических моделей

Для построения моделей возможного распределения депутатских мандатов на парламентских выборах 2007 года примем **следующие исходные условия**:

- число избирателей - 108 млн;
- явка избирателей - 60 млн.

Расчет произведем по следующим основаниям:

- результатам, полученным КПРФ на выборах в декабре 2003 года (предполагая повторение в 2007 г. сценария 2003 года);
- рейтингам партий, зафиксированным Фондом «Общественное мнение» по итогам опроса 24-25 июня 2006 года («инерционный сценарий);
- рейтингу «ЕР» и ее заявленной цели получить до трети мандатов;
- гипотетическому пятипартийному составу Думы.

1. Прогностическая модель «Повторение электорального результата 2003 года»

На основании требований частей 1-2 статьи 83 «Методика пропорционального распределения депутатских мандатов» нового Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» определим первое избирательное частное (табл.2). Расчет получаемых партиями-победительницами депутатских мандатов и определение второго избирательного частного представлены в табл.3.

Поскольку закон допускает размеры федеральной части избирательного списка, не превышающие трех депутатов, для нашей модели число мандатов, поступающих к распределению по региональным группам, рассчитывается так: количество мандатов, выпадающих при расчете по «первому избирательному частному», минус 3 мандата. На примере КПРФ это выглядит так: 80 – 3 = 77.

Как видно из табл. 3, для КПРФ «второе избирательное частное» составляет 99 322 голоса. Т.е. «цена мандата» в «среднестатистической» региональной группе составляет примерно 100 тыс. голосов.

2. Прогностическая модель «Инерционный сценарий»

Если предположить, что политическая ситуация в стране будет развивать линейно и инерционно, т.е. сохранится нынешний расклад партийно-политических предпочтений, то на основании данных опроса ФОМ от 24-25 июня (табл.1) можно выстроить следующую прогностическую модель - «Инерционный сценарий».

Таблица 2

Расчет «первого избирательного частного» для модели «Повторение электорального результата 2003 года»

Партии	Кол-во полученных голосов	Число распределенных по новому закону мандатов
ЕР	22779279	239
КПРФ	7647820	80
ЛДПР	6943885	73
Родина	5469556	57
Всего:	42840540	450
Первое избирательное частное	42840540 : 450 = **95201**	

Таблица 3

Расчет «второго избирательного частного» для модели «Повторение электорального результата 2003 года» *(на примере КПРФ)*

Кол-во полученных в декабре 2003 г. голосов	Число распределенных по новому закону мандатов	Второе избирательное частное
7647820	80 – 3 = 77	7647820 / 77=**99 322**

Таблица 4

Расчет «первого избирательного частного» для модели «Инерционный сценарий»

Партии	Рейтинг по опросу ФОМ (в %)	Вероятное количество голосов	Вероятное количество мандатов
Единая Россия	25	27087149	**281**
КПРФ	9	9751374	**101**
ЛДПР	6	6500916	**68**
Другая	3	3250458	
Родина	2	2166972	
АПР	1	1083486	
СПС	1	1083486	
Яблоко	1	1083486	
Против всех	6	6500916	
Потенциальная явка	54	58508242	
Расчет первого избирательного частного	27087149 (ЕР) + 9751374 (КПРФ) + 6500916 (ЛДПР)= **43339439** 43339439/450=**96310**		

Таблица 5

Расчет «второго избирательного частного» для модели «Инерционный сценарий» *(для КПРФ)*

Кол-во полученных в декабре 2003 г. голосов	Число распределяемых по новому закону мандатов	Второе избирательное частное
9751374	101 - 3=98	**99 503**

Таблица 6

Расчет возможного количества мандатов в случае выборов в Государственную Думу *(По данным опросов Левада–центра)*

Партия	Март 2006		Апрель 2006		Июнь 2006		Расчет мандатов по стратегии «ЕР»	
	%	Кол-во мандатов	%	Кол-во мандатов	%	Кол-во мандатов	%	Кол-во мандатов
Единая Россия	41	236	51	283	47	278	51	302
КПРФ	15	87	19	106	19	113	12	71
ЛДПР	15	87	11	61	10	59	13	76
Родина	7	40	2	-	-	-	-	-

Определение «первого избирательного частного» представлено в табл.4, а «второго избирательного частного» – в табл.5.

Как видно из табл. 5, для КПРФ «второе избирательное частное» составляет 99 503 голоса, что несколько выше при повторении варианта 2003 года. Однако, обобщенно говоря, и при этом сценарии «цена мандата» в «среднестатистической»региональной группе составляет примерно 100 тыс. голосов.

3. Прогностическая модель «Достижение политических целей «Единой Россией»

Если предположить, что правящая партия «Единая Россия» добьется на выборах 2007 г. заявленных ею целей и получит необходимое конституционное большинство, т.е. две трети мандатов, то прогностическая модель в данном случае будет выглядеть таким образом.

Прежде всего сразу уточним: при сегодняшнем раскладе партийно-политических сил (табл.1) «Единая Россия» не может сохранить нынешнее статус-кво в следующей Думе. В случае прохождения в парламент четырех партий, она получает, например, чуть более 50 процентов ман-

датов (52%). Даже при трехпартийной Думе и нынешнем своем сверхвысоком рейтинге «ЕР» все равно, даже с учетом электоральной премии, не дотягивает до конституционного большинства. Расчет показывает, что такое большинство ей гарантирует только получение чуть более 60 процентов мест в Думе, но никак не дает искомые две трети мандатов (табл.6).

Для получения двух третей мандатов в Думе «ЕР» необходимо реализовать следующее условие: КПРФ и ЛДПР должны в сумме получить не более 25 процентов голосов (тем более, что не только влиятельная КПРФ, но и сильная ЛДПР Кремлю не нужны). Остальные 25 процентов требуется распылить между всевозможными партиями-обманками, дабы они составили так называемую электоральную премию, за счет которой и будет увеличено присутствие «ЕР» в Думе.

Стратегия «ЕР» очевидна: чем ниже будет ее собственный рейтинг, тем ниже следует опустить электоральный результат КПРФ и ЛДПР, и тем больший процент голосов потребуется распылить между партиями-обманками, не преодолевающими 7-процентный барьер.

Поэтому вполне можно предположить, что аналитики партии власти ведут расчеты предвыборной стратегии и пропагандистских кампаний со ставкой на предельное ужимание электорального влияния КПФР с 19 до 12-13 процентов, а затем - и на сдерживание ЛДПР.

По закону Дума должна быть двух-трехпартийной, и партии-победительницы должны набрать не менее 60 процентов голосов. В этом случае, если КПРФ и ЛДПР получают хотя бы по 7 процентов, то «Единая Россия» сохраняет всего лишь свой нынешний рейтинг в 46-47 процентов голосов. Именно такого рода электоральную картину, выбиваясь из ряда данных других Центров, устойчиво показывают опросы правительственного ВЦИОМ.

При этом варианте, чтобы существующих 27 млн голосов хватило для получения 300 мандатов, «первое избирательное частное» должно составлять эти самые 27 млн, разделенные на 300 мандатов, т.е. 90 тыс. голосов. Тогда все три партии-победительницы на выборах 2007 года обязаны набрать 40,5 млн голосов (450 х 90 тыс.). Т.е. на КПРФ и ЛДПР должно остаться 13, 5 млн голосов (40,5 млн – 27 млн голосов), т.е. 23 процента электората. А значит, даже в лучшем случае КПРФ сможет лишь повторить свой результат 2003 г., а ЛДПР – ухудшит его до 10 процентов.

С точки зрения электоральных расчетов, реализация стратегии «ЕР» на получение конституционного большинства даже в лучшем случае обернется для КПРФ и ЛДПР возможностью повторения результата

2003 года (см. сценарий в разделе 2.1). Хотя это и снижает «цену мандата» до 90 тыс., воспользуется этим только «Единая Россия». Общая же масса голосов за КПРФ и ЛДПР ужмется.

4. Прогностическая модель «Пятипартийная Дума»

Принципиально ничего не изменит в электоральном раскладе реализация сценария «Пятипартийная Дума». Суть его отличия от предыдущих состоит в том, что различные группы влияния в Кремле просто захотят в данном случае получить свои выводные парламентские структуры помимо «Единой России». Например, в Думу может пройти Партия жизни спикера Совета Федерации Миронова или контролируемая одной из кремлевских башен «Родина» Бабурина, т.е. «Народная воля». В этом случае конституционное большинство для партии власти – в сумме - составят «Единая Россия», Партия жизни (или Партия пенсионеров) и «Родина» – «Народная воля» Бабурина.

Такая теснота будет означать повторение ситуации 1999 г., когда электоральная премия сократилась до 15 процентов "распыленных" голосов.

Итак, примем, что «ЕР» получает свои 47 процентов голосов, ЛДПР – 10, Партия жизни (или Партия пенсионеров) и «Родина» – «Народная воля» по 7-8 процентов. В сумме это 71-73 процента. Тогда на долю КПРФ останется всего10 процентов, о чем уже объявлено кремлевскими аналитиками.

В итоге при явке в 60 млн человек за партии-победительницы проголосуют 49,8 млн человек. И в этом случае «первое избирательное частное» составит 49,8 млн / 450 = 110, 6 тыс. голосов.

Таким образом, сценарий пятипартийной Думы является самым неблагоприятным для представителей региональных групп любой партии, так как повышает «цену мандата» со средних 100 тыс. до 110 тыс. голосов.

Е.Б.Шабарова, кандидат политических наук. Манипуляция в политической рекламе: проблема и практика спецтехнологий

Во время предвыборных баталий, как правило, активно используются специальные средства для достижения особо значимых - или, как говорят, прорывных - политических целей. К ним относятся не только технологии распространения всевозможных слухов и компромата на конкурентов, но и специальные манипулятивные технологии. Речь идет о своего рода антирекламе, о технологиях направленных зачастую на то, чтобы принудить человека не потреблять данный "товар" - партию, лидера, идею. Для того чтобы понять сущность феномена манипуляции, необходимо сначала рассмотреть его происхождение, выделить признаки, присущие данному явлению, и дать ему определение.

В "Кратком энциклопедическом словаре-справочнике" упоминается французское *manipulation* (махинация[1]), а в "Кратком психологическом словаре" термин возводится к латинскому *manipulatio,* т.е пригоршня, горсточка, ручной прием[2].

Е.Л. Доценко в своей книге "Психология манипуляции" более подробно разбирает происхождение термина "манипуляция". Он считает, что его прародитель – латинское *manipulus*, которое имеет два значения:

а) пригоршня, горсть *(manus* — рука + *ple* — наполнять);

б) маленькая группа, кучка, горсточка *(manus* + *pl* — слабая форма корня). Во втором значении это слово, в частности, обозначал небольшой отряд воинов (около 120 человек) в римском войске[3].

В Оксфордском словаре английского языка манипуляция *(manipulation)* в самом общем значении определена как обращение с объектами со специальным намерением, особенной целью, как ручное управление, как движения, производимые руками, ручные действия. Например, в медицине это – освидетельствование, осмотр некоей части тела с помощью рук или лечебные процедуры. Специально отмечается наличие ловкости, сноровки при выполнении действий-манипуляций.

Вплотную к указанному значению (в результате расширения сферы употребления) примыкает использование термина "манипуляция" в технике. В первую очередь это искусные действия с рычагами, производимые опять же руками. Сами рычаги и рукоятки нередко называются манипуляторами. По мере усложнения механизмов манипуляторами стали называть имитаторы или искусственные заменители рук - специальные приспособления для сложного перемещения предметов с дистанционным управлением. Их, например, употребляют для загрузки и выгрузки стержней с ядерным топливом.

В переносном же значении Оксфордский словарь определяет манипуляцию, как "акт влияния на людей или управления ими или вещами с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка". Именно в такой трактовке термин "манипуляция" отчасти заменил в политическом словаре ранее бытовавшее там понятие "макиавеллизм" (у Доценко - "макиавеллианизм"[4]). Причем под макиавеллизмом понимается "образ, схема политического поведения, пренебрегающая нормами морали для достижения политических целей. Термин связан с именем итальянского политического деятеля и писателя Н.Макиавелли (1469-1527)[5]".

Можно назвать по меньшей мере две причины такой замены. Во-первых, в научном подходе к данному феномену произошло смещение ведущего акцента с оценочного взгляда на технологический. А, во-вто-

рых, расширился круг явлений, к которым стал относиться термин “манипуляция” - речь идет уже не столько об отдельных политических лидерах, сколько о целых институтах и государственных структурах. В частности, данный термин особенно активно используется сегодня применительно к средствам массовой информации и политическим мероприятиям, направленным на программирование мнений или “пилотирование”, т.е. управление устремлениями масс, на планирование психического состояния населения и т. п. Конечная цель таких усилий - контроль над социумом, его управляемость и послушность.

В политологической литературе, начиная с 60-х годов, подробно дискутировались две большие проблемы. Первая была связана с развенчанием манипулятивной сущности средств массовой информации (в социалистической литературе при этом добавлялось определение “буржуазных” или “империалистических”). Вторая затрагивала практику «промывания мозгов» (brain washing) и была - скажем, в контакте западных исследований - “заземлена” на работу спецслужб Китая и СССР, с которыми столкнулись оказавшиеся в плену участники войн на Корейском полуострове и во Вьетнаме.

В целом же, на протяжении последней трети XX столетия термин «манипуляция» несколько раз переносился в научных и “прикладных” работах из одного семантического контекста в другой, что придало ему в конечном счете высокую и даже избыточную метафоричность.

В настоящее время под объектами действий-манипуляций, как правило, понимаются уже не предметы, а люди. И считается, что сами эти действия выполняются уже не руками, а с помощью совсем иных специальных средств.

В результате манипуляция в переносном значении, если учитывать не только строго научную, но и расхожую популярную терминологию - это стремление «прибирать к рукам», «приручить» другого, «заарканивать», «поймать на крючок». Речь, иначе говоря, ведется о попытках превратить человека в послушное орудие, в том числе - в сфере политических дел.

Однако метафора прибирания к рукам, хотя и предстает стержневым признаком, производным от manipula, не является единственным термином, который описывает принцип психологических манипуляций в политике. К тому же в процессе своего становления этот термин был отягощен и другими качествами.

Так, для манипуляции, как считают современные специалисты, характерны искусность, ловкость, мастерство исполнения. Манипуляция, в частности, предполагает создание иллюзии. Не имело бы смысла называть некое действие манипуляцией, если бы оно совершалось явно. Манипуля-

ция в метафорическом значении предполагает создание иллюзии независимости адресата воздействия от постороннего влияния, иллюзии самостоятельности принимаемых им решений и выполняемых действий.

В целом же полная метафора психологической манипуляции содержит три важнейших признака:

• технологию «прибирания к рукам»;

• иллюзию сохранения самостоятельности решений и действий адресата воздействия;

• искусность манипулятора в выполнении приемов воздействия.

Особую роль эти технологии играют именно в политической рекламе.

“Черный PR”, “спецтехнологии”, “грязные технологии”, “информационные войны”, “снецпропаганда”, “контрпропаганда” - эти понятия все чаще встречаются нам в средствах массовой информации, они обсуждаются на встречах специалистов по избирательным кампаниям, с настороженностью поднимаются во время встреч граждан с потенциальными кандидатами. Здесь и незаконные либо аморальные методы ведения предвыборной войны, которые используются многими кандидатами и технологами, особенно, когда речь идет об управлении общественным мнением. Здесь и особая сфера технологий, зародившихся и разрабатываемых военными и спецслужбами. Здесь и незаконные формы предвыборной борьбы, иногда становящиеся предметом рассмотрения судебной власти.

Хотя большинство этих “спецтехнологий” и методов “контрпропаганды” не являются чем-то совсем новым. Нередко в практику избирательных кампаний они попали из арсеналов военной пропаганды, “психологических” или “идеологических войн” и др.

В той или иной мере и в различных формах некоторые из этих приемов использовались еще на давних этапах развития человечества. Например, уже войска Чингизхана использовали разнообразные слухи, которые распространялись для деморализации населения и войск противника. Во время воины Великобритании с бурами в Южной Африке последние сумели установить связи с Германией, Ирландией, Америкой, Францией и другими странами, в прессе которых целенаправленно создавали образ коварной и жестокой Великобритании, ведущей войну со всеми бурами, включая женщин и детей. Это привело не только к получению ими существенной поддержки мирового общественного мнения, но и помогло наладить поставки оружия и организовать поток добровольцев. Особый эффект производили партизанские действия отдельных групп буров, широкое освещение которых позволило во многом разрушить привлекательный имидж английской армии.

Особое развитие в качестве самостоятельной военной дисциплины пропаганда получила в Первой мировой воине. Например, в США был создан так называемый Комитет Криля, который координировал пропагандистскую работу, направленную как на Германию, так и на население США. Один из наиболее авторитетных специалистов того времени Х.Лассуэлл в книге "Техника пропаганды в мировой войне" описывает задачи пропаганды следующим образом: "Во время войны на пропаганду может быть возложено много задач, например: содействие экономии в пище, мануфактуре, топливе и других предметах; поощрение к покупке займов, к записи в добровольцы, к участию в уходе за ранеными, к поступлению на службу военной промышленности и т.п. Но еще более важная роль пропаганды заключается в том, чтобы возбуждать в гражданах своей страны ненависть к неприятелю; в том, чтобы поддерживать дружественные отношения с нейтральными государствами; в том, чтобы восстанавливать против неприятеля нейтральные государства; наконец в том, чтобы разлагать противника и ослаблять силу вражеского сопротивления".

С теоретической точки зрения, контрпропаганду можно рассматривать в качестве одной из составляющих методов "психологических операций". Например, известный специалист в этой области Д.Волкогонов определял: "Контрпропаганда - особая часть идеологической деятельности...", ...борьба со всем чуждым, враждебным, наносным, со всем, что является антиподом нашей идеологии и морали". В качестве более точного определения задач "психологических операций" можно использовать определение, которое дает Полевой устав армии США: следует вызывать в различных группах населения эмоции, установки или поступки, которые могут способствовать достижению национальных интересов. Психологические операции оказывают влияние на политические решения, способность руководить, способность командовать, волю к борьбе, желание повиноваться, желание оказывать поддержку.

В контексте такой пропагандистской работы, основную задачу избирательных кампаний можно рассматривать как определение тех людей, которые в наибольшей степени соответствуют представлениям населения о защите их интересов в выборных органах власти. С чисто "технологической" точки зрения, избирательные кампании, а точнее, избирательные технологии призваны привести к решению главной задачи - избранию данного кандидата и неизбранию его соперников.

Важнейшим вопросом здесь является законность применения такого рода технологий. С юридической точки зрения технологии, направленные на разрушение позитивного или создание негативного имид-

жа, являются одним из способов ведения предвыборной агитации. Согласно определению, которое используется в документах Центральной избирательной комиссии, предвыборная агитация представляет собой "деятельность граждан Российской Федерации, кандидатов, избирательных объединений, блоков, общественных объединений, имеющая целью побудить или побуждающая избирателя к участию в выборах, а также к голосованию за тех или иных кандидатов или против них". Иначе говоря, с точки зрения закона агитация, имеющая целью побудить граждан голосовать против тех или иных кандидатов, является легитимным и законным видом предвыборной агитации.

Набор такого рода приемов в отечественной политической практике достаточно велик. К "спецтехнологиям", например, можно отнести практику регистрации кандидатов с одинаковыми фамилиями, именами и отчествами ("двойники", "клоны"), имеющую целью отвлечь голоса избирателей от "оригинальных" кандидатов, обладающих информационно раскрученными именами. Так, например, на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга появились двойники кандидата С.Сергеева - разные "Сергеевы", например: один - безработный, а другой - военный пенсионер.

При этом сама технология использования "клонов" связана с предположением, что избиратели не разберутся, какой из однофамильцев является "оригинальным", и проголосуют за того, кто скажем, идет первым по алфавитному списку. При этом первым часто оказывается именно "клон" или "двойник".

Доходит до того, что во время тех же выборов в Санкт-Петербурге появился "клон" уже не конкретного кандидата, а целого избирательного объединения - объединения "Яблоко", под названием "Яблоко - Санкт-Петербург". И тем не менее, на момент их использования подобные действия не являлись нарушением избирательного законодательства.

Выборы 2003 года оказались отмечены здесь своего рода рекордом - появлением избирателей с фамилией "КПРФ", поведших критику компартии.

Хотя, используя "спецтехнологии" и "контрпропаганду", инициаторы подобных спецопераций нередко все-таки оказываются в положении нарушителей тех или других статей избирательного законодательства. Например, широкое распространение в российских выборных кампаниях получили мероприятия по срыву выборной работы других кандидатов. Такого рода деятельность происходит в различных формах:

а) нарушение циклов производства и распространения агитационной продукции кандидатов, в том числе - умышленное уничтожение их агитационной печатной продукции;

б) проведение мероприятий, имеющих целью помешать публичным выступлением кандидата, например их встречам с гражданами, пресс-конференциям, круглым столам и т.д.;

в) акции, нарушающие работу избирательной команды кандидата;

г) уже упомянутая регистрация кандидатов с одинаковыми фамилиями, именами и отчествами ("двойники", "клоны").

Уничтожение агитационной печатной продукции особенно широко распространено как в российских, так и зарубежных избирательных кампаниях. Хотя, как в России, так и за рубежом, такого рода действия квалифицируются как незаконные.

В частности, известны случаи давления и подкупа работников типографий и редакций газет с целью нарушения циклов производства и распространения агитационной продукции кандидатов.

Встречаются также попытки помешать под теми или иными предлогами проведению публичных мероприятий с участием кандидатов.

Мероприятие по срыву выборной деятельности нередко связаны с различными приемами из практики "контрпропаганды", которые направлены на разрушение позитивного и создание негативного имиджа кандидатов.

Анализ электоральной практики показывает, что в каждой российской избирательной кампании (как федерального, так и регионального уровня) все чаще встречаются те или иные формы "спецтехнологии". Однако было бы заблуждением считать, будто такие приемы в большей степени свойственны России, чем другим странам.

В таких странах, как Великобритания и США на деятельность но контрпропаганде ассигнуются значительные суммы из бюджета избирательной кампании. Например, во время американских президентских выборов 1980 года, по некоторым оценкам, было истрачено от 3,3 до 4,5 млн долларов на дискредитацию деятельности Д.Картера и шести его сторонников. "Негативные кампании" используются не только на президентских выборах. Например, на выборах в сенат в 1984 году в Северной Каролине кандидаты Д.Хелмс и Д.Хант привлекли внимание интенсивным использованием "негативной рекламы".

Одним из первых широко известных случаев использования методов "негативных кампаний" стали рекламные ролики, которые пустили в ход демократы на выборах 1952 года в США, в которых Д.Эйзенхауэр обвинялся в коррупции, а ролики делали акцент на том, что он не выполняет обещаний.

А во время кампании Р. Никсона были специально наняты люди для того, чтобы беспокоить противника с помощью различных "грязных трюков": заказывалось огромное количество пиццы на имя кандидата, на

встречах кандидатов с избирателями появлялись люди в одежде Микки Мауса, превращая мероприятия в балаган, и т .д.

Хрестоматийный, можно сказать, характер в условиях России имела нацеленная против Ю.М. Лужкова контрагитационная кампания, открытая на телевидении С. Доренко. Который с жесткой последовательностью использовал против одного их самых видных представителей российской политической элиты весь отработанный потенциал пропагандистских технологий, разрушающих образ политика.

В целом российская, как и мировая политическая практика, обладает сегодня обширным спектром конкретных методов, направленных на разрушение позитивного и создание негативного имиджа.

"Перенос неодобрения". Метод состоит в создании атмосферы неодобрения вокруг определенных людей, действий или идей. Для этого информационно выпячиваются группы граждан, которые - поддерживая данных кандидатов, их идеи или действия - сами относятся к числу лиц, имеющих очень низкое доверие в обществе: их в народе боятся, ненавидят или презирают. Образ кандидата при этом как бы марается негативными чертами имиджа таких его сторонников. Происходит эмоционально-политическое "заражение" всей его кампании.

Скажем, на выборах 1996, 1999, 200 годов коммунисты упорно старались отождествлять кандидатов от партии власти с Чубайсом - наиболее раздражающей фигурой в российской элите.

А в преддверии выборов 2003 года такая же технология была использована сразу против двух главных участников кампании. В частности, была проведена операция по отожествлению КПРФ с Б. Березовским и олигархами, которая в случае удачи могла бы буквально взорвать образ Компартии, особенно в ее собственной массовой базе. Однако операция не полностью удалась. Практически одновременно велась и кампания по ассимиляции образа "Единой России" с образом бюрократии и прослойкой "новых русских" - самыми нелюбимыми в стране социальными категориями. Однако и она имела только частичный успех. В целом предвыборные позиции КПРФ и "Единой России" оказались достаточно стабильными.

"Перенос негативного образа". Метод состоит в проекции негативных качеств человека или какого-либо объекта и предмета, а также отрицательных моральных ценностей - индивидуальных, групповых, внутриорганизационных, национальных и т.д. - на другого человека, партию или идею для того, чтобы дискредитировать их.

Например, во время избирательной кампании 1986 г. во Франции

социалисты выпустили контрпропагандистский плакат с изображением волка с длинными зубами и надписью: “А почему, милые правые, у вас такие большие зубки?”.

В России же, скажем, во время выборов в Свердловской области, была распространена газета, в которой публиковались фотографии кандидата на пост губернатора области и его же фотография, подвергнутая компьютерному монтажу, который делал его похожим на Гитлера (были добавлены характерные прическа и усы). Между двумя фотографиями располагался знак равенства.

Впрочем, подобные технологии иногда оказывают и обратимое воздействие. Так, привычным приемом, направленным против КПРФ, всегда было отожествление ее с И.В. Сталиным, и тем самым - с жестокостями сталинской поры. Однако по ходу кризисного общественного развития 90-х годов XX столетия взгляд россиян на личность Сталина начал резко меняться в позитивную сторону. И подобная агитация стала лишь играть на руку компартии.

“Наклеивание ярлыков”. Метод состоит в эксплуатации предрассудков и стереотипов населения с помощью “наклеивания ярлыка” на объект контрпропаганды. Цель - квалифицировать этот объект, как нечто, чего аудитория боится, ненавидит, к чему испытывает отвращение, что находит подозрительным или нежелательным и др.

Например, анализ речей спикера палаты представителей США Н.Гингрича показал, что для описания своих оппонентов (из демократической партии США) он использовал набор следующих негативных слов: “жалость”, “обманывать”, “принуждение”, “обвал”, “падение”, “коррупция”, “кризис”, “задержка”, “уничтожение”, “деструктивность”, “поглощение”, “ставить под угрозу”, “неудача”, “провал”, “некомпетентность”, “болезнь”, “предательство”, “бюрократия”, “тратить время”, “радикальность”, “ложь”, “лицемерие” и др.

Однако данная технология для ее эффективности требует постоянного обновления “ярлыков” - они должны иметь свежий, яркий, бьющий в глаза вид. Если этого нет, “ярлыки” теряют вместе со своей свежестью и политическую эффективностью.

Например, в условиях России такие антикоммунистические ярлыки, как “ГУЛАГ”, “репрессии”, “коллективизация”, “цензура”, “диктатура одной партии,” растратили к исходу 90-х годов всякую эффективность.

А в начале уже XXI века, так же утратили свое влияние и обращаемые компартией против ее оппонентов ярлыки, вроде “демократы”, “сионисты”, “прозападники”. Произошло своего рода взаимное погашение ярлыков. И наступило новое состояние - дефицит пропагандистских

образов, - выход из которого стал возможен лишь на путях обновления всего лексического словаря политиков в целом.

"Общественное неодобрение". Используется для создания иллюзии неодобрения тех или иных действий кандидата со стороны общественного мнения. Осуществляется подбором различных высказываний групп влияния, "представителей" различных слоев населения, путем проведения социологических опросов и т.д.

В отечественных условиях устойчивые акции такого рода предпринимаются против КПРФ путем широкой популяризации в СМИ любых случаев откола от компартии отдельных лиц или групп деятелей. Так, массированная пропагандистская кампания оказалась выстроена сначала вокруг демарша трех видных представителей оппозиции Г. Селезнева, С, Горячевой и Н. Губенко в связи с их отказом выполнить решение Пленума КПРФ и покинуть руководящие посты в Государственной Думе, а затем - их исключения из компартии. Устами этих политиков против КПРФ и ее лидера Г. Зюганова была развернута глубоко эшелонированная кампания критики, затронувшая - причем как бы изнутри оппозиции - важнейшие стороны жизни и деятельности КПРФ. Однако, практическая отдача оказалась и тут не велика. Плотно сцементированные годами оппозиционной борьбы ряды компартии, как и ее массовая база, слабо отзывались на данную спецоперацию. В конечном итоге руководство КПРФ даже выиграло, показав себя своим сторонникам в качестве сплоченной и бескомпромиссной, руководящей инстанции (что лидерам компартии давно не удавалось).

"Неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску". При использовании данного метода аудитории предлагается возможность самой делать собственные интерпретации, строя их в негативном ключе. Технология эта нередко с успехом используется против отдельных людей, групп и идей путем эксплуатации общественных стереотипов и массовых латентных подозрений. Например, метод этот нередко использовался в такой форме: "Ну, вы понимаете, на что обычно живут такие чиновники, как N" – с одновременной демонстрацией свидетельств благосостояния данного кандидата.

Типичны здесь все те же кампании 2002-2003 годов по отожествлению КПРФ с кланом олигархов, когда ведущие СМИ запестрели намеками на то, что КПРФ предлагают финансовую поддержку самые разные представители финансового истеблишмента России - от Б. Березовского до М. Ходорковского. Все основывалось на слухах либо политических натяжках типа: если А. Проханов встречался Б. Березовским, то он наверняка просил у него и денег для КПРФ. Либо делались следу-

ющие умозрительные построения: если коммунисты не хотят брать деньги у Б. Березовского, то столько, сколько мог бы выделить он, способен им предложить лишь М. Ходорковский. Верить или не верить этому оставалось на долю избирателей, след же сомнений и подозрений оставался.

"Имитационная дезинформация". Метод состоит во внесении таких изменений в пропаганду противника, которые способны придать ей другое направление либо снижают к ней доверие, сообщают ей самой негативный образ. Например, выпускаются листовки с избирательной программой и дизайном листовок другой стороны, включая в эту программу положения, не приемлемые для решающей части электората.

Скажем, на выборах 2003 года оказались отмечены выпуском "черной" - в отличие от красной (по цвету негатива) издаваемой КПРФ - газеты "Правда", имевшей наступательно-антикоммунистический характер.

Другим способом применения данного метода является выпуск листовки за подписью кандидатов с сообщением о снятии им своей кандидатуры. Как правило, данное мероприятие проводится в последний день, разрешенный для агитации, что не оставляет "избирательной команде", против которой было направлено такое действие, времени на организацию широкомасштабного опровержения.

"Использование пугающих тем и сообщений". Вселяющие тревогу и страх темы и сообщения остаются одним из самых эффективных средств воздействия на целевую аудиторию. Контрпропаганда, используя этот метод, стремится представить избрание того или иного кандидата в качестве угрозы для жизни, безопасности и благосостояния граждан, как угрозу устойчивости для всей социальной системы общества в целом и т.д. Так, во время избирательной кампании в США в 1964 г. Л. Джонсона использовался телевизионный ролик с маленькой девочкой, которую уничтожал ядерный взрыв, ассоциировавшийся с его конкурентом Б.Голдуотером. Во Франции правые выпускали брошюры типа "Теряешь лишь раз в жизни", которая несла антисоциалистическую направленность. На обложке изображался крестьянин, заключенный в стилизованную под тюрьму избирательную урну, а брошюра пугала обобществлением собственности, потерей продуктивности сельского хозяйства, оболваниванием детей в контролируемых коммунистами сельских школах и т.п.

Во время избирательной кампании 1996 года в России против Г.Зюганова использовались листовки со слоганом "Купи еды в последний раз"[6]. Широко распространялась и газета "Не дай Бог!", возродившая на своих страницах практически весь набор страхов перед компартией.

Одним из наиболее известных и эффективных недавних примеров такой "контрпропаганды" стал фильм "Заговор", который демонстри-

ровался в 2003 году по местному телевидению во время выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга и был направлен против кандидатов объединения "Яблоко". Этот фильм делал акцепт на проамериканской позиции Г.Явлинского и связывал его с А.Чубайсом. В качестве угрозы здесь использовались перспективы "раздела России" и "продажи национального достояния". А в качестве способа, как избежать такой опасности, подавалось голосование против кандидатов "Яблока".

"Псевдологические выводы". Метод состоит в использовании неправильных логических выводов. Например, на основе факта поддержки кандидатом идеи увеличения вмешательства государства в экономику и того факта, что коммунисты также выступают за вмешательство в экономику, делается вывод, что кандидат является коммунистом. Либо призыв кандидата к борьбе за сохранение национальных традиций и развитие реальных возможностей для граждан всех национальностей подается как его склонность к профашистским ценностям. Разновидностью данного метода является его сочетание с выборочным подбором информации, когда логические выводы делаются на основе специально просеянного и ограниченного массива информации. В избирательной кампании этот метол особенно часто используется при проведении различных социологических опросов.

"Использование контраста". Суть метода состоит в подборе тех или иных фактов, сведений и образов, на фоне которых оценка определенных элементов имиджа кандидата принимает заданный политический оттенок. Такого рода подбор может осуществляться на макроуровне - с использованием идей и тем, широко обсуждаемых в СМИ. Так, в России достаточно распространены ссылки па зарубежный опыт, ту или иную практику в других странах, после чего проводится сравнение с ситуацией в нашей стране. Специальный подбор таких "течек совпадения" и "точек расхождения" формирует мнение о неправильности тех или иных действии, несоответствии отечественной ситуации общемировой практике. Или, напротив -ее соответствии этому опыту. Такой подбор может осуществляться и на микроуровне - в одной статье, телевизионном сюжете, листовке.

Во время выборов губернатора Свердловской области команда одного из претендентов выпустила листовку с фотографиями двух кандидатов. Фотография основного претендента несла четкий положительный образ; фотография же действующего губернатора, напротив, была подобрана посредственно и плохого качества, - в частности, в изображении преобладал отталкивающий красный цвет. Иллюстрации эти сопровождала надпись: "Молодым везде у нас до-

рога, старикам везде у нас почет", делающая акцент на молодость соперника.

"Использование слухов". Слухи представляют собой отдельный специфический тип коммуникации. Основные особенности, определяющие их контрпропагандистское использование, - принципиальная анонимность и "непересекаемость" с темами средств массовой информации. В качестве носителя контрпропагандистских тем слухи могут существенно усилить те или иные латентные стереотипы и представления электората.

Вместе с тем, политический опыт накопил и немалый спектр технологий, направленных на нейтрализацию проанализированных приемов контрпропаганды.

"Прямое опровержение". Метод состоит в прямом опровержении различных пунктов пропаганды соперника. Без дополнительных мероприятий этот метод редко бывает эффективен. Прежде всего, это связано с психологическими особенностями восприятия человека: разрушить создавшийся стереотип значительно сложнее, чем создать новый.

Например, одним из пропагандистских новшеств в преддверии думских и президентских выборов 2003-2004 годов стало обвинение Г. Зюганова в том, что, практически выиграв выборы 1996 года: мол, за него на самом деле проголосовало больше россиян, чем за Б. Ельцина, но результаты оказались подтасованы - он молодушно отказался оспаривать фальсифицированный официальный результат. Анализ ситуации показал, что, вступи КПРФ в эту полемику, и партия попала бы под двойной удар. С одной стороны, признавая свою реальную победу, КПРФ признавалась в трусости и беспринципности. С другой – опровергая свою победу в 1996 году, она как бы лишний раз публично расписывалась в поражении. Занятая же руководством КПРФ позиция типа "мы знаем, что победили, но не хотели развязывать гражданскую войну, протестуя против "подлога", отчасти, но нейтрализовала ударную силу использованного против компартии хода.

"Игнорирование". Состоит в игнорировании тех или иных тем пропаганды противника. Несмотря на тривиальность метода, он бывает достаточно эффективен, особенно в случае незначительности поднятой темы или недостатка ресурсов для ее раскрутки в СМИ. Это испытанный метод действия любой оппозиции.

Однако здесь прослеживается и своего рода порог допустимого умолчания.

Надо учитывать, что большинство избирателей той же КПРФ, около 50-60 процентов, черпают политическую информацию именно из тех электронных СМИ, которые чаще всего являются каналами распрост-

ранения всех направленных против Компартии пропагандистских акций. Такая информационная зависимость, не будучи нейтрализована контрпропагандистскими усилиями самой КПРФ, рано или поздно начинает давать плоды. Первоначально они выступают в виде требований околопартийной массы "дать отпор клевете". А затем, в случае молчания партии (или ее неспособности довести до своих сторонников точку зрения), - рождают мнение будто, "тут что-то есть". Начинается эрозия образа партии. Если же она и дальше остается без внимания, в социальной опоре партии и ее членской массе возникают трещины, отколы, расползание.

"Отвлекающая пропаганда". Метод состоит в отвлечении и переносе внимания аудитории с тем пропаганды противника на другие темы. Эти темы могут быть связаны с избирательной кампанией соперника, а могут быть и произвольными, представляющими интерес для общественного мнения.

Блестящий пример такой технологии - переключение в 2003 году массового внимания с предложений КПРФ, выносимых ею на референдум: национализация земли, недр и ключевых отраслей промышленности, ограничение платы за жилье 10 процентами семейного дохода; приведение минимальной заработной платы в соответствие с прожиточным минимумом и пр. - на скандал вокруг контактов оппозиции с Б.Березовским.

Идеи референдума, одобрявшиеся 80 процентами населения и обещавшие КПРФ огромный прилив массовой поддержки, оказались информационно затертыми и оттесненными на периферию информационного потока. Что оставило коммунистов в канун открытия избирательной "гонки" без самого многообещающего пропагандистского довода.

"Уменьшение значимости темы". Метод основан на переносе пропагандистских акцентов с проблемы в целом на некоторые ее второстепенные элементы, обладающие "меньшей негативностью". Используется совместно с методом отвлекающей пропаганды.

"Превентивная пропаганда". Метод состоит в опережающей активизации пропагандистской темы, которая может быть использована противником (конкурентом), с одновременным изменением и смягчением данной проблемы в нужную сторону. В избирательных кампаниях эта технология нередко используется в виде прогнозов применения соперниками "нечестных методов" ведения борьбы. Встречаются случаи выдвижения очевидно надуманных обвинении к своему кандидату с последующим широким их опровержением, что дискредитирует любые дальнейшие разговоры на эту тему.

"Ограничительные меры". Состоят в ограничении доступа аудитории к чужой пропаганде или в нарушении работы пропагандистского аппарата конкурента. Хотя такие меры никогда не бывают полностью эффективными. В избирательных кампаниях использование ограничительных мер чаще всего трансформируется в банальный сбор и уничтожение наглядной агитации конкурентов, нарушение циклов производства и распространение пропаганды конкурента.

"Использование контрслухов". В силу специфических особенностей слухов наиболее эффективным методом противодействия им считается использование соответствующих контрслухов.

В этой связи весьма показательна та борьба против инициативы думского импичмента Б. Ельцину, которая была развернута властями в 1999 году. Дума хотела воспользоваться своим законным правом начать процедуру импичмента. Президентская сторона выдвигала целый спектр доводов против, часть из которых облекалась в форму слухов, усиленно тиражировавшихся в СМИ. Среди них выделяются следующие.

1. Ельцин - всенародно избранный президент (умалчивая о том, что его рейтинг на тот момент составлял примерно 3-5 процентов).

2. Оппозиция хочет ввергнуть страну в хаос, а ведь президент - еще и Верховный главнокомандующий. На фоне конфликта на Балканах импичмент опасен - может оставить страну без военного руководства (игнорировался тот факт, что главнокомандующий, в лице Б. Ельцина, вряд ли справился бы со своими обязанностями, случись серьезний конфликт).

3. В случае запуска процедуры импичмента Б. Ельцин отставит Е. Примакова, распустит Думу и т д. В стране наступит экономический коллапс.

4. Ссылка на политический темперамент Ельцина, который «просто так власть не отдаст»: в стране вспыхнет гражданская война.

Весы решения в Думе колебались, однако импичмент не прошел.

"Использование эвфемизмов". Состоит в замене эмоционально окрашенных обозначений тех или иных объектов или фактов на слова, имеющие меньшую эмоциональную окраску или менее понятные. Например, вместо журналистского заголовка "воровство государственных денег" используется выражение "случаи нецелевого использования бюджетных средств".

Рассмотренные приемы ведения политической пропаганды получили широкое распространение в российской избирательной практике не могут не вызвать и поисков противодействия им.

В частности, Государственная Дума приняла поправки к закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в рефе-

рендуме», которые предусматривают ряд мер, направленных против «грязных» технологий. Так, кандидаты-однофамильцы получают право использовать псевдонимы; политическим партиям, выдвинувшим федеральные списки кандидатов, кандидатам, доверенным лицам политических партий, уполномоченным представителям политических партий по финансовым вопросам, уполномоченным представителям региональных отделений политических партий по финансовым вопросам, а также иным лицам и организациям при проведении предвыборной агитации запрещается осуществлять подкуп избирателей: вручать им денежные средства, подарки и иные материальные ценности, кроме как за выполнение организационной работы (сбор подписей избирателей, участие в проведении предвыборной агитации); производить вознаграждение избирателей, выполнявших указанную организационную работу, в зависимости от итогов голосования или обещать произвести такое вознаграждение; проводить льготную распродажу товаров, бесплатно распространять любые товары, за исключением печатных материалов (в том числе иллюстрированных) и значков, специально изготовленных для избирательной кампании; оказывать услуги безвозмездно или на льготных условиях, а также воздействовать на избирателей посредством обещания им денежных средств, ценных бумаг и других материальных благ; запрещено оказание материальной помощи и услуг избирателям (т.е. прямая покупка голосов), накануне и в день голосования запрещается реклама коммерческой и иной деятельности кандидатов или организаций, к которым они имеют непосредственное отношение[7].

В сентябре 1999 г. была принята Хартия "Политические консультанты за честные выборы" и подписана "**Декларация российских журналистов в поддержку свободных и честных выборов"**[8].

В недрах же профессионального сообщества политических технологов родилась идея лицензирования деятельности организаций и специалистов, занимающихся избирательными технологиями. Авторы назвали ее «ОТК для избирательных технологий». Однако отношение к этой идее среди профессионалов неоднозначное. Есть мнение, что подобное лицензирование приведет к монополизации рынка крупнейшими PR-агентствами. Президент РАСО А. Борисов считает, что под видом борьбы с «грязными» технологиями власти стремятся взять под контроль всех политконсультантов. Восемь общественных организаций подписали протест против реализации этой идеи. Тем не менее реальная ситуация на рынке избирательных технологий еще далека от перелома.

За полтора десятилетия постсоветской истории России, в течение которых происходило складывание в стране современной многопартий-

ной системы, отечественная политическая культура встроила в себя практически весь набор технологий политической рекламы, накопленной в западных демократиях; механически переняв их либо отчасти творчески переработав, приспособив к особенностям и потребностям российской политики вообще и электорального процесса в особенности.

Политическая реклама в условиях модернизационного процесса, определяющего жизнь страны, приобрела своеобразный характер, будучи сосредоточенной на одном весьма ограниченном фронте ее видов, приемов, методов - выборах.

Несмотря на то что в российских условиях прослеживается использование акторами политического (в том числе избирательного) действия практически всех видов политический и электоральной рекламы, значение и эффективность их далеко не однозначны.

Отличительная особенность отечественной рекламы в околовластных делах – ее ориентированность как на самые сложные и современные виды воздействия (прежде всего – телевидение), так и на более традиционные и даже архаичные, вроде политической устной рекламы «фейс-то-фейс».

Причем дифференциация эта строго акцентирована в партийном плане. Если представители партии власти (в настоящий момент представлен прежде всего «Единой Россией») делают ставку на самые технологически лидирующие виды рекламы, особенно телевизионную, то оппозиция (в лице КПРФ), наоборот, строит свою рекламу с преобладанием самых простых и малотехнологичных приемов, архаизируя свою пропагандистскую деятельность.

Это, однако, далеко не всегда равнопрочно слабости той же коммунистической политрекламы. Российский опыт говорит о том, что простота в рекламе не означает ее неэффективности. Наличие разветвленных организационных структур у компартии обеспечивает высокую социальную “плотность” процессов подачи рекламных материалов - которые не транслируются через СМИ, а подаются буквально из рук в руки и от двери к двери, подчас получая даже лучшую отдачу, нежели самые замысловатые PR-акции, прочно вписанные на волны телевизионных новостных и аналитических программ либо страницы прессы.

Здесь четко просматривается и предел возможностей. В стране, где основная масса избирателей той же компартии получает политическую информацию через общенациональные электронные СМИ, ставка на “простые” виды рекламы способна сохранять позиции КПРФ, но не в состоянии принципиально расширить ее электоральный плацдарм.

Это в полной мере сказалось на исходе думских выборов 2003 года,

по ходу которых рекламные акции КПРФ прошли мимо решающей массы избирателей (включая ее сторонников), а атаки на компартию, наоборот, оказались в центре общественного внимания.

Борьба за лучший образ в делах политики (понимая под образом сложные системные образования, представляющие собою комплекс частных имиджей) стала стрежнем любых, более или менее крупных, общественно-политических кампаний в стране.

Однако реализация имеющихся здесь потребностей и возможностей во многом блокируется в России тем, что использование информационного пространства, на почве которого происходит формирование этих образов, носит селективный характер. В полной мере ими могут пользоваться лишь представители партии власти либо союзных ей сил. В несравненно меньшей мере - оппозиция.

Отсюда различия в темпе создания и модернизации образов партий, в интенсивности придания им многогранности, и яркости, популярности.

В целом же анализ российской ситуации на переломе XX - XXI столетий дает основание для вывода о том, что политическая пропаганда в отечественных условиях - как ключевой элемент политического (и электорального) процесса - сложилась только отчасти. Она имеет весьма односторонее развитие, при котором рост одних (и немногих) видов и приемов пропаганды получил достаточно широкое употребление, тогда как ряд других существует лишь в зачаточной форме. Иначе говоря, политическая пропаганда, как система воздействия на общество, пока еще не сложилось. И нередко носит имитационный характер, как бы служа декорацией, за которой эффективно действующие иные средства воздействия на политический и электоральный процессы – в частности, административный и финансовый ресурсы. На общественном пространстве России еще только отрабатываются формы политической рекламной деятельности, адекватные ее национальным возможностям и потребностям.

---

[1] Краткий энциклопедический словарь-справочник. Том “Политология”. – Ростов-н/Д., 1997. С. 259-260.

[2] Краткий психологический словарь. – Там же, 1998. С.195.

[3] Доценко. Е.Л. Психология манипуляции. – М., 1997. С. 44.

[4] Там же. С. 45.

[5] Краткий энциклопедический словарь-справочник... С. 258.

[6] Почепцов Г. Логика пропагандистской войны. Создание виртуальных объектов и манипулирование ими в афганской войне (и не только). – Русский журнал: 26.11.01.

[7] Федеральный звкон № 159 ФЗ от 11.12.2004 г.

[8] Специальный выпуск Вестника ЦИК: 1999, декабрь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы конференций, семинаров и «круглых столов», собранные воедино в этой книге и охватывающие почти два столь трудных для нашей страны десятилетия, в определенной степени дают то новое знание, которое и является критерием научности любой интеллектуальной работы.

На такой дистанции хорошо видно, сколь реальными и эффективными - с учетом событий и перемен, в действительности происшедших в обществе, - могли быть те концепции социально-политического развития, что иногда пунктирно, а нередко и вполне рельефно возникали и прорабатывались в ходе обсуждений.

Ведь, несмотря на то что, по принятому мнению, «история не знает сослагательного наклонения», все реальное бытие общества, как правило, отталкивается в своем развитии как раз от предположений - «что будет, если»…

Сценарии, воплощающие в жизнь то самое «Что будет, если…», и являются основой аналитических проработок практически любых политических (включая государственные) решений. Если решения эти профессиональные и грамотные.

Из таких аналитических посылок и соткана, что называется, ткань собранных в книге материалов. Что-то из подобных гипотез-сценариев не сбылось и стало достоянием прошлого. Что-то, наоборот, буквально выросло из, казалось бы, случайных, походя сделанных предположений, и определило в немалой мере особенности развития всего общественного транзита.

Так что книга, предложенная читателям, - это памятник времени и идеям, которые его сопровождали. А подчас и не только сопровождали, но и служили его изменению и даже непосредственно меняли его.

Центр исследований политической культуры России

На переломах эпох
Политическая трансформация российского общества
Из материалов научно-практических конференций, симпозиумов, “круглых столов”. 1989-2006

Составители:
Сергей Иванович Васильцов
Сергей Павлович Обухов

Авторы докладов:
С.И.Васильцов, Ю.В.Емельянов, К.Ф.Колесникова, В.К.Коломиец, Б.О.Комоцкий, А.А.Королев, С.П.Обухов, В.П.Пешков, Е.Б.Шабарова и др.

Научное издание

ISBN 5-93360-003-2 (978-5-93360-003-9)

Оформление и верстка Ю.П.Ляшук

Подписано в печать 27.10.2006 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60 x 90 1/16
Усл. печ. л. 26,1
Тираж 500 экз.

Типография издательско-полиграфического центра “Маска”
Москва, Электролитный пр-д, д.7А, стр. 6
Тел.: 5802971